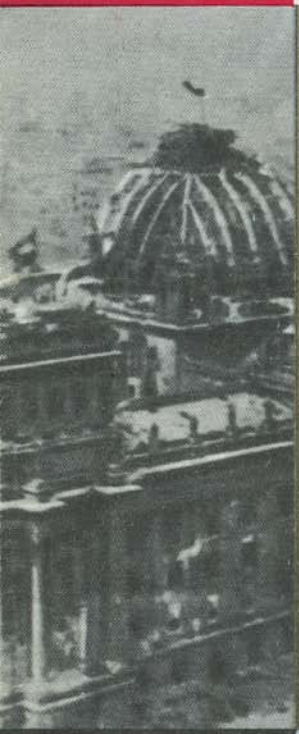
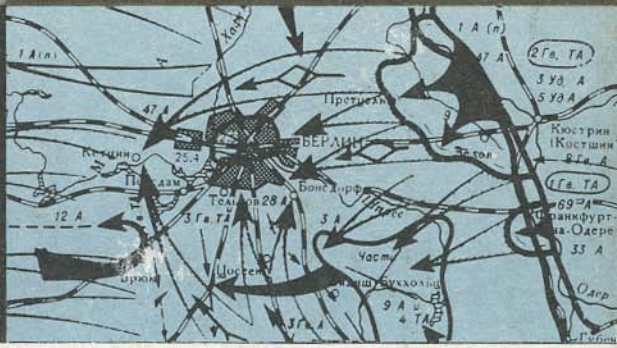
ЖУКОВ





Н. Яковлев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК
722

Николай Яковлев

ЖУКОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1992

ББК 63.3(2)722.78
Я 47

Я 4702010201—003 / 078(02)—92 066—92

ISBN 5-235-01703-X (2-й з-д)

© Яковлев Н. Н., 1992 г.

ОТ АВТОРА

В конце минувшего столетия в деревне Стрелковке Калужской губернии стоял осевший на угол дом в два окна с одной комнатенкой. От ветхости стены и крыша поросли мхом. Оно и понятно, дом был поставлен где-то в начале XIX века. В нем в николаевское время, в царствование Николая I, жила бездетная вдова Аннушка Жукова.

Сердобольная бездетная женщина, она взяла из приюта двухлетнего мальчика, брошенного там трехмесячным младенцем с запиской: «Сына моего зовите Константином». Подкидыш! Это был отец будущего Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, родившегося 19 ноября по старому, 2 декабря по новому стилю 1896 года.

Как все-таки в нашу эпоху сжалось время. От исторических событий нас, в сущности, отделяет немного, мы чуть ли не их современники. Отец Г. К. Жукова родился в расцвет царствования Николая I, его сын скончался в эпоху Л. И. Брежнева. И все потому, что Егор был поздним ребенком и прожил, как и отец, почти все библейские восемьдесят. Аннушка Жукова, а в ее деревне было множество Жуковых, взяла ребенка в начале сороковых годов XIX века. Ему еще не исполнилось и восьми лет, как добрая приемная мать умерла.

Мальчик пошел в обучение к сапожнику и тем приобрел средства к существованию на всю жизнь. Он женился на матери Егора поздно — в 50 лет, ей было 35. Для обоих второй брак, в первом оба рано овдовели. Так что Егор появился на свет, когда отцу было хорошо за пятьдесят, а матери под сорок.

Деревня Стрелковка... Надо думать, название восходит к тем далеким временам, когда в ней жили стрельцы, стоявшие на страже русских рубежей. Едва ли жившие тогда в Стрелковке помнили об этом: сме-

нилось слишком много поколений. В детстве Жукова деревня если и выделялась из тысяч русских деревень, то в худшую сторону. Бедность, земля — сплошной песок — рожала плохо. Мужчины — по большей части на отхожем промысле, в поле — женщины и дети.

Отца Жуков видел мало, он сапожничал в городах. Мать билась на тяжелой работе. Заработки... «Я думаю, — напишет на склоне лет Г. К. Жуков, — нищие собирали больше». Еще он напишет: «Спасибо соседям, они иногда нас выручали то щами, то кашей. Такая взаимопомощь в деревнях была не исключением, а скорее традицией дружбы и солидарности русских людей, живших в тяжелой нужде». Взращенной веками солидарности, проявлявшейся и на ратном поле, и тогда, когда нужно было выжить в неурожайные годы. На этом стоит жизнь человека. Просто и понятно, доступно разумению мальчика.

Когда пришел вечер жизни, Жуков часто возвращался к детству. Он отчетливо помнил, как в церковноприходской школе семи лет попал к «хорошему человеку», первому учителю Сергею Николаевичу Ремизову. Мудрый народный учитель, вводивший своих маленьких питомцев в XX век. Учивший их, как подсказывало сердце, и никогда не повышавший голоса на деревенских ребят. «Отец Сергея Николаевича, — еще припоминал Жуков, — тихий и добрый старичок, был священником и преподавал в нашей школе закон божий». Как подобает пастырю, он не уставал говорить о прекрасном мире божьем.

А тогда вокруг Стрелковки росли липовые рощи и березовые перелески. Разнотравье, земляника и полевая клубника, грибы. На мягком лугу, что недалеко за околицей, молодежь водила хороводы. В погожую погоду, а в ненастье собирались в крестьянских избах. Даже в восьмидесятые глубокие старухи в окрестных деревнях вспоминали огневого парня с трехрядкой. Жоржиком звали его. Анна Васильевна Синельщикова показывала заезжему корреспонденту книгу с дарственной надписью: «А. В. Синельщиковой — другу моего детства на добрую память». Сморщенная старушка — это та незабвенная для Г. К. Жукова певунья и плясунья на деревенском празднике цветов, где в центре внимания был он, ладный мастеровой, приехавший из Москвы.

Всякое бывало на тех деревенских посиделках.

Как-то пригласил Георгий несколько раз подряд Маню Мельникову. А рядом ее обожатель Филя, работавший на почте и имевший право носить оружие. Он с наганом к Егору: смотри, если еще раз станцуешь с Маней! Георгий выхватил у ревнивца наган, забросил в крапиву и снова пошел в танце с Маней. Бывало, и обменивались тумаками, наш герой в долгу никогда не оставался.

В тридцатые годы он прислал лес, дал деньги, отстроил матери новый дом. Сожгли немцы. После войны Жуков поручил поставить пятистенок, две комнаты в три и пять окон, поблизости от места, где стоял домишко его детства. «Велел там устроить избу-читальню, — говорил маршал Жуков. — А вечерами чтобы девчата приходили плясать. Я, когда молодым был, очень любил плясать. Красивые были у нас девушки!»

В начале шестидесятых появление уже тогда архаичного ЗИС-110 наделало переполоха в Стрелковке. На могилу отца приехал Маршал Советского Союза Жуков. Поклонился, встретился с односельчанами. Терзающей сердце тоской пронизан его рассказ об увиденном: «Одни женщины! Бывшие мои приятельницы, с которыми плясал, — старые, одетые страшно бедно.

— Что же, — говорю, — так плохо живете, как нищие?

— Мы и есть нищие. После войны все еще не обстроились — не избы, а чуланы. Огороды порезали, коров отняли.

Я им говорю:

— Возьмите мой дом, пользуйтесь.

— Средств нет, чтобы поднять.

Я Ворошилову сказал:

— Ты пошел бы и рассказал Хрущеву, до чего деревня дошла.

А он мне: «Нет, я хочу, чтобы меня похоронили на Красной площади». Выслужил, как известно, заветное отличие».

А тогда, в горькую встречу с подружками юности, махнул маршал рукой, тяжело влез в ЗИС-110 и уехал. Уплыла назад нищая деревня, вокруг распаханные под посевы поля. На месте тех памятных по детству и юности липовых рощ и березовых перелес-

ков, вырубленных под корень в краткосрочную немецкую оккупацию тех мест.

Сомнений не было, из самой что ни есть бедноты происходил маршал. Но все же на склоне лет Жуков нет-нет да и задавался вопросом: кто были его предки? Ответа так и не нашел. Но и не был обескуражен, что не мог проследить свою родословную по линии отца дальше его самого. Георгию Константиновичу было достаточно — отец родился в России, был главой небольшой, сплоченной семьи, воспитавшей по своему разумению трудового, честного человека. А если прибегнуть к обобщению — сыном русского народа.

Кровную связь с народом Г. К. Жуков пронес через всю свою жизнь. Судьбы Родины и семьи для него были неотделимы. В семье, в окружающей его жизни он черпал силы для служения Отчизне, а на священной службе Отчизне выполнял свой долг перед семьей, народом. Защищая Родину, он защищал жизнь родных и близких. Заглянем в одно из немногих писем Георгия Константиновича жене Александре Диевне и дочерям Эре и Элле в Великую Отечественную войну. Считанные строки этого письма лучше, чем библиотека книг, отражают внутренний мир прославленного полководца. Итак:

«Действующая армия.
10.2.44

Дорогая моя!

Шлю тебе свой привет. Крепко-крепко целую тебя одну и особенно вместе с ребятами.

Спасибо за письмо, за капустку, бруснику и за все остальное.

Дела наши идут, в общем, хорошо. Все намеченные дела армией выполняются хорошо.

В общем, дела Гитлера идут явно к полному провалу, а наша страна идет к безусловной победе, к торжеству русского оружия.

В общем, фронт справляется со своими задачами, дела сейчас за тылом, тыл должен очень много работать, чтобы обеспечить потребности фронта, тыл должен хорошо учиться, морально быть крепким, тогда победа наверняка будет за русскими.

Крепко, крепко тебя целую.

Твой Г. Жуков».

В коротком письме, как в капле — море, весь Жуков. Он жил только интересами войны, для него

вдохновенный труд фронта и тыла — повседневная, тяжелая и опасная работа. Всего народа. Так и будет завоевана, обязательно завоевана Победа. А личный вклад в нее? Маршала мало заботила слава сама по себе. О ней позаботилась история, а уточнения еще за историками. Пока обделен по более чем понятным причинам наш национальный герой биографами.

Что до писателей, то тут дело проще и сложнее. Расцвет жизни Жукова приходится на десятилетия сталинщины, в которой писатели занимали особое и привилегированное положение. Сталин создал, если угодно, усеченное гражданское общество, но и оно не могло жить без полемики, разномыслия, анализа и самоанализа. Обширный надел для этого и отрезали на литературной ниве, и очень щедро — легионы читателей шли по следам Григория Мелехова, ходили по мукам с героями А. Н. Толстого. Да мало ли книг гремело тогда! Вспыхивали дискуссии по сути литературные, но эффективно заместившие политические дебаты. Писатели же принимали себя всерьез, как-то упуская, что их дело — быть мастерами слова, но не политиками. Они всерьез приняли горьковские дипломы инженеров человеческих душ.

Убежденный в непогрешимости и весомости своих суждений, Твардовский, по основной профессии поэт, изрек в феврале 1969 года по прочтении рукописи К. Симонова о Жукове:

— Это так хорошо и интересно. Конечно, Симонову не скажешь, зачем он пишет свои скучные романы, ему надо писать такое, он же может стать советским Моруа.

Рассказал верным журналистам (разговор происходил в редакции «Нового мира») разные эпизоды, почерпнутые из рукописи, и наставительно заключил:

— Понятно, что такие военачальники, как Жуков, пожалуй, всерьез думают, что серьезное в истории — это войны, а между войнами так, вынужденная пустота, и ничего важнее войн нет. Может, так прямо они и не думают, во всяком случае, не скажут, но все равно у них главная деятельность — это война, а между войнами они только готовятся к войне. Это страшная особенность их профессии.

Один из хроникеров считающегося ныне героическим периода жизни «Нового мира» тщательно зано-

сил мудрейшие сентенции главного редактора на скрижали истории журнала, а в 1990 году напечатал в нем же эти записки. Боюсь, что претенциозная проза поэта мало помогает постижению смысла деятельности стратега. Писательское высокомерие, восходящее к особым льготам, дарованным им при сталинщине, оказалось поразительно живучим.

Тот же Симонов удивлялся, рассказывая о Жукове: «Мне пришлось впервые столкнуться в военной среде с теми же самыми спорами о талантах и способностях, и притом почти в той же непримиримой форме, в какой они происходят у братьев писателей. Я не предполагал встретиться с этим на войне и поначалу удивился... Была та же увлеченность и безапелляционность, которая нередко бывала в наших собственных разговорах, когда мы, молодые питомцы Литературного института, категорически настаивая на талантах своих любимых поэтов и учителей, попутно развенчивали всех остальных». Да, для оценки военного гения, каким был Г. К. Жуков, нужны иные профессиональные навыки, а не писательские суждения, замешенные на эмоциях. Коротко говоря, нужно обращение к истории.

Чем дальше в прошлое уходят годы Великой Отечественной войны, тем все рельефнее и крупнее вырисовывается на фоне величайших битв тех лет облик Г. К. Жукова. Как было принято писать при его жизни — верного сына нашей Родины и Коммунистической партии Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза.

Он в изобилии наделен теми качествами, которые делают великого полководца. Широта и глубина охвата явлений и событий при оценке военной и военно-политической обстановки, глубина проникновения в замыслы и действия противника, реализм в оценке соотношения сил. Таким он был при подготовке операций. А в горниле сражения — несгибаемая воля в достижении поставленных целей в самых сложных условиях (под его руководством невозможное становилось реальностью, как это было при обороне Москвы), величайшая активность и навязывание своей воли противнику (как это было под Ленинградом), решительность и отсутствие каких-либо колебаний при выполнении крупных оперативно-стратегических решений, когда обстановка была до предела сложной и

запутанной, — всеми этими чертами выдающегося полководца во всей полноте обладал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Он никогда не пытался делать все сам. Он обладал важнейшим качеством — умением сплачивать и привлекать к самой активной работе подчиненных, командующих и командиров, штабы и политорганы. Жуков был признанным организатором боевой работы крупных военных коллективов, руководивших фронтами и группами фронтов.

Общеизвестно и другое. Сколько упорного труда он вложил, чтобы развить в себе качества победоносного военачальника. Как он умел учиться сам и настойчиво, творчески и инициативно учить других в мирное время и на войне.

Об этом свидетельствовали его боевые друзья — видные советские полководцы. С ними у Г. К. Жукова была великая общность, с первых лет жизни. «Когда я написал воспоминания о своих детских годах и юности, — рассказывал Жуков, — я перечитал их и подумал: до чего же похожи биографии всех наших генералов и маршалов, почти каждый из какой-то далекой деревеньки или села, почти каждый из бедной, чаще крестьянской семьи. Удивительное сходство!» Они и выросли вместе в рядах Красной Армии.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, служивший с ним плечом к плечу, вспоминал о двадцатых годах, когда их пути сошлись во время учебы в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде: «Жуков, как никто, отдавался изучению военной науки. Заглянем в его комнату — все ползает по карте, разложенной на полу. Уже тогда дело, долг для него были превыше всего».

Так чему же он учился? Жуков овладевал теми знаниями, которые давала советская военная теория. Недавний кавалерист, он буквально вживался в теорию современного глубокого боя — проведение операций танковыми и механизированными соединениями. Пытался и очень успешно оценивать роль авиации в военном искусстве. Особенно действия на острие танковых клиньев. Он отлично знал футурологические по тем временам концепции западных военных теоретиков — Дуэ, Митчелла, Фуллера. Выделял рациональное зерно из их нередко произвольных построений, брал то, что применимо в боевых действиях, как они,

по предвидению Жукова, должны были развиваться.

Он был человеком, отличавшимся «решительным и жестким характером», написал о Г. К. Жукове его другой боевой товарищ, Маршал Советского Союза А. М. Василевский. И далее: «Жуков решал вопросы смело, брал на себя полностью ответственность за ведение боевых действий... Думаю, не ошибусь, если скажу, что Г. К. Жуков — одна из наиболее ярких фигур среди полководцев Великой Отечественной войны». Так где же точно его место в плеяде прославленных маршалов, приведших нашу армию к Победе? В официальных случаях мы перечисляем их по алфавиту, но список-то открывает Жуков. Первый среди равных!

И еще. Время рождает своих героев. Г. К. Жукову было суждено жить в великое время, в расцвете сил и военного таланта он встретил испытание, обрушившееся на наш народ, — великую и тягчайшую войну против озверевшего фашизма. Он жил этой войной, сделал все, что было в его силах, для Победы. В суровом военном противоборстве и проявились качества характера, которые сделали Жукова тем, кем он вошел в историю.

Имя и дела Георгия Константиновича Жукова известны далеко за пределами наших рубежей. Возьмем Соединенные Штаты. Крупный американский публицист Гаррисон Е. Солсбери написал книгу «Великие битвы маршала Жукова». Она вышла в 1969 году и с тех пор многократно переиздавалась. В ней о Г. К. Жукове сказано: «Когда история завершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового, решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями. Он поворачивал течение битв против нацистов, против Гитлера не раз, а много раз».

Американский военный историк Мартин Кайден в книге «Тигры горят» (1974 г.) разъяснял своим соотечественникам: «У нас, на Западе, были крупные военные. На память приходит генерал Джордж Паттон. Были фельдмаршал Бернард Л. Монтгомери и генерал Дуглас Макартур. Были и другие военные гиганты. Адмирал Честер У. Нимиц, генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр. Но много ли исследователей теперь ушедшей в прошлое второй мировой войны сразу назовут имя Георгия Жукова? Сколько из них знают, кто он был и что сделал? Многие ли понимают, что Жуков действительно был, по самой точной характеристике Гаррисона Е. Солсбери, «полководцем полководцев в ведении войны массовыми армиями двадцатого столетия»? Он нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник или группа их во второй мировой войне. В каждой битве он командовал более чем миллионом людей. Он вводил в дело фантастическое количество танков. Немцы были более чем знакомы с именем и сокрушающим мастерством Жукова, ибо перед ними был военный гений». Он был, заканчивает Кайден, «чудо-маршалом», а Солсбери особо выделил: «Он знал назубок всю классическую военную литературу от Цезаря до Клаузевица».

Калейдоскоп имен западных полководцев, звездопад на их погонах, почести и слава, причем прижизненная. Как резко отличался путь нашего русского военачальника. Выдающийся ученый-оборонщик, имя которого мы узнали только в последнее время, лауреат всевозможных премий и носитель высших ученых степеней и званий С. П. Непобедимый в 1990 году рассказал о том, что назвал «русской работой». Он, рассуждая о судьбах отчизны, заметил:

«Я немного отвлекусь в сторону военной истории. Один из ярчайших полководцев XX века — Георгий Константинович Жуков. Он не был утонченным интеллигентом с изысканными манерами — он был русским солдатом с маршальскими погонами на плечах, но превзошел всех немецких фельдмаршалов-аристократов с богатой рыцарской родословной, разбил их тевтонские армады. Когда в Г. К. Жукове пытаются выискивать какие-то недостатки и пытаются принизить его величие, я сразу вспоминаю чье-то меткое выражение: а попробовали бы его соперники повоевать под командованием Джугашвили! И как в конце концов обошлись с народным героем?..

Вспомнил я о маршале Жукове вот почему. Люди, добивающиеся выдающихся результатов в условиях наибольшего неблагоприятствования, несомненно, талантливее тех, кто работает в парниковых условиях, ни в чем не нуждаясь».

В этом и таится трудность любого исследования о жизни Георгия Константиновича Жукова. Ему прихо-

дилось наступать на горло собственной песни, пытаться жертвовать малым ради большего в глухих лабиринтах сталинщины. Увы, полководец никогда не обладал качествами царедворца, отсюда перманентный конфликт с конформистами. При ретроспективном взгляде он выигрывал, но от этого не было легче тогда, в жизни. Притеснявшие Жукова при жизни круто обходились с памятью о нем после кончины великого солдата. Они нашли последователей и подражателей. В этой книге один из ближайших верных соратников Г. К. Жукова, маршал авиации С. И. Руденко, видел прорыв заговора против памяти полководца. Приветствуя ее выход в 1986 году в «Роман-газете», С. И. Руденко написал:

«Давно назрело время получить объективный, впечатляющий рассказ о нашем полководце. В этой книге и сделана попытка показать Маршала Советского Союза Г. К. Жукова в зените его полководческой деятельности. Разумеется, о Г. К. Жукове написано немало, но в таком масштабе, как в книге Н. Яковлева, это первая попытка, и достоинство ее в том, что в ней рассказано о полководце Жукове в динамике боевых действий, в описании военных событий и влиянии полководца на ход и результаты этих событий...

Трудности, стоящие перед автором, понятны: ведь его работа — строго документальная биография. И нельзя, естественно, предъявлять к такой книге требования как к комплексному исследованию всей проблемы...

...Незабываемая весна 45-го. Свежий ветер Победы. Под Берлином 48-летний маршал Жуков собрал нас, генералов, командующих армиями (вступающих в четвертый десяток жизни), для отработки задач и действий завершающей Берлинской операции. Четкие и ясные указания нашего командующего, ни в чем не стесняющего инициативу подчиненных, были для нас организующим началом в планировании и проведении операции. Таким он был, таким остался в памяти и таким показан в этой книге.

Пусть встреча с Георгием Константиновичем Жуковым на страницах этой первой биографии прославленного полководца положит начало доброй традиции — любая публикация о нем будет рассказом о том, что дает труд, прилежание и сила характера русского советского человека».

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

Если оглядеть местность от деревни Стрелковки, то откроется знакомый и дорогой сердцу каждого русского пейзаж средней полосы России. В широко раскинувшейся низине вьются и петляют две речки — Протва и Огублянка. Ничем не примечательные для постороннего, но как много говорившие Г. К. Жукову. Как-то упустив, что от детских лет ушло куда больше полустолетия, он, глубокий старик, наставлял в мемуарах: «Хорошо ловилась рыба в реках Огублянке и Протве».

Пошел, пошел знаток перечислять, что в Огублянке, мелкой тинистой речке, у ее истоков, что у села Болотского, местами было глубоко и там водилась крупная рыба. А у самой Стрелковки корзинами ловили множество плотвы, окуня и линя. Двоюродный брат и почти ровесник Егора Жукова Михаил Пилихин, переживший маршала, еще добавлял о детских забавах: «Время проводили на реке Протве. Ловили рыбу и тут же на костре ее жарили и с большим аппетитом ели». Забавы? Для Миши Пилихина, сына богача, очень возможно, Егору запало в память другое: «Случались очень удачные дни, и я делился рыбой с соседями за их щи и кашу».

Бедность, сокрушительная, унизительная, не дававшая головы поднять, была уделом семьи сапожника Жукова. Скорее по этому можно было выделить их детей — Егора и старшую сестру Машу — среди ребят пяти деревенских однофамильцев, а только потом уточнить по имени матери — Устиньины. Она была замечательной женщиной — Устинья Артемьевна Жукова, наделенная жестким, неуступчивым характером и невиданной в деревушке физической силой. Она родила погодков Машу и Егора, в возрасте сорока с небольшим лет мальчика, названного Алексеем. Около года болезненный малыш был в центре забот семьи. Ему предрекли: не жилец на этом свете, так и оказалось. На склоне лет Жуков припоминал материнские слезы и слова:

— А от чего ребенок будет крепкий? С воды и хлеба, что ли?

Егор с сестренкой часто посещали могилку брата в селе Угодский завод.

Отец сапожничал в Москве, а когда летом жил в деревне, то чинил обувь односельчанам. Он никогда не брал много за свой труд, что не проходило мимо внимания Устиньи, корившей мужа за мотовство. Она, занимавшаяся всю зиму извозом, знала цену деньге. За ездку из Малоярославца до Угодского завода плата рубль — рубль двадцать. Своя лошадь и телега. И так всю осень и зиму. «Мы, дети бедняков, видели, как трудно приходится нашим матерям, и горько переживали их слезы», — напишет маршал Жуков.

Но детство есть детство, пусть голодное, бедное. Хотя отец признавал в качестве лучшего средства воспитания шпандырь (сапожный ремень) и без задержки пускал его в ход, а мать нередко была суровой, Егор горячо любил родителей и чтил их память всю жизнь. Мальчик рано понял, что отец и мать, пусть иной раз очень болезненно, стремились наставить его на путь истинный, в их понимании, разумеется. Пришло очередное лето. «Ну, Егор, ты уже большой — скоро семь, пора тебе браться за дело. Я в твои годы работал не меньше взрослого», — сказал отец.

Пошло приобщение к крестьянскому труду. Началось с волнующего сенокоса, а там — жатва. Серпом, мать специально купила для сына. Подошло и время в школу, в церковноприходскую, что в селе Величкове. Полтора километра через луг от Стрелковки. В середине восьмидесятых неправдоподобно громадная ветла отмечает место, где стояла школа. Удар по детскому самолюбию — Егора отправили в школу со сшитой из холстины сумкой. Он было заартачился, с сумой ходят только нищие. Мать и отец в один голос объяснили: заработают денег, купят ранец. Ждать пришлось порядочно.

Егор учился на круглые пятерки, хотя на его не по возрасту широкие плечи постепенно переместился нелегкий труд домашнего хозяйства. Все же он находил время кататься на лыжах с Михалевых гор, а зимой гонять на самодельных коньках по льду Огубляпки. Но радость из радостей — идти на охоту с «хромым Прошкой», братом крестной матери, половым в трактире. Страстный охотник, Прохор без промаха стрелял летом уток, которых из камышей доставал ловкий Егор. Зимой ходили на зайцев, которых тогда было не счесть. Практичный Прохор нередко бил зайцев из-под загона Егора. Надо думать, писал маршал, что страсть к охоте ему привил Прохор.

1906 год — рубеж в жизни мальчика. Он окончил трехлетнюю церковноприходскую школу отличником. Получил похвальный лист. В этом же году из Москвы вернулся навсегда в деревню отец. Сапожник отнюдь не был кротким человеком, полиция отметила его среди недовольных стачечников и демонстрантов. Константину Жукову отныне было запрещено проживание в столице. Он отметил успехи сына в учебе — сам сшил сапоги, мать подарила рубашку.

На семейном совете отец было рванулся отправить сына в Москву учиться ремеслу. Мать отговорила: хотя бы пожил в деревне «еще годик». То был печальный год, с щемящим чувством Егор размышлял о будущем. Тогда едва бы он точно сказал, что он хотел. Маршал Жуков коротко написал о своих переживаниях накануне отрочества: «Я понимал, что, по существу, мое детство кончается. Правда, прошедшие годы можно было лишь условно назвать детскими, но на лучшее я не мог рассчитывать».

Он прочитал множество книг, кажется, все, что были в скромной школьной библиотечке. Постепенно мальчик пришел к выводу, что вся мудрость жизни заключена в книгах, а если так, то нужно быть среди делающих книги. А где их готовят? Разумеется, в типографии! Посему Егор без малейших колебаний объявил отцу — он не видит для себя иного ремесла, кроме работы в типографии. Отец одобрил выбор сына, но, увы, нет знакомых, которые бы взялись определить Егора учеником в типографию. Отец к этому времени стал сдавать, когда выдавался приличный заработок, возвращался из Угодского завода, деликатно напишет сын, «подвыпившим», а «мать часто ругала отца» отнюдь не за это, а за то, что «так мало брал за работу». Вот такими глазами смотрел сын на родителей, бившихся в нужде.

Выход был рядом. Родной брат Устиньи Михаил Пилихин, также выросший в страшной нужде, из мальчика-ученика в скорняжной мастерской бережливостью и оборотистостью превратился в мастера-меховщика. Теперь он имел собственную мастерскую. Мать сговорилась с братом, и отец повел Егора к будущему хозяину. Когда они пришли в село Черная Грязь, где Пилихин построил большой дом из крас-

ного кирпича (сохранился по сей день), отец показал сидевшего на крыльце человека и сказал:

— Когда подойдешь, поклонись и скажи: «Здравствуйте, Михаил Артемьевич».

Егор горячо возразил, что обратится к нему «дядя Миша».

— Ты забудь, что он тебе доводится дядей. Он твой будущий хозяин, а богатые хозяева не любят бедных родственников. Это ты заруби себе на носу.

Зарубил. Подвинулся Егор в понимании своего места в жизни. Дядя, к этому времени владелец капитала тысяч в пятьдесят, держал мастерскую в Москве, в которой трудились 8 скорняков и 4 мальчика-ученика. Он согласился взять Егора. Условия обычные — четыре с половиной года мальчиком, потом мастер. О чем отец с сыном и доложили матери по возвращении. Устинья Артемьевна поинтересовалась, угостил ли чайком братец?

Навсегда запомнил Жуков ответ отца:

— Он даже не предложил нам сесть с дороги. Он сидел, а мы стояли, как солдаты. — И зло добавил: — Нужен нам его чай, мы с сынком сейчас пойдем в трактир и выпьем за свой трудовой пятачок.

Едва ли с меньшей силой врезались в память подростка слова, которые заставил любимый Пушкин произнести впавшего в нищету рыцаря: «О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!» Он ехал в Москву отнюдь не потому, что не мог жить без иглы и наперстка скорняка. В иных обстоятельствах Егор мог бы приобрести другую профессию. Правда, традиционный выбор был невелик — из Малоярославецкого уезда мальчики приобретали в столице специальности скорняков и булочников. Если бы случилось чудо, он стал кем-нибудь другим. Но чуда не произошло. Единственно, что можно заключить достоверно, он ехал, чтобы разжать тиски нищеты, а потом видно будет. На первых порах хотя бы утолить терзавший с детства голод.

В Москве, как выяснил в первый же день по приезде Егор, чудес по этой части не предвиделось. Его привели в мастерскую Пилихина, познакомился с мастерами и мальчиками. Позвали обедать, и «тут случился со мной непредвиденный казус. Я не знал существовавшего порядка, по которому вначале из общего большого блюда едят только щи без мяса, а под конец, когда старшая мастерица постучит по блюду, можно взять кусочек мяса. Сразу выловил пару кусочков мяса, с удовольствием их проглотил и уже начал вылавливать третий, как неожиданно получил ложкой, да такой удар, что сразу образовалась шишка...

Старший мальчик Кузьма оказался очень хорошим парнем.

— Ничего, терпи, коли бить будут, — сказал он мне после обеда, — за одного битого двух небитых дают».

* * *

Итак, двенадцатилетний Егор поступил мальчиком-учеником в мастерскую Пилихина, помещавшуюся тогда во дворе рядом с квартирой хозяина в Камергерском переулке (ныне проезд Художественного театра), в доме № 5. Парадный ход с переулка, мастера и мальчики ходили только с черного. Ученики вставали в шесть утра и готовили все нужное для мастеров, которые приходили в семь и работали до семи вечера с часовым перерывом на обед, здесь же в мастерской. Рабочий день для них одиннадцать часов. Для мальчиков даже больше, вечером после ухода мастеров приборка помещения. Спать в одиннадцать на полу в мастерской, в холодные дни на полатях, устроенных в прихожей с черного хода.

В обязанности мальчиков-учеников еще входило обслуживание хозяйства Пилихина. Егор бегал в Охотный ряд за мясом, рыбой, зеленью. Жуков в воспоминаниях отзывался о годах ученичества как о времени, когда приходилось «тянуть тяжелое ярмо, которое и взрослому было не под силу». Он «стоически переносил нелегкий рабочий день». Конечно, Егора учили, начав с основательного знакомства с владением иглой. Конечно, рядом были опытнейшие меховщики, среди них нередко добрые и порядочные люди, приобщавшие учеников к сложному скорняжному искусству. Егор учился прилежно и настойчиво, быстро приобретая навыки умелого работника. Стимулы были перед глазами — некоторые из недавних учеников Пилихина уже завели собственное дело, а он быстро и сильно богател.

Но строй жизни и ученичества был страшным.

Мальчика-ученика били все — хозяин, мастера и мастерицы, «не отставала от них и хозяйка». Били за провинность, оплошность или просто так, срывая дурное настроение. Егор, конечно, не был агнцем и во всяком случае давал отпор ровесникам. А когда он подрос, то сам стал раздавать подзатыльники младшим ученикам, благо судьба не обделила Егора силой.

Никто, конечно, не спросил бы с хозяина, по словам Жукова, «за нечеловеческое отношение к малолетним», но вот за духовное здравие хозяин строго спрашивал с себя. По субботам он поручал водить их в церковь к всенощной, к заутрене и обедне по воскресеньям. Нередко хозяин, особенно по праздникам, сам вел учеников в Успенский собор в Кремль. Он пробирался к алтарю, поближе к хору, которым руководил Н. С. Голованов, в советское время главный дирижер Большого театра. Голованов и его жена, знаменитая певица А. В. Неждановa, были хорошими знакомыми меховщика М. А. Пилихина.

Пока он истово молился и наслаждался хором, Егор с приятелями бродили по Кремлю, а, услышав перезвон колоколов и звуки «Отче наш», означавшие конец службы, они сбегались к входу в собор и благочестиво возвращались домой с хозяином. Иногда Пилихин, многомудрый хозяин, в святой простоте увлекал их в храм Христа Спасителя. Увы, красота величественного собора проходила мимо внимания будущих скорняков. Религия никак не трогала сердца мальчиков-учеников, церковь они не любили и, как могли, избегали служб. Их разве привлекал громоподобный голос протодьякона Розова, ревевший под сводами Успенского собора.

Если говорить о духовной сфере, то мысли Егора были устремлены к учебе, в чем он видел и практический смысл. Погодок, старший сын Пилихина Александр, взялся учить Егора тому, что он, видимо, не очень твердо знал, в том числе немецкому языку. Ученик оказался требовательным, а главное, знающим. Не только потому, что Александр признавал в своей педагогической системе помощь журналов, которые всучал Егору с туманными указаниями «познакомиться». Ученик жадно читал газеты после мастеров и покупал книги.

Крепкого парня, каким постепенно становился

Егор, часто посылали к заказчикам отвезти меха. Давали пятак или гривенник на конку, иной раз путь предстоял далекий. Егор предпочитал мерить ногами московские версты, а на сбереженные монеты покупать книги. Конечно, хотелось бы, чтобы наш герой приобретал научно-познавательную литературу. Но соорудить стройную концепцию научных интересов тогдашнего Егора, к сожалению, не удастся. Он торопился следить за приключениями Шерлока Холмса и менее известного сыщика Ника Картера, проглатывая книги об их дивных приключениях.

Занятия с Александром, постепенно превратившиеся почти в самостоятельные, продолжались с год. Быстро взрослевший Егор понял, что без системы продолжать учебу невозможно. Он поступил на вечерние общеобразовательные курсы, окончание которых давало права выпускника городского училища. Трехгодичные курсы он окончил с отличием. С 1911 года, когда Егору исполнилось 15 лет, его стали величать Георгием Константиновичем. Он перешел в разряд старших мальчиков, которому подчинялись трое мальчиков-учеников.

Наблюдательный Пилихин открыл у Георгия талант — умение работать в магазине. На третьем году учебы на скорняка Георгий все больше времени работал в магазине. Хозяин послал его на знаменитую Нижегородскую ярмарку с приказчиком, который распустил руки и в ответ получил удар дубовой палкой по голове. Когда приказчик упал без сознания на пол лавки, Георгий порядком испугался — убил! К счастью, обошлось, но по возвращении в Москву Пилихин не стал разбираться, и Георгию в который раз пришлось почувствовать тяжелую руку хозяина. Но это было, пожалуй, в последний раз, обучение заканчивалось.

В 1912 году Георгий в первый раз получил десятидневный отпуск и навестил родных в Стрелковке. Родители за четыре года состарились, сестра заневестилась. 69-летний отец как-то непонятно встретил сына, не делясь своими мыслями, он только промолвил: «Взрослый, крепкий». Георгий дал ему рубль «на трактирные расходы». Суровая мать не одобрила — хватило бы двадцати копеек. Старик поморщился, мать омрачила встречу «разговором о нужде». Г. К. Жуков хорошо запомнил, что подарил матери в

тот первый отпуск — три рубля, два фунта сахара, полфунта чая и фунт конфет.

В конце того же, 1912 года свершилось: обучение у Пилихина окончилось. По обычаю Георгию дали небольшую премию и полную экипировку — костюм-тройку, пальто демисезонное, пальто зимнее на меху с каракулевым воротником, белье, обувь. Так полагалось одеваться молодому мастеру, прошедшему обучение в известной к тому времени фирме Пилихина. Безукоризненно честный и предельно аккуратный, Георгий выделялся среди работавших у Пилихина, который стал давать ему все более ответственные поручения. Отправка товаров, получение денег в банке по чекам или внесение на текущий счет. Георгий для себя сделал выбор между мастерской и магазином, где «приходилось вращаться среди более или менее интеллигентных людей, слышать их разговоры о текущих событиях».

Посетители, конечно, толковали преимущественно о делах, что прежде всего профессионально интересовало мастера, подвизавшегося в роли приказчика в магазине. Интерес к политике почти полностью удовлетворяли беседы со старым мастером Ф. И. Колесовым, всегда по-доброму относившимся к Жукову. В своих воспоминаниях маршал сказал сущую правду о значении политики для тех, кто считался кустарями, куда входили скорняки. Близко к нулю. Каторжная работа просто не оставляла времени ни на что сверх заботы о куске хлеба. Георгий успевал больше. Он снял койку в доме в Охотном ряду. Сдала вдова Малышева. Георгий влюбился в ее дочь Марию, и они решили пожениться.

Почему нет? В 1914 году он был видным женихом в своей округе, мастер-меховщик. Жалованье 25 рублей в месяц, кстати, ровно столько, сколько Пилихин положил своему старшему сыну Александру.

1914 год опрокинул судьбы народов, а об отдельных людях и говорить не приходится. Когда до Москвы докатилась весть об объявлении войны Австро-Венгрией и Германией, то Белокаменная вспухла манифестациями. Георгий едва ли вникал в смысл лозунгов, он с профессиональным прищуром стоящего за прилавком следил за тем, как ура-патриоты громили магазины австрийских и немецких фирм. Той же участи подвергались магазины, принадлежавшие иностранцам вообще. Были бы иностранные имена на вывесках. В патриотическом ликовании он издалека, даже не подходя к местам патриотических шабашей, видел: сомнительные типы в разгневанных толпах не столько проявляли праведный гнев, сколько растаскивали товары. Грабили.

Патриотическая волна сорвала с мест зеленую молодежь, юноши, далеко не достигшие тогдашнего призывного возраста — 20 лет, уходили добровольцами. Некоторые, всеми правдами-неправдами миновав запасные полки, оказывались в маршевых батальонах, питавших фронт. Душевный друг Александр Пилихин с горящими глазами уговаривал Егора не идти, а бежать на фронт. Успеть бы к победоносному параду православного воинства в Вене и Берлине! Жуков, оглушенный бурным потоком Сашиных фраз, обратился к тому, кто был своего рода идейным наставником, — неутомимому читателю газет Колесову. Федор Иванович ответил резко, что так не вязалось с его мягкой манерой обращения:

— Мне понятно желание Александра, у него отец богатый, ему есть из-за чего воевать. А тебе, дураку, за что воевать? Уж не за то ли, что твоего отца выгнали из Москвы, не за то ли, что твоя мать с голоду пухнет?.. Вернешься калекой — никому не будешь нужен.

Отказ Жукова последовать за приятелем поставил точку на многолетней дружбе. Выругав Георгия, молодой доброволец тайком от родителей рванул на фронт. Каким-то образом ему удалось очень скоро оказаться на линии огня. Из действующей армии пришло не очень складное, трогательное письмо: «Я, сын своей Родины, не мог оставаться без участия». Через два месяца Сашу привезли тяжело раненным. Только в 1917 году закончился его скорбный путь по госпиталям. Выписали домой. В 1918 году он снова записался добровольцем в армию. В Красную. Убит в том же году под Царицыном.

Пилихин, конечно, не мог предвидеть скорой гибели сына, но и не исключал такой исход. По-своему душевный человек, наставник молодежи, он предложил Егору похлопотать, чтобы его оставили дома на год по болезни, а потом не исключал, что вообще «оставят по чистой». Выслушав гордый ответ Георгия Константиновича — здоров и готов идти на фронт,

хозяин отматерил будущего героя и в упор спросил: «Ты что, хочешь быть таким же дураком, как Саша?» Жуков заверил — долг повелевает защищать Родину. Раздосадованный Пилихин только рукой махнул.

Кровавая мясорубка войны набирала обороты. В июле 1915 года объявили досрочный призыв молодежи года рождения Жукова. Неизбежное случилось. Он съездил в деревню, помог старикам с уборкой урожая, попрощался с друзьями. Без энтузиазма, серьезный и сдержанный приехал в уездный город Малоярославец Калужской губернии, где 7 августа 1915 года был призван в армию. На вопрос об образовании недрогнувшей рукой написал — два класса церковноприходской школы, что автоматически предопределяло — рядовой. О том, что окончил полный курс городского училища, Жуков умолчал. По причинам, в его глазах очень весомым:

«На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, да того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывалыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко».

Формальности на призывном участке отняли считанные минуты — и солдат! Большая и нежданная радость — отобрали в кавалерию, друзья завистливо поглядывали на счастливчика, всех их без исключения направили в пехоту.

* * *

В позиционной войне угасала прежняя роль кавалерии. Профессиональные военные в большинстве с сожалением расстались с былым представлением о красоте и результативности атак в конном строю. Но легенда о благородном роде войск — коннице — жила в юношеских сердцах. Георгию не терпелось встретить свою судьбу на службе военной. Случилось это не сразу. После первоначальной подготовки в Калуге, только в сентябре солдаты-москвичи попали в 5-й запасной кавалерийский полк, расквартированный в городе Балаклее Харьковской губернии. Здесь готовили пополнение для фронтовой 10-й кавалерийской дивизии.

Уже на вокзале Егор увидел, что попал в иной мир. Новобранцев встретили щеголеватые унтер-офицеры гусары, уланы, драгуны. Он не мог оторвать глаз от подтянутого вахмистра гусара. На ум пришли читаные и перечитанные рассказы о гусарской доблести. Но пришлось смириться с зачислением в драгуны. Не гусар, конечно, но все же...

Для современного молодого человека представление о забытых драгунах едва ли идет дальше лермонтовского «драгуны с конскими хвостами», укрепленными на каске для защиты шеи от сабельного удара. Вещи куда более прозаические, чем рубка в конном строю, отличали драгун от остальной кавалерии. Именовавшиеся иногда по старинке ездящей пехотой, драгуны дрались как в конном, так и пешем строю. Следовательно, их учили тому, что надлежит знать кавалеристу и что должен уметь пехотинец. Двойная нагрузка! Учили напряженно, не теряя и часа.

С подчеркнутой военной точностью, уже на другой день по прибытии их переобмундировали, выдали желанную кавалерийскую форму. На склад за конским снаряжением, скрипучим новеньким седлом и сбруей. Вручили карабин, холодное оружие — саблю, некоторые именовали ее по-драгунски — палаш, и пику. Георгий познакомился с выделенной ему лошадью, темно-серой масти кобылица — Чашечная. Он запомнил ее, красивую и капризную. Конечно, не чета деревенским лошадям.

Волнение и восторг молодого кавалериста, наверное, помогли ему втянуться в учебу. А учили в запасном полку зверски. Помимо личной подготовки — забота о коне. Подъем в кавалерии в пять утра, трехкратная уборка лошадей. Пусть ненасытный фронт отсасывал всю новую кровь, подготовка рядовых в кавалерии от этого не смазывалась. Под бдительным, нередко тиранническим надзором опытных унтер-офицеров молодежь постигала азы военной службы. Ребята терпели, до крови растирая ноги при езде. «Терпели до тех пор, пока не уселись крепко в седла». Но не стерпели издевательств младшего унтер-офицера, воспитывавшего увесистыми кулаками. Они ответили

тем же, набросили на «дантиста» попону и жестоко избили. Дело замяли.

К весне 1916 года обучение закончилось, уже формировался маршевый эскадрон, а на место уходивших прибывали юноши нового призыва. Тут пришел приказ: лучших — их набралось 30 человек — направить в учебную команду готовить унтер-офицеров. Среди них был, естественно, отлично успевавший Жуков. Он попытался избегнуть учебной команды. Спокойный и очень разумный взводный отговорил. Сытый по горло войной (взводный провел год на фронте), он как бы в пространство бросил несколько веских фраз о том, что «глупо гибнет наш народ».

В учебной команде в городе Изюм Жукову пришлось совсем плохо. Старший унтер-офицер крепко невзлюбил Жукова. Силач, сбивавший солдат с ног ударом кулака, он все же не осмелился и пальцем тронуть Георгия, по всей вероятности, оценив ширину плеч молодого драгуна и взгляд исподлобья, который не сулил возможному обидчику ничего доброго. О физической силе Георгия уже понаслышались знавшие его. И от этого ненавидел вдвойне. Придраться по боевой подготовке к Жукову было невозможно. Он всегда был первым. Ненавистного солдата «подлавливали» на уставных мелочах, за чем неизбежно следовали дисциплинарные взыскания. В учебном взводе никто не сомневался, что Жуков будет выпущен младшим унтер-офицером, чем отличали самых прилежных. Его ненавистник попытался отчислить перед самыми экзаменами Жукова из команды за недисциплинированность. Выручил начальник учебной команды, вышедший из солдат офицер с почти полным бантом георгиевских крестов. Тем не менее Жуков по окончании, как и все остальные, стал вице-унтер-офицером, то есть кандидатом в унтер-офицеры.

Несмотря на все пережитое от самодуров и садистов, Жуков много раз на протяжении своей службы добрым словом поминал учебную команду, унтер-офицеров как воспитателей солдат. Им офицеры доверили, иные сознательно, другие из-за нежелания заниматься этим хлопотливым делом, обучение в подразделениях. Результаты превзошли все ожидания. Росли как воспитатели — унтер-офицерский состав, быстро приобретавший волевые качества, становившийся самостоятельным, не боящимся ответственности, так и рядовые. Во всяком случае, в кавалерии пополнения, шедшие на фронт, были прекрасно обучены.

В начале августа 1916 года пятнадцать бравых драгун младших командиров выехали из Харькова в свою 10-ю кавалерийскую дивизию. Эшелон продвигался мучительно медленно. Новички ехали через тыл Юго-Западного фронта, переполненный войсками. Знаменитый Брусиловский прорыв был на излете, не поддержанные другими фронтами доблестные армии Юго-Западного все еще пытались пробить неприятельские позиции. Теперь почти безуспешно. В малорезультативных атаках продолжали гибнуть офицеры и солдаты.

Во время длительных стоянок на станциях они нагляделись и наслушались всякого. «С фронта везли тяжелораненых, и санитарные поезда тоже стояли, пропуская эшелоны на фронт. От раненых мы многое узнали, и в первую очередь то, что наши войска очень плохо вооружены. Высший командный состав пользуется дурной репутацией, и среди солдат широко распространено мнение, что в верховном командовании сидят изменники, подкупленные немцами. Кормят солдат плохо. Эти известия с фронта действовали угнетающе, и мы молча расходились по вагонам». Жуков дал зеркально точное описание тогдашних настроений, отравлявших солдатскую массу, в которой, однако, по большей части не отличали правды от злонамеренных выдумок тех, кто стремился привести Россию к поражению.

Отмеченное Жуковым недоверие к верховному командованию охватило даже тот район, через который прошли победоносные войска Брусилова. Так, уже в августе постарались выветрить из памяти воинов эпохальные победы, майские и июньские победы русской армии, постарались забыть горы взятого тогда трофейного оружия, длинные вереницы, многие сотни тысяч австрийских и немецких пленных, отправленных в тыл. А ведь совсем недавно можно было в тех местах без труда сравнить унылые толпы поднявших руки врагов и уверенные в себе брусиловские полки. Что до вооружения, то к этому времени русская армия была снаряжена не хуже противостоявшей австрийской и только немногим уступала немецкой. То, о чем писал Жуков, было документом эпохи, свидетельствовавшим разве об одном. Уже пошло разло-

жение тыла как прелюдия к подрыву боеспособности действовавшей армии.

Когда Жуков в составе 10-го драгунского Новгородского полка оказался на боевых позициях в Бистрецком районе, гористой местности, поросшей лесом, он убедился, что разговоры об армии, впавшей в уныние, тыловая болтовня. Его кавалерийская дивизия втянулась в боевую работу, разумеется, в пешем строю. Идти в бой верхом в этом районе было бы безумием. Он застал угасающие атаки Юго-Западного фронта, прочувствовал боль и разочарование, когда приходилось под огнем уползать в свои окопы после очередной неудачной атаки. Неудачи на этом участке, впрочем, не выходившие за рамки обыденного в позиционной войне, не вызывали особых толков и пересудов. Другое дело разговоры о происходившем где-то «там», где катастрофа обгоняла катастрофу.

В какой-то мере это было справедливо разве для войск южного соседа. Жуков с пополнением прибыл на фронт примерно тогда, когда Румыния, преодолев многомесячные колебания, ввалилась в войну на стороне Антанты. Австрийцы и немцы быстро управились с новым врагом, разбив наголову румынское воинство. «Для нас было полным сюрпризом, что румыны никакого понятия не имели о современной войне», — огорчился Брусилов. Значительных потерь убитыми румынская армия не понесла, она просто разбежалась. Для закаленных русских воинов это было непостижимо, а непонятное и дало пищу толкам о том, что враг обрел второе дыхание. Измотанные войной, не единожды битые русскими австро-германские войска вдруг ощутили себя победителями. В результате румынские вояки оказали дурную услугу России, у противника неожиданно поднялся боевой дух.

На этот период и падает непосредственное участие Жукова в боях. Он с блеском применил навыки, полученные в запасном полку и учебной команде. Главное — рассудительность, помноженная на смелость. Георгий тяготился окопной войной, ему не улыбалось сидение в залитых осенними дождями траншеях. Он вызвался в войсковую разведку и несколько раз с товарищами ходил за линию фронта. Из рискованного поиска Жуков привел захваченного им немецкого офицера. Георгиевский крест за подвиг. Очередной поиск в конце октября едва не кончился трагически. Головной дозор, в котором был Жуков, напоролся на мину. Двоих тяжело ранило, Георгия контузило, вышвырнуло из седла, и он очнулся только через сутки. Госпиталь и второй Георгиевский крест.

На исходе года Жуков, так и не оправившийся от травмы, вышел из госпиталя и был направлен в ту же учебную команду, из которой ушел на фронт. В село Лагери поблизости от Балаклеи, где по-прежнему квартировал 5-й запасной кавалерийский полк. Новобранцы уважительно смотрели на боевого унтер-офицера с двумя Георгиевскими крестами. Последствие недавней контузии — глухота изменила выражение лица Жукова, подчиненные никак не могли сообразить, что кроется за его внешней бесстрастностью. Едва ли им приходило в голову, что Жуков просто прислушивался к себе. Он слышал достаточно, чтобы убедиться — в запасном эскадроне шло серьезное брожение. Солдаты стали прощупывать, сначала осторожно, настроение Жукова. Он не скрыл — «война выгодна лишь богатым». Унтер-офицер «свой»!

Утром 27 февраля 1917 года эскадрон был поднят по тревоге и направился в Балаклею. Никто ничего не знал. На плацу у штаба полка построились рядом с другими частями. Тут к кавалеристам пришли рабочие с красными знаменами, загремели ораторы: Николай II отрекся от престола, народу нужны мир, земля и воля. Многократно прокричали «ура». Разъехались по казармам. Революция свершилась.

На следующий день унтер-офицер Г. К. Жуков был избран председателем солдатского комитета эскадрона и вошел в состав полкового комитета. Ряд офицеров арестовали. Много говорили, спорили. Мысленно возвратившись к этим годам, маршал Жуков очень трезво, в перспективе полустолетия, оценил свои тогдашние возможности:

«Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной берущий за живое лозунг, брошенный в то время в солдатскую среду, не только большевиками, но и меньшевиками, и эсерами, много значил и многими подхватывался. Конечно, в душе было общее ощущение, чутье, куда идти. Но в тот момент, в те молодые годы можно было и свернуть с верного пути. Это тоже не было исключено. И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил

школу прапорщиков, отличился в боях, получил бы уже другие офицерские чины и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции? Конечно, потом, через год-другой, я был уже сознательным человеком, уже определил свой путь, уже знал, куда идти и за что воевать, но тогда, в самом начале, если бы моя судьба сложилась по-другому, если бы я оказался офицером, кто знает, как было бы. Сколько искалеченных судеб оказалось в то время и таких же людей из народа, как я...»

Пришло и отшумело митинговое лето 1917 года, эскадрон по-прежнему в Лисках. Вокруг в селах и городах бурлили страсти, вдруг все чаще стала слышаться украинская речь. Не певучий язык Тараса Шевченко, а какой-то диалект. Совершенно неожиданно Георгий узнал, что он русский, эксплуататор, москаль и «геть» с Украины. Зная крутой характер драгунского унтер-офицера, легко представить, как заканчивались разговоры с ним замелькавших в расположении части националистов. Солдатский комитет, начавший как большевистский, постепенно впал в апатию. К осени 1917 года процесс распада армии, именовавшийся «демократизацией», зашел далеко. Некоторые части заявили о том, что они выступают на стороне объявившегося неизвестно откуда Петлюры.

Жуков убедил комитет эскадрона распустить солдат по домам. В Россию. Иного выхода он не видел, националисты зверели на глазах и даже грозили оружием. Русским парням, отправлявшимся домой, в Московскую и Калужскую губернии, комитет настоятельно посоветовал брать с собой карабины и боевые патроны. Заградительные отряды в районе Харькова отобрали оружие. Видимо, Жуков стал звонкой фигурой и сильно мешал самостийникам. Некоторые офицеры, вдруг вспомнившие о своем происхождении от гайдамаков или от кого-то в том же роде и перебежавшие к националистам, занялись розыском строптивого унтер-офицера. В случае поимки его судьба могла быть очень туманной.

Прекрасно обученный военному делу, Жуков решил не вступать в спор с превосходящим по силам и к тому же озлобленным противником, а несколько недель прятался то в Балаклее, то в Лисках. Он был

потрясен до глубины души: недавно разумные люди превращались в одержимых фанатиков, шедших за глупцами и болтунами. Насмотревшись на разгул национализма и получив стойкое отвращение к самостийникам, Жуков тайком уехал в Москву, где объявился 30 ноября 1917 года. Выяснилось, что предусмотрительный Пилихин еще в 1916 году ликвидировал свое заведение. Мастера разбрелись кто куда. Георгий потолкался в городе, пламеневшем кумачом и облепленном декретами новой, Советской власти. В царившем хаосе и неразберихе Жуков не видел для себя места и счел за благо махнуть в деревню, в Стрелковку.

Отец, мужики считали, хотя и не единодушно, что большевики за народ. Если так, тогда стоит предложить свои услуги и делать то, чему его хорошо научили — служить в армии. Определил себе отпуск на два месяца, а в конце января 1918 года он наметил уехать в Москву и подать заявление о вступлении добровольцем в армию. Георгия не смущало, что ее именовали Красной гвардией. Но в конце января он заболел сыпным тифом, а в апреле — возвратным. Жуков оправился только летом 1918 года и в августе 1918 года вступил добровольцем в Красную Армию. В 4-й кавалерийский полк 1-й Московской кавалерийской дивизии, которая только что начала формирование как первенец введенной тогда в Красной Армии стратегической кавалерии. Сейчас трудно судить, нужно ли было разделение на войсковую и стратегическую конницу. Теоретически жуковская дивизия предназначалась для выполнения оперативных задач в интересах армии или фронта. Когда нужно действовать самостоятельно, в отрыве от своих войск.

1-й Московской кавалерийской дивизии уделялось исключительное внимание. Личный состав в переучивании или доучивании не нуждался, под ее знамена пришли в основном опытные унтер-офицеры и солдаты старой армии. Оставалась политическая подготовка, считавшаяся делом первостепенной важности, готовили, помимо прочего, к вступлению в Российскую Коммунистическую партию (большевиков). В эскадроне Жукова была группа сочувствующих — будущих коммунистов. Среди пяти ее членов — Жуков. С ними не менее двух раз в неделю занимались комиссар полка и секретарь партийного бюро. Беседы иной раз

затягивались за полночь. Зубрили не только Программу и Устав РКП(б), но и беседовали «о внутреннем и международном положении», как большевики пришли к власти.

То, что Г. К. Жуков нащупал самостоятельно на основании уже не бедного жизненного опыта, приводилось в систему, вводилось в контекст марксистско-ленинской теории. Он оказался внимательным и благодарным слушателем. Прошло полгода, комиссар счел знания Жукова достаточными, а классовое лицо не вызывающим сомнений.

«1 марта 1919 года, — вспоминал Жуков, — меня приняли в члены РКП(б). Много с тех пор забыто, но день, когда меня принимали в члены партии, остался в памяти на всю жизнь. С тех пор все свои думы, стремления, действия я старался подчинять обязанностям члена партии, а, когда дело доходило до схватки с врагами Родины, я, как коммунист, помнил требование нашей партии быть примером беззаветного служения своему народу».

В мае 1919 года 1-я Московская кавалерийская дивизия отправилась на Восточный фронт, против Колчака. В горнило гражданской войны красноармеец Жуков ушел коммунистом.

Воевать за лучшую долю.

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

Когда бойцы дивизии выгрузились на станции Ершов, они были изумлены. После голодной Москвы, красноармейского рациона четверть фунта скверного хлеба, щей с кониной или воблой — изобилие продуктов. На базарах у самой станции продавался хлеб! Конечно, многие объелись, заглатывая каравai, и заболели. Но скоро привыкли к нормальной еде. Из всех причин голода в Центральных районах страны политработники выделили главную — происки Антанты, огненное кольцо фронтов, опоясавшее Советскую Россию. Огненными словами объяснили все это бойцам.

Пусть враг ответит за все и за «военный коммунизм»! Жуков в первых рядах воспитателей: «Зная, как голодает трудовой народ Москвы, Петрограда и других городов, как плохо снабжена Красная Армия,

мы испытывали чувство классовой ненависти к кулакам, к контрреволюционному казачеству и интервентам. Это обстоятельство помогало воспитывать в бойцах Красной Армии ярость к врагу».

С мая дивизия в боях у Уральска, где подпирала 25-ю Чапаевскую дивизию. На сибирских просторах нашлось место для лихих кавалерийских атак, отчаянной рубки с казаками, не уступавшими москвичам в боевой подготовке. С обеих сторон те же солдаты империалистической войны, как называли тогда войну 1914—1918 годов. Командующий М. В. Фрунзе, встретив в поле полк, в котором служил Жуков, побеседовал с бойцами. Облик Фрунзе в глазах Жукова гармонировал с представлением о пролетарском военачальнике. «Его простота и обаяние, приятная внешность покорили сердца бойцов», — заметил Жуков, в недавнем прошлом кадровый унтер-офицер старой армии.

Случайно в заботах о боевой подготовке Жуков познакомился со своим однофамильцем, комиссаром дивизии. Тот отметил прекрасное знание красноармейцем езды и выездки коня. Разговорились, встречались еще и еще. Очарованный самородком, обнаружившимся в строю рядовых, комиссар стал звать Жукова на политработу. Безуспешно. Г. К. Жуков достойно поблагодарил и признался, что склонен больше к строевой службе. Тогда комиссар предложил поехать на курсы красных командиров. На это Жуков с радостью согласился, однако из-за боев, в которые втянулась дивизия, было не до учебы.

После затяжной операции у станции Владимировка и ликвидации банд у города Николаевска дивизия в сентябре распрощалась с Восточным фронтом. По Советской России прогремел клич: «Все на борьбу с Деникиным!» Прямо с колчаковского фронта на левое крыло красных армий, отражавших нашествие Деникина на Москву. Полк схватился под Царицыном с частями белой Кавказской армии. В исключительно тяжелых боях истекали кровью как красные, так и белые. Под таким ураганным артиллерийским огнем Жуков побывал, пожалуй, впервые. Он не получил и царапины в ожесточенном сражении. Но в октябре в боях местного значения между Заплавным и Ахтубой сошлись врукопашную красные бойцы с дико визжавшими белокалмыками. От брошенной под ноги

ручной гранаты Жуков получил серьезные ранения в левую ногу и левый бок.

В унылом завшивевшем госпитале еще подхватил тиф. При выписке он едва стоял на ногах, комиссия врачей определила: месячный отпуск. Куда ехать? Конечно, к родным в Стрелковку. В родной деревне Жукова шло изъятие комбедовцами «излишков» хлеба у тех, кто считался кулаками. Выздоравливавший, опаленный гражданской войной, естественно, считал, что земляки в тылу правы, большевистской правотой. Но как это было далеко от боевых будней на фронте! Кое-как отдохнув, Жуков обратился в военкомат — вернуть его в действующую армию. На старавшемся держаться со строевой выправкой бойце лица не было. Ему выписали направление в запасной батальон в Тверь, оттуда на курсы красных командиров.

В январе 1920 года Жуков стал курсантом Рязанских кавалерийских курсов, разместившихся в Старожилове, бывшем поместье. Военные дисциплины преподавали бывшие офицеры царской армии. Учили хорошо, но Жуков счел, что они все же работали «от» и «до». Среди курсантов он был приметен — старшина 1-го эскадрона, принимал участие в обучении штыковому бою, строевой и физической подготовке.

Курсанты, набранные из бойцов, отличившихся в боях, были безупречны по социальному положению — из рабочих и крестьян-бедняков и по этой причине малограмотны. Большой осведомленностью в политико-экономических дисциплинах не отличались и их преподаватели. Укрепились совместными усилиями в вере в правоту дела — освобождение не только России, но и всего мира от ига международного капитала. Прилежания курсантам было не занимать.

В июле 1920 года личный состав курсов направили в Москву, в Лефортовских казармах поспешно формировалась 2-я Московская бригада курсантов. Хорошо вооружили. Жуков рвался повидаться со знакомыми в Москве, с юношеской любовью — Машей. Но у командиров также нашлись в городе неотложные дела, и они часто отлучались, оставляя за главного по эскадрону Жукова. Он так и не побывал у любимой, она вскоре вышла замуж за другого.

В середине августа бригаду перебросили в Краснодар для действий против войск генерала Улагая, высадившихся из Крыма в низовьях Кубани и на Черноморском побережье. Открывалась последняя глава гражданской войны — белые попытались взять реванш, используя недовольство Советской властью. На Кубани горючего материала было сверхдостаточно — пресловутая политика «расказачивания», физического истребления казаков вызывала гнев и возмущение населения. Хотя власти уже опомнились и эксцессы стали редкостью, население не успокоилось. Врангель счел подъем антисоветских настроений на Кубани за начало народного движения. По его расчетам, десант Улагая должен был мигом обрасти добровольцами и, образовав «армию возрождения России», смести перед собой сопротивление. В штабе Врангеля уже носились с планами поднять после Кубани Дон и вновь разжечь пожар гражданской войны. Для начала на всем Юге.

Обстановка диктовала — нужны стремительные действия, не теряя и дня. Операции должны проводить абсолютно надежные войска, в которых исключался не только переход на сторону врага, но и дезертирство. Таким ударным соединением и была прибывшая из Москвы курсантская бригада. В скоротечных боях курсанты разгромили отряды Улагая. Главари частично сбежали в меньшевистскую Грузию, другие вернулись в Крым. Разрозненное сопротивление, партизанская война, однако, не угасала.

В повседневную жизнь курсантов вошли небольшие, но жестокие схватки. Утомительное, кровавое дело, осложнявшееся категорическими приказами не ожесточать мирное население. Больше того, помогать беднякам и семьям красноармейцев. Выставив заставы и держа оружие под рукой, курсанты ремонтировали дома, сельскохозяйственный инвентарь, надворные постройки. Помогали в работах. Как могли разъясняли жителям благородные цели Советской власти и низость царских генералов, не желавших сложить оружие перед народом. На гиперболы в первом случае и уничтожительные эпитеты во втором не скупились.

Хотя Жуков всем сердцем рвался туда, где происходили главные события — на Днепр, в Таврию и, наконец, к Перекопу, курсантская бригада осталась на Кубани. В Армавире лучшие курсанты были досрочно выпущены и направлены на пополнение частей, поредевших в боях с врангелевцами. Жуков принял взвод в 14-й отдельной кавалерийской бригаде,

занимавшейся уничтожением улагаевцев, оставшихся от десанта и прятавшихся в Плавнях. Среди рубак-казаков появление красного командира Жукова, да еще в красных штанах, вызвало явное недоброжелательство и насмешки. Командиры, узнав, что он с 1915 года в армии, подобрели, бойцам своего взвода, а их было 30, Жуков коротко сказал:

— Меня уже предупредил командир полка Андреев, что вы не любите красные брюки. У меня, знаете ли, других нет. Ношу то, что дала Советская власть, и я пока что у нее в долгу. Что касается красного цвета вообще, то это, как известно, революционный цвет, и символизирует он борьбу трудового народа за свою свободу и независимость...

Выслушав командира, бойцы без слов разошлись. В самое ближайшее время Жуков повел взвод в атаку в конном строю, разбил банду без потерь со своей стороны. Разговоры о красных брюках кончились, а Жуков получил в командование эскадрон.

В конце 1920 года бригаду перебросили в Воронежскую губернию. Привычное дело — бои и разгром крупного отряда Колесникова, рвавшегося на север, на Тамбовщину, где разбушевалось антоновское антисоветское восстание. Туда, в центр крестьянской войны, пришлось держать путь и бригаде, в которой эскадронным был Жуков.

Они вступили в районы, обезображенные восстанием и жестокими карательными мерами, которыми попытались было подавить поднявшихся против продразверстки, самоуправства местных властей. К приходу бригады и других частей, срочно стягиваемых на подавление антоновцев, практика сжигания деревень и массовых расстрелов населения была прекращена. Даже рыцари ЧК и внутренних войск сообразили — тем самым восстание расширяется. Жукову пришлось принять участие в обычных военных действиях, обстоятельства избавили его от тягостной необходимости пятнать руки в крови гражданского населения, сбывателей.

Руководитель Антонов не зря именовал повстанцев «армией», отряды строились по принципам регулярных войск, хотя тактика была сугубо партизанская. Враг был достоин уважения — те же русские люди, с которыми Жуков дрался бок о бок с немцами в 1916 году. Сколько было схваток, из которых он

только чудом выходил живым. Один, но памятный эпизод, относящийся к 1921 году, как выразился Жуков, «на фронте против Антонова». «Как-то в одном из боев, — рассказывал он, — наша бригада была потрепана, антоновцы изрядно насыпали нам. Если бы у нас не было полусотни пулеметов, которыми мы прикрывались, нам бы вообще пришлось плохо. Но мы прикрылись ими, оправились и погнали антоновцев. Незадолго до этого у меня появился исключительный конь. Я взял его в бою, застрелив хозяина. Во время преследования я заметил, как мне показалось, что кто-то из их командиров по снежной тропке — был уже снег — уходил к опушке леса. Я за ним. Он от меня... Догоняю его, вижу, что правой рукой он нахлестывает лошадь плеткой, а шашка у него в ножнах. Догнал его и вместо того, чтобы стрелять, в горячке кинулся на него с шашкой. Он нахлестывал плеткой лошадь то по правому, то по левому боку, и в тот момент, когда я замахнулся шашкой, плетка оказалась у него слева. Хлестнув, он бросил ее и прямо с ходу, без размаха вынеся шашку из ножен, рубанул меня. Я не успел даже закрыться, у меня шашка была еще занесена, а он уже рубанул, мгновенным, совершенно незаметным для меня движением вынес ее из ножен и на этом же развороте ударил меня поперек груди. На мне был крытый сукном полушубок, на груди ремень от шашки, ремень от пистолета, ремень от бинокля. Он пересек все эти ремни, рассек сукно на полушубке, полушубок и выбил меня этим ударом из седла. И не подоспей здесь мой политрук, который зарубил его шашкой, было бы мне плохо.

Потом, когда обыскивали мертвого, посмотрели его документы, письмо, которое он не дописал, какой-то Галине, увидели, что это такой же кавалерийский унтер-офицер, как и я, и тоже драгун, только громаднейшего роста. У меня потом еще полмесяца болела грудь от его удара».

Это был тяжелейший бой, в котором эскадрон Жукова потерял 10 убитыми и 15 ранеными, трое из которых умерли на следующий день. Большинство служивших в эскадроне отметили наградами. В приказе РВСР от 31 августа 1922 года говорилось: «Награжден орденом Красного Знамени командир 2-го эскадрона 1-го кавалерийского полка отдельной кавалерий-

ской бригады за то, что в бою под селом Вязовая Почта Тамбовской губернии 5 марта 1921 г., несмотря на атаки противника силой 1.500—2.000 сабель, он с эскадроном в течение 7 часов сдерживал натиск врага и, перейдя затем в контратаку, после 6 рукопашных схваток разбил банду». Первая награда 25-летнему Г. К. Жукову на службе в Красной Армии!

В боях на Тамбовщине Жуков провел около года. В конечном счете для подавления восстания были направлены командующие, считающиеся в то время самыми способными. Во главе войск встал М. Н. Тухачевский, его заместитель — И. П. Уборевич. Жукову довелось присутствовать в штабе 14-й отдельной кавалерийской бригады при беседе Тухачевского с ее командиром. Запомнилось: Тухачевский интересовался, «каково настроение в частях и у населения, какую полезную работу мы проводим среди мирных жителей».

Разъяснительную работу, конечно, проводили, особенно после замены продразверстки продналогом, но главным средством подавления оставалась сила. Иного не было дано. пусть у Антонова было мало средней и совсем не было тяжелой артиллерии, не хватало снарядов, плохо было с патронами, но под знаменами его «армии» шло 70 тысяч отчаянных бойцов. Чтобы сломить их, пришлось сосредоточить на Тамбовщине превосходящие силы, включая бронеотряды, и привлекать самолеты. Только к исходу 1921 года операции закончились. Восставшие в большинстве своем были перебиты на территории Тамбовской и сопредельных губерний, куда их вытеснили Тухачевский и Уборевич.

В погоне за антоновцами и эскадрон Жукова побывал в некоторых из этих губерний. В одном из районов, на марше, Жуков встретил ту, с которой прожил почти 45 лет. Старшая дочь Эра Георгиевна в прекрасном эссе «Отец» в 1988 году написала: «Моя мама, Александра Диевна, родилась в 1900 году в с. Анна Воронежской области, в многодетной семье агента по продаже зингеровских швейных машин Зуйкова Дия Алексеевича. Имя Дий дал сыну его отец, волостной писарь, встретив это редкое имя в каких-то бумагах. Жили бедно. Но маме удалось закончить гимназию, а затем учительские курсы. Недолго проработав в деревенской школе, она встретилась с отцом, отряд которого в те годы был направлен в Воронежскую область для борьбы с бандой Антонова, и в 1920 году стала его женой.

Время было трудное, в погоне за белогвардейскими бандами отряд все время передвигался. И мама была зачислена в штаб отряда писарем. Как она рассказывала, спуску от командира ей никакого не было. А однажды он чуть было не отправил ее на гауптвахту за какую-то оплошность при подготовке художественной самодеятельности. Трудности и лишения кочевой военной жизни не мешали их счастью. И оба, уже на моей памяти, любили вспоминать эти годы — как мама часами тряслась в бричке, как перешивала военные гимнастерки на юбки, а красноармейские бязевые сорочки на белье, как плела из веревок «босоножки».

Первое, за что взялась сельская учительница в семейном быту, — научить мужа правильному русскому языку. С приятным удивлением она отметила выдающиеся способности у любимого и любящего ученика.

* * *

Советская Россия победила, война осталась позади. Созданная революцией и для защиты революции Красная Армия отныне была обречена на поддержание и совершенствование своей боевой мощи в мирных условиях. Положение в стране было таково, что на цели обороны просто нельзя было изыскать не только большие, но и достаточные средства. От нужды пошли эксперименты, тем более что в тогдашнем руководстве почти все почитали себя знатоками и военных дел. То учреждали трудовые армии, то звали к немедленному отказу от кадровой армии и переходу к милиционной системе комплектования. Споры, споры «наверху», зачастую выплескивавшиеся на страницы печати. Однако то, что для высокопоставленных теоретиков было успехом и поражением соответственных, нередко эксцентричных доктрин, для служивших в Красной Армии было делом жизни, ибо над дискутирующими грозовой тучей висела демобилизация. С 5,5 миллиона в 1921 году до 562 тысяч человек в 1924 году, то есть армия была сокращена в 10 раз.

Кто останется в ее рядах, определил уже приказ

Реввоенсовета Республики № 504 от 1 марта 1921 года:

«1. В основу оценки соответствия лиц комсостава занимаемым должностям и представления к продвижению... ставить боевые качества и преданность Советской власти...

2. С особым вниманием относиться к оценке тех начальников, которые выдвинулись на командные должности из красноармейской среды во время революционной войны. ...Они особенно ценны для армии. Если теоретические познания в военном деле этих лиц невелики, то необходимо стремиться поднять их военное образование».

Ближайшее будущее Г. К. Жукова тем самым предопределялось. Он доказал свои боевые качества, преданность Советской власти и вышел в командиры из красноармейского состава. Первые полтора года долгожданного мира до середины 1923 года слились в памяти Жукова в один беспросветный день, перегруженный хозяйственными хлопотами. Он, со старой армии привыкший к воинскому порядку, был вынужден мириться с тем, что полк стоял не в казармах, с конюшнями, а квартировал по деревням в разоренной войной обнищавшей Белоруссии. В избах жили и командиры, пищу готовили в походных кухнях. На каждом шагу приходилось изобретать изобретенное и разбирать неизбежные конфликты. Поэтому он был встревожен внезапным вызовом поздней весной 1923 года к командиру дивизии, прославленному военачальнику гражданской войны Н. Д. Каширину. Не натворил ли он чего-либо, ставший уже заместителем командира 40-го кавалерийского полка 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

Разговор с Каширипым оказался приятным и интересным, тем более что он поинтересовался, как Жуков представляет будущую войну и роль конницы в ней. Жуков замялся. Каширин произнес приличествующие случаю слова о необходимости учиться и объявил о назначении его командиром 39-го Бузулукского кавалерийского полка. В 27 лет! Да, имели наметанный взгляд и чутье на людей те, кто привели Красную Армию к победе в гражданской войне. Без колебаний выдвинул в командиры полка в мирное время Н. Д. Каширин, а правильность выбора подтвердил новый командир дивизии, прославленный герой гражданской войны Г. Д. Гай.

Осенью 1923 года полк Жукова отличился на маневрах в районе Орши, получила высокую оценку и вся 7-я кавдивизия. Оказалось, что за маневрами наблюдал М. Н. Тухачевский. Участники постарались не ударить лицом в грязь, они понимали — рядом кордон, из-за которого недружественные глаза следят за каждым шагом Красной Армии. Польская агентура, надо думать, доложила в Варшаву, а оттуда пошло на Запад — боеспособность красной кавалерии растет. Доказательство — полк Жукова наголову разгромил условного противника после стокилометрового марша по пересеченной местности. Без отставших, сохранив конский состав. Победа! Пришло время распрощаться и со стоянкой по деревням, дивизию передислоцировали в Минск, где ее ждал более или менее подготовленный военный городок.

Дивизия шла в Минск, от нового расквартирования до тогдашней беспокойной польской границы рукой подать. Предстояло служить в ближайшем тылу театра военных действий против потенциального противника. Окрыленная «победой» на маневрах, успевшая отдохнуть несколько дней после учений, кавдивизия вступила в Минск во всем тогдашнем блеске отлично обученной русской конницы. Цокот копыт, грохот тачанок. Оркестр и полковые трубачи. Красовавшийся на прекрасно выезженном коне комполка принимал как должное: «Тысячи минчан вышли на улицы города. Крики «ура!», приветствия сопровождали нас по всем улицам, — удовлетворенно писал Жуков. — Вообще, я думаю, ни в одной другой стране армия не пользуется такой симпатией и всеобщей любовью народа, как наша, Советская Армия».

Хотя, как выяснилось, потребовалось немало усилий, чтобы превратить военный городок в благоустроенный, полк смог организовать правильные занятия по боевой и политической подготовке. Жуков не испытывал особых иллюзий по поводу уровня собственных знаний. Военное образование начиналось унтер-офицерской учебной командой и заканчивалось кавалерийскими курсами красных командиров. Все. Остальное — самообразование, запойное чтение. Но учиться нужно. Подсчитав реальные возможности — полк отнимал 12 часов в сутки, он решил: добавить 3—4 часа на самоподготовку, «а что касается сна, отдыха —

ничего, отдохнем тогда, когда наберемся знаний». Мужественное решение выполнил.

Тут подоспели крупные изменения в строительстве Красной Армии, обобщенные в Закон о военной службе, принятый в сентябре 1925 года. Наряду с кадровым принципом комплектования вводился и территориальный. Отныне в частях не более 20 процентов штата были постоянными, остальные заполнялись переменным составом — призывавшимися ежегодно в течение пяти лет на сборы (в первый год на три), в остальные на месяц. Сверхидея реформы, озаренная марксистскими рассуждениями, восходившими к «генералу» Ф. Энгельсу, заключалась в том, чтобы сократить до минимума расходы на Вооруженные Силы. Дешевая армия, однако, существует только в представлении фантазеров, и территориальный принцип комплектования, продержавшийся почти до конца тридцатых годов, ничего хорошего Красной Армии не принес.

Для командного состава — громадное увеличение объема работы. Комдив Гай посильно облегчил ее для Жукова, отправив его осенью 1924 года в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград. Переименованная во время учебы там Жукова в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (ККУКС), школа давала основательную подготовку. Рядом с Жуковым занимались К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, А. И. Еременко и многие другие, кому выпал жребий вести в бой фронты и крупные соединения в годы Великой Отечественной. В напряженной учебе в ККУКСе они присмотрелись друг к другу, составив представление о будущих боевых товарищах.

Была молодость, было интересно. Товарищи нередко гуляли по центру Питера, любовались замечательным городом. Развлекались. У Таврического дворца предприимчивый дядя поставил силомер — мягкая блин-подушка, шкала и стрелка. Желающий бил молотом, стрелка уходила вверх и замирала у деления, показывавшего силу удара. Под смех друзей Жуков так ударил, что стрелка-гиря, выбив ограничитель, куда-то улетела. Хозяин устройства горестно запричитал: «Что же, товарищ командир, наделал? Где мне подвески брать?» Силой Георгий Константинович был наделен богатырской.

Развивая традиции русской кавалерийской школы, в ККУКСе подкрепляли теорию суровой практикой — полевой тактической подготовкой. Выше любых похвал были последовательные начальники курсов в то время В. М. Примаков и М. А. Буторский. «Приходится с болью в душе сожалеть, — писал Жуков, — что оба, как и многие преподаватели и курсанты, были уничтожены в годы массовых репрессий во второй половине тридцатых...»

Но кто мог знать, что готовит будущее, и тогда по завершении учебы Г. К. Жуков с несколькими командирами решили ознаменовать окончание курсов конным пробегом от Ленинграда к месту службы в Минск. Протяженность 963 километра, через Витебск, Оршу, Борисов. Срок — 7 суток. Участники честолюбиво надеялись побить мировой рекорд. Они уложились в установленное время, были торжественно встречены начальником гарнизона и председателем горсовета. При значительном стечении народа получили правительственные премии, а от командования — благодарность. «Отец часто и с удовольствием вспоминал об этом эпизоде», — написала Эра Георгиевна Жукова, делясь воспоминаниями о детстве.

Конечно, хороший командир-кавалерист не мог не быть спортсменом. Георгий Константинович им стал, отличившись во многих видах конноспортивных состязаний, которые входили в систему боевой подготовки. Он взял много призов в фигурной езде, конкур-иппике, гладких скачках и стипль-чезе. Не говоря уже о показательном владении холодным оружием. Скромную комнату Жукова уже к исходу двадцатых переполняли призы, доставлявшие немало хлопот при частых переездах. Особенно тяжелая бронзовая скульптура — лошадь с поверженным у ее ног рыцарем. Скорбившая женщина обнимала лошадь за шею. Отличия из благородного металла (в том числе четыре серебряных призовых портсигара) он сдал, как подобало коммунисту, в фонд индустриализации. Уверенность в себе быстро росла. Во всяком случае, в эти времена ему больше нравилось имя «Жорж» вместо Георгия и уж, конечно, накрепко забыто деревенское Егор. После триумфального пробега Жуков съездил в небольшой отпуск в Стрелковку. Отнюдь не отличавшийся излишествами быт красного командира двадцатых представлялся самой благоустроенностью по сравнению с тем, что Жорж увидел на родине.

Отца уже не было, он скончался еще в 1921 году. Мать «заметно сдала», у сестры было двое детей, и она «тоже состарилась», с неудовольствием отметил подтянутый брат, а было ей тогда 31 год... Деревня раздражающе бедна, «народ плохо одет, поголовье скота резко сократилось, а у многих его вообще не осталось». Тем не менее надеялись на лучшее, на Советскую власть, а в «Угодском заводе вновь открылись трактиры и частные магазины». Щеголеватый Жорж отметил, что кулаки и торговцы, со своей стороны, «еще надеялись на возвращение прошлых времен, особенно после провозглашения новой экономической политики». Г. К. Жуков застал ее в деревне на пятом году. Обескураживающе-противоречивая картина...

Нет, в части лучше и проще. Проще ли? Никто из командиров не мог и не смел забывать, что дивизия стоит у границы. В который раз об этом напомнил командующий Белорусским военным округом А. И. Егоров. Он умело, быстро проверил полк и подступил к главному — выяснить, в какой степени командование полка сведуще в оперативном искусстве. Ответы понравились командующему.

В заключение Жуков поставил вопрос Егорову:

— Сложность нашего положения заключается в близости государственной границы. По тревоге мы вынуждены были бы выступать в большом некомплекте. Кроме того, полк должен был бы еще выделить из наличного состава кадры на формирование вторых эшелонов. Вступление в первый бой с врагом в ослабленном составе может отразиться на моральном состоянии личного состава.

— Это верно, — ответил Егоров, — но у нас нет иного выхода. А формировать вторые эшелоны частей необходимо. Врага нельзя недооценивать. Надо готовиться к войне по-серьезному, готовиться драться с умным, искусным и сильным врагом.

Остановимся и задумаемся. Беседа командующего округом с командиром полка состоялась летом 1927 года. Почти за 15 лет до Великой Отечественной...

Жизнь, помимо рассудительных бесед с начальством, преподносила сюрпризы с неожиданной стороны. На пятом году командования полком, в 1927 году, Жорж получил неприятный урок. Оказалось, прекрасные качества — чувство собственного достоинства и уверенность в себе — никак не рекомендовали его в

глазах вышестоящих. Ему было не привыкать к инспекторским набегам — в полку побывали многие из тогдашних руководителей Красной Армии — В. К. Блюхер, например, но такого еще не было: предупредили, прибывает сам С. М. Буденный в сопровождении С. К. Тимошенко. Наряженные, позвякивающие шпорами Жуков с ближайшими помощниками вышли к подъезду встречать легендарного героя гражданской войны.

В ворота влетели два автомобиля, из которых вышли высокие гости. Особой «кавалерийской» походкой Жуков подошел к ним и отрапортовал по уставу. Те двое недоуменно переглянулись, Буденный бросил: «Это что-то не то», Тимошенко подтвердил: «Нет культуры». Они бегло заглянули на кухню, поинтересовались, «как кормят солдат», потребовали показать лошадей. Полк построили, при осмотре никаких дефектов не обнаружили. Буденный поблагодарил красноармейцев за «отличное содержание лошадей», стремительно нырнув в машины, начальство предъявило для обозрения свои спины. Автомобили взревели и исчезли, оставив после себя чадные выхлопы и недоумение.

Через полчаса в штаб приехал комдив Д. А. Шмидт. Жуков точно доложил о налете на часть Буденного. Не скрывая улыбки, мудрый комдив объяснил: «Надо было построить полк для встречи, сыграть встречный марш и громко кричать «ура!», а вы встретили строго по уставу. Вот вам и реакция». Он куда лучше знал психологию считавшегося пролетарским полководцем Буденного, чем ставший к этому времени самим воплощением аристократа-кавалериста Г. К. Жуков. Из случившегося Жуков сделал выводы, но не те, которые можно было ожидать от заурядного человека.

В 1935 году Жуков вновь встречал Буденного, уже как командир кавдивизии, в Слуцке. Он продумал и подготовил ее с оттенком аристократизма и даже артистизма в военном городке, который утопал в цветах, разведенных женами комсостава по приказу Жукова. Нередких высоких посетителей вошло в обычай встречать в гарнизоне громадными букетами. Для С. М. Буденного заготовили особый букет, вручить который комдив поручил своей семилетней дочери. Семилетняя Эра с трудом удержала букет в руках, произнесла

«какие-то приветственные слова, которых я, конечно, не помню. Помню только, что Семен Михайлович меня расцеловал в обе щеки и что меня просто-таки ошеломили его знаменитые усы, хотя раньше я не раз видела Буденного на портретах».

Самый взыскательный критик армейских порядков не обнаружил бы в трогательной сцене ничего предосудительного. Равный по принадлежности к благородному роду войск организовал и провел встречу вышестоящего, но равного по духу начальства.

* * *

Пожалуй, сама логика несения отлично налаженной, в первую очередь им самим, службы выработала в Жукове качества традиционного русского военачальника. Не бездумное копирование многостолетних моральных и иных ценностей замечательной русской кавалерии. В постепенно возвращавшуюся форму вливалось иное содержание. С 1926 года Жуков был не только командиром, но и комиссаром своего полка. Довольно редкое отличие по тем временам! Порожденное очень весомыми причинами — постепенным введением в армии единоначалия. Во всяком случае, отныне Жуков уже по должности был обязан превосходить подчиненных не только в познаниях в военном деле, но и марксистско-ленинской философии.

В конце 1929 года Жукова, назначенного командиром 2-й кавбригады родной дивизии, откомандировали в Москву на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС). Серьезнейшие занятия проводили крупные военачальники и ведущая военная профессура. Жуков, к этому времени неутомимый читатель профессиональной литературы, получил новый импульс к самостоятельной работе. Впрочем, как и другие обучавшиеся на курсах. Все они, по словам Жукова, «увлекались военной теорией, гонялись за каждой книжной новинкой, собирали все, что можно было собрать из литературы по военным вопросам, чтобы увезти с собой в части». Отныне и навсегда при переезде семьи Жуковых основное и самое тяжелое имущество — книги.

Взгляды Жукова на достижения отечественной военной науки были в первую голову и исключительно взглядами профессионала. Другое дело, как интерпретировались они на протяжении десятилетий бесцеремонными лицами, взявшими на себя дерзость дорабатывать, скажем, его «Воспоминания и размышления». Разве могла принадлежать Г. К. Жукову сентенция, оставшаяся даже в 10-м издании книги в 1990 году: «В конце 20-х годов вышел в свет серьезный труд Б. М. Шапошникова «Мозг армии»... Дело прошлое, но и тогда, и сейчас считаю, что название книги «Мозг армии» применительно к Красной Армии неверно. «Мозгом» Красной Армии с первых дней ее существования являлся ЦК ВКП(б), поскольку ни одно решение крупного вопроса не принималось без участия Центрального Комитета. Название это скорее подходит к старой царской армии, где «мозгом» действительно был генеральный штаб».

В этом же 10-м издании восстановлен текст Г. К. Жукова, исключенный (при его жизни!) из варианта первоначального, увидевшего свет: «Генеральный штаб, по образному выражению Б. М. Шапошникова, — это «мозг армии». Ни один орган в стране не является более компетентным в вопросах готовности вооруженных сил к войне, чем Генеральный штаб. С кем же, как не с ним, должен был систематически советоваться будущий Верховный Главнокомандующий? Однако И. В. Сталин очень мало интересовался деятельностью Генштаба» (т. 1, с. 155, 328—329). Так звучал голос Жукова. Так мог писать и писал военачальник, всегда сохранявший достоинство и проистекавшее отсюда чувство чести, о которой и не слышали люди, пытавшиеся приписать ему менталитет темного партийного аппаратчика.

С каждым годом Красная Армия превращалась в силу, которой законно гордился народ. На подходе уже была моторизация и механизация войск, рост авиации. Кавалерийская дивизия, в которой служил Жуков, подавала пример во всех отношениях. В 1930 году по возвращении с КУВНАС командир бригады Жуков ближе познакомился и душевно сблизился с К. К. Рокоссовским, только что назначенным командиром 7-й Самарской кавдивизии. Прослужить вместе удалось немного — считанные месяцы, но навсегда осталось доброе отношение и взаимное уважение. Был получен приказ о назначении Г. К. Жукова в Москву помощником начальника инспекции кавалерии РККА, кем был С. М. Буденный.

Привыкший к молниеносному выполнению приказов и требовавший того же от подчиненных, Георгий Константинович на вопрос Рокоссовского, сколько ему потребуется времени на сборы, отчеканил — два часа! Это было сказано отнюдь не ради красного словца. «Собственно говоря, собирать-то нужно было шинель да несколько пар белья. Все наши семейные пожитки вполне вмещались в один чемодан. Другого какого-либо имущества никто из нас тогда не имел, и это считалось совершенно нормальным явлением». Так-то оно так. Но как удавалось поддерживать командирам-кавалеристам блеск, не уступавший еще незабытому лоску офицеров лейб-гвардии императорской армии? Как они, вернувшись вечером с учений, в захлестанных шинелях, в облепленных грязью сапогах, появлялись утром в казарме перед красноармейцами сияющие чистотой, в отглаженном обмундировании, начищенных до умопомрачительного блеска сапогах? В отличие от офицеров той, ушедшей в небытие императорской конницы у них не было денщиков, и сама мысль о том, что красноармеец может обслуживать командира-коммуниста, представлялась кощунственной.

Знали бессонные ночи жен командиров, стиравших, мывших, утюживших их скромный гардероб. Пока муж, вернувшийся смертельно усталым с учений, забывался в тяжелом сне, нужно было успеть привести все в порядок, вторых комплектов гимнастерок, брюк и шинелей не водилось, кладовщики в частях железно придерживались плана выдачи обмундирования. В этих условиях было подвигом, что «Жорж» Александры Диевны далеко выделялся среди командиров внешним видом. Если угодно, бравый Г. К. Жуков в этом отношении был эталоном для командно-политического состава 7-й Самарской дивизии.

Что подтвердилось на банкете, который командование 7-й кавдивизии дало для командиров и комиссаров бригады Жукова по случаю его отбытия в Москву. Сослуживцы сердечно напутствовали Жукова, сказали много прочувствованных слов в его адрес.

Он приступил к работе в инспекции в феврале 1931 года, в разгар выполнения первого пятилетнего плана военного строительства, заканчивавшегося в 1933 году. На вооружение поступала новая техника, а коль скоро командиры конницы РККА были обычно

лучше подготовлены, чем кадры в других родах войск, они направлялись во вновь формируемые механизированные войска. В инспекции Жуков принимал участие в разработке Боевого устава конницы. Уставы были доложены М. Н. Тухачевскому, тогда первому заместителю наркома обороны, и после обстоятельного обсуждения утверждены им. Конечно, конница тридцатых годов уже имела мало общего с конными массами гражданской войны.

Она занимала особое положение в Красной Армии и по причинам, не имевшим много общего с ее военным значением. Самые влиятельные военачальники тех лет, начиная с К. Е. Ворошилова, вышли из рядов 1-й Конной армии, к которой был близок Сталин в гражданскую войну. Запросы конницы удовлетворялись в первую очередь. Г. К. Жуков считал:

«Конница в то время была самым подвижным массовым родом наземных войск. Она предназначалась для быстрых обходов, охватов и ударов по флангам и тылам врага. В условиях встречного боя от нее требовалась стремительность развертывания боевых порядков, быстрота в открытии огня по противнику, смелый бросок главных сил в исходный район для атаки и неотступное преследование отходящего врага.

Усиление конницы бронетанковыми средствами, наличие в конноартиллерийских полках гаубичной артиллерии уже позволяли не только с успехом ломать сопротивление противника, но и решать задачи наступательного боя и эффективной обороны». Сначала внутри и быстро рядом с конницей пошло формирование механизированных частей. Первый такой опытный полк был сформирован в Белорусском военном округе в 1929 году, а в 1932 году впервые в мире в Красной Армии создаются механизированные корпуса. По штату каждый корпус имел 500 танков и 200 бронеавтомобилей, стрелково-пулеметную бригаду, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. В начале 1936 года Красная Армия располагала 4 такими корпусами, 6 отдельными мехбригадами, 6 мехполками. В кавалерии — 15 мехполков в кавдивизиях, в пехоте — 80 танковых батальонов и рот в стрелковых дивизиях. Мотор вытеснял коня.

Для Жукова процесс модернизации армии был закономерным. Да, уходила в прошлое конница, но подвижные соединения обещали маневр, недоступный

коню. С величайшим увлечением Жуков погрузился в работу, поражая знавших его деловой хваткой. По всей вероятности, заслуженные военные, работавшие вместе с Жуковым, уже понаслышались о нем. На первом же собрании Г. К. Жукова единогласно избрали секретарем партийного бюро большой организации — всех инспекций родов войск и штаба Управления боевой подготовки. На учете в парторганизации состояло немало известных тогда военных деятелей — А. Я. Лапин, С. М. Буденный, Н. Н. Петин, В. Д. Гренадаль, В. М. Примаков, И. В. Тюленев и другие. Они-то и отдали свои голоса молодому соратнику. Это был знак высочайшего доверия, и Г. К. Жуков оправдал его. Безупречной работой.

За два года работы в инспекции Жуков сработался с А. М. Василевским, также откомандированным туда. Оба с величайшей радостью узнали, что их задача проверять теоретические разработки в войсках, где они и пропадали большую часть времени. Шла доработка советской военной доктрины, а Жуков и другие в этой эпохальной для Вооруженных Сил деятельности продолжали учебу. Он работал рука об руку с командирами, которые прославленными маршалами и генералами привели Красную Армию к победе в 1941—1945 годах. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян свидетельствовал: «Из всех нас он выделялся не только поистине железным упорством в достижении поставленной цели, но и особой оригинальностью мышления. На занятиях он частенько удивлял какой-нибудь неожиданностью. Его решения всегда вызывали наибольшие споры, и он с редкой логичностью умел их отстаивать. Хорошо зная его способности, я не удивлялся его поразительной, даже для тех лет, военной карьере. В отличие от некоторых военачальников предвоенного времени Г. К. Жуков обладал не только военным дарованием, без которого в годы военных испытаний не может получиться полководец, но и жестким характером, беспощадностью к недобросовестным людям... И еще одна черта характера Жукова мне бросалась в глаза. Если он чего-нибудь добивался, то крайне не любил идти к цели, как говорится, «медленным шагом, робким зигзагом». В таких случаях он шел напрямую».

Уже в середине тридцатых годов Жуков выделился среди старшего командного состава. Он принимал участие в разработке нового Боевого устава. При этом и выполнении других ответственных поручений он мог вынести личное представление о высшем командовании Красной Армии. Говоря о Ворошилове, Жуков отмечал:

«С ним сталкиваться мне пришлось чаще всего в 1936 году, во время разработки нового Боевого устава. Нужно сказать, что Ворошилов, тогдашний нарком, в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно. Однако занимал высокое положение, был популярен, имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим военные вопросы человеком. А практически значительная часть работы в наркомате лежала в то время на Тухачевском, действительно являвшемся военным специалистом. У них бывали стычки с Ворошиловым и вообще существовали неприязненные отношения. Ворошилов очень не любил Тухачевского, и, насколько я знаю, когда возник вопрос о подозрениях по отношению к Тухачевскому, а впоследствии и о его аресте, Ворошилов пальцем о палец не ударил для того, чтобы его спасти.

Во время разработки Устава помню такой эпизод. При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявлять твердость и давать отпор, когда считал это необходимым. Тухачевский как председатель комиссии по Уставу докладывал Ворошилову как наркому. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов, уже не помню сейчас по какому, стал высказывать недовольство и предлагать что-то, не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал своим обычным, спокойным голосом:

— Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.

— Почему? — спросил Ворошилов.

— Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком.

Он умел давать резкий отпор в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось Ворошилову».

Возвращаясь в другой связи к работе с М. Н. Тухачевским над Уставом, Жуков выделил: «Умница, образованный, сильный — занимался тяжелой атлетикой — и очень красивый... Удивительно был красив». Разве не странны эти слова в устах кадрового военно-

го? Так мог говорить только эстет-кавалерист, каким на всю жизнь остался Жуков, глубоко понимая — парадность службы военной чуть ли не единственная компенсация за тяжкий, повседневный труд. Дав броскую характеристику внешности Тухачевского, как он смотрелся любовными глазами щеголя командира-кавалериста, заботившегося и о красоте ногтей, Жуков закончил: «Это был широкоплечий военачальник, далеко смотревший вперед. Он еще в 30-е годы предвидел, что будущее — за танками и самолетами, а не за кавалерией, как думали тогда многие. И именно он стоял у истоков создания нашей ракетной техники».

В лице Жукова и некоторых других Тухачевский видел заинтересованных слушателей, разделявших мысли, которыми он щедро делился. Во всяком случае, то, к чему взывал Тухачевский — помнить о том, что готовят за госграницей, находило горячий отклик у командного состава жуковской закалки.

Кадровый военный, Г. К. Жуков уже тогда чувствовал неизбежность войны. Его требовательность к подчиненным была соразмерна угрозе, нависавшей над нашей Родиной. «Меня, — откровенно признал Жуков, — упрекали в излишней требовательности, которую я считал непременным качеством командира-большевика. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам своих подчиненных. Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям.

Конечно, сейчас эти ошибки виднее, жизненный опыт многому учит. Однако и теперь считаю, что никому не дано право наслаждаться жизнью за счет труда другого. А это особенно важно осознать людям военным, которым придется на полях сражений, не щадя своей жизни, первыми защищать Родину».

Наверное, Г. К. Жуков слишком строго судил о своей служебной строгости. Одно бесспорно — репутация не только командира-методиста, но и сурового воспитателя предопределила виток служебной карьеры, не вверх от инспекции, а, если угодно, в какой-то степени вниз — в войска.

* * *

Ядром 1-й Конной армии времен гражданской войны была 4-я кавдивизия. Сформированная в 1918 году из кавчастей 1-й Стальной и 1-й Донской сводной кавбригады, дивизия считалась гордостью Красной Армии. После гражданской войны и вплоть до 1931 года полки дивизии квартировали там, где до революции размещались конногвардейские части — в Гатчине, Петергофе, Царском (Детском) Селе. Красные кавалеристы вжились (конечно, только внешне) в службу императорской кавалерии, не без оснований считали себя гвардией Красной Армии.

В 1932 году случилось невероятное — по «чрезвычайным оперативным соображениям» 4-ю кавдивизию перебросили нести службу в Белорусский военный округ, в район захолустного городка Слуцка. Из вековых казарм, замечательных конюшен личный и конный состав дивизии попали в жуткие условия. Пришлось обустраиваться буквально на голом месте. Около полутора лет командиры и красноармейцы, превратившиеся в рабочих, сооружали все необходимое для жизни. Как на грех, новый командующий округом И. П. Уборевич нагрянул с краткой инспекторской проверкой и нашел дивизию, по его словам, в состоянии «крайнего упадка». Он немедленно прозвонил по всей цепочке командования вплоть до Ворошилова и потребовал немедленно снять комдива Г. П. Клеткина.

Хотя Жуков почти никогда не отзывался скверно о сослуживцах, чтя боевое товарищество и тем более учитывая трагическую судьбу Уборевича, в этом случае в своих «Воспоминаниях и размышлениях» он сделал исключение. Надо думать, иной раз прорывавшееся у высоких чинов унаследованное от баронов-остзейцев прибалтийское чванство в отношении русских порядком надоело ему, как и другим командирам. Он указал, что не было никаких оснований для поспешных выводов в отношении 4-й кавдивизии, «со свойственной ему горячностью... Уборевич все же сгустил краски, утверждая, что дивизия растеряла все свои хорошие традиции и является небоеспособной». Тем более что как командующий округом сам не оказал нужной помощи бившимся на строительных работах в дополнение к несению службы кавалеристам.

Жуков близко принял к сердцу положение дивизии

по той причине, что для исправления положения он был назначен ее командиром. Ранней весной 1933 года Жуков с семьей приехал к новому месту службы, вернулся из Москвы в белорусскую провинцию. Слуцк встретил неприветливо: Жуков с самым дорогим — дочуркой на плечах — едва вытаскивал ноги из мокрой глины. Александра Диевна, вздыхая все время, отставала, останавливаясь, выуживала галоши из грязи. Так они добрались до тачанки, высланной за командиром на вокзал. Раздался голос Эры:

— Почему здесь нет тротуара, как у нас в Сокольниках?

Георгий Константинович с большой уверенностью ответил:

— Здесь тоже будет тротуар и красивая площадь, но только позже...

Жуков с головой окунулся в работу. И без промедления выяснил — Уборевич был глубоко не прав. Командиры дивизии, отчаянные рубаки времен гражданской, отважные русские люди, отнюдь не роптали, а делали все, что было в их силах для улучшения условий службы и быта. Под стать им были жены. Заброшенные приказом наркома из почти дворцовых квартир царских конногвардейцев в пригороде великого города в деревенские избы, они «жаловались только на одно: негде учить детей, нет школ». Крепко сжимая челюсти, только желваки ходили под кожей щек, Жуков молча слушал. Никогда он не был сторонником скудости, а бедность просто ненавидел. Он поклялся сделать все для мужественных русских военных и их семей. Потом, в конце шестидесятых, маршал подчеркнул: «Я проработал командиром более четырех лет и все эти годы жил одной мыслью: сделать вверенную мне дивизию лучшей в рядах Красной Армии, самой передовой». Он достиг поставленной цели. Как?

Начал с традиционного — в дивизии провели партактив, на котором без труда диагностировал: упадок в частях — результат недостаточной политической работы и боевой подготовки. Сам Жуков впоследствии поделился секретом быстро достигнутых успехов: «Главные усилия в тактической подготовке мы сосредоточили на личной подготовке среднего и старшего звена командного состава. Я был убежден опытом своей долголетней практики в том, что только тактически грамотные командиры могут подготовить хорошую боевую часть

в мирное время, а в войну выигрывать сражение с наименьшими жертвами».

Чередой пошли занятия, учения, штабные игры. Жуков был занят, что называется, по уши, а дивизия оставалась на прицеле у командования. Инспекционные проверки зачастую проводились некомпетентными людьми, к тому же как проверок, так и проверяющих было великое множество. Через полгода командования Жуков получил выговор в приказе по округу. Первый выговор за всю службу! Приказ подписал Уборевич. Возмущенный Жуков мигом дал телеграмму: «Командующему войсками округа Уборевичу. Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не хочу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ. Жуков». Уборевич через две недели провел инспекторскую поездку, убедился, что выговор был вынесен неправильно. О чем и сообщил Жукову, вопрос был исчерпан. Отныне он с большим тактом относился к строптивому командиру, избегая столкновений, но и был скуповат на похвалу.

Сравнивая обоих, Жуков считал: «По общему характеру своего мышления и по своему военному опыту Тухачевский был более эрудирован в вопросах стратегии... Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того, и другого, и непревзойденным воспитателем войск. В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание». Командир дивизии в своих суждениях был на равных с теми, кто считались чуть ли не самыми влиятельными руководителями Красной Армии.

Генерал Л. Ф. Минюк оставил зарисовку сорокалетнего Жукова: «Не один раз видел этого человека — приземистого, плечистого, плотного, энергичного, с резкими движениями». Они познакомились, «Жуков подал, а точнее, сунул мне свою руку, буркнул: «Жуков!» Разговор происходил за обедом в столовой комсостава, за столом еще П. А. Белов, командир прежней дивизии Жукова, 7-й Самарской. Минюк ощутил цепкое внимание Жукова к себе, перемежая шутки с серьезным, он показал, что хорошо знает нового знакомца. Вскоре дело разъяснилось, Жуков, оказывается, вытребовал

Минюка к себе начальником штаба. Тот в глаза сказал, что не желает служить с Жуковым, ибо наслышан «о его характере и отношении к своему штабу. Слушал он меня внимательно. Вначале улыбался, а когда я сказал, что тоже умею ругаться матом, Г. К. Жуков смеялся до слез, а затем сказал:

— Ну и наслушался ты всякой чертовщины, — в этот раз он обратился ко мне; видимо по привычке, на «ты». — Да, Леонид Федорович, трепачей у нас хватает. В этом отношении особое старание проявляют лодыри, когда-то я наступал на хвост. Но не в них дело, а за откровенность спасибо. Имейте в виду: вас назначили в дивизию по моей просьбе. Я уверен, мы сработаемся».

Жуков оказался прав. Очень скоро Минюк убедился, что комдив был ревностным сторонником обычных уставных методов руководства, а не тех, о которых, сделав большие глаза, шептались чем-то обиженные скверные работники. На инспекторских смотрах в 1935 году дивизия получила высокие оценки. Особенно радовали Жукова достижения в огневой подготовке. Для конницы трудно достижимый результат.

Поощрения не замедлили — дивизия была награждена орденом Ленина. Получил такой же орден ее командир, правительственными наградами отметили многих командиров и бойцов. Прошли празднества в дивизии, состоялся парад. Торжественным прохождением частей, осененных знаменами, под которыми 4-я кавдивизия сражалась с белогвардейцами и белополяками, завершился этот день в Слуцке. А затем, торопя дни, продолжалась учеба, отрабатывалось взаимодействие с другими родами войск. Конники действовали вместе с танками, а в воздухе было все больше самолетов.

Из Москвы пришли известия — в армии вводятся персональные воинские звания. Объявлено: пять военачальников отныне Маршалы Советского Союза — В. К. Блюхер, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский. Внешний облик армии изменялся, в обиход пока робко входило слово «Россия», а эпитет «русский» утрачивал отрицательный оттенок. И как снег на голову для Жукова — дивизию в апреле 1936 года переименовали в 4-ю Донскую казачью дивизию. Слово «казак» наконец было реабилитировано, поражая всех, дивизию переодели в специально сшитую для нее казачью форму. На шароварах широкий красный лампас, на голове фуражка с полузабытым цветным околышком, у молодежи из-под нее чуб. Он привычно надел ее, по-жуковски, глубоко, козырьком на глаза. Взгляд в зеркало — вид лихой. Казак!

На ближайших окружных учениях осенью 1936 года дивизия показала казачью стать. Они происходили в районе реки Березины с участием многих частей и соединений Белорусского военного округа. Нарком Ворошилов и начальник Генштаба Егоров в сопровождении большой свиты московского начальства придирчиво следили за «сражением», изобиловавшим острыми моментами. Ревели танковые двигатели — танки БТ-5 форсировали Березину на глубинах, превышавших высоту самой машины. Рев моторов в воздухе — выбрасывались крупные десанты. Казаки Жукова умело взаимодействовали с механизированными частями. На маневрах были закреплены навыки, полученные в ряде предманевренных учений.

4-я Донская казачья кавдивизия отличилась, продемонстрировав умение окружать части условного противника. На разборе учений нарком не щадил слов в похвалах отличной во всех отношениях дивизии. По окончании окружных учений состоялся памятный парад войск. Объезд кавалерии Ворошилов начал с жуковской дивизии, с особой теплотой приветствовав наследников боевой славы 1-й Конной. Тогдашних кавалерийских начальников было трудно чем-нибудь удивить, но Жуков сумел. Он как-то уговорил упиравшегося Уборевича провести дивизию не рысью, а манежным галопом. Тот согласился, а дальше уже ничего нельзя изменить.

Слово лукавому Г. К. Жукову: когда отгрохотали пехотные батальоны и под звуки превосходных маршей пошла конница, «как-то так получилось (это у обученной Жуковым части! — *Авт.*), что манежный галоп при подходе к трибуне наркома перерос в полевой галоп, а когда подошла колонна пулеметных тачанок, то их аллюр усилился до карьера. Комкор С. К. Тимошенко начал беспокоиться, поглядывая в мою сторону (надо думать, Жуков видел это боковым зрением, делая вид, что поглощен парадом. — *Авт.*), но я уже ничего не мог поделать (!). Тачанки летели как стрелы, выпущенные из лука». В каждую запряжена четверка ухо-

женных коней-зверей одной масти. Зрелище невероятное, немало старых кавалеристов тайком вытирали глаза. Конечно, Г. К. Жуков умел показать товар лицом.

Он умел, как никто другой, до отказа использовать романтику военной службы и, где мог, придать ей праздничный характер. Если казаки, тогда больше состязаний, джигитовки. Гарнизонная жизнь при Жукове была до отказа наполнена соревнованиями по конному спорту. Без них не обходился ни один праздник или окончание полевых учений. Целый день в присутствии почти всех жителей городка — семей военнослужащих и вольнонаемных — конники состязались, демонстрируя владение саблей, джигитовку. Собравшиеся под дрожавшими от ветра тентами возгласами и аплодисментами приветствовали победителей. Флаги, транспаранты, медь оркестров и серебро труб. Жуков не забывал ничего — военторг доставлял нехитрые лакомства, мороженое, сладости, напитки. Радостные эти праздники расцвечивали жизнь белорусской глубинки — города Слуцк.

Комдив на каждом шагу подавал пример, каким должен быть командир. В 1936 году он навсегда бросил курить, «сразу в один день: смял пачку папирос и выбросил. В войну и после, в самые трудные дни, не выкурил ни одной сигареты, хотя и очень тянуло», — гордо делился маршал воспоминаниями о тех давних годах. Силу его воли, конечно, никто не поставит под сомнение, но бросил курить Георгий Константинович по причине очень серьезной. Он тяжело переболел бруцеллезом. Врачи, отдав должное здоровью Жукова, добавили — для полного исцеления навсегда расстаться с курением. Никто не видел Г. К. Жукова даже навеселе, всю жизнь он практически не пил.

* * *

Дни складывались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы, по накатанной колее военной службы. Красная Армия получала новейшую военную технику, бойцы и командиры овладевали ею. Жуков считал: «Со спокойной совестью могу сказать, что в подготовке дивизии командиры и политработники тогда большего дать не могли, а все, что имели, отдали сполна». Будущее сулило новые успехи. Но...

1937-й обрушил неслыханные репрессии на страну, под ударами чудовищного террора оказалась Красная Армия. Прославленные полководцы вдруг, как говорили тогда, оказывались «врагами народа». Бездушная и бесперебойная машина репрессий выбивала лучших из лучших. Те, кого уважал Г. К. Жуков, признавал авторитетами в военных делах, уходили из жизни с клеймом предателей, шпионов и т. д.

Начальник Генерального штаба А. Е. Егоров, крупные военачальники А. И. Корк, И. П. Уборевич, И. Э. Якир и другие дали, по словам Г. К. Жукова, «много ценного и по-настоящему интересного для каждого профессионального военного». Но в расцвете сил 43-летний М. Н. Тухачевский, 50-летний А. И. Корк, И. П. Уборевич и И. Э. Якир, оба в возрасте 41 года, были расстреляны в 1937 году.

Безвинно казнили и репрессировали с ними и вслед за ними крупнейших военачальников, по подсчетам генерала А. И. Тодорского: из пяти маршалов троих, из пяти командармов 1-го ранга — трех, из 10 командармов 2-го ранга — всех, из 57 комкоров — 50, из 186 комдивов — 154, из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов — всех, из 28 корпусных комиссаров — 25, из 64 дивизионных комиссаров — 58, из 456 полковников — 401. Герой гражданской войны Ф. Ф. Раскольников в открытом письме Сталину 17 августа 1939 года гневно писал:

«Накануне войны Вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову техники и сделали ее непобедимой. В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров. Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин. (55-летний А. И. Егоров и 47-летний В. К. Блюхер к моменту написания письма уже были уничтожены. — *Авт.*) Для успокоения взволнованных умов Вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее. Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, Вы воскресили институт полити-

ческих комиссаров, который возник на заре Красной Армии, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами нужен был политический контроль. Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину. Под нажимом советского народа Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александра Невского, Дмитрия Донского и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут Вам больше, чем казненные маршалы и генералы».

Упомянуть о принципах вождения войск, прежде разработанных военачальниками, убитыми в застенках, без промедления привело бы в тот же залитый кровью подвал. Добытое советской наукой (неотделимое от ученых, развивавших ее и репрессированных) и претворявшееся в жизнь впоследствии уничтоженными военачальниками предавалось забвению.

Лавина репрессий докатилась до младшего комсостава, подрывая самые устои военной службы. Воцарилась атмосфера всеобщей подозрительности, количество доносчиков и клеветников множилось не по дням, а по часам. Жуков был не просто удручен, а подавлен происходившим. Прекрасные командиры дивизии, в которой он вырос, командуя полком, — Каширин, Гай, Шмидт, Сердич, — брошены в застенки. Об их судьбе ничего не было известно, кроме позорящего клейма врагов народа.

Не прошло и двух недель после ареста Д. Сердича — он командовал 3-м конным корпусом, — как Жукова вызвали в Минск. Приказ: явиться в вагон командующего войсками округа. Там Жукова поджидал не командующий В. М. Мулин (о нем Жуков скажет — человек «красивой наружности»), а плюгавый, плешивый человечек с бегающими глазами. Только что назначенный в округ член Военного совета Ф. И. Голиков. Он подверг Жукова допросу о связях с арестованными «врагами народа». Жуков холодно ответил: «Не знаю, за что их арестовали, думаю, что произошла какая-то ошибка». Инквизитор выложил козырную карту — комиссар корпуса доносит: с ведома-де Жукова крестили в церкви недавно родившуюся дочь Эллу. Жуков презрительно отозвался: «Неумная выдумка».

В вагон вошел В. М. Мулин, Голиков рванулся к нему с комиссарским доносом. Командующий брезгливо прочитал и объявил: Жукову предлагается стать командиром 3-го конного корпуса. С этим Жуков и уехал в Слуцк, ожидать приказа из Москвы. Тем временем Мулин был арестован, а по признанию Жукова, он, «откровенно говоря, отчасти даже был доволен тем, что не получил назначения на высшую должность, так как тогда шла какая-то особо активная охота на высших командиров со стороны органов государственной безопасности. Не успеют выдвинуть человека на высшую должность, глядишь, а он уже взят под арест как «враг народа», и мается бедняга в подвалах НКВД». Опасения Жукова пока не оправдались, в июле 1937 года он принял корпус. Первое известие в штабе корпуса — бдительный комиссар также в тюрьме. «Внутренне я как-то даже был доволен тем, что клеветник получил по заслугам — рыл яму для другого, а угодил в нее сам», — заметил на редкость незлобивый Г. К. Жуков.

Разгул шпиономании привел к тому, что командиры снизили требовательность, опасаясь обвинений со стороны лодырей и демагогов во «вражеском подходе» к воспитанию красноармейцев. Жуков стал действовать так, как всегда, резко одергивая распоясавшихся клеветников. Немедленно туча доносов во все адреса. Жуков не обращал внимание, больше того, он протянул руку дружбы командиру 27-й кавдивизии Василию Евлампиевичу Белокоскову. К этому времени он понял механизм репрессий — начинали с разбора на партийном собрании, осуждали, исключали из партии, а затем на сцене появлялось НКВД, бросавшее ошельмованного командира в тюрьму. На собрание, где готовили расправу с Василием Евлампиевичем, и приехал командир корпуса Жуков. Все выступавшие, некоторые, правда, прятали глаза, обвиняли своего командира дивизии во всех мыслимых и немыслимых грехах. Стаю жаждавших крови вел комиссар корпуса.

Три часа Жуков терпел поток клеветы, а затем взял слово. Он указал, что неизвестно, за что арестованы Уборевич, Сердич, Рокоссовский. Предъявлять на этом основании обвинения за «связь» с врагами народа нельзя. Жуков переломил настроение кровожадного партийного собрания, которое ограничилось обсуждением Белокоскова. Василий Евлампиевич со слезами на глазах крепко пожал руку Георгию Константиновичу. Так был спасен прекрасный командир, который закончил службу в армии в конце пятидесятых одним из заместителей министра обороны. «К сожалению,

многие товарищи погибли, не получив дружеской помощи при обсуждении их в партийных организациях», — резюмировал эту историю Жуков.

В марте 1938 года Жукова перебрасывают на 6-й кавалерийский корпус. Он был беспредельно рад — в корпус входила дорогая 4-я Донская кавалерийская дивизия. Жуков попытался было замкнуться в привычных делах. Не удалось. Вакханалия арестов продолжалась. Назначенный командующим округом вместо казненного Уборевича И. П. Белов откомандовался быстро, разделив судьбу предшественника. Оставалось развести руками. «Как-то не вязалось: Белов — и вдруг «враг народа». Конечно, никто этой версии не верил», — заметил Жуков. В это исполненное тревог время к нему назначили заместителем достойнейшего командира А. В. Горбатова, дальнейшая судьба которого вызывала самые серьезные опасения. Горбатов, человек жуковского склада, также заступался за товарищей, обреченных на гибель. Александр Васильевич пошел против партийного собрания, на котором поливали грязью арестованного П. П. Григорьева, командира корпуса, в котором он служил. Увы, «мой голос как бы потонул в этом недобром хоре». Да, одной порядочности было мало, не все обладали силой убеждения и характера Г. К. Жукова. Последствия не замедлили, Горбатова исключили из партии и уволили. Потом с оскорблениями восстановили в ВКП(б) и направили к Жукову. Надо думать, мерзавцы в политорганах и НКВД с острым любопытством ожидали, к чему придут эти двое. Жуков, писал Горбатов, «принял меня хорошо и поселил нас во втором этаже особняка, где жил сам. Я очень соскучился по работе и быстро включился в дело».

Внезапно, всего за день до сборища, комиссар корпуса заявил Жукову, что его будут разбирать на активе коммунистов 4-й кавдивизии, 3-го и 6-го кавкорпусов. Собралось человек 80. Клеветники жаловались на «грубость» Жукова, на то, что он не выдвигал «опытные кадры». Он насмешливо поинтересовался — почему ябедники молчали около двух лет? Получил бесподобный ответ: «Мы боялись Жукова, а теперь время другое, теперь нам открыли глаза арестами». В который раз Жуков убедился: политработник — начальник политотдела 4-й дивизии Тихомиров возводил глупейшие поклепы. Жуков прекрасно знал этого человека,

неважного работника, которого просто щадил. Теперь, увидев, какую гадину помог вырастить, Георгий Константинович обрушился на тихомировых и им подобных «вожаков»-коммунистов, проявляющих «беспринципную мягкотелость, нетребовательность, даже в ущерб дела. Такие политработники хотят быть добрыми дядюшками за счет дела, но это не стиль работы большевика».

Мужество Жукова произвело впечатление на собравшихся. Подлецы оказались в меньшинстве, собрание ограничилось обсуждением его. Это решение собрания «явилось для меня серьезной помощью... — писал Жуков. — Ну, а если бы парторганизация послушала Тихомирова и иже с ним, что тогда могло получиться? Ясно, моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей». В это время Жуков пошел на отчаянно смелый шаг — дал возмущенную телеграмму Сталину и Ворошилову о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности. В какой мере обращение повлияло на исход дела, сказать трудно. Тогда случалось разное, во всяком случае, Г. К. Жукова пока оставили в покое.

В декабре 1938 года Жуков назначен заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (по кавалерии). С болью он расстался с товарищами, оставив корпус на А. В. Горбатова. Он рекомендовал его командиром вместо себя, политорганы и НКВД придерживались другого мнения — вскоре после того, как Г. К. Жуков убыл в Смоленск к новому месту службы, Горбатова вызвали в Москву, где он бесследно исчез. Как тысячам отличных командиров, ему предстоял скорбный путь по тюрьмам, застенкам и лагерям.

Вопреки всему жизнь продолжалась. В Смоленске Георгий Константинович с чувством, близким к ужасу, убедился, что подготовка командного состава резко упала, у людей опустились руки. Он ознакомился со своими функциями — в мирное время руководить боевой подготовкой конницы и танковых бригад, которые должны были взаимодействовать. Главная задача держалась в строжайшей тайне — в случае войны Жукову предстояло командовать конно-механизированной группой: 4—5 кавдивизий, 3—4 отдельные танковые бригады, части усиления. Был создан штаб группы, засекреченный даже от основных учреждений округа.

* * *

В конце мая 1939 года Г. К. Жуков провел в районе Минска полевую командно-штабную игру. Отрабатывались различные варианты действий конно-механизированной группы. 1 июня он проводил разбор, который прервал телефонный звонок — на следующий день прибыть в Москву. Жуков все же позвонил члену Военного совета округа И. З. Сусайкову. «Тридцать девятый год все-таки, думаю, что значит этот вызов?» Наверняка припомнил А. В. Горбатова, «срочно» вызванного в Москву. Сусайков ничего не знал: «Разве утром ты должен быть в приемной Ворошилова?» Ряд крупных военачальников, как хорошо знали военные, по вызову Ворошилова отправлялись в Москву и оказывались в руках убийц НКВД.

Но делать нечего. Приказ есть приказ. Не заходя домой — на вокзал и в первый же проходивший на столицу поезд.

«Зачем, почему?» — все задавался вопросом Жуков, сидя в стремительно несущемся по улицам Москвы ЗИС-101. Подтянутый командир, встретивший на вокзале, только и доложил — нарком ждет! В приемной огорошили вестью: чемодан для дальней поездки готовится!

К. Е. Ворошилов встретил посередине кабинета, справился о здоровье и тут же перешел к делу:

— Японские войска внезапно вторглись в пределы дружественной нам Монголии, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от внешней агрессии. Вот карта вторжения с обстановкой на 30 мая.

Жуков посмотрел на карту. Да, вражеские войска уже углубились на территорию Монголии восточнее реки Халхин-Гол. Молнией пронеслась мысль — идут бои, но почему спрашивают его?

Он не мог знать, что накануне, 1 июня, у Ворошилова состоялось совещание. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза В. М. Шапошников доложил обстановку на Халхин-Голе. Складывались дела неважно. Что делать? Ворошилов почему-то выдавил из себя: «Для руководства боевыми действиями там больше бы подошел хороший кавалерийский начальник». Поговорили, и как-то всплыла кандидатура Жукова, выяснилось, что руководство Генерального

штаба высоко ценило его как подготовленного и думающего военачальника. Ворошилов ухватился за авторитетное предложение Генштаба.

С этим Ворошилов отправился к Сталину, у которого были С. К. Тимошенко и секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Ворошилов понимал, что Сталин, недовольный положением у Халхин-Гола, наверняка обрушится на него. Так и получилось. Нужен новый командующий!

Вмешался Тимошенко, предложивший «командира кавалерийского корпуса Жукова». Сталин задумчиво несколько раз повторил фамилию, которая ему ничего не говорила. Ворошилов подсказал:

— Тот самый Жуков, который прислал телеграмму из Белоруссии в тридцать восьмом, протестуя против несправедливого привлечения к партийной ответственности.

— Чем дело кончилось? — вяло поинтересовался Сталин.

— Ничем, — ответил Ворошилов. — Оснований для разбора и соответствующих выводов не оказалось.

Пономаренко добавил, что Жуков прекрасный командир. Договорились — отправить Г. К. Жукова на Халхин-Гол.

И вот собранный, сосредоточенный «хороший кавалерийский начальник», набычившись, изучал карту перед наркомом.

Голос Ворошилова вывел из задумчивости:

— Затеяна серьезная военная авантюра. Можете ли вылететь туда немедленно и, если потребуется, принять на себя командование войсками?

Выпрямившись, Жуков доложил — готов вылететь «сию же минуту». Последние напутствия в Генеральном штабе, главное — разобраться наконец в происходившем у Халхин-Гола и доложить предложения о дальнейших действиях.

Вечером Георгий Константинович набросал прощальное письмо домой:

«Милый Шурик!

Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжаться надо примерно на 3 месяца.

К тебе у меня просьба такая: во-первых, не поддавайся хныканию, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку.

Учти, родная, что мне предстоит очень тяжелая и ответственная работа, и я, как член партии, командир РККА, должен ее выполнить с честью и образцово. Ты же меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойному за тебя и дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать меня своим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко, крепко. Целую моих милых дочурок.

Ваш Жорж».

В 16.00 2 июня самолет Жукова поднялся с Центрального аэродрома Москвы. Под крылом мелькнул Ленинградский проспект, чаша стадиона «Динамо». Курс на восток.

Предстояло более двух суток полета с ночевками на советской земле. Жуков напряженно обдумывал, что его ждет в месте назначения в монгольском городе Тамцак-Булак. Скоро он увидит все своими глазами — бескрайняя степь, в которой у летного поля, исчерченного колесами самолетов и автомашин, несколько десятков юрт, среди которых терялись считанные глинобитные здания. Город!

НАКАНУНЕ

У солдата, спешившего на войну, надо думать, и мысли были солдатские — как лучше выполнить свой воинский долг. Ему суждено было с блеском исполнить его там, на далекой восточной границе Монголии, но едва ли комдив мог предполагать последствия своей будущей победы — умелым применением ограниченной военной силы разрубил гордиев узел всей международной политики.

По необходимости он сосредоточил все внимание на карте театра военных действий, которую все изучал и изучал в самолете. А что за ее обрезом? Жуков не мог знать в деталях этого, как и не знали его современники. Только годы спустя прояснилось...

В то последнее лето уже хрупкого мира японская вылазка у Халхин-Гола была лишь первым звеном

разворачивавшейся цепи запутанных интриг Запада против нашей страны. Интриг очень опасных, дело клонилось к организации крестового похода капиталистического мира против Советского Союза. Агрессивные державы — Германия, Италия и Япония, объединенные в 1936—1937 годах «Антикоминтерновским пактом», провозгласили своей целью беспощадную войну коммунизму. Похвальное намерение с точки зрения «демократий» — Англии, Франции и США! В Лондоне, Париже и Вашингтоне сгорали от нетерпения в ожидании волнующего момента, когда агрессоры навалятся на СССР с Запада и Востока. Самое главное начать, а затем события пойдут автоматически, как от брошенного в воду камня круги, расширятся на весь мир.

Начала Япония, точнее, командование ее Квантунской армии, расквартированной тогда в Маньчжурии в 1931 году для войны против СССР. В ее штабах собрались самые оголтелые милитаристы, грезившие походом на север. Это они превратили в тридцатые годы нашу дальневосточную границу в огненный фронт, провокации сменялись провокациями — обстрелы советской территории, вооруженные наскоки, выливавшиеся иной раз в нешуточные схватки, как бои у озера Хасан в конце лета 1938 года.

Захватчиков неизменно отбивали, но они не успокаивались. Почему? Генералы и старшие офицеры Квантунской армии были убеждены, что на их долю выпала миссия повести за собой Токио, заставить его начать наконец войну против Советского Союза. Они в 1931 году захватили Маньчжурию. В 1937 году именно Квантунская армия, начав боевые действия в Китае, потащила за собой токийских политиков. И вот Япония уже два года воюет в Китае, захватив обширные территории. Вторгнувшись в Монголию, командование Квантунской армии поставило правительство перед совершившимся фактом, масштабы боев неизбежно расширятся, и вот она, желанная большая война с СССР!

Дерзость и необдуманный шаг? Нет и еще раз нет! Японские милитаристы неплохо разбирались в международной политике. Они знали и видели — Запад, в первую очередь Англия и США, не ставили препятствий на пути их агрессии в Китае. В случае же войны с СССР будет обеспечен не только нейтралитет, но и прямая поддержка Запада. Следовательно, Япония мо-

жет быть спокойна за свой тыл. Итак, континентальное направление агрессии. Генералы никак не понимали, зачем в этих условиях планировать войну против западных держав, за что стояло в основном командование японского флота. И еще немаловажное обстоятельство — с весны 1939 года Германия и Италия вели переговоры с Японией о заключении формального военного союза. Если удастся разжечь пожар войны на Востоке, то едва ли Германия и Италия не выступят в поход против Советского Союза с Запада.

Толчок этой цепи событий могли дать только успехи на полях сражений в Монголии. В грядущей победе обнаглевшие милитаристы не сомневались. Десятилетия японская армия воспитывалась на традициях русско-японской войны 1904—1905 годов. За три с небольшим десятка лет, истекших с тех пор, эта война усилиями милитаристов превратилась в героический эпос японского оружия.

Среди высших японских военачальников еще служили ветераны русско-японской войны, на старости лет крепко позабывшие удары русских и давно заместившие в слабевшей с годами памяти лестными легендами подлинную историю. Цусима, Мукден, Порт-Артур превозносились как невероятные победы, разумеется, уместно умалчивалось, какой потрепанной вышла из той войны Япония. Превозносились не только в исторических сочинениях, воспевавших дух самураев, но и в солдатских песнях, которые ревели на маршах, в казармах.

Наконец, милитаристы не сомневались ни на минуту, что в их руках безотказный человеческий материал — войска, воспитанные в духе беспрекословного повиновения приказу. В японской солдатской памятке значилось: «Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать хранителем японской империи. Тогда ты будешь окружен почетом. Императорская армия непобедима, ибо ее защищают боги». Сама смерть «легче пуха», а за должным поведением солдата в бою следят его предки из амулета «оммори», который он носит на груди. Не исполнить приказ офицера — значит оказать неповиновение самому императору. Никак не меньше.

С начала мая 1939 года японские войска пытались захватить участок монгольской территории восточнее

реки Халхин-Гол. Начав с мелких стычек, они постепенно наращивали силы, стремясь приковать внимание советского командования к этому району. Если дело пойдет удачно, рассудили японские генералы, спланировавшие операцию, вступят в дело главные силы Квантунской армии, сосредоточенные в Маньчжурии. Молниеносным ударом они вторгнутся в Уссурийскую, Амурскую области в район Хабаровска и овладеют всем советским Приморским краем.

Вот что начиналось там, у реки Халхин-Гол.

* * *

5 июня Г. К. Жуков добрался до штаба советского 57-го отдельного корпуса в Монголии. Первый вопрос в лоб — не трудно ли управлять войсками за 120 километров от места боев? Смущение. Нахмурившийся Жуков, не дослушав объяснений, выехал в войска.

Он не мог не отметить, что враг умело выбрал район для наступления. На западном берегу реки Халхин-Гол неоглядная степь, для противника все как на ладони. До советской границы около 650 километров, связь по единственной грунтовой дороге. На восток постепенно поднимаются отроги горного хребта Большой Хинган, где легко укрыть не только войска, но и их тылы. С японской стороны подведены две железные и несколько грунтовых дорог. Преимущества быстрого и скрытного сосредоточения на стороне врага.

Несколько дней машина комдива колесила по степи, Жуков хотел лично осмотреть все. Опытным глазом командира он оценивал слабые и сильные стороны немногочисленных советско-монгольских войск, вышедших в район Халхин-Гола. Чутье опытного солдата подсказывало ему — вот-вот грянет гроза, враг определенно подтягивает силы. Иначе чем объяснить: от зари до заката бесчинствуют японские самолеты, гоняющиеся даже за отдельными машинами.

Он отправляет срочное донесение в Москву: немедленно усилить советскую авиацию, направить в Монголию не менее трех стрелковых дивизий и танковую бригаду. Цель — готовить контрудар. Предложения Жукова были одобрены. Он принял командование корпусом, вскоре развернутым в 1-ю армейскую группу. Из СССР прибыла группа летчиков, 21 Герой Советского Союза во главе с Я. В. Смушкевичем.

Поспели в самое время, с середины июня в небе Монголии завязались неслыханные в то время по ожесточенности воздушные бои. Иногда в бешеной карусели крутилось свыше двухсот самолетов с обеих сторон. Японское командование бросило в дело лучших асов, домогаясь добиться господства в воздухе. Не получилось. Советские летчики крепко держали небо на замке, все чаще и чаще в степи вставали султаны чадного дыма — догорал очередной, вогнанный в землю японский самолет.

Жуков торопил — крепить оборону у Халхин-Гола, особенно на плацдарме за рекой, быстрее подтягивать резервы из Советского Союза. Через безводную, выжженную зноем степь катились колонны с пехотой, поднимая громадные клубы пыли, лязгали гусеницами танки. Косматое, свирепое, непривычное солнце. Красноармейцы, сорванные тревогой из сибирских гарнизонов, оглядывали непривычные места, даже привычные песни звучали по-иному на пыльных губах. В висках стучало от страшной жары, а Жуков чисто физически ощущал — стучат колеса на железных дорогах, катят японские эшелоны. Везут массу обстрелянных войск, уже более двух лет воевавших в Китае. С ними предстоит схватиться молодым красноармейцам, слышавшим свист пуль только на стрельбищах.

В соревновании со временем железные дороги, работавшие на коротком «плече», не могли не опередить 650-километровую грунтовую. Они успели сосредоточить до 40 тысяч войск, 310 орудий, 135 танков и 225 самолетов. Перед рассветом 3 июля советский полковник проехал к горе Баин-Цаган, что на северном фланге фронта по Халхин-Голу, проверить оборону монгольской кавдивизии. Внезапно он натолкнулся на японские войска, уже форсировавшие реку. С первыми лучами солнца здесь уже был Жуков. Враг собирался провести хрестоматийную операцию — ударом с севера окружить и уничтожить советско-монгольские войска, державшие фронт по Халхин-Голу. Ведущие западные военные историки в отнюдь не дружественном нам труде «Русская военная машина 1917—1945 гг.» (1977 г.) замечают: «То был абсолютно здравый план, и он был бы прекрасно проведен в жизнь против китайского военачальника или монгольской армии. Но японцы не приняли в расчет мгновенную реакцию Жукова».

Наметанным командирским глазом Жуков определил опасность. Ясно. Но чем противодействовать? Если у горы Баин-Цаган скрытно, по-воровски через понтонную переправу валили японские колонны, то южнее фронт загрохотал — сковывая центр наших войск, вражеские танки вели в атаку густые цепи пехоты.

В складках местности трудно было определить, какие силы успел перебросить противник на западный берег реки. Потом выяснилось — более 10 тысяч при 160 орудиях, а в целом японцы превосходили советско-монгольские войска на Халхин-Голе по пехоте и артиллерии в 3 раза, по кавалерии в 4,5 раза. Жукову не было времени раздумывать над силой врага. Он вызвал авиацию — бомбить переправу, сюда же перенацелить часть огня батарей с центрального участка и приказал ввести в бой 11-ю танковую бригаду комбрига М. П. Яковлева. Она, донельзя измотанная длительным маршем, только встала на отдых в нескольких десятках километров от фронта. Поднятая по тревоге бригада примчалась как ветер — танки БТ-5 и БТ-7 обладали большой скоростью, маневренностью и прискорбно тонкой броней. Жуков пошел на беспримерный риск — отдал приказ с ходу атаковать врага, не дожидаясь пехоты, вызванный мотострелковый полк подошел только к середине дня.

Командиры батальонов, вытянувшиеся как на параде, — они видели Г. К. Жукова, четко отсигналили флажками «делай как я», лязгнули люки, и вперед — к славе и бессмертию! Было 10.45 утра, когда 150 танков рванулись на плацдарм, где на позиции ставили 160 орудий, где пусть в наспех отрытых окопах уже затаились японские солдаты с минами на пятиметровых бамбуковых шестах. В завязавшемся сражении наши танкисты показали, что годы учебы не прошли даром — огнем и гусеницами они уничтожили и раздавили всю японскую артиллерию. Вертким танкам пришлось действовать на местности, буквально кишевшей японскими солдатами. Хотя с орудийными расчетами было покончено, из окопов, лощин, самых разнообразных укрытий шла стрельба, летели гранаты.

Гибли и наши танкисты. Экипаж политрука Д. П. Викторова, уничтоживший десять орудий, был сожжен окружившими подбитый танк японскими солдатами. Почти трое суток без минутного перерыва бушевало сражение. Пришлось вести бой на истребление

упорно сопротивлявшегося врага, пытавшегося подбрасывать резервы, в том числе танки, с восточного берега. Писатель Константин Симонов, в то время сотрудник фронтовой газеты «Героическая Красноармейская», спустя более двадцати лет запечатлел Г. К. Жукова в памятную ночь. В романе «Товарищи по оружию» он писал:

«Командующий сидел в углу на своей неизменной парусиновой табуретке и показывал нагнувшемуся над картой командиру бронебригады, куда тот должен вывести один из своих батальонов, к рассвету переправив его на восточный берег.

— Огнем и броней ударите с тыла по японцам, когда мы их сбросим с Баин-Цагана и они покатятся к переправе, — сказал командующий, подчеркивая слово «покатятся». — Задача ясна?

— Ясна, товарищ комдив!

— А что у вас лицо такое? Сапоги жмут?

— Потери большие, товарищ комдив.

— Потери как потери, — сказал командующий. — Завтра, когда выполним задачу до конца, подсчитаем. Может, в сравнении с результатами и не такие уж большие».

Г. К. Жуков с командирами вышли из палатки.

«Хвосты тумана кое-где цеплялись за лощины, но горизонт был уже ясен, и на нем выделялись черные бугры сгоревших вчера танков.

— Поле боя, поле смерти, поле победы — все вместе, — торжественно, как стихи, сказал командующий. — Когда все будет кончено, на горе Баин-Цаган вместо памятника поставим танк. Один из этих».

Утром 5 июля враг был наголову разбит, тысячи трупов устилали землю, раздавленные и разбитые орудия, пулеметы, машины. Остатки вражеской группировки бросились к переправе, ее командующий генерал Камацубара (в прошлом военный атташе Японии в Москве) среди первых оказался на том берегу, а скоро «переправа, — вспоминал Жуков, — была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении прямо в воду и тут же тонули, буквально на глазах наших танкистов».

Враг потерял до 10 тысяч человек, почти все танки, большую часть артиллерии. «Эта битва, — подвел итог Г. К. Жуков, — является классической операцией активной обороны войск Красной Армии, после которой японские войска больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халхин-Гол». В тяжелых боях погибло и немало наших героических красноармейцев и командиров, среди павших — комбриг М. П. Яковлев.

По сей день на горе Баин-Цаган стоит видный за десятки километров памятник. На постаменте танк БТ-5, надпись в честь орденоносной танковой бригады имени Героя Советского Союза М. П. Яковлева гласит: «Танкистам РККА яковлевцам — победителям над японцами в Баин-Цаганском сражении 3—5 июля 1939 г.».

* * *

Когда в Токио получили известия о катастрофе, крупный государственный деятель Японии, советник императора маркиз Кидо пометил в своем дневнике: «Армия в смятении, все погибло». Скрыть размеры поражения было невозможно — уверенное в победе командование Квантунской армии пригласило военных атташе ряда иностранных государств, в том числе Германии и Италии, на место действия — в штаб генерала Камацубара. Теперь они поторопились сообщить в Берлин и Рим о случившемся, указав на разрыв между декларациями и возможностями дальневосточного соратника по «Антикоминтерновскому пакту».

Военная логика властно диктовала — после такого поражения врагу нужно убраться с монгольской территории. Вмешалась высокая политика. Круги от схватки на Халхин-Голе достигли далекой Европы и дальних США. В правительственных канцеляриях «демократий» потирали руки — итак, Япония уже схватилась с СССР. Пошли заверения, что Запад не видит в происходящем ничего ненормального. Англия даже подписала к концу июля с Японией соглашение Арита-Крейги, гарантировавшее тыл агрессора в Китае. Не за горами, убеждали друг друга западные политики, время, когда война Японии на востоке сольется с походом на СССР Германии и Италии. В ожидании этого поторопились сбросить со счетов тяжкое воспоминание, которое произвел на европейские державы фашистской «оси» Халхин-Гол. Красная Армия воочию показала не только мощь и доблесть, но и неоспоримое искусство

в ведении вооруженной борьбы. Стоит ли начинать поход за мировое господство с единоборства с самым могучим противником? И так уж необходимо связывать себя узами военного союза с банкротами?

Каждый день продолжавшихся боев на Халхин-Голе превращал эти вопросы в утвердительные суждения для Берлина и Рима. Квантунская армия не жалела ничего, чтобы спасти лицо. Японские генералы вознамерились взять реванш за поражение на Баин-Цагане, выбив наши войска с восточного берега Халхин-Гола. В течение июля японцы дважды переходили в яростное наступление. Наше положение, конечно, было неважным, войска оборонялись в низине у самой реки, а японцы, засевшие на высотах, просматривали и обстреливали их позиции. Прибывший во главе претенциозной комиссии командарм 1-го ранга, сталинский любимец Г. Н. Кулик приказал уйти на восточный берег реки.

Жуков не согласился, послав протест Ворошилову. Он резонно указал — если оставить плацдарм, последующее неизбежное наступление придется начать с форсирования реки. В результате мы понесем большие потери, «мы вгрызлись в землю, — докладывал Жуков наркому, — у нас боевой девиз «Ни шагу назад!». Москва согласилась с доводами Жукова, а Кулика отозвали.

Отбившись от претенциозных невежд, Жуков смог уделять все свое время борьбе с противником. Предстояло серьезнейшее сражение. Днем и ночью к Халхин-Голу подвозились новые японские войска, из которых развернулась 6-я особая армия генерала Огиси. 75 тысяч личного состава, 182 танка, более 300 самолетов, 500 орудий, в том числе тяжелые, срочно снятые с фортов в Порт-Артуре и доставленные на Халхин-Гол. 6-я особая армия вцепилась в монгольскую землю — 74 километра по фронту и 20 километров в глубину. Основательно укрепилась, зарылась в землю. Интенданты даже завезли зимнее обмундирование. Но это на всякий случай! На конец августа штаб генерала Огиси готовил новое наступление.

Промедление с изгнанием агрессора было чревато самыми серьезными последствиями. Г. К. Жуков не сомневался в высоких боевых качествах вверенных ему войск, не сомневался и в том, что они способны выбросить самураев с захваченной земли. Но этого было

мало. Операцию следовало провести так, чтобы отвадить японцев от возобновления борьбы.

Как? В Москве внимательно следили за происходившим на далекой границе Монголии. Гордились доблестью бойцов и командиров Красной Армии, но постоянно держали под жестким политическим контролем военные действия. Желание добить агрессора привело к появлению предложений о том, чтобы в ходе дальнейших операций перенести действия наших и монгольских войск за пределы МНР. «Вы хотите развязать большую войну в Монголии, — отрезал И. В. Сталин, — противник в ответ на наши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну. Надо сломить хребет японцам на реке Цаган» (Халхин-Гол).

Это определило план операции. Задача — истребить японскую 6-ю особую армию, не дав ей уйти, пусть побитой, за кордон. Причем ни в коем случае не переносить боевые действия за монгольскую границу, чтобы не дать повода Токио прокричать на весь мир о «советской агрессии» с вытекающими отсюда понятными осложнениями.

Готовя удар на уничтожение, Жуков усыпил бдительность врага, создав впечатление, что советско-монгольские войска помышляют только об обороне. Строились зимние позиции, бойцам вручали наставления о ведении оборонительных боев, самыми разнообразными средствами все это доводилось до сведения японской разведки. Психологически расчет Жукова был безупречен — это свидетельствовало представлению самураев о себе, дескать, русские «взялись за ум» и опасаются новой схватки. Японские войска наглели на глазах, они вновь и вновь затевали частные операции, которые заканчивались лишь очередным их избиением. Продолжались напряженные бои и в воздухе.

Благодаря тщательно продуманной Жуковым системе дезинформации удалось скрыть от противника подход крупных подкреплений из Советского Союза. К середине августа под командованием комкора Жукова (получившего это звание 31 июля) были советско-монгольские войска, насчитывавшие примерно 57 тысяч человек, почти 500 танков, около 400 бронемашин, 550 орудий и минометов и свыше 500 боевых самолетов. Всю эту махину нужно было принять и скрытно

разместить в голой степи, а перед началом наступления, назначенного на воскресенье, 20 августа, незаметно вывести на исходные позиции. До 80 процентов войск, которым предстояло наступать, сосредоточились в охватывающих группировках. Что удалось провести с блеском.

Японское командование в этот воскресный день разрешило отлучку в тыл многим генералам и старшим офицерам. И это предусмотрительно учел Жуков, наметив выступить именно на 20 августа.

В 5.45 утра советская артиллерия открыла мощный огонь по врагу, особенно по доступным зенитным средствам. Вскоре 150 бомбардировщиков под прикрытием 100 истребителей обрушились на японские позиции. Артподготовка и бомбардировки с воздуха продолжались три часа. Затем на всем протяжении семидесятикилометрового фронта началось наступление. На центральном участке бойцы шли в атаку под звуки «Интернационала», передававшегося мощными звуковещательными установками. Основные удары были нанесены на флангах, где выступили советские танковые и механизированные части. Преодолевая яростное сопротивление, они сумели к 25 августа окружить всю японскую группировку. Трехдневные попытки врага деблокировать ее из Маньчжурии были отбиты. С образованием внешнего фронта вдоль границы Монголии началось уничтожение врага, оказавшегося в котле.

Тут возникли осложнения с непосредственным начальством Г. К. Жукова, командующим 1-й отдельной Краснознаменной армией Г. М. Штерном. В прошлом политработник, позднее крупный штабист, советник при республиканском правительстве Испании в 1937—1938 годах, Штерн в те годы обладал давящим авторитетом и политическим весом. Он возглавлял оказавшуюся мертворожденной инстанцию — Фронтовую группу, созданную 5 июля 1939 года для объединения и координации действий войск на Дальнем Востоке. Штерну, конечно, не терпелось внести свой вклад в операцию. В лице Г. К. Жукова он встретил непреклонного оппонента своих стратегических рекомендаций.

Относительно молодой тогда командир А. Т. Стученко был направлен в штаб Штерна. В мемуарах (вышедших в 1964 году, во время очередной опалы Г. К. Жукова) он нарисовал весьма странную картину: «Штаб наш

работал необычно. Большую часть времени мы работали в Чите, и только оперативная группа во главе с командующим Штерном периодически вылетала на командный пункт в район горы Хамар-Даба. Эта группа осуществляла скорее инспекторские, чем оперативно-боевые функции. Между Штерном и командующим первой армейской группой Г. К. Жуковым сложились какие-то странные отношения. Трудно было разобрать, кто из них старший. Григорий Михайлович Штерн, опытный военачальник, выдержанный, вежливый и в то же время требовательный человек, вынужден был во многом уступать Г. К. Жукову. Вероятно, сказывалось то, что Г. К. Жуков, как командующий первой армейской группой, силами которой проводились операции по уничтожению японо-маньчжурских войск, поддерживал постоянную связь с И. В. Сталиным, и тот с ним считался больше, чем со Штерном. Во всяком случае, Штерн всячески избегал конфликтов с комкором Жуковым».

Вот генезис одной из расхожих легенд о Жукове, включая таинственную прямую связь со Сталиным. Дело было много проще и опаснее для Жукова, учитывая опыт Штерна как политработника. Не мифическая помощь Сталина, а реальная твердость Жукова оградила его от посягательств кабинетных стратегов.

Как объяснял впоследствии Жуков, «на третий день нашего августовского наступления, когда японцы зацепились на северном фланге за высоту Палец и дело затормозилось, у меня состоялся разговор с Г. М. Штерном. Штерн находился там, и по приказанию свыше его роль заключалась в том, чтобы в качестве командующего Забайкальским фронтом обеспечивать наш тыл, обеспечивать группу войск, которой я командовал, всем необходимым. В том случае, если бы военные действия перебросились и на другие участки, перерастая в войну, предусматривалось, что наша армейская группа войдет в прямое подчинение фронта. Но только в этом случае. А пока что мы действовали самостоятельно и были непосредственно подчинены Москве.

Штерн приехал ко мне и стал говорить, что он рекомендует не зарываться, а остановиться, нарастить за два-три дня силы для последующих ударов и только после этого продолжать окружение японцев. Он объяснил свой совет тем, что операция замедлилась и мы несем, особенно на севере, крупные потери. Я сказал

ему в ответ на это, что война есть война и на ней не может не быть потерь и что эти потери могут быть и крупными, особенно когда мы имеем дело с таким серьезным и ожесточенным врагом, как японцы. Но если мы сейчас из-за этих потерь и из-за сложностей, возникших в обстановке, отложим на два-три дня выполнение своего первоначального плана, произойдет одно из двух: *или мы не выполним этот план вообще*, или выполним его с громадным промедлением и с громадными потерями, которые из-за нашей нерешительности в конечном итоге в десять раз превысят те потери, которые мы несем сейчас, *действуя решительным* образом. Приняв его рекомендации, мы удесятерим свои потери.

Затем я спросил его, приказывает ли он мне или советует? Если приказывает, пусть напишет письменный приказ. Но я предупреждаю его, что опротестую этот письменный приказ в Москве, потому что не согласен с ним. Он ответил, что не приказывает, а рекомендует и письменного приказа писать не будет. Я сказал: «Раз так, то я отвергаю ваше предложение. Войска доверены мне, и командую ими здесь я. А вам поручено поддерживать меня и обеспечивать мой тыл. И я прошу вас не выходить из рамок того, что вам поручено». Был жесткий, нервный, не очень-то приятный разговор. Штерн ушел. Потом через два или три часа вернулся, видимо, с кем-то посоветовался за это время и сказал мне: «Ну, что ж, пожалуй, ты прав. Я снимаю свои рекомендации».

Последовало почти недельное мрачное, круглосуточное сражение среди сопок, глубоких котловин, сыпучих песков и барханов. Нанося сходящиеся удары, наши войска рассекали группировку врага и уничтожали ее по частям. Каждая сопка укреплена, японских солдат приходилось добивать в окопах, блиндажах. Они сражались до последнего патрона, попав в безнадежное положение, кончали с собой. Бой рассыпался на десятки и сотни схваток, гремели орудия, выставленные на прямую наводку, часто смрадное облако отмечало ликвидацию очередного гнезда сопротивления отлично действовавшими огнеметными танками. Нередко в тылу вновь возникала стрельба, оставшиеся незамеченными японцы открывали огонь в спину наступавших. Приходилось начинать сначала.

Жуков нередко добирался до передовой. В сопровождении группы командиров он как-то появился на батальонном наблюдательном пункте в самый разгар боя. Лихой капитан отдал приветствие и вернулся к телефону, повторяя в трубку: «Давай вперед!» Жуков не выдержал и резко оборвал вояку:

— Что вы, товарищ капитан, воздух сотрясаете. Ваш крик говорит о нежелании думать, анализировать обстановку, принимать решения, организовывать бой. Подчиненным надо ставить конкретные задачи, иногда указывать способ их решения, а лозунг «Давай вперед!» они и без вас знают...

Он тяжело переживал потери, требуя беречь бойцов. По приказанию Жукова со всех командирских танков БТ были сняты круговые антенны, по которым японцы опознавали их и выводили из строя в первую очередь. Жуков распорядился установить на всех танках без исключения штыревые антенны, и для японских солдат машины стали на одно лицо. «Победа достигается малой кровью», — не уставал повторять Жуков.

29 августа пал последний узел японского сопротивления на сопке Ремизова, названной так в честь командира 149-го стрелкового полка И. М. Ремизова, героически погибшего в июльских боях.

Еще два дня прочесывания местности, и 31 августа Г. К. Жуков доложил об успешном завершении операции. Подводя ее итоги на разборе в Тамцак-Булаке, Жуков сказал: «Армейская наступательная операция явилась поучительной операцией на окружение и уничтожение противника. С обеих сторон участвовало в боях до 815 самолетов, свыше 1000 орудий и минометов, около 132 тысяч человек, 1065 танков и бронемашин. Японцы потеряли на Халхин-Голе около 61 тысячи убитыми, ранеными и пленными». Советско-монгольские войска — 18,5 тысячи человек убитыми и ранеными.

Командующий Квантунской армией генерал Уэда и начальник штаба генерал Исойя были уволены в отставку. Ряд японских военачальников, непосредственно планировавших и руководивших операциями на Халхин-Голе, покончили с собой традиционным обрядом харакири — торжественно вспороли себе животы.

15 сентября 1939 года в Москве было подписано соглашение о ликвидации конфликта.

* * *

Сражение на реке Халхин-Гол, затерявшейся где-то в Азии и до тех пор известной лишь дотошным географам, круто повернуло многое в международной жизни. Полководческий подвиг Г. К. Жукова, удостоенного за эту победу звания Героя Советского Союза, не только ликвидировал опасность, нависшую над союзной нам Монгольской Народной Республикой, но и стабилизировал всю обстановку на Дальнем Востоке.

Отныне в Токио перестали прислушиваться к сиренам из штабов армии, прельщавших правительство соблазнительными перспективами легкого похода на север против СССР. Халхин-Гол начисто стер в памяти вояк представление о нашем солдате, которое они создали по опыту русско-японской войны 1904—1905 годов. Командиры и красноармейцы, преподавшие предметный урок воинственным самураям летом 1939 года, избавили нашу страну от нашествия еще с Востока после 22 июня 1941 года. Павшие в тех боях бессмертны — ценой своих жизней они спасли многих от верной гибели, если бы Япония пошла бы войной против нас вместе с Германией.

Удары по Квантунской армии могучим эхом отозвались в Европе. Гитлеровское руководство к середине августа 1939 года отвергло согласие Токио подписать тройственный военный союз в составе Германии, Италии и Японии. Берлин предпочел пойти на пакт о ненападении с Советским Союзом, заключенный 23 августа 1939 года. Пакт этот внес замешательство в лагерь агрессоров, привел к тому, что они не вступили одновременно во вторую мировую войну. В Японии правительство Хиранумы, при котором был затеян Халхин-Гол, 25 августа 1939 года ушло в отставку. Озлобление в Токио против «вероломного» союзника — Германии — было просто неописуемым.

А Жуков? В то время как происходили эти эпохальные события, толчком к которым была и победа на Халхин-Голе, комкор, примернейший семьянин, вызывает к себе семью. Он пишет:

«Здравствуй, милый мой Шурик!

Шлю тебе привет и крепко всех целую. Получил от тебя массу писем и телеграмм, но, извини, ответить не мог, т. к. был занят боями. Вот с 20.8. веду непрерывные бои. Сегодня закончил полный разгром японских самураев. Уничтожена вся его действующая армия, взято более 100 орудий, масса всякой техники и имущества. По счету это четвертое поражение японцев.

Надо тебе сказать: все время бои носили ожесточенный характер. Естественно, мне как командующему пришлось поработать и не поспать. Ну ничего, лишь бы хороший результат. Ты помнишь, я тебе писал из Москвы о том, что задание партии выполню с честью. Вот не знаю, как будет развиваться конфликт дальше. Хотелось бы скорее кончить и увидеться с вами. Сегодня я посылаю за тобой порученца. Думаю, тебя довезет. Парень он проныристый.

Теперь что здесь есть. Тут, говорят, есть все. Не было только одеял, но я купил 4 одеяла верблюжье-плюшевые, очень хорошие и красивые.

Для меня: 1) касторовую шинель, 2) фуражку, но только не кавалерийскую, а пехотную, с малиновым околышем. Размер $57\frac{1}{2}$, с кавалерийским козырьком. Больше для меня ничего брать не нужно.

Для себя: зимнее и осеннее пальто... Имейте в виду, приедете, здесь будет уже холодновато.

Для детей: то же самое, но имей в виду, здесь плохо с портнихами...

В Улан-Баторе я еще ни разу не был, т. к. прямо с самолета — на позиции и, кроме окопа, пока еще ничего не видел...

Сегодня получил сообщение о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Очевидно, ты об этом уже знаешь. Такая оценка правительства, партии и т. Ворошилова обязывает меня еще больше стараться выполнить свой долг перед Родиной.

Крепко, крепко всех вас целую.

До скорого свидания.

Жорж.

Начато 28.8.39. Кончено 1.9.39».

Письмо и порученец Жукова переполошили Александру Диевну и дочерей. Сборы, как выразилась Эра, были «суматошными». Потом семь дней ехали поездом, затем машиной до Улан-Батора. Поселились в «довольно удобном» (слова Эры) доме. Пошли обычные будни, как в военных городках в Союзе. Отца, как обычно, семья видела мало, Георгий Константинович по голову погрузился в знакомое и любимое дело — крепил боевую мощь советских войск, оградивших союзную Монголию от агрессора. Работы было много, и он отдался

ей со свойственной ему энергией. Жуков приказал, чтобы участники боев разъехались по частям, не понюхавшим пороху, неся свои знания и опыт, завоеванные кровью. Всю осень, зиму и весну шли напряженные занятия, Жуков уже предвкушал, как выведет войска в поле на тактические учения. Уже скоро год, как он в Монголии!

Москва распорядилась иначе.

Маршал Советского Союза М. П. Захаров, занимавший пост начальника Генерального штаба в конце шестидесятых — начале семидесятых годов, отметил: «Выдвигая кандидатуру на пост командующего группой советских войск в МНР комкора Г. К. Жукова, руководство Генерального штаба поступило совершенно правильно. На него вполне обоснованно возлагались большие надежды. И действительно, в степях Монголии Георгий Константинович, командуя крупными соединениями, проявил в боевых условиях свои выдающиеся военные дарования. Партия и Советское правительство увидели в нем незаурядного военачальника широкого плана».

В начале мая 1940 года Г. К. Жукова отозвали в Союз. Как всегда в его жизни, сборы были недолгими. Он покидал полюбившиеся ему войска в твердой уверенности, что если они снова примут бой, то достойно выполнят любую задачу. «Не случайно, — напишет он в мемуарах, — соединения, находившиеся в 1939—1940 годах в Монголии, будучи переброшены в 1941 году в район Подмосковья, дрались с немецкими войсками выше всяческих похвал».

В мае 1940 года Жукову присвоили звание генерала армии.

Блистательная победа для Георгия Константиновича имела и глубокое личное значение. Он показал, на что способен волевой военачальник в то время, когда с 1937 года боеспособность Красной Армии ежегодно, ежемесячно и ежедневно подрывалась массовыми репрессиями. По указке И. В. Сталина и его подручных десятки тысяч командиров были уничтожены, брошены в тюрьмы, томились в лагерях.

Через десятилетия Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, рассказывая о прожитом и пережитом, подчеркивал:

«Первое тяжелое переживание в моей жизни было связано с 37-м и 38-м годами. На меня готовились

соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончали многие другие. И вот после всего этого — вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью. А после завершения операции испытал большое удовлетворение. Не только потому, что была удачно проведена операция, которую я до сих пор люблю, но и потому, что я своими действиями там как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался. Я был рад всему: нашему успеху, новому воинскому званию, получению звания Героя Советского Союза. Все это подтверждало, что я сделал то, чего от меня ожидали, а то, в чем меня раньше пытались обвинить, стало наглядной неправдой».

Тут, как говорится, не убавить, не прибавить...

* * *

Вот и Москва майская. Наркомат обороны на Арбатской площади. На затягивавшихся далеко за полночь совещаниях Г. К. Жуков щедро делился своими наблюдениями, делал глубокие выводы о боевых возможностях частей Красной Армии. Слушали очень внимательно.

Высшее командование наших Вооруженных Сил уже жило по законам военного времени. 1 сентября 1939 года нападением на Польшу гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну. Пакт с Германией дал возможность Советскому Союзу не только выйти из-под удара, но создал предпосылки для укрепления обороноспособности нашей страны. Когда под ударами вермахта развалилась панская Польша, Красная Армия 17 сентября 1939 года выступила в освободительный поход, взяв под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Советская граница была отодвинута на сотни километров, но на ней теперь стояла Германия.

Вплоть до поздней весны 1940 года Англия и Франция, формально объявившие войну Германии после нападения на Польшу, так и не вели боевых

действий против нее. Пока шла «странная война». Но к моменту приезда Жукова в Москву пожар войны на Западе начал разгораться. В апреле Германия оккупировала Данию и приступила к захвату Норвегии. В Норвегию Англия и Франция направили ограниченные контингенты войск, но на Западном фронте по-прежнему все было спокойно...

Очередное совещание в Наркомате обороны прервал вызов в Кремль. У И. В. Сталина собрались члены Политбюро. Нельзя передать волнение Жукова, впервые переступившего порог кабинета, ставшего потом ему очень знакомым. Он, строевой генерал, был напряжен как струна. Но Сталин, тепло поздоровавшись, раскуривая трубку, сделал паузу и спросил о том, чем Жуков жил последний год, — его мнении о японской армии. Сразу создалась непринужденная обстановка. Припоминая первую встречу со Сталиным, Жуков очень объективно написал, что она произвела на него «большое впечатление. Если он всегда и со всеми такой, непонятно, почему ходит упорная молва о нем как о страшном человеке? Тогда не хотелось верить плохому».

Георгий Константинович Жуков подробно рассказал о том, что видел и знал. Новые вопросы, теперь о наших войсках. Жуков дал высокую оценку танкистам, артиллеристам, летчикам. Он не скрыл, что стрелковым частям нужно еще учиться. Он высказался за увеличение в составе Красной Армии бронетанковых и механизированных войск. Танки БТ-5 и БТ-7 с бензиновым двигателем, предупредил Жуков, огнеопасны. В деловой обстановке Сталин и другие члены Политбюро обсудили множество вопросов. В заключение Сталин сказал:

— Теперь у вас есть боевой опыт. Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Неожиданное предложение. Речь шла о крупнейшем тогда в СССР военном округе. От дел, связанных с Монголией, прямо на пост лицом к лицу с фашистской Германией. Жуков последний год был далек от Европы, следил за происходившим там только по радио и газетам. Да и не в его правилах было дробить внимание, отвлекаясь от дел службы. Представился, однако, случай выяснить мнение Сталина о причинах «странной войны».

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые действия? — спросил Жуков.

Сталин усмехнулся:

— Французское правительство Даладье и английское правительство Чемберлена не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с ними антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за недальновидную политику.

* * *

Расплата началась 10 мая 1940 года — вермахт открыл наступление на Западе. За полтора месяца повержена Франция, Англия оказалась в одиночестве перед победоносной Германией и вступившей в войну Италией. Радио Берлина гремело бравурными маршами и разносило хвастливо-трескучие сводки ставки фюрера.

Известия с Запада жадно ловил Г. К. Жуков, он внимательно изучал ход боевых действий на полях Франции. Мир был потрясен гитлеровским «блицкригом» — «молниеносной войной». Радио и газеты капиталистических стран, панически описывая внешнюю сторону событий, ужасались: под оглушительный вой сирен, пикирующих бомбардировщиков немцы танковыми клиньями рассекали оборону англо-французских войск. Механизированные колонны, не обращая внимания на фланги, рвались только вперед, неся смерть и смятение. С неба сыпались германские парашютисты. А в тылу противников Германии, что было совсем непостижимо, действовала пресловутая «пятая колонна»...

Кадровый военный, каким был Жуков, не предавался эмоциям и не очень думал о неких диверсантах, он смотрел в корень дела — в чем основа стратегии и тактики вермахта, в чем его сила? Недобрая усмешка пробегала по его лицу, когда ему попадались снимки тех, кто разогнал французские и английские войска: пустоглазые парни в куцых мундирах мышиного цвета, с автоматами. Из коротких голенищ торчат запасные обоймы, на головах знакомые ему по фронту той войны каски омерзительной формы. Каждый из них ничто,

но вместе — победители! И эти принудили к скорой капитуляции Францию, почитавшую себя первейшей военной державой Европы!

Может быть, какая-нибудь особая техника? Да нет. У французов и англичан как танки, так и самолеты не хуже, да их не меньше. Но вот у немцев сосредоточиваются они на избранных направлениях и наваливаются массой, ломящейся только вперед, без оглядки.

Постепенно картина прояснялась — немцы всегда полагались на внезапность, они сеяли панику, которая далеко обгоняла их наступавшие войска. Это подкреплялось большой организованностью и дисциплиной. Немецкий педантизм, граничивший с шаблоном, запал в память Жукову со времен первой мировой войны.

Но тогда мотор еще не был основой военной техники. Отсюда внезапность... К ней нужно готовить войска.

Никто из наших военачальников не сомневался, что очень скоро придется столкнуться в бою с вермахтом. Война неумолимо надвигается.

Советские командующие, и Жуков первый среди них, понимали, что биться придется с самой сильной армией капиталистического мира, беспредельно жестокой, с очень опытным офицерским корпусом. Любое улучшение условий для развертывания Красной Армии — во благо!

Большое удовлетворение командование Киевского особого военного округа (КОВО) испытало от разрешения политическими методами давней несправедливости — боярская Румыния после длительных переговоров убралась из захваченных ею земель — Бессарабии и Северной Буковины. Румынские войска должны были отходить по двадцать километров в сутки и такими же темпами продвигаться Красная Армия. Было условлено, что никакого имущества с освобождаемой территории румыны не должны забирать с собой. Выяснилось, однако, что они тащили с собой все, что можно вывезти.

Жуков приказал пресечь грабеж. Две воздушно-десантные бригады были выброшены на рубеже реки Прут и захватили все мосты. Одновременно две танковые бригады, совершив 200-километровый марш, обогнали отходившие румынские войска и вышли в районы десантирования почти одновременно с приземлением наших войск. «Среди румынских частей, местных властей, всех тех, кто стремился скорей удрать в Румынию, поднялась паника, — писал Жуков. — Офицеры, оставив свои части и штабное имущество, также удирали через реку. Короче говоря, королевские войска предстали перед советскими войсками в крайне плачевном состоянии и продемонстрировали полное отсутствие боеспособности».

В Москве румынский посол бросился с пламенным протестом в Наркоминдел, жалуясь на «высадку» с воздуха танков на реке Прут. Сталин по телефону объяснился с Жуковым, который рассказал, как было дело. Что до танков, то, увы, ответил Жуков, «мы не имеем еще таких самолетов. Очевидно, отходящим войскам с перепугу показалось, что танки появились с воздуха». Красная Армия встала на Пруте, укрепив наши позиции в предвидении войны.

Все лето и осень 1940 года в приграничных округах шла напряженная учеба в условиях, приближенных к боевым. Войска должны быть всегда в состоянии боевой готовности. Учения проводились днем и ночью, в любую погоду. В те месяцы Г. К. Жукова почти не видели в Киеве в штабе округа. Он постоянно находился в войсках. Командующий округом требовал учить тому, что действительно нужно на войне. Серия смотровых учений в сентябре 1940 года, на которые прибыл нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, прошла успешно.

Высокая оценка «сверху». А вот как запомнились перемены в КОВО красноармейцу механику-водителю танка М. Т. Калашникову: «Энергию, волю Г. К. Жукова мы почувствовали сразу, едва он в мае 1940 года вступил в должность. Пожалуй, за все время службы до этого (а призван в армию я был в 1938 году) мне не доводилось столько участвовать в учениях и полевых занятиях, сколько летом и осенью 1940 года... Но вот что удивительно: психологические и физические нагрузки возрастали, а у нас словно второе дыхание открылось — повысился интерес к службе, к совершенствованию знаний и навыков». Вглядываясь в прошлое почти через 50 лет, Калашников выделяет: «Обучение войск максимально приблизилось к условиям реальной действительности».

Не только. После вступления Жукова в командование округом значительно повысился интерес к изобретательской и рационализаторской работе. В танковых частях умельцам предлагалось вносить свои предложе-

ния, что и сделал Калашников, сконструировавший прибор для контроля моторесурса танковых двигателей. Двадцатилетний красноармеец был вызван дать пояснения к командующему округом. «Когда докладывал о своем прибытии, голос мой сорвался. И, видимо, заметив мое состояние, Георгий Константинович улыбнулся. Сошла суровость с его лица, подобрел взгляд строгих глаз». Он компетентно оценил изобретение, наградил Калашникова часами и откомандировал из части на завод. Встреча с Жуковым, свидетельствовал Калашников спустя полвека, была «точкой отсчета» в его жизни. «Путевку в жизнь» получил Михаил Тимофеевич Калашников, ставший прославленным конструктором стрелкового оружия. Автомат АК-47 известен всему миру.

Так работал Жуков в том суровом предвоенном году, не упуская ничего, что могло бы повысить обороноспособность Красной Армии. Время не ждало. По ту сторону границы уже с лета 1940 года гитлеровцы планомерно готовились к нападению на нашу страну. 31 июля 1940 года Гитлер собрал в ставке в Бергхофе высший генералитет вермахта. Начальник генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдер прилежно записывал поучения фюрера: «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно».

Гальдер выделил слова Гитлера: «Первый удар: Киев, выход на Днепр». Туда, где готовил вверенные ему войска Г. К. Жуков. 30 сентября Гальдер отмечает: «Русские войска усиленно совершенствуют свою боевую выучку».

Уже с осени 1940 года в штабах вермахта началась серия штабных игр — на картах выверялись детали предстоящей агрессии. Преступники в военных мундирах прикидывали, как лучше разгромить нашу страну. На картах складывалось неплохо. 5 декабря 1940 года Гитлер снова собрал своих командующих. Он внушал:

«Русские уступают нам в вооружении...

Русский человек — неполноценен. Армия не имеет настоящих командиров...»

Фюрер был глубоко убежден в этом, ибо гитлеровские спецслужбы внесли весомую лепту в репрессии командного состава Красной Армии с 1937 года. Они подбросили Сталину фальшивки, «доказывавшие» измену Родине М. Н. Тухачевского и ряда высших военачальников. По Красной Армии прокатился вал репрессий. Только с мая 1937 года по сентябрь 1938 года было репрессировано около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, немало преподавателей академий и военных училищ.

Десятки тысяч командиров и политработников армии и флота нашли смерть в подвалах НКВД или медленно погибали в лагерях. Итог — в Берлине уверовали, что Красная Армия обезглавлена. П. Шмидт, при Гитлере начальник отдела печати МИД Германии, сочинил несколько книг о второй мировой войне, выпустив их под псевдонимом П. Карелла. В основной из них, «Война Гитлера против России», увидевшей свет в 1971 году, он деловито подсчитал: «Устранить офицера Генерального штаба все равно, что спилить дерево. Чтобы подготовить только майора Генерального штаба, способного руководить боевыми действиями и обеспечением дивизии, нужно 8—10 лет. А по приказу Сталина была ликвидирована или брошена в тюрьмы по крайней мере половина офицеров Генштаба Красной Армии».

Обратившись к значению гитлеровских фальшивок о Тухачевском, Шмидт со скрытым злорадством рассуждает: «Для Сталина и партийного руководства эти документы были доказательством шпионской деятельности Тухачевского и его соратников. Больше того, эти материалы не давали возможности другим маршалам и крупным генералам сделать что-либо для подсудимых. Они судили (среди судей на процессе 11 июня 1937 года были Блюхер, Белов, Алкснис. — *Авт.*) товарищей и в глазах других стали виновными сами. Зло порождает зло. Прошло мало времени, и судьи Тухачевского сами заняли место на скамье подсудимых перед новыми судьями, последние также были репрессированы». В войне против Финляндии в 1939—1940 годах командование Красной Армии определенно оказалось не на высоте. В Берлине внимательно анали-

зировали ход боевых действий в заснеженных лесах и сделали, как представлялось Гитлеру и его окружению, безошибочные выводы.

Немецкая военная разведка осенью 1940 года подготовила обширный обзор «Из опыта русско-финской войны». Возможности Красной Армии в наступательных операциях оценивались отрицательно. Артиллерийская подготовка проводилась шаблонно и слишком долго, ожидаемые переносы огня давали возможность финнам ускользать с позиций, находившихся под обстрелом, а затем вновь занимать их. Повсеместно отмечалась неважная маскировка войск в выжидательных районах, например, шум двигателей танков. Отмечалось посредственное взаимодействие войск. Что касается обороны, то абверовцы подчеркивали упорство Красной Армии, умение стремительно окапываться, но не всегда удовлетворительное применение к местности, неглубокое построение обороны и т. д. Главком сухопутных сил распорядился разослать обзор по штабам соединений и частей вплоть до дивизии.

Рассуждения абверовцев стали общим достоянием немецких офицеров высшего и среднего звена, а в ставке Гитлера в них усмотрели подтверждение уже сложившегося там в значительной степени умозрительного взгляда на Красную Армию. Шмидт совершенно справедливо разъяснил: «Неудачи Красной Армии укрепили убеждение Гитлера, что вторжение в Советский Союз окажется легкой военной прогулкой и овладение сырьевыми ресурсами Советского Союза не составит особого труда, что даст возможность победить в войне против западных держав. С этой точки зрения фатальное нападение на СССР 22 июня 1941 года — запоздалое последствие казни Тухачевского». Надо думать, Шмидт хорошо запомнил настроения высших руководителей рейха в канун агрессии против СССР. Именно имея в виду ослабление высшего звена Красной Армии, Гитлер в той же речи 5 декабря 1940 года выразил уверенность, что германские генералы окажутся на высоте:

«Ведя наступление против русской армии, не следует теснить ее перед собой, так как это опасно. С самого начала наше наступление должно быть таким, чтобы раздробить русскую армию на отдельные группы и задушить их в «мешках».

Ровно через год в снегах под Москвой в ушах гитлеровских генералов по-иному звучали эти слова...

А тогда все выглядело прекрасно. Три крупных штабных игры завершились принятием плана «Барбаросса», который был утвержден Гитлером 18 декабря 1940 года. Основной замысел — в быстротечной кампании до осени 1941 года разгромить Советский Союз и выйти на линию Волга — Архангельск.

У нас же вплоть до нападения Германии на Советский Союз репрессии военных продолжались, хотя не в масштабах 1937 года. В конце 1940-го и начале 1941 года среди прочих арестованы и погибли заместитель наркома обороны, начальник ВВС Красной Армии генерал-полковник 48-летний А. Д. Локтионов; его преемник Герой Советского Союза 30-летний генерал-лейтенант П. В. Рычагов; генеральный инспектор ВВС дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант 39-летний Я. В. Смушкевич; начальник управления ПВО Герой Советского Союза 40-летний генерал-полковник Г. М. Штерн...

В давящей атмосфере в командовании Красной Армии наша страна шла навстречу войне. Но нужно было работать, и работали те, кто в войну возглавил Советские Вооруженные Силы. «Сталин, — напишет в 1965 году Константин Симонов, — все еще оставался верным той маниакальной подозрительности по отношению к своим, которая в итоге обернулась потерей бдительности по отношению к врагу... Прямое противопоставление своего взгляда на будущую войну взглядам Сталина означало не отставку, а гибель с посмертным клеймом врага народа. Вот что это значило... Сталин несет ответственность не просто за тот факт, что он с непостижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков. Главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности».

15 января 1941 года разведотдел ОКХ представил доклад о высшем командовании Красной Армии: «В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 года Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стало 60—70 процентов старшего начальствующего состава, имевшего частично военный опыт, у руководства «высшим военным эшелоном» (от главнокомандования до командования ар-

миями) почти нет незаурядных личностей... На смену репрессированным пришли более молодые и с меньшим опытом лица... Они не смогут отойти от шаблона и будут мешать осуществлению смелых решений. Старшему и младшему комсоставу (от командиров корпусов до лейтенантов) также, по имеющимся сведениям, свойственны очень крупные недостатки». Разведчики-литераторы, иначе и не назвать их, ибо праздномыслие документа било в глаза, упрекая в шаблоне наших военачальников, сами не могли отойти от собственных идеологически-расистских стереотипов. Они не видели очевидного, продемонстрировав это тотальным отрицанием проделанного в Красной Армии в канун войны: «Вооруженные Силы, особенно после финской войны, претерпевают изменения. От большевистского пристрастия к проведению гигантских военных учений и маневров они возвращаются к кропотливой индивидуальной подготовке командира и бойца... Однако в условиях России положительная роль новых методов может сказаться лишь спустя несколько лет, если не десятилетий... Такие черты характера русских людей, как инертность, косность, боязнь принять решение и страх перед ответственностью, остаются».

Едва ли самоуверенным немецким генералам, принимавшим такого рода доклады как должное, приходило в голову, что в то время, как они «поражали» на картах нашу страну вследствие «неспособности» нашего офицерского корпуса, в советском Генеральном штабе уже обсуждались возможные варианты войны в случае нападения Германии. Причем дискуссии никак не были «косными». Весь октябрь 1940 года Г. К. Жуков просидел за подготовкой серьезнейшего доклада «Характер современных наступательных операций». С конца декабря 1940 года и в первую декаду января 1941 года в Москве прошло совещание высшего командования Красной Армии, в котором приняла участие и профессура военных академий. На совещании присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б). За его работой следил Сталин.

Когда на трибуне появился Г. К. Жуков, а с его доклада и началось совещание, присутствовавшие были поражены глубиной и смелостью его суждений. Чеканя слова, он ясно обрисовал стратегию и тактику потенциального врага. Он убедительно показал, что ударная сила танковых соединений, действующих во взаимодействии с авиацией, позволяет пробить не только полевую, но и преодолеть укрепленную многополосную оборону. В прорыв будут введены войска для развития успеха, что позволит достичь решающих результатов. Нужно не ожидать пассивно ударов, а иметь мощные собственные подвижные войска, танковые и механизированные соединения типа «дивизия — корпус». Жуков со всей серьезностью подчеркнул: перед лицом сильнейшей армии Запада нельзя терять ни минуты, нужно быть готовыми во всеоружии встретить ее яростный натиск.

С трибуны совещания Г. К. Жуков бил тревогу. Военные действия должны «вестись при учете реальных возможностей. Успехи немцев на Западе, основанные на массированном применении танковых и моторизованных войск и авиации, заставляют о многом подумать. У нас, к сожалению, пока нет таких крупных оперативных механизированных объединений. Наши механизированные корпуса находятся еще только в стадии формирования. А война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня... Обеспечивать такое превосходство в силах не только на участке главного удара, но и во всей полосе наступления войск фронта».

Резкая, четкая постановка вопроса. «Это заявление Г. К. Жукова изумило всех», — воскликнул И. Х. Багрямян.

Что означало широкое оперативное мышление докладчика, прояснилось сразу вслед за совещанием на большой стратегической игре. Проигрывался начальный период войны. За «западных» (немцы) играл Жуков.

По плану игры предполагалось убедительно показать — «восточные» смогут отразить наступление «западных» севернее Припяти, а затем перейти в решительное наступление. Получилось иное — «западные» тремя мощными ударами прорвали укрепленные районы «восточных», «разгромили» их силы и вырвались в район Лиды. Игра изобиловала драматическими моментами для «восточной» стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после

22 июня 1941 года, когда фашистская Германия навалилась на Советский Союз.

Сталин на совещаниях с высшими военными грубил, высказывал необоснованные претензии. «Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола». Командующие «восточных» в порядочном смущении пришли на разбор к Сталину. Они неуверенно попытались оправдаться, ссылаясь на то, что неудача произошла ведь в игре. Раздосадованный Сталин не принял объяснений. Слово взял «победитель» Жуков. Он указал на необходимость повысить грамотность высшего командного состава. А затем разобрал причины, по которым укрепленные районы не сдержали наступления «западных», — они строились поблизости от границы. Их нужно сооружать глубже, настаивал Жуков. Атмосфера на разборе накалилась. Жукову бросили резкий упрек: укрепленные районы строятся по утвержденным планам. В разгоравшейся полемике зазвучали голоса крупных военачальников. С резкими возражениями выступил Ворошилов. Жукову ничего не осталось, как прекратить выступление и сесть.

На следующий день Сталин вызвал Жукова и сообщил: Политбюро решило назначить его начальником Генерального штаба. Полная неожиданность! Жуков возразил было, что никогда не служил в штабах!

Нахмурившийся Сталин повторил предложение, подчеркнув: «Политбюро решило». Солдату надлежит повиноваться. С 1 февраля 1941 года Жуков — начальник Генерального штаба.

* * *

Рабочий день начальника Генерального штаба в те лихорадочные предвоенные месяцы — 15—16 часов почти без выходных. Ночной сон нередко в служебном кабинете. С таким же напряжением трудился аппарат Генерального штаба. Генералы и офицеры — соратники Жукова знали: они не могли, не смели что-либо упустить. Война на пороге.

Наша Родина к 1941 году обладала могучей экономикой. В каждую из двух предвоенных пятилеток промышленное производство более чем удваивалось. На 1941 год приходился четвертый год третьей пятилетки, в которой также предусматривалось увеличить

промышленное производство примерно в два раза. Под военную мощь подводился громадный промышленный потенциал, без которого ведение современной войны немыслимо. Вопрос, который стоял и который надлежало решить Генеральному штабу: наиболее рационально использовать военные ресурсы для отражения неминуемой агрессии.

Военная теория была на высоте. Положения, закрепленные в уставах и наставлениях для войск, отражали новые взгляды на характер и способы ведения боя. Но добытое военной теорией нужно было довести до сознания каждого командира и бойца. То был титанический, необъятный труд, которым руководили нарком обороны и Генеральный штаб. Сокрушительная ответственность за все это и лежала на плечах Тимошенко, Жукова, всего руководства Наркомата обороны.

Снова и снова, вплоть до конца жизни возвращался Г. К. Жуков к той фатальной весне 1941 года, когда сталинское руководство непростительно запаздывало с принятием мер перед лицом явной и нараставшей угрозы. В середине шестидесятых в беседе с К. М. Симоновым он дал развернутое объяснение: «У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина.

С одной стороны — это верно. Но с другой, думаю, что нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков, Каганович.

Не говорю о Берии. Он был личностью, готовой выполнить все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы. Так что вопрос о нем — особый вопрос, и в данном случае я говорю о других людях.

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны оставался Председателем Комитета Обороны. Часть ответственности лежит на нас — военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве.

Как сложились у Сталина его предвоенные, так дорого нам стоившие заблуждения? Думаю, что в начале у него была уверенность, что именно он обве-

дет Гитлера вокруг пальца в результате заключения пакта. Хотя потом все вышло как раз наоборот.

Однако несомненно, что пакт с обеих сторон заключался именно с таким намерением».

По многим каналам в Генеральный штаб стекались сведения о крутом росте мощи вермахта. К лету 1941 года вооруженные силы Германии претерпели существенные изменения. Если в мае 1940 года Германия выступала на Западе против Франции и Англии с 10 танковыми дивизиями, то через год их насчитывалось 21. Моторизованных соединений стало больше почти в 3 раза — вместо 6,5—17,5 расчетных дивизий. Все это не проходило мимо внимания руководства Генштаба, как и тщательная подготовка к «русской кампании» офицеров всех звеньев вермахта. Г. К. Жуков уже в феврале 1941 года добился решения правительства о расширении наших сухопутных сил еще примерно на 100 дивизий, грубо говоря, на одну треть — в дополнение к имевшимся двумстам с лишним. Трудно сказать, в какой мере это решение усилило мощь Красной Армии, не лучше было бы перевести на штаты военного времени уже имевшиеся дивизии. Но добрые намерения налицо — не допустить, чтобы вермахт по численности далеко превосходил наши Вооруженные Силы. Другое дело, как они обернулись для укрепления обороноспособности страны.

Полководец современной войны, Г. К. Жуков, разумеется, отводил первое место стремительным действиям танковых и механизированных соединений при мощной поддержке с воздуха. Он торопил с формированием 20 механизированных корпусов в дополнение к уже имевшимся 9. Не сразу и не вдруг ему удалось убедить в правильности своей точки зрения Сталина. Решение об этом последовало только в марте 1941 года. Решение правильное, но ресурсы! Для укомплектования этих корпусов нужно было 16,6 тысячи танков новых образцов, а всего 32 тысячи танков! Наша промышленность дала с января 1939 года по 22 июня 1941 года более 7 тысяч танков. Новых танков, прославленных Т-34 и КВ, войска получили пока 1861. К началу войны было сформировано менее половины просимых им корпусов. Да и то не полностью. Но курс был взят верный, начатое тогда формирование корпусов ощутимо отразилось на ходе войны.

Если новые советские танки по всем показателям

превосходили немецкие, то 75—80 процентов самолетов, выпускавшихся у нас, уступали немецким. С января 1939 года по 22 июня 1941 года наша авиация получила 17 745 боевых самолетов, из них только 3719 самолетов новых образцов. У Жукова возникли претензии к работе оборонной промышленности, и он забил тревогу. При встрече со Сталиным он без обиняков заявил: «У немцев неплохая авиация, их летный состав получил хорошую боевую практику взаимодействия с сухопутными войсками. Что же касается материальной части, то наши новые истребители и бомбардировщики ничуть не хуже немецких, а пожалуй, и лучше. Жаль только, что их очень мало».

Жуков говорил и о том, что для советской артиллерии, во всех отношениях превосходной, запасено мало снарядов, особенно гаубичных, противотанковых и зенитных. Сталин слушал внимательно, не прерывая. Когда Жуков выговорился, он, не оспаривая справедливости сказанного, порекомендовал помнить о реальных возможностях, а «не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем». Правительство приняло меры по ускорению работы оборонной промышленности.

Это объяснялось отнюдь не недооценкой военной опасности. Речь шла о предполагаемых сроках начала войны. В Кремле все цеплялись за уютную и успокаивавшую мысль — мир не будет нарушен по крайней мере до 1942 года. Тревожные предложения Жукова представлялись неудобными, способными создать затруднения в выполнении народнохозяйственных планов.

Сталин стремился оттянуть вооруженный конфликт с тем, чтобы лучше подготовиться. Он был политиком, Жуков — военным, а старая аксиома гласит: война — не больше чем средство политики другими средствами. Или по-другому, следуя летучей сентенции, — война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам. Рассуждая как политик, Сталин опасался дать гитлеровскому руководству предлог для нападения на Советский Союз. В марте 1941 года С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков обратились к Сталину за разрешением призвать приписной состав из запаса, чтобы обучить его по последнему слову военного дела. Сначала Сталин отказал, привычно рассудив, что призыв в предлагаемых размерах может быть использован немцами

для провоцирования войны. Все же в конце марта — начале апреля призвали 800 тысяч человек, которых в основном направили для пополнения дивизий в приграничных округах. Это был очень правильный шаг. К июню 1941 года в Красной Армии и Флоте насчитывалось около 5 миллионов человек, в то время как гитлеровская Германия держала 8,5 миллиона человек в вооруженных силах.

На склоне жизни Г. К. Жуков много размышлял о событиях кануна и начала великой и страшной войны, обрушенной фашизмом на нашу страну 22 июня 1941 года:

«Конечно, на нас — военных, — говорил Г. К. Жуков, — лежит ответственность за то, что мы недостаточно требовали приведения армии в боевую готовность и скорейшего принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более что, несмотря на всю непререкаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнездился червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех в памяти еще были недавно минувшие годы; и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, могло тогда означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии.

И все же это лишь одна сторона правды. А я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше его оцениваю обстановку и больше его знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую я мог бы с уверенностью противопоставить как более правильную оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае — в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет именно так, как он предполагает, была сильнее. И, как бы ни смотреть на это сейчас, — это правда».

Однако конечный вывод Г. К. Жукова однозначен:

в главных, основных моментах «партия и народ подготовили свою Родину к обороне. Я свидетельствую об этом не затем, чтобы снять с себя долю ответственности за упущения того периода. Кстати говоря, каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника Генерального штаба Красной Армии нельзя за четыре с половиной месяца всего достигнуть».

Жуков пишет об этом со свойственной солдату скромностью. Он сделал немало. С весны 1941 года началось выдвижение ближе к западным границам из внутренних военных округов новых войск — 28 дивизий. Он добился ускорения работ в укрепленных районах.

К 22 июня 1941 года от Баренцева до Черного моря, то есть на протяжении четырех с половиной тысяч километров по фронту и до 400 километров в глубину, были рассредоточены 170 советских дивизий. В общей сложности приграничные округа и флоты насчитывали 2,7 миллиона человек, около 1500 новых средних и тяжелых танков Т-34 и КВ, более 1500 самолетов современных типов. Кроме того, было много самолетов устаревших образцов и старых легких танков. Части и соединения, однако, в основном содержались по штатам мирного времени и имели строгие приказы не поддаваться на провокации.

А вплотную к западным границам Германия подтянула свои основные силы. Изготовились и ее сателлиты — Финляндия, Румыния и Венгрия. Всего 190 дивизий, из них 153 немецкие. Фашистские полчища, выставленные против нас, насчитывали 5,5 миллиона человек, около 5000 самолетов, 4300 танков. Они примерно в два раза превосходили наши войска приграничных округов.

Агрессоры, заблаговременно готовившие нападение, на ряде участков создали еще большее превосходство — в 3—4 раза, а там, где они спланировали главные удары, оно было подавляющим. Немецкие войска имели и разнообразный боевой опыт — от сокрушения Франции до захвата Югославии и Греции.

В преддверии войны нужно было с максимальной точностью определить направление главного удара вермахта, если гитлеровская Германия решится на агрессию. В бытность Жукова в Киевском округе и

теперь в Москве самым опасным стратегическим направлением признавалось юго-западное. Сталин настаивал, что без захвата украинской пшеницы, донецкого угля, а затем кавказской нефти Гитлер не сможет вести длительную войну. Следовательно, основной удар последует на Украину. Это и диктовало распределение сил Красной Армии. В перспективе всей войны предположение оказалось правильным. Однако в начальный период войны по плану «Барбаросса» гитлеровское руководство создало таранный кулак на западном направлении — против Белоруссии. Этот просчет значительно осложнил в первые недели отражение агрессии.

* * *

В то время как сосредоточивались ударные группировки врага, Гитлер на серии совещаний с высшими чинами вермахта внушал: война пойдет на истребление. На совещании 17 марта 1941 года: «В Великороссии необходимо применить жесточайший террор». 30 марта Гитлер почти два с половиной часа поучал командующих: речь идет о «борьбе двух идеологий... Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего».

В этом духе без промедления отдавались приказы по вермахту: об обращении с гражданским населением и о «комиссарах». Их суть — физически истреблять коммунистов и всех, кто оказывает сопротивление или заподозрен в нем. После войны германские генералы усмотрели в этих приказах одну из причин поражения Германии. Генерал Гудериан припомнил: приказ «отменял обязательное применение военно-уголовных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях гражданского населения и военнопленных. Такой приказ мог способствовать лишь разложению дисциплины». Фельдмаршал Э. Манштейн: «Предписывался немедленный расстрел всех попавших в плен политических комиссаров Красной Армии — носителей большевистской идеологии. Выполнение этого приказа угрожало не только чести войск, но и моральному духу».

Генералы рассуждали как профессионалы. Они даже после поражения носились с несбыточными мечтами.

Все это нужно было иметь в виду, но «Сталин, — отмечал Жуков, — переоценил меру занятости Гитлера на Западе, считал, что он там завяз и в ближайшее время не сможет воевать против нас. Положив это в основу всех своих прогнозов, Сталин после разгрома Франции, видимо, не нашел в себе силы по-новому оценить обстановку.

Война в Финляндии показала Гитлеру слабые стороны нашей армии. Но одновременно она показала это и Сталину. Это было результатом 1937—1938 годов, и результатом самым тяжелым.

Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет, в 1936 году, и после этих событий, в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно. Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок».

Подрыв мощи Красной Армии в результате репрессий неизменно учитывали Гитлер и его непосредственное окружение в стратегическом планировании войны против Советского Союза. И не только это. Если в отношении чисто военных факторов гитлеровское руководство уверовало в свое превосходство, то политические аспекты войны оно вознамерилось разрешить с тупоголовой прусской прямотой — физически истребить тех, кто был верен идеалам социализма. Как заметил тот же Манштейн, Гитлер «исходил из предположения, что ему удастся разгромить Советский Союз в военном отношении в течение одной кампании. Но вообще, если это и было возможно, то только в том случае, если бы удалось подорвать советскую систему изнутри». Битый Манштейн ломился в открытую дверь — Гитлер именно стремился подорвать силу нашей борьбы, приказывая уничтожать авангард советского общества — коммунистов.

Когда 14 июня 1941 года верхушка нацистского рейха и высшее командование собрались в имперской

канцелярии в Берлине на последний инструктаж и выслушали еще двухчасовую речь Гитлера, его ближайший подручный Геринг воскликнул — фюрер поведет Германию к такой же победе, как на Западе. Гитлер резко поправил его:

— То будет, Геринг, наша самая тяжелая борьба, самая тяжелая!

Опешивший Геринг осведомился: почему?

— Впервые нам предстоит сражаться против идеологического врага, фанатичного идеологического врага.

Говорившееся за гранитными стенами имперской канцелярии, в которой в глубокой тайне совещались злодеи, не могло быть известно. Но в Советском Союзе знали, и Генеральный штаб в этом отношении не был исключением, что предстоявшая война неизбежно будет носить классовый характер. Молодежь была пронизана самым высоким патриотизмом. В канун Дня Победы 9 Мая 1988 года Маршал Советского Союза С. К. Куркоткин в интервью корреспонденту газеты «Известия» напомнил: «Нет, никто не тянул молодежь тридцатых в военные училища — шли сами, по зову сердца». Больше всего, сказал маршал, ему не нравится в суждениях о той войне «показ поколения тридцатых-сороковых годов эдакими истуканами. Будто и на войну мы шли из-под палки, под страхом репрессий, и защищали не Родину, а Сталина».

Все знали — коммунисты пойдут в первых рядах защитников Родины, цементируя Красную Армию. В единстве партии и народа — мощь нашего государства. Солдат партии, каким всегда считал себя Г. К. Жуков, в подлинной партийно-политической работе в войсках, а не в охоте за «врагами народа» видел ключ к обеспечению высокого боевого духа армии, стоявшей на пороге величайшей из войн в истории человечества. В 1940-м — начале 1941 года на партийно-политическую работу в армию были направлены тысячи и тысячи коммунистов. В канун войны примерно 13 процентов личного состава Красной Армии были коммунистами, а 40 процентов — комсомольцами. Не было ни одного взвода, где бы не было коммунистов.

Генерал армии, коммунист Георгий Константинович Жуков полагался на них.

ГРЯНУЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

То были самые длинные дни в году — стоял июнь, но дневного времени не хватало, до глубокой ночи не гасли окна в громадном здании Генерального штаба на Арбатской площади. Жуков трудился по 18—19 часов в сутки. Как нарком обороны, С. К. Тимошенко, так и Г. К. Жуков стояли за приведение войск приграничных округов в боевую готовность и развертывание их первых эшелонов по планам прикрытия границы. Вот-вот разразится военная гроза.

Тяжелые разговоры со Сталиным. Он медлил. Резко, а иногда грубо обрывал военных, настаивавших на принятии самых элементарных мер предосторожности. Политику виднее.

13 июня в присутствии Жукова Тимошенко настаивал у Сталина — привести войска приграничных округов в боевую готовность, развернуть по планам прикрытия первые эшелоны. В ответ:

— Сейчас этого делать не следует, мы готовим сообщение ТАСС и завтра опубликуем его.

Нарком и начальник Генштаба вернулись в здание на Арбатскую площадь с пустыми руками. В кабинете наркома Жуков продолжил разговор:

— Ну, что?

— Велел завтра газеты читать, — раздраженно сказал С. К. Тимошенко и, поднявшись из-за стола, добавил: — Пойдем обедать!

14 июня 1941 года появилось пресловутое сообщение ТАСС. В нем слухи о войне между Германией и СССР объявлялись не имевшими основания, а источники их, особенно английская печать, клеймились как заинтересованные в разжигании германо-советского конфликта.

Сообщение ТАСС никак не вязалось с известным командованию армии. 15 июня Тимошенко и Жуков доложили Сталину о «необходимости приведения войск в полную боевую готовность». Ответ: «С Германией у нас договор о ненападении. Германия по уши увязла в войне на Западе, и я не верю в то, что Гитлер рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что даже не Англия и все они, вместе взятые».

После очередного фиаско в Кремле Жуков «решил

пройтись немного пешком. В Александровском саду возле Кремля беспечно резвились дети. Вспомнил я и своих дочерей и как-то особенно остро почувствовал, какая громадная ответственность лежит на всех нас за ребят, за их будущее, за всю страну».

Потом, много лет спустя, Жуков поймет, но не оправдает причину колебаний Сталина — в Кремль стекалась вся информация, он отдавал предпочтение той точке зрения, что враги торопятся вовлечь нас скорее в войну, столкнув с Германией. Практически все предупреждения о назревавшей агрессии обставлялись этой оговоркой — шла ли речь о докладах начальника Главного разведывательного управления Ф. Н. Голикова или посла в Лондоне И. М. Майского. В Москве все еще не теряли надежду, что удастся оттянуть войну, и старались не дать повод Берлину для оправдания агрессии. Это дорого обошлось нам.

Потеряв тогда надежду побудить Сталина изменить свою позицию, граничившую с самоубийством, руководство Наркомата обороны попыталось было на свой страх и риск повысить боеготовность в приграничных округах. Что из этого вышло, Г. К. Жуков рассказал через 25 лет, в 1966 году: «Тимошенко кое-что начал двигать, несмотря на строжайшие указания. Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал: вот, мол, военные не выполняют, провоцируют... Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку. Этот удар спустился до меня. Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести, наказать виновных и прочее. Я, конечно, по этой части не отставал. Ну и пошло. А уже другие командующие не рискнули. Давайте приказ, тогда... А кто приказ даст? Кто захочет класть свою голову? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: «Развернуть». Сталину докладывают. На каком основании? На основании опасности. Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал».

Начальник Генерального штаба Жуков был вынужден конкретизировать общее указание Сталина на этот счет. 10 июня 1941 года командующему Киевским особым военным округом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу идет телеграмма: «Начальник погранвойск НКВД УССР генерал Хоменко донес, что начальники укрепрайонов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепрайонов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самоличное распоряжение».

18 июня по Прибалтийскому особому военному округу был отдан приказ к 18.00 часам 19 июня привести систему ПВО в боевую готовность. Жуков 21 июня командующему ПрибОВО: «Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении в действие положения № 2 — это значит провести по Прибалтике затемнение, чем и нанести ущерб промышленности. Такие действия могут проводиться только по решению правительства. Сейчас Ваше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность. Требую немедленно отменить незаконно отданное распоряжение и дать объяснение для доклада наркому». Уже через несколько часов Жуков дорого бы дал, чтобы этой телеграммы в ПрибОВО не направлялось...

Вечером 21 июня Жукову доложили — немецкий фельдфебель-перебежчик сообщает: 22 июня Германия начнет войну против СССР. С Тимошенко и генералом Н. Ф. Ватутиным, заместителем Жукова, в Кремль. Первый вопрос Сталина:

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать войну?

Тимошенко и Жуков ответили категорическим нет. Дело было не в одном немецком фельдфебеле, его побег к советским пограничникам — последний штрих на фоне общей тревожной картины. Поколебавшись, Сталин наконец утвердил рассылку по приграничным округам предупреждения: 22—23 июня возможно внезапное нападение немцев. Предписывалось за ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов, до рассвета рассредоточить по полевым аэродромам авиацию, все войска привести в боевую готовность. В 00.30 минут передача директивы была закончена. Однако уже перед рассветом 22 июня гитлеровские диверсанты нарушили связь в ряде мест. Получение директивы задержалось, а немало частей так и не узнали о ней.

Сталин ни словом не обмолвился о том, что он как раз в эти часы обговаривал с Берией. На донесении

военного атташе при правительстве Виши Суслопарова о том, что Германия нападет на СССР 22 июня, Сталин начертал: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». Это развязало руки политическому авантюристу Берии, и он перешел к действиям. На предупреждении о войне Берия 21 июня поставил резолюцию: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить».

А Сталину Берия угодливо доложил 21 июня: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на берлинскую агентуру». При таких умонастроениях в Кремле и на Лубянке усилия Арбатской площади пробудить к реальности высшее советское руководство были обречены на провал.

Как подобает профессиональным военным, командование наших Вооруженных Сил положилось на свои силы. В ночь на 22 июня руководство Наркомата обороны бодрствовало. Телефоны в кабинете Жукова работали непрерывно, поток тревожных донесений нарастал. В 24 часа командующий Киевским округом М. П. Кирпонос доложил еще об одном немецком перебежчике, который заявил: в 4 утра — война. Обстановка разъяснилась вскоре после трех часов утра — немецкая авиация обрушилась на наши аэродромы, посыпались бомбы и на приграничные города. В четыре часа с минутами поступили донесения: под прикрытием ураганного артиллерийского огня немцы переходят советскую границу. Война! Жуков дозвонился до Сталина, потребовал, чтобы его подняли с постели.

Тот страшный день навсегда запал в память Жукова. В 4.30 утра собралось Политбюро, куда он приехал с Тимошенко. Вскоре последовало сообщение: Германия объявила войну. Тягостное молчание. Бледный Сталин задумался. Затянувшуюся паузу прервал резкий голос Жукова: нужно немедленно обрушиться всеми силами на вторгнувшегося врага и задержать его продвижение. Предложение, видимо, показалось недостаточным, раздались реплики: не «задержать», а «уничтожить». Что и приказали войскам. Приказ не отвечал, складывавшейся обстановке — войска, еще вчера жившие мирной жизнью, просто не могли тягаться с готовым на все и ко всему агрессором. Что и выяснилось без промедления.

Танковые колонны вермахта уже продвигались в глубь нашей страны. Поднятые по тревоге советские войска с ходу вступали в бой с врагом. Они вводились в действие по частям, пройдя через ад массированных ударов с воздуха. Небо потемнело от германских самолетов, а наша авиация, застигнутая врасплох на аэродромах, понесла тяжкие потери: в первый день войны было уничтожено 1200 самолетов. Это резко осложнило организацию отпора врагу.

Хотя сопротивление не было организованным, с первого часа войны враг вступил в борьбу, какой не видел на Западе. Дрались до последнего человека пограничные заставы, началась героическая оборона Брестской крепости, советские летчики сражались самоотверженно, а в крайних случаях шли на таран. В воздушных боях 22 июня было уничтожено до 200 вражеских самолетов. Бойцы и командиры совершали бесчисленные подвиги, о многих из которых стало известно позднее, а о некоторых только после войны. По большому счету Германия начала проигрывать войну с момента, когда первый немецкий солдат переступил нашу границу.

В исторической ретроспективе это не вызывает сомнения. Но тогда, в первый день войны, генерал армии Жуков все пытался разобраться в противоречивых донесениях, чтобы принять обоснованные решения. Около часа дня позвонил Сталин. Он раздраженно бросил в трубку: командующие фронтами (их было создано три: Северо-Западный, Западный и Юго-Западный) «несколько растерялись». Сталин приказал Жукову немедленно вылететь в штаб Юго-Западного фронта, разобраться в обстановке и помочь на месте. Жуков должен отбыть в качестве представителя только что созданной Ставки Главного командования.

Жуков торопливо позвонил домой, коротко сказал,

что уезжает, и менее чем через час был в воздухе. Поздним вечером в тот же день он в штабе фронта в Тернополе. Тут его настиг звонок из Москвы. Генерал Н. Ф. Ватутин доложил: Сталин отдал новую директиву — перейти в контрнаступление, разгромить врага на главнейших направлениях с выходом на территорию противника.

— Но мы еще не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил Жуков. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное, — ответил Ватутин.

Приказ был приказом и для начальника Генерального штаба, оказавшегося в Тернополе.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, в ту пору полковник, возглавлявший оперативный отдел штаба Юго-Западного фронта, оставил зарисовки о считанных днях пребывания там Жукова. Какие бы внутренние сомнения ни терзали Жукова, подчиненным он дал пример дисциплинированности. «Георгий Константинович Жуков, всегда отличавшийся конкретностью и четкостью в организации управления войсками, одобрил принятое командованием фронта решение и предложил, не теряя времени, отдать приказ о подготовке контрудара».

Коротко информировав Генеральный штаб об общей обстановке на фронте, Жуков выехал в войска.

* * *

По плану «Барбаросса» германской группе армий «Юг» предписывалось «уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру. С этой целью главный удар наносится из района Люблин в общем направлении на Киев». Во исполнение этого плана мощная 1-я танковая группа Клейста, пробив 50-километровую брешь, неумолимо шла на восток. Жуков и командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос решили нанести контрудар по обоим флангам врага с севера и юга на первый случай силами четырех механизированных корпусов.

Одним из них, 9-м, командовал К. К. Рокоссовский, по ходатайству Жукова перед Сталиным выпущенный из тюрьмы всего за год до начала войны. Жуков попросил назначить Рокоссовского к себе, то есть в Киевский особый военный округ. Талантливый военачальник, Рокоссовский прекрасно видел, что больших шансов на успех контрудар не имеет. Его мехкорпус война застала в стадии перевооружения, не хватало вооружения, не завершено обучение личного состава. Но, писал Рокоссовский, «тогда нам было не до анализа и критики. Их размагничивающему влиянию мы не поддавались, а стремились собрать в боевой кулак наши части и получше их организовать, чтобы четко выполнить свой солдатский долг».

С 23 июня в районе Луцк, Броды, Ровно неделю полыхало встречное танковое сражение, в которое с обеих сторон втянулось много больше тысячи танков. Жуков, выезжавший в штабы корпусов, по его словам, «вспомнил славную 11-ю танковую бригаду, ее командира — отважного комбрига М. П. Яковлева, и то, как они громили противника в 1939 году у горы Баин-Цаган на Халхин-Голе. Да, эти люди будут драться не хуже». Они дрались не хуже, но обстановка была иной.

На нас внезапно навалилась грохочущая гадина — вооруженные до зубов, отлично обученные танковые дивизии, укомплектованные молодыми убийцами, напичканными дремучим фашистским бредом о расовом «превосходстве». Хотя наступавшая группа германских войск превосходила по силам то, что могли поспешно собрать и бросить против нее Жуков и Кирпонос, под натиском наших танкистов она остановилась, а кое-где и попятилась. Понеслись просьбы о помощи высшему командованию вермахта, ряд немецких дивизий был повернут против наших механизированных корпусов. На пополнение Клейсту пришли сотни танков! Гальдер, занимавший пост, аналогичный посту Г. К. Жукова, начальника генерального штаба по ту сторону фронта, отмечает в дневнике 26 июня: «У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина». Указав на «значительные потери» гитлеровских войск, он неожиданно заканчивает: «Будем уповать на бога». На следующий день он записывает: «Русское командование на Украине (следует отдать ему должное, оно действует хорошо и энергично)».

Так писал Гальдер уже в первые дни войны о сражении, управление которым осуществлял Жуков как представитель Ставки Главного командования. Ему приходилось направлять, поправлять и рекомендовать по самым разнообразным вопросам. А они были порой неожиданными для кадрового военного, во всяком случае, теоретически не входили в компетенцию генерала армии. В ответ, например, на утверждение одного из командующих, что тяжелые танки КВ с 152-миллиметровыми орудиями стоят без снарядов, Жуков разъясняет: «152-миллиметровые орудия КВ стреляют снарядами 09—30 г.г., поэтому прикажите немедля выдать бетонобойные снаряды 09—30 г.г. и пустить их в ход. Будете лупить танки противника вовсю». Приходилось вмешиваться даже в подбор боеприпасов к орудиям!

В этом исполинском приграничном танковом сражении враг нередко терпел поражения и нес урон в ожесточенных схватках. Обстановка стремительно менялась, иной раз гитлеровцы, пришедшие победителями из Европы, бежали от советских танков на десятки километров.

Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск В. С. Архипов в то время был капитаном, командиром разведывательного батальона танковой дивизии. С наступлением темноты его танкисты обрушились на вражескую колонну. В эту огненную ночь наши танкисты расстреляли и раздавили множество вражеских машин и легких танков.

Рассвело. Броня советских танков Т-34 почернела от сажи. Архипову доложили, что «раненый немецкий офицер-танкист просит позвать «руссиш командир». Он был очень плох, говорил как в бреду. Он сказал, что русский танкист таранил его танк. Я видел сороковой во Франции — разве это война? Он видел русскую пехоту под Сокалем. Как она шла в штыковую атаку! Вот это — война! Так он говорил, а переводчик пересказывал нам, и было немного странно слушать этот панегирик из уст умирающего врага на раннем июньском рассвете, в чаду горящих бензовозов».

В этих боях было захвачено немало пленных. «Пленные, — заканчивает Архипов, — как правило, спешили заявить, что не принадлежат к национал-социалистам, и очень охотно давали показания. Подобное психологическое состояние гитлеровских войск, подавленность и панику наблюдать мне довелось очень и

очень не скоро — только после Сталинграда и Курской битвы». Таковы были первые последствия контрудара, подготовленного Жуковым, для настроения гитлеровских вояк.

Баграмян вспоминает об одной из встреч с Жуковым, только что вернувшимся из войск в эти невеселые дни: «Начальник Генерального штаба был хмур. Он молча кивнул в ответ на мое приветствие; из разговора я понял, что Жуков считает действия командования фронта недостаточно энергичными и целеустремленными. По его словам, много времени уделяется решению второстепенных задач и слишком медленно идет сосредоточение корпусов. А нужно определить главную опасность и против нее сосредоточить основные усилия. Такой главной угрозой являются танковые и моторизованные группировки противника, глубоко вклинившиеся в глубь нашей обороны. Поэтому основные силы фронта при поддержке всей авиации должны быть брошены именно на эти направления. Только так можно добиться перелома в ходе пограничного сражения».

Но перелома не случилось, хромало взаимодействие и управление войск, подводила связь, неважно была организована разведка. Жуков надеялся выправить положение. Его кипучую деятельность прервал 26 июня вызов в Москву. Сталин просил немедленно вернуться — «на Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску». Когда в этот день он вылетал в Москву, враг так и не добился оперативного прорыва советского фронта. Это случилось уже 28 июня.

Впоследствии, возвращаясь к этим дням, Г. К. Жуков требовал от историков «детально разобрать» это сражение, ибо «в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву».

К глубокому сожалению, совершенно по-иному складывалась обстановка на Западном и Северо-Западном фронтах.

* * *

Когда поздним вечером 26 июня Жуков прямо с аэродрома направился к Сталину, он застал в его кабинете Тимошенко и Ватутина. Шел напряженный раз-

говор, собеседники бледные, осунувшиеся. Военные стояли навытяжку. Сталин, едва поздоровавшись, бросил на стол карту Западного фронта и потребовал ответить, что можно сделать. Из переговоров с Ватутиным по телефону Жуков уже уяснил — здесь сложилась «почти катастрофическая обстановка». Жуков попросил сорок минут на размышление. Военные удалились в соседнюю комнату. Положение на карте выглядело угрожающим — враг прошел уже сотни километров по советской земле. Гитлеровские танки смыкают клещи у Минска, а далеко во вражеском тылу продолжают биться насмерть окруженные советские войска.

Жуков предложил: создавать оборону по линии Западная Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев. А на рубеже Смоленск — Рославль — Гомель незамедлительно оборудовать тыловой рубеж. Замысел Жукова состоял в том, чтобы остановить врага на пути к Москве на одном из оборонительных рубежей, не предрешая, на каком именно измотать его, а затем перейти в контрнаступление. Сталин немедленно утвердил предложение.

Утром 27 июня Жуков передал приказ Ставки командованию Западного фронта навести наконец порядок в отступивших войсках, отводить их на линию старых укрепленных районов. Он указал, что танковые группы Гота и Гудериана, наступавшие соответственно севернее и южнее оси Брест — Москва, оторвались от пехоты, и потребовал бить их с тыла, а потом обрушиться на пехоту, двигавшуюся без танков. «Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти». Операция не удалась, противник рвался на восток. 28 июня к вечеру пал Минск.

Напряжение в Генштабе достигло крайней степени. Как будто дурных вестей с фронта было мало, 29 июня Сталин собственной персоной в сопровождении стратегов из Политбюро явился в Наркомат обороны. Он ругался, грозил. Жуков смолчал, высокие визитеры удалились. Но, когда та же компания вторично и в тот же день явилась в Генштаб, Жуков холодно потребовал не мешать работать, а в конце дня он доложит все сведения об обстановке на фронте. У Сталина хватило ума не скандалить и уйти. С ним убрались Молотов, Микоян, Маленков и другие, окатив Жукова грозными

взорами. Как же, начальник Генштаба выставил вождя и учителя с соратниками! Зрелище было смехотворное и драматическое. «И как он ни обвинял Д. Г. Павлова, — сухо заметил Жуков, — все же нам казалось, что где-то наедине с собой он чувствовал во всем этом и свои предвоенные просчеты и ошибки».

В отместку 30 июня Сталин потребовал на следующий день, чтобы Жуков вызвал Павлова в Москву. Дальше он действовал по мучительно известной схеме. Командующий Западным фронтом генерал Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта генерал В. Е. Климовских, начальник артиллерии фронта Н. Клич, начальник связи фронта генерал А. Григорьев, командующий 4-й армией генерал А. А. Коробков были преданы суду и в начале июля расстреляны. На Западный фронт выехали новый командующий — С. К. Тимошенко с заместителем А. И. Еременко, а наши войска продолжали отступать!

Тогда в мире оказалось немало людей, которые думали, что «блицкриг» удался. Они судили по стремительным темпам продвижения гитлеровских орд. В своей ставке Гитлер знал лучше. Если геббельсовская пропаганда надрывалась, твердя о фантастических успехах, фюрер с вымученной улыбкой растолковал приближенным 27 июня, что он подобен легендарному всаднику, который, узнав, что переехал, не заметив, замерзшее озеро, умер от ужаса. «Если бы у меня хоть было малейшее представление о гигантских силах Красной Армии, я бы никогда не принял решения о нападении», — добавил он. Через два дня, в то время как радио Берлина сразу передало в эфир первые семь хвастливых коммюнике о победах в России, Гитлер задумался о смерти и секретным указом назначил преемника — Геринга.

Уже тогда Гитлер, вероятно, сообразил, что ввязался в фатальное предприятие. Но у банды заговорщиков в Берличе пути назад не было, как азартные игроки, они играли ва-банк, понукая вермахт продолжать наступление не переводя дух. Отлаженный инструмент, каким был вермахт, натасканная на убийство немецкая солдатня делали свое дело. Они ломились на восток. Отступая, наши войска переходили к стратегической обороне. Жуков был в центре событий — железной рукой руководил войсками, требуя прежде всего и больше всего глубокого построения обороны. Контуры

стратегической обороны постепенно вырисовывались, темп наступления врага снижался, а потери увеличивались. Но, несмотря на все усилия, введение в дело большого количества соединений, прибывавших из внутренних округов, устойчивого фронта стратегической обороны создать так и не удавалось.

А в ставке Гитлера пессимизм сменялся приступами оптимизма. Историограф верховного командования вермахта так описывал царившее там настроение в первые дни июля: «С захватом Минска в неделю мы прошли треть расстояния до Москвы и Ленинграда, такими темпами мы через 14 дней будем в обоих этих городах, а может быть, и раньше». Какие бы внутренние сомнения уже ни терзали Гитлера, перед своими приближенными он разглагольствовал у карты Советского Союза: «В считанные недели мы будем в Москве. Я сровняю город с землей и устрою на месте его водохранилище. Само название «Москва» должно исчезнуть с карт». Не только в Берлине, но и в Вашингтоне считали — для разгрома СССР Германии потребуется два, максимум три месяца.

Красная Армия переходила к стратегической обороне. Приобретался опыт войны, вводились в сражение новые силы. Личный состав армии и флота с должным вниманием воспринял речь Сталина по радио 3 июля 1941 года. Он засел за ее подготовку сразу после того, как Г. К. Жуков показал ему и членам Политбюро на дверь 29 июня. Великий народ поднимался на священную войну против немецко-фашистских захватчиков. Главное — продержаться, выстоять, пока не даст свои плоды переход всей страны на военный лад под руководством Государственного Комитета Обороны, созданного 30 июня 1941 года.

С высоты поста начальника Генерального штаба события в вооруженной борьбе, естественно, укрупнялись. Жуков мыслил в основном категориями фронтов, однако в той тяжелой обстановке ему зачастую приходилось вмешиваться в управление не только корпусами, но и дивизиями. Он знал о формировании новых армий, переводе промышленности на военные рельсы. Знал и о том, что захват врагом все новых областей потребовал эвакуации многих оборонных заводов. Они оказались на колесах и когда еще смогут дать военную продукцию.

Жуков был в центре событий, он добивался от войск

и штабов прежде всего глубокого построения стратегической обороны. Ее контуры постепенно вырисовывались, темп наступления врага снижался, а потери его увеличивались. Но, несмотря на все наши усилия, введение в бой большого количества соединений, прибывавших из внутренних округов, устойчивого фронта стратегической обороны создать так и не удавалось.

Днем и ночью перемалывались силы врага, упорной обороной и контрударами они лишались маневренности и подвижности. 1 июля Жуков от имени Ставки отдает директиву командующим войсками фронтов: «Боевыми действиями против танковых и моторизованных частей противника установлена неспособность немцев отражать внезапные ночные атаки на танки, бронемашины и мототранспорт, останавливающиеся на ночь в деревнях и на дорогах. Немцы боятся вступать в рукопашный бой...

Ставка Главного командования приказывает:

Широко развернуть внезапные ночные действия с целью уничтожения танковых и моторизованных частей противника перед фронтом, на флангах и в тылу. С этой целью создавать отряды из пехоты в составе 1—2 рот и не более батальона, из смешанной конницы, из минометных и артиллерийских частей. Операции по уничтожению танковых и моторизованных частей противника должны подготавливаться в глубокой тайне, начинаться ночью, проводиться дерзко, решительно и быстро и заканчиваться так, чтобы до рассвета вернуться на свои базы...»

Через сорок лет после этих событий генерал-полковник В. М. Шатилов в своих воспоминаниях подчеркнул: «Это было весьма своевременное и важное указание, вооружающее нас новой, проверенной в боях тактикой». Молодой тогда командир Шатилов воевал в рядах стрелковой дивизии на Украине.

Враг продолжал наседать, фронт был неустойчивым, но на каждом шагу фашисты получали отпор и несли потери. В тех жестоких боях гитлеровцы нередко продвигались вперед только тогда, когда гибли с оружием в руках защитники очередного рубежа. В Генеральный штаб шел об этом поток донесений. На основе этого генерал армии Жуков счел необходимым уже на исходе второй недели войны 5 июля дать указание командующим войсками фронтов о представлении к правительственным наградам бойцов и командиров, которые «проявили исключительное мужество и отва-

гу» в боях за социалистическое Отечество. Он требует «срочно» представить к правительственным наградам всех тех, кто этого заслуживал.

Жуков понимал: солдат, идущий на подвиг, должен быть уверен, что никто и ничто не будет забыто. На том стоит моральный дух сражающейся армии. Проволочки с награждением героев недопустимы.

Бойцы и командиры дрались геройски. Но одного героизма было мало. Все еще не удавалось наладить четкое управление войсками. Противник продолжал навязывать нам свою волю, боевые действия развивались пока в основном на его условиях. Жуков был убежден — положение изменится.

Он смотрит дальше. 6 июля Жуков указывает командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу, что Генштаб не согласен с расформированием механизированных корпусов и укомплектованием мотопехоты за счет танкистов. «Если это провести в жизнь, мы останемся без танкистов и без кадров танковых войск. Танковые (имеются в виду механизированные. — *Авт.*) корпуса вывести в резерв и приводить их в порядок. Запретить по всякому поводу трепать и добивать мехкорпуса...» Суровое время вскоре продиктовало — корпуса все же пришлось раздробить, но по танковым дивизиям и бригадам. Кадры были сохранены. Прошел год с небольшим, и на фронт пошли сначала механизированные и танковые корпуса, а затем танковые армии.

В первые недели войны изыскивались все возможности для отражения бешеного натиска вермахта. На фронт бросалось решительно все. Кому-то в Генштабе пришла мысль использовать на московском направлении морскую артиллерию. По словам адмирала Н. Г. Кузнецова, запрос об этом был сделан «еще в конце июня, когда бои громыхали далеко на западе». Кузнецов отдал приказ собрать под Вязьмой два дивизиона (восемь батарей) морских орудий калибром 100, 130, 152 миллиметра. Естественно, Сталину поторопились доложить, что на защиту столицы становятся и моряки. В начале июля на вопрос И. В. Сталина: «Как обстоит дело с морской артиллерией?» — «Она уже на колесах», — браво доложил Кузнецов. Надо думать, распорядительность командования флота и на суше — дивизионы были поставлены у станции Издешково, западнее Вязьмы, — пришлась по сердцу Сталину. Неизбежно пришла на ум риторика и героика гражданской войны, моряки, опоясанные пулеметными лентами. Гвардия революции на защите столицы.

Командование сухопутной артиллерии, в те недели возглавлявшееся генерал-полковником Н. Д. Яковлевым, обуревали тревоги противоположного свойства: как вывести из-под удара врага артиллерию особой и большой мощности, то есть орудия примерно тех калибров, которые моряки лихо выставили у Вязьмы на пути возможного наступления неприятеля. 15 июля начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев обращается к тому, кто, вероятно, один мог понять трагизм положения и вынести единственно правильное решение, — начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову: «Характер боевых действий, развивающихся на всех фронтах, не представляет возможности эффективно использовать в боях артиллерийские полки и отдельные дивизионы Резерва Главного командования большой и особой мощности. Ценная материальная часть подвергается риску потери... Прошу вашего распоряжения о выводе частей БМ и ОМ на территорию внутренних округов, приведения их в порядок и подготовке к боевым действиям в соответствии с их предназначением».

На следующий день, 16 июля, начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков ставит на документе, в котором перечислены номера многих десятков артиллерийских полков и дивизионов ОМ и БМ, лаконичную резолюцию: «Немедленно отвести». Он мог быть уверенным, что дело останется на этом уровне, не пойдет выше, где могут превратно истолковать, прямо скажем, смелое решение. Н. Д. Яковлева, говорил Жуков в 1966 году, «я хорошо знал еще до войны», а, воздавая должное «выдающимся работникам» военных лет, прославленный маршал начал с начальника ГАУ, подчеркнув, что он «создал в руководимом им аппарате атмосферу взаимного уважения и доверия». Не случайно и то, что описанный документ об отводе артиллерии ОМ и БМ в архиве оказался подшитым в делах Резервного фронта. А это значит — отбывая через две недели на фронт, Г. К. Жуков взял среди важнейших и этот документ с собой, дабы не давать пищи для праздных размышлений другим...

Могли ли они возникнуть? Разумеется! Н. С. Хру-

щева до смерти так ничто и не научило. Давно ушла в небытие Отечественная, вышла о ней библиотека книг, а он примерно через три десятилетия, подсвистывая протезом, шепелявил в микрофон магнитофона о том лете 1941 года: «Мы оказались и без артиллерии. Маленков говорит (в доверительном разговоре с Хрущевым. — *Авт.*): «Дается указание самим ковать оружие, делать пики, делать ножи. С танками бороться бутылками, бензиновыми бутылками, бросать их и жечь танки». И такая обстановка создалась буквально через несколько недель! Мы оказались без оружия. Если это сказать тогда народу, то не знаю, как отреагировал бы он на это. Но народ не узнал, конечно, от нас о такой ситуации, хотя по фактическому положению вещей догадывался. Красная Армия осталась без должного пулеметного и артиллерийского прикрытия, даже без винтовок. Вот, собственно говоря, какая обстановка сложилась буквально в первые недели войны».

В 1941 году хрущевы имели власть, а как они применяли ее, показали 1937-й и последующие годы. Они, в сущности, малокомпетентные люди не поняли бы смысла отвода артиллерии ОМ и БМ в тыл и обрушились бы на тех, кто, по их мнению, был виноват. При дефиците «доверия» при сталинщине последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

Если уж начальника Генштаба не пощадили бы, то что говорить о начальнике ГАУ, малоизвестном тогда в Москве генерале, приехавшем из Киева и вступившем в должность в ночь на 22 июня 1941 года. Вставшую перед ним проблему понял и помог разрешить тогдашний начальник военных сообщений, а впоследствии нарком путей сообщения СССР И. В. Ковалев. «Довольно молодой генерал-полковник Н. Д. Яковлев, — говорил Ковалев в 1989 году, — сразу показал высокий профессионализм и независимость суждений. Одним из первых приказов нового начальника ГАУ был приказ о срочной эвакуации всей артиллерии большой и особой мощности во внутренние округа. Если бы Берия об этом пронюхал, то не сомневаюсь, что Н. Д. Яковлев был бы тут же расстрелян как пораженец. Ведь в июле 1941 года многие еще надеялись на скорую победу. Однако вся операция по переброске тяжелых артиллерийских орудий на Восток была проведена настолько скрытно, что ни немецкая разведка, ни люди Берии ничего про это не узнали, а мы спасли артиллерию, ставшую потом основой Резерва Главного командования, артиллерию Победы».

От Балтийского до Черного моря подняли махину артиллерии ОМ и БМ Резерва Главного командования. Кадровые полки грузились на железных дорогах, на платформах водружали и маскировали громадные орудия от дальнобойных 152-миллиметровых орудий до 280-миллиметровых гаубиц. Тяжелые эшелоны уходили на восток в том же направлении, куда шли и шли эшелоны с эвакуированными женщинами и детьми. Малоизвестная страница в истории Великой Отечественной! Не все артиллеристы понимали происходившее — громыхал фронт, лилась кровь, а они, прекрасно обученные, овладевшие могучей военной техникой, вскоре оказались в глубоком тылу, где начали переформирование и занятия по боевой подготовке. Пошло совершенствование навыков применения артиллерии большой мощности.

Что до морских орудий, выставленных под Вязьмой, чтобы снискать благоволение Сталина, то с ними случилось то, что должно было случиться. «Противник, — досадовал адмирал Кузнецов после войны, — пошел не прямо на Вязьму, а в обход». Морские артиллеристы «оказались в окружении с войсками фронта». Результат: «дальнобойные морские орудия особой артиллерийской группы не оправдали тех больших надежд, которые на них возлагались. И виноваты в этом не артиллеристы: им невозможно отказать в умении и храбрости. Основную роль в наступлении у фашистов играли очень подвижные танковые и моторизованные части. А флотские батареи, к сожалению, не обладали маневренностью». Адмирал счел возможным еще щедро, задним числом признать промах флотоводцев, взявшихся воевать на суше: «Это можно было предвидеть».

Морские артиллеристы уже 9 октября получили приказ на отход, пришлось подорвать орудия и пробиваться к своим. Только 26 октября некоторые дошли...

Когда Красная Армия, пережив горечь неудач, уверенно погнала захватчиков на запад, артиллерийские части особой и большой мощности, полностью укомплектованные, отлично подготовленные, в изобилии снабженные снарядами, вышли на фронт. Вглядитесь в кадры военной кинохроники победных наступлений Красной Армии с конца 1942 года: неизменно длинные ряды тяжелых орудий, извергающих сталь на

гитлеровцев. Это работала артиллерия Резерва Главного командования, прокладывавшая нашим войскам дорогу на Запад, — могучие орудия, сохраненные в свое время предусмотрительностью старших артиллерийских начальников и Жукова.

Но вернемся к лету 1941 года.

* * *

В Великую Отечественную характеристика Б. М. Шапошниковым Генштаба как «мозга армии» оправдалась во всех отношениях. От уровня работы Генерального штаба во многом зависел ход вооруженной борьбы, ведущим в нем было оперативное управление. С началом войны три отдела этого управления в основном обеспечивали Ставке и начальнику Генерального штаба руководство боевыми действиями трех направлений — северо-западного, западного и юго-западного.

В отделах шла практически круглосуточная работа. В своих мемуарах Маршал Советского Союза А. М. Василевский вспоминал: «Не переставая работали «Бодо» — телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало. Главная работа сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты — географические, топографические разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима боевая техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке».

Коллектив высокоподготовленных, исполнительных, преданных делу людей, естественно, работал под руководством Жукова. Генеральный штаб напряженно изыскивал пути и средства, чтобы остановить немецко-фашистские полчища. Фронтам ставились четкие задачи, но, к сожалению, иногда получалось далеко не так,

как было задумано. Отрывки из переговоров по «Бодо» Жукова с командованием фронтов проливают свет на возникавшие трудности.

Северо-Западный фронт. Из разговора Г. К. Жукова с командующим фронтом генерал-полковником Ф. И. Кузнецовым еще 26 июня:

«Жуков: Давайте конкретнее об обстановке, рассуждений не нужно, нам не до этого. Где противник?.. Вы как командующий очень плохо справляетесь с руководством войсками фронта... Не знаете, где соединения фронта и что они делают... Имейте в виду, передовые моточасти (противника) далеко оторвались от своей пехоты. Поэтому вам подвертывается удобный случай уничтожать их с тыла ночными действиями. Дайте задачу частям на широкие ночные действия...»

Не получилось, вражеское наступление продолжалось. Штаб Северо-Западного фронта к десятым числам июля возглавил первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Из разговора Г. К. Жукова с ним 13 июля:

«Жуков: Все ваши планы до сих пор в жизнь не проводились и оставались только фантазией, потому что эти планы до полков, рот, батальонов не доходили и никто это не контролировал...

Ватутин: Товарищ генерал армии, все указания ваши мне понятны... Сил не так много, как кажется...

Жуков: ...части при плохих руководителях, ничего существенно не сделав, теряют не только личный состав, но и вооружение...»

Юго-Западный фронт. Утром 29 июня Г. К. Жуков передает командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу: «...Товарищ Сталин особенно требует смелее бить корпуса противника с тыла, отрезая их пути питания. У нас такой случай подвернулся, и на этом деле можно крепко проучить заносчивого противника...»

Надлежащего удара не получилось, гитлеровцы двигались на восток. В ночь на 3 июля Г. К. Жуков обращает внимание начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. А. Пуркаева:

«...Учитывая стремление противника отрезать части 6-й, 26-й и 12-й (армий), вам необходимо проявить исключительную активность, изобретательность и смелость в руководстве выводом частей. Если этого не сделаете, армии будут отрезаны и для них это пахнет

катастрофой...» В ночь на 6 июля Жуков подчеркивает в переговорах с Кирпоносом: «...Примите меры, чтобы противник не оказался у вас в Бердичеве и не отрезал бы 26-ю и 12-ю армии. Спешите с отводом за УР (укрепленные районы)...»

В 16.00 7 июля гитлеровцы ворвались в Бердичев. «Ни в штабе 6-й армии, ни в штабе фронта об этом пока не знали», — удивлялся И. Х. Баграмян. Узнали примерно через 10—12 часов после захвата города врагом. Хотя противнику не удалось окружить эти армии, он прошел через укрепленный район. Г. К. Жукову оставалось только в переговорах со штабом фронта задать риторический вопрос: «Не понимаю, как вы могли пропустить противника через Шепетовский укрепленный район?»

Одновременно, это осложняло дело, Жукову приходилось все время отбиваться от наскоков и необоснованных упреков Сталина. «В начале войны, — свидетельствует Жуков, — со Сталиным было очень и очень трудно работать. Он прежде всего тогда плохо разбирался в способах, методах и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом, как германская армия. Все его познания были сугубо дилетантские, а нам нужна была большая выдержка и способность коротко и наглядно доложить обстановку и свои предложения». Хотя главкомом и председателем Ставки значился Тимошенко, он и шаг не мог сделать без утверждения Сталиным. «Сталин ежечасно вмешивался в ход событий, в работу Главкома, по нескольку раз в день вызывал Главкома Тимошенко и меня в Кремль, страшно нервничал, бранился и всем этим только дезорганизовывал и без того недостаточно организованную работу Главного командования в осложнившейся обстановке.

9 июля 1941 года я доложил некоторым членам Политбюро о необходимости сделать Сталина не только фактическим, но и юридическим Верховным командующим, так как существующая двойственность в Главном командовании может катастрофически сказаться на судьбах Родины. 10 июля нас вызвали в ГОКО и объявили решение о создании Ставки ВГК, о назначении Сталина ГК и наркомом обороны». Жуков, естественно, вошел в состав Ставки, сформированной, что нужно особо подчеркнуть, в конечном итоге по его инициативе. Вклад Сталина, учредившего в тот же день

три главных командований направлений, однако осложнил высшее руководство войной, возникла ненужная бюрократическая надстройка.

Жуков только формально считался со сталинским нововведением. Он действовал так, как считал нужным. Главным оставалось западное направление, где действовали основные силы врага. 14 июля со ссылкой на Ставку Жуков отдает приказ о создании фронта резервных армий, войска которого развертывались на рубеже Старая Русса — Осташков — Белый — Ельзы — Брянск. «Перед фронтом армий и внутри оборонительных районов, — указывалось в нем, — создать полосу заграждений с противотанковыми препятствиями и сплошной полосой мощного противотанкового огня. При организации обороны особое внимание уделить строительству различных противотанковых препятствий, минных полей и фугасов, щелей для пехоты и оборудованию артиллерийских позиций, особенно противотанковой артиллерии».

Очень своевременное решение, как раз тогда развернулось ожесточенное сражение за Смоленск и восточнее его. 16 июля немцы захватили город. Новое продвижение врага в направлении на Москву, писал Жуков, «было тяжело воспринято Государственным Комитетом Обороны и особенно И. В. Сталиным. Он был вне себя. Мы, руководящие военные работники, испытали всю тяжесть сталинского гнева». Но не столько сталинские выпады, сколько опять поспешный и плохо организованный отход удручал Жукова.

Положение на Западном фронте складывалось крайне опасное, с захватом города Ельни враг приобретал плацдарм для наступления на Москву. Разъяренный Сталин потребовал вернуть Смоленск любой ценой. Он запретил сообщать «до особого распоряжения» о сдаче Смоленска. Завязалось чудовищное по напряжению и потерям сражение. 14 июля 1941 года под Оршей мы применили с успехом реактивные установки, прозванные впоследствии «катюшами». Но работала единственная имевшаяся в наличии экспериментальная батарея И. А. Флерова.

За утрату Смоленска Сталин попытался сместить командующего Западным фронтом Тимошенко. Объявив об этом в присутствии почти всех членов Политбюро, Сталин предложил заменить его Жуковым. Георгий Константинович решительно выступил против. Ста-

лин обратился к своим соратникам: «Может быть, согласимся с Жуковым?» Видимо, уловив какие-то только им ведомые нотки в голосе вождя, члены Политбюро согласились.

Тимошенко по возвращении в Генштаб горько сказал: «Ты зря отговорил Сталина. Я страшно устал от его дерганья».

Все же Сталин взял свое на другом уровне. 19 июля 1941 года он стал наркомом обороны вместо Тимошенко. Видимо, вождь серьезно верил в значение магии его имени для вооруженной борьбы. Это совпало с энергичным проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР о введении института военных комиссаров от 16 июля 1941 года. Мера объяснялась в указе условиями войны. Требуется, чтобы «политработники не ограничивали свою работу пропагандой, а взяли на себя ответственность также за военную работу на фронтах... подобно тому как это имело место в период гражданской войны против иностранной военной интервенции». В звонких формулировках указа, к сожалению, просматривалось сомнение в командном составе армии.

Тем временем Ставка создала пять оперативных групп с задачей контратаковать в направлении Смоленска из районов Белый — Ярцево — Рославль. Одна из них под командованием генерал-майора К. К. Рокоссовского, действуя вблизи Ярцева, добилась существенных успехов. Остальные под командованием генералов В. А. Хоменко, С. А. Калинина, В. Я. Качалова и И. И. Масленникова втянулись в затяжные бои. 27 июля по «Бодо» Жуков связывается с представителем Ставки Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым. Итак:

«У аппарата маршал Шапошников.

У аппарата Жуков.

Жуков: Борис Михайлович, нам неясно, кто на кого наступает. Мы на немцев или они на нас. Второй день авиация фронта и авиация Резерва Главного командования бьет наземные части противника, а ударные группы, по существу, стоят на месте и отбиваются. Не думает ли командование решать поставленную задачу одной авиацией, если это не так, чего же тогда стоят на месте части Хоменко, Калинина, Качалова и других.

Неясно, как руководит командование боем ударных

группировок, если штаб ваш ничего не знает в течение 27 июля ни о Хоменко, ни о Качалове. За это время, вы отлично понимаете, могут произойти крупные события, которые потом будет поздно исправить...

...Прошу передать Главкому, что потеря времени и пассивные действия ударных групп дают полную возможность противнику подтянуть свои резервы и нанести удар по вашим группам.

Если не хотите проиграть операцию, надо немедленно наносить уничтожающие удары по еще не вполне готовому противнику...

Ставка категорически требует от всех командующих быть ближе к войскам на поле боя. Лично видеть ход боя...

...Относительно Ельни. Не растреплет ли 24-я армия части в непрерывных и при этом неорганизованных атаках? Не лучше ли ей применять больше уничтожения огнем, о чем я вам вчера передавал...

Шапошников: Вполне с вами согласен. Кроме вашего разговора, я читал ваше указание Богданову (командующий Резервным фронтом. — *Авт.)* и вполне с ним согласен. Ваше вчерашнее поручение мною Жигареву передано».

Конечно, и Жуков тогда обстановку знал неполно. В отношении «пассивности» ударных групп он оказался не прав, в чем скоро убедился. Во время переговоров с Шапошниковым он не знал, что враг далеко превосходил, например, самоотверженно дравшуюся группу В. Я. Качалова. Ее трем дивизиям пришлось схватиться с девятью дивизиями врага.

Жуков в этом случае требовал невозможного. Но нужно помнить тогдашнюю обстановку. Она была тяжелой не только на фронте, но и для работавших непосредственно под руководством Сталина. Как коротко скажет А. М. Василевский о лете 1941 года: «Были в деятельности Сталина того времени и просчеты, причем иногда серьезные. Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Он мало опирался на Генеральный штаб».

Маршал Василевский, как известно, был весьма осмотрителен в словах и поступках, а мемуары увидели свет в самом начале 1974 года. Маршал авиации Н. М. Скоморохов, в войну прославленный ас, дважды

Герой Советского Союза, ныне, помимо прочего, доктор военных наук, четко сказал в мае 1988 года о настроении военной молодежи горьким летом 1941 года:

«Слушаем сводки Совинформбюро и ничего не понимаем. Ничего. Почему наши войска отступают, почему мы, вопреки уверениям наших вождей о неизбежности быстрого разгрома врага на его территории, откатываемся на восток? Тогда, несмотря на неудачи, поражения, на панику, охватившую большинство западных областей, на гибель тысяч и тысяч солдат (об армиях, попавших в окружение, сотнях тысяч пленных мы тогда не ведали), на смятение в душе, наша вера в гений Сталина не колебалась... Скажи Сталин: «Умри, Скоморохов, так надо!», я бы сделал это не задумываясь. И мои товарищи поступили бы так же. Хорошо это или плохо — не знаю, но это было, из песни слова не выкинешь. И делать вид, что все мы тогда быстро прозрели, — значит, кривить душой».

Г. К. Жуков, конечно, ценил тогда моральный фактор, но подкреплял дух армии и жесткими мерами. 27 июля «главкомы и командующие фронтами» получают его директиву: «Заградслужба в тылах армии и фронта организована очень низко и стоит только на дорогах... Немедленно лично разобраться, как организована заградслужба, и дать нач. охраны тыла исчерпывающие указания, всех задержанных вливать во фронтовые части и в тыл не направлять».

Успехов добивались и известные военные руководители, и безвестные герои, сражавшиеся у Смоленска. 30 июля германская группа армий «Центр» получила приказ в основном стать в оборону. В этом сражении она потеряла 250 тысяч человек. Центр нашего фронта ценой страшных жертв пока устоял.

Во второй половине июля враг так и не смог выйти на ближайшие подступы к Ленинграду, лучшие соединения вермахта сгорали в полыхавшем Смоленском сражении, а на юге, хотя немцы и вышли к Днепру, они вынуждены были отказаться от лобового натиска на Киев. В Генштабе понимали, что возможности вермахта не неограниченны. Но любая ошибка в стратегическом планировании могла ухудшить и без того сложное положение — к исходу третьей недели войны враг продвинулся на 500—600 километров в глубь нашей

страны. Он вполне мог сосредоточить крупные силы на одном стратегическом направлении и добиться там серьезного успеха. Но где?

* * *

Для определения этого нужно было заняться прогнозированием ближайших намерений военного руководства Германии. Жуков был профессионально подготовлен к решению этой неслыханно трудной задачи всей своей жизнью в рядах армии, отменным знанием немецкой военной мысли. В горниле жесточайшей войны должны были дать отдачу годы и годы, проведенные за изучением трудов немецких стратегов. В богатой личной библиотеке Жукова были все сколько-нибудь значительные книги по военным вопросам, выпущенные за годы Советской власти, и немало фундаментальных дореволюционных изданий. Подавляющая часть их была испещрена пометками на полях.

Теперь за рабочим столом начальника Генерального штаба он продолжил привычную аналитическую работу, делая пометки в тексте остро отточенным простым карандашом и цветными — на картах. Только ныне перед Георгием Константиновичем лежали не книги, а бесчисленные оперативные документы, доклады и донесения разведки. За месяц войны советский Генеральный штаб накопил достаточно данных о распределении сил вермахта, его резервах на советско-германском фронте.

В разгар жесточайших сражений, когда, казалось, нельзя было ни на минуту оторваться от текущих дел, Жуков и его помощники проделали серьезнейшую аналитическую работу. Вместе с руководящими оперативными работниками Генштаба он снова и снова изучал развертывание немецких войск на советско-германском фронте. В первую очередь определялись танковые группы противника, а в конце и их возможности. Они были основной пробивной силой вермахта. Объективно, с максимально возможной точностью определялись их потери. Вывод был однозначен: потрепанные танковые и моторизованные дивизии врага нуждаются в пополнении. Немцы не могут надеяться на успех везде. Более того, анализ показывал, что удар будет нанесен только там, где, по представлению германских генералов, нет прочной обороны Красной Армии. Генераль-

ный штаб пришел к выводу, что по этой причине прямой удар на Москву в ближайшее время маловероятен.

Еще раз просчитав все варианты, руководство Генштаба заключило, что с учетом всех обстоятельств, в том числе и конфигурации линии фронта, противник нанесет удар по Центральному фронту, прикрывавшему гомельское направление, с целью выйти во фланг и в тыл Юго-Западному фронту. 29 июля Жуков во всеоружии накопленных материалов направил докладную об этом в Ставку. С сокрушенным сердцем он писал: во избежание окружения войска Юго-Западного фронта нужно отвести за Днепр. Киев придется оставить. Чтобы предотвратить тяжкие последствия неминуемого гитлеровского наступления, Жуков подчеркнул необходимость укрепить Центральный фронт и за счет войск, прикрывавших Москву с запада.

Последовал вызов в Ставку. Разгневанный Сталин встретил Жукова в присутствии Маленкова и Мехлиса. В последовавшем тяжелом разговоре они, разумеется, словами и жестами поддерживали выходившего из себя Сталина.

— Вы что же, — зловеще спросил он, — считаете возможным ослабить направление на Москву?

Жуков объяснил, что нужно победить в споре со временем — через две недели сюда можно подбросить около десятка дивизий с Дальнего Востока. Тем временем сосредоточить две армии за правым флангом Юго-Западного фронта для отражения неизбежного удара врага. Разумеется, держать крепкую оборону по Днепру. А в заключение предложил немедленно организовать контрудар в районе города Ельни (Ельнинского выступа), захваченного немцами в самом конце июля, откуда они могли возобновить наступление на Москву.

Сказанного было слишком много для Сталина, человека, обладавшего, по словам Жукова, порывистым характером. Он вспылил:

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Жуков был наделен характером не менее «порывистым» и не сдержался, точнее, вероятно, и не счел необходимым сдерживаться. Глубоко уязвленный тем, что перечеркивается кропотливая работа Генштаба, не принимаются в расчет знания и опыт его работников, он бросил:

— Товарищ Сталин, прошу выбирать выражения. Я начальник Генерального штаба, если вы, как Верховный Главнокомандующий, считаете, что ваш начальник Генерального штаба городит чепуху, то его следует отрешить от должности, о чем я и прошу вас, и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

— Вы не горячитесь, — сказал Сталин. — А впрочем... Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся.

Последовал острый обмен репликами.

«Тут, — писал впоследствии Жуков, — как всегда, Мехлис подлил масла в огонь:

— Кто вам дал право так разговаривать с товарищем Сталиным?

Я ответил Мехлису: «Сложившаяся обстановка требует решительных мер, поэтому я их так и отстаиваю».

Сталин, сверкнув глазами, сказал: «Идите, работайте, через полчаса мы с вами поговорим...»

Именно по этому поводу Жуков рассказывал о Сталине: «Бывал он груб, очень. По своему характеру я в некоторых случаях не лез за словом в карман. Случалось даже, что резко отвечал на его грубости, причем шел на это сознательно, потому что иногда нужно было спорить, иначе я бы не мог выполнить своего долга». Жукова на месте освободили от поста начальника Генштаба и, коль скоро он указал на опасность Ельнинского выступа, удовлетворили его просьбу заняться им.

Сталин сверх всего бросил нелестные реплики в адрес Красной Армии. Они запечатлелись в памяти Жукова:

— Хотите наступать? — иронически спросил он.

— Да, — ответил я.

— Считаете, что с нашими войсками можно проводить наступление? — продолжал он так же иронически. — Им еще не удалось ни одно наступление, а вы собираетесь наступать?

Жуков ответил, что надеется на успех. Он получил назначение командующим Резервным фронтом, развернутым в районе Ельнинского выступа.

Но, подчеркнул Сталин, Жуков остается членом Ставки Верховного Главнокомандования. Через несколько дней Жуков, сдав дела маршалу Б. М. Шапошникову, выехал в район Гжатска, где находился штаб вверенного ему фронта.

* * *

В очень понятном подавленном состоянии новый командующий фронтом прибыл на место. Жуков смолоду насмотрелся на войну и не питал никаких иллюзий по поводу врага, уже тогда нагло попиравшего ее законы и обычаи. Но то, что творили вчерашние благополучные обыватели Германии в крысиной форме вермахта, было неописуемым. Они явились на русскую землю убивать, убивать детей и женщин, раненых и стариков. От рук мерзавцев, именовавших себя «высшей расой», гибли наши люди, гибло созданное многими годами напряженного труда. Смерть, разорение и слезы на каждом шагу несли фашистские варвары. Ответить на это нужно «мечом и только мечом, беспощадно уничтожая злобного врага», — говорил себе Жуков.

В штаб фронта он прибыл 31 июля 1941 года.

Конечно, масштабы его работы теперь были неизмеримо меньшими — Резервный фронт не был главным, и силы его были скромными. Но Жуков всегда признавал мудрость старой истины: не место красит человека, а человек — место.

Георгий Константинович не успел еще толком оглядеться, как пришлось принимать важные решения. Героическая группа генерал-майора В. Я. Качалова попала в исключительно тяжелое положение под Рославлем. Жуков на месте увидел то, чего не мог видеть в Москве: в районе Рославля превосходство гитлеровцев в силах было подавляющим.

4 августа Жуков доложил начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову: «...Со взятием противником Рославля положение Качалова может быть очень невыгодным: Качалову грозит окружение. Считаю необходимым левый фланг и центр Качалова немедленно оттянуть на восток...» На что Шапошников ответил: «Принимаемое вами сейчас решение в отношении Качалова считаю правильным, что же касается его общего отвода, то дам ответ после доклада Ставке».

Всего несколько дней тому назад Жуков был на нынешнем месте Шапошникова в Москве и отлично знал неизбежные бюрократические согласования тех, кто цепенел при одном слове «Сталин». Поэтому не дожидаясь ответа Ставки, он отдает те распоряжения Качалову, которые считал неотложными. О чем и сообщил в Генштаб. Немедленно звонок начальника оперативного управления А. М. Василевского начальнику штаба Резервного фронта генерал-майору П. И. Ляпину.

Василевский: «Из поступивших сегодня документов к нам от вас видим, что группе даны указания об отводе не только левого фланга и тылов, но и центра группы, тогда как тов. Жуков, заканчивая разговор, поставил в известность нач. Генштаба, что им будут даны распоряжения лишь об отводе левого фланга и тыла. Указаний Ставки об общем отводе группы Качалова еще не было. Как понимать и чем вызваны указанные распоряжения, отданные, судя по документам, еще в 5.00 4.8.41.».

Ляпин, естественно, бросился за разъяснениями к самому Жукову. Командующий фронтом не счел необходимым докладывать по этому вопросу в Москву, а поручил все разговоры Ляпину. Тот ответил Василевскому: «Доложил командующему фронтом наш разговор. Он приказал мне доложить вам следующее. Отданный им утром приказ он оставляет в силе вследствие того, что группа Качалова как соединение уже не существует, так как он сам этой группой, находясь в окружении, управлять не может, речь идет о его частях, неизвестно где находящихся в настоящее время, и, как я уже сказал, если не в окружении, то в полуокружении».

Лишь немногие из группы В. Я. Качалова сумели пробиться к своим, сам он геройски пал в бою. Обстоятельства гибели героического генерала тогда не были известны, посему он был объявлен изменником Родины. Усилиями Мехлиса.

То происходило в тылу, на фронте Жуков со своей обычной обстоятельностью вникал в дела подчиненных ему соединений. Оказалось, что далеко не все знали, во что превратили немцы Ельнинский выступ. Командование немецкой группы армий «Центр», несомненно, собиралось использовать этот район как плацдарм при возобновлении наступления на Москву. А пока гитлеровцы основательно укрепили его — вырыли траншеи, натянули проволочные заграждения, вкопали в землю танки. Словом, создали крепкую оборону.

Ликвидировать плацдарм без основательной подготовки было невозможно. Жуков поставил командованию 24-й армии задачу: всеми видами разведки

вскрыть систему вражеской обороны, установить местонахождение огневых точек и подтянуть две-три дивизии, а главное — артиллерию. Пока шло сосредоточение наших войск, Жуков наметил к двадцатым числам августа перейти в наступление. В то же время он приказал, не давая покоя врагу, перемолотить на месте огнем артиллерии его подвижные части. Ельнинский выступ занимали лучшие немецкие соединения: полк «Великая Германия» (на деле моторизованная бригада), две танковые и моторизованная дивизии.

Очень опасная в маневренных операциях элита вражеских подвижных войск, скученная на плацдарме, оказалась под градом снарядов советской артиллерии, точность огня которой с каждым днем возрастала. Ельнинский выступ постепенно превращался в кладбище отборных гитлеровских частей и техники. Гальдер, однако, приказал: «Не сдавать Ельню ни в коем случае». Только через несколько недель немецкий генштаб прозрел: уничтожается нацистская «гвардия» — и приказал вывести с Ельнинского выступа танковые и моторизованные части, прислав им на замену пять пехотных дивизий. Их ожидала та же участь.

По приказу Жукова обстоятельно исследовались сильные и слабые стороны противника, уже проявившиеся в этих боях. С большим удовлетворением он отметил грубейшую ошибку немцев, располагавших систему опорных пунктов преимущественно на переднем крае. В глубину оборона развивалась недостаточно. Хотя мы сражались с немецкой армией образца 1941 года, укомплектованной молодыми, уверенными в себе солдатами, опытным офицерским составом, наши части, прощупывавшие по указанию Жукова оборону противника, выявили неустойчивость немецкой пехоты. Получив жестокие уроки от советской артиллерии, причинявшей громадные потери, вражеские солдаты, как крысы, прятались по окопам, стоило заговорить нашим орудиям. Их огонь, хотя и интенсивный, был, в сущности, бесприцельным, шуму, конечно, было много.

Добытое в ходе разведки всеми средствами доводилось до наших войск.

* * *

Искусно готовя разгром немецкой группировки в районе Ельни, Жуков помнил: он — член Ставки Верховного Главнокомандования. А там Сталин озаботился еще взять титул Верховного Главнокомандующего, о чем советский народ узнал из постановления, опубликованного 8 августа 1941 года. 16 августа Ставка издает приказ № 270. Воздав должное мужеству и героизму «громадного большинства» командиров и комиссаров Красной Армии, приказ клеймил «отдельных» генералов, которые позорно сдались в плен. Среди трех названных по имени (все они были впоследствии реабилитированы) значился, разумеется, В. Я. Качалов, уже павший смертью героя. «Как известно, — говорилось в приказе, — некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поле боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя».

Таких, по приказу, надлежало «расстреливать на месте». Приказом № 270 следовало «обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и, если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен, — уничтожать их всеми возможными средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командирам дивизий следовало смещать с постов командиров батальонов и полков, «прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя», при необходимости «расстреливать», выдвигая на их место «мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев».

Под приказом № 270 стояли подписи Сталина, Молотова, Буденного, Ворошилова, Тимошенко, Шапошникова, Жукова. Дисциплину приходилось поддерживать и такими методами, но все же Жуков был занят проблемами стратегии и тактики. 19 августа Георгий Константинович посылает Сталину телеграмму: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку на-

ших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов — Конотоп — Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход брянских лесов и удар на Донбасс».

Эта оценка — пример глубокой прозорливости полководца, охватывающего своим мышлением обстановку на всем советско-германском фронте. И это тогда, когда на него давило бремя ответственности и огромный объем организаторской работы командующего войсками фронта! Глубина оценки видна особенно рельефно, поскольку именно в это время на совещаниях у Гитлера был отработан и утвержден план, точно описанный в телеграмме Жукова Сталину 19 августа!

В приказе Гитлера, отданном через два дня, 21 августа, читаем: «Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, индустриального и угольного района Донбасса... Немедленно предпринять операцию» на окружение, добиваясь «уничтожения противника до того, как он достигнет линии р. Десна, Конотоп, р. Сула».

Приказ Гитлера был отдан во исполнение первоначального замысла плана «Барбаросса»: по достижении рубежа Днепра танковые группы Гота и Гудериана расходятся налево и направо от оси Минск — Москва. Гот должен помогать группе армий «Север» в захвате Ленинграда, а Гудериан принять участие в овладении Украиной.

В Москве согласились с анализом Жукова, тем более что в Генштабе тоже пришли к аналогичным выводам. В ответ на его доклад 19 августа из Ставки в тот же день сообщили: «Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаем правильными». Жуков предлагал создать в этом районе сильную группировку (в том числе не менее тысячи танков) и нанести удар во фланг Гудериана с юго-запада вместе с ударом с востока вновь организованного Брянского фронта. Следовательно, подрубить с обеих сторон клин Гудериана, устремившийся в тыл Юго-Западному фронту.

Все так. Только откуда взять тысячу танков? Жуков думал создать эту группировку за счет Закавказского округа и еще 300 танков взять с Дальнего Востока. Но это требовало времени, которого не оказалось.

Ставка, однако, сочла в основном достаточными действия Брянского фронта, созданного еще 14 августа. Назначенный его командующим генерал А. И. Еременко заверил Сталина, что «в ближайшие дни безусловно» разгромит Гудериана.

— Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, — заметил Сталин, выслушав заверения Еременко.

20 августа Еременко докладывал в Ставку: «Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить, то есть разбить. У меня к Вам больше вопросов нет...»

Брянскому фронту были направлены подкрепления. Однако, несмотря на громкие заверения командующего (Жуков скажет «несерьезные заявления»), войска Брянского фронта не смогли выполнить эту задачу: танковая группа Гудериана прорвалась на юг и вышла в глубокий тыл Юго-Западного фронта.

Жуков в эти дни руководил наступлением на Ельню.

21 августа он докладывает Сталину: «К 20.8.41. частям 24А Резервного фронта в районе Ельня не удалось окружить и уничтожить немецкие части...

За 10 дней операции я был во всех дивизиях и на местности лично разобрался с условиями ведения боя и как ведут себя части. Бойцы и командиры держат себя в большинстве хорошо. Потерь не боятся и уже научились технике и тактике уничтожения противника, но все части очень малочисленны и переутомлены от наступательных действий и огня противника».

Жуков просит пополнений, а также прервать «общее наступление» до 24 августа; 25 августа — возобновить атаки. Ставка согласилась. За эти несколько дней войска привели себя в порядок, а когда операция возобновилась, последовал успех. Железными клещами наши

войска сжимали горловину Ельнинского выступа, не давая и часа передышки врагу. Как обычно, в операциях, которыми руководил Жуков, сражение не прерывалось и ночью. То были, по словам Жукова, «незабываемые» бои: впервые с 22 июня вражеские дивизии неумолимо оттеснялись, бои, полные героики наших бойцов и командиров... и прискорбных потерь.

В Ставке, разумеется, следили за свершениями Г. К. Жукова, даже иные недоброжелатели в Москве не могли не признать — отрадные достижения под Ельней резко контрастировали с положением на фронте от Балтийского до Черного моря. Пока нигде так умело и методически не били немцев, как Резервный фронт Г. К. Жукова. К Сталину, естественно, шла информация о полководце по всем каналам, ибо каждую минуту с 25 июня 1941 года до конца войны рядом с Георгием Константиновичем была группа, отвечавшая за его безопасность, во главе с офицером для особых поручений Н. Х. Бедовым. Большим любителем фотографии был этот Бедов, запечатлевавший и тем самым документировавший каждый шаг «охраняемого». Бедов со всей бесхитростностью человека его профессии признался в скупых послевоенных воспоминаниях о начале работы у Жукова летом 1941 года: «Помню его всяким — суровым, гневным, решительным, напористым и веселым... И потому, быть может, так трудно давалась мне «притирка» к нему: что ни сделаю, все побаивался, как он прореагирует. Это потом уже все встало на свои места. Да и то... Постоянно помнил, кто я и кто Жуков!» Это он очень правильно делал.

По всей вероятности, сравнивая действия войск Резервного фронта с безотрадным положением почти везде на советско-германском фронте, Сталин по-новому оценил полководческий дар Жукова. Уже 1 сентября он попытался вызвать его в Москву. Жуков ответил, что обстановка требует его присутствия на месте, поэтому «просил бы, если возможно, отложить мой приезд, если же нельзя, то выеду немедленно». Видимо, скрепя сердце Сталин согласился. Жуков зачастую в войсках продолжал руководить сражением, отмечая, как выросли некоторые наши стрелковые дивизии, в первую очередь 100-я под командованием генерал-майора И. Н. Руссиянова, которого он знал командиром полка еще в 1933 году в Слуцке.

Круглосуточное наступление наших войск нарастало, было разгромлено пять немецких дивизий. Наконец силы врага иссякли, и, воспользовавшись темнотой, остатки немецкой группировки вырвались через горловину Ельнинского выступа. Утром 6 сентября в Ельню вступили победители.

6 сентября Сталину поступает телеграмма:

«Ваш приказ о разгроме Ельнинской группировки противника и взятии гор. Ельня выполнен.

Ельня сегодня занята нашими войсками. Идут ожесточенные бои с разбитыми частями противника западнее Ельни. Противник в полуокружении. Жуков».

В подробном «Донесении об итогах операции под Ельней» Жуков с гордостью писал: «Очень хорошо действовала вся артиллерия, даже молодые дивизии. РС (прославленные «катюши». — *Авт.*) своими действиями производит сплошные опустошения. Я осмотрел районы, по которым велся обстрел РС, и лично видел полное уничтожение и разрушение целых оборонительных районов».

Немцы потеряли до 45—47 тысяч человек убитыми и ранеными, массу боевой техники. Жуков с профессиональной зоркостью отметил: танки и авиацию в завершающие дни сражения враг применял очень скупо. «Видимо, эти средства он перебросил на другие направления». Так оно и было. Потрепанные подвижные соединения, снятые из-под Ельни, в это время в танковой группе Гудериана пробивались на юг.

Днем 6 сентября Жуков осмотрел то, что осталось от Ельни. Одно из немногих уцелевших зданий — деревянный кинотеатр — было превращено немцами в конюшню, нечистоты стекали в оркестровую яму, до краев заполненную зловонной жижей. Следы европейцев, высшей расы — на каждом шагу. Разворованный и разгромленный скромный музей композитора М. И. Глинки. Жуков подобрал затоптанные в грязь ноты, писанные рукой русского гения. Он протянул лист, на котором отпечаталась подошва немецкого сапога, старому учителю, гневно сказав: «Пусть история и это покажет нашим внукам».

Он мельком осмотрел немецкое воинское кладбище, на надгробных крестах пробитые пулями или осколками каски. Жуков подержал в руке одну из них. «Металлолом истории! — сказал он. — Простреленные каски еще пригодятся историкам». Выяснилось, что немцы

под угрозой смерти заставили жителей ухаживать за своими могилами, а непокорных расстреляли. «Услышав все это, — рассказывал очевидец Е. З. Воробьев, — Жуков разгорячился, повысил голос. Не помню дословно, но смысл его короткой гневной речи сводился к тому, что оккупанты пытаются унизить наше национальное достоинство, инсценировать фальшивую благодарность убийцам, что история никогда не забудет их злодеяний, они останутся на черной совести фашистов, мы жестоко отомстим палачам».

15 сентября иностранным журналистам впервые с начала войны разрешили поездку на наш фронт, их направили в Ельню. Англичанин А. Верт не мог поверить своим глазам — все было разрушено: деревни, города. В самой Ельне, где до войны жило 15 тысяч человек, «уцелела только каменная церковь». Дело было не только в разрушениях, вызванных военными действиями. Перед бегством «немцы обходили дома, забирали все, что можно было найти в них ценного, а потом поджигали дом за домом».

Разбитые снарядами леса, выжженная земля. Везде немецкие трупы и горы разбитой немецкой техники — танки, орудия, минометы. «Эта неделя, проведенная на Смоленщине, — записал Верт, — подействовала на меня в известной мере ободряюще, но в то же время оставила впечатление трагедии. Исторически то была одна из стариннейших русских земель, чуть не самое сердце Древней Руси... Трагичной была вся полностью разрушенная территория Ельнинского выступа, где все города и деревни были уничтожены, а немногие уцелевшие жители ютились в погребах и землянках... И все же это была не просто первая победа Красной Армии над немцами, но и первый кусок земли во всей Европе — каких-нибудь 150—200 квадратных километров, быть может, — отвоеванный у гитлеровского вермахта».

Начальник штаба Западного фронта генерал В. Д. Соколовский разъяснил журналистам увиденное ими. Началось по-настоящему «перемалывание» вермахта. Они поинтересовались его мнением: пойдут ли гитлеровцы снова на Москву? Соколовский не исключал такой попытки, даже нескольких. «Но я не думаю, что они дойдут до Москвы», — твердо сказал Соколовский.

Журналисты освидетельствовали результаты по-

беды войск под командованием Жукова, но с ним самим не встретились: еще 9 сентября он был вызван в Москву.

* * *

— Неплохо у вас получилось с Ельнинским выступом, — приветливо сказал Сталин, когда усталый Жуков явился к нему на квартиру. Верховный ужинал, вместе с ним, обсев стол, с аппетитом кушали члены Политбюро.

Похвала сняла камень с сердца Жукова. Он все оттягивал свой отъезд с фронта и даже в день приезда опоздал на час. О чем и доложил Сталину, войдя в квартиру. «На час и пять минут», — отозвался вождь.

— Вы тогда были правы, — припомнил Сталин беседу с Жуковым 29 июля. — Куда вы думаете теперь?

— Обратно на фронт, — коротко ответил Жуков.

Верховный, как к этому времени Сталина называли между собой высшие военачальники, вспомнил Жуков, «заговорил о Ленинграде и Ленинградском фронте. Положение, сложившееся под Ленинградом в тот момент, он оценивал как катастрофическое. Помню, он даже употребил слово «безнадежное». Он говорил, что, видимо, пройдет еще несколько дней и Ленинград придется считать потерянным. А с потерей Ленинграда произойдет соединение немцев с финнами, и в результате там создастся опасная группировка, нависающая с севера над Москвой.

Сказав все это, он спросил меня:

— Что вы думаете делать дальше?

Я с некоторым удивлением ответил, что собираюсь ехать обратно, к себе на фронт.

— Ну а если не ехать обратно, а получить другое назначение?

Услышав это, я сказал, что, если так, я бы хотел поехать командовать Ленинградским фронтом.

— А если это безнадежное дело? — сказал он.

Я высказал надежду, что оно еще может оказаться не таким безнадежным.

— Когда можете ехать? — коротко спросил он.

Я ответил, что если ехать — предпочитаю немедленно.

— Немедленно нельзя. Надо сначала организовать вам сопровождение истребителей.

И сразу же позвонил авиаторам, запросив у них прогноз погоды. Пока ему давали прогноз погоды, он спросил, кого, по моему мнению, можно назначить моим преемником на Западном фронте. Я ответил, что командующего 19-й армией Конева.

Тем временем авиаторы дали прогноз. Прогноз на утро был плохой: туман.

Сталин сказал:

— Дают плохую погоду. А для нас значит — хорошую.

И тут же написал короткую записку:

«Ворошилову. ГКО назначает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Сдайте ему фронт и возвращайтесь тем же самолетом. Сталин».

Эта записка и была моим назначением. Договорились о деталях: Жуков возьмет с собой по собственному усмотрению нескольких генералов, чтобы назначить новых командующих на месте.

Сталин вернулся к боям за Ельню, спросил, как дрались войска 24-й армии, освободившие город. Жуков выделил действия 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий. Верховный спросил: «А чем вы, товарищ Жуков, объясняете успех этих дивизий?» Минут пятнадцать Георгий Константинович подробно рассказывал о том, как именно проводилась операция. Сталин внимательно слушал, делая пометки в записной книжке. Он резюмировал: «Молодцы! Это именно то, что нам теперь так нужно». Что именно, Жукову предстояло узнать через неделю.

Жуков воспользовался встречей со Сталиным и в который раз повторил свое предостережение: необходимо немедленно отвести всю нашу киевскую группировку на восточный берег Днепра. «Как ни тяжело, а Киев придется оставить. Иного выхода у нас нет», — отчеканил Жуков.

Руководство Генерального штаба к этому времени полностью соглашалось с ним. Но, отмечает А. М. Василевский, тогда первый заместитель начальника Генштаба, «при одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного понимания

всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном направлении». Жукову перед отлетом в Ленинград Василевский только и сказал печально: «Думаю, что мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр...»

Со временем Жуков напишет: «Как известно, войска Юго-Западного фронта в дальнейшем тяжело поплатились за эти решения, которые были приняты без серьезного анализа обстановки». Впрочем, о каком анализе могла идти речь, ибо в этом случае означало идти против Сталина.

10 сентября Жуков вылетел в Ленинград. Над свинцовыми водами Ладоги прошли на бреющем полете, пережив самые неприятные минуты: на хвосте транспортного Ли-2 повисли два «мессершмитта». Жуков с каменным лицом следил за маневрами вражеских истребителей и не проронил ни слова. После посадки он поторопился в Смольный, где находился Военный совет Ленинградского фронта.

Ленинград уже жил и работал по-фронтовому. Не покладая рук ленинградцы готовили оборонительные рубежи. «На обычно оживленных улицах и площадях, — записал прилетевший с Жуковым генерал И. И. Федюнинский, — было сравнительно малолюдно. Золоченый купол Исаакия покрывала серая защитная краска. В садах и скверах, усыпанных багряными листьями, виднелись недавно отрытые щели и огневые позиции зенитчиков. Там же укрывались в ожидании своей ночной службы серебристые аэростаты воздушного заграждения, похожие на больших неуклюжих рыб. Все это придавало городу какую-то особую, суровую красоту. Ленинград, словно могучий богатырь с гордо поднятой головой, готовился к жестокой схватке с врагом». Смольный не узнать, здание прикрывала гигантская маскировочная сетка. Крыша в коричневых и желтых пятнах под цвет деревьев парка.

Врага, подступавшего к городу, командование фронта не сумело удержать, но свою безопасность обеспечивало. Жукова с группой генералов, пытавшихся войти в Смольный, задержали. Он назвал себя. Не помогло. Минут пятнадцать пришлось ждать, пока комендант штаба не разрешил лично доступ в Смольный. Жуков появился в разгар совещания Военного совета фронта, на котором под водительством самозваного стратега А. А. Жданова и послушного К. Е. Ворошилова обсуж-

далось, что делать, если не удастся удержать Ленинград. Коротко докладывалось о том, как именно взорвать и уничтожить важнейшие объекты города. Жуков послушал и передал сталинскую записку Ворошилову, тот прочитал и передал ее Жданову. Словопрение продолжалось. Пришлось Жукову закрыть заседание. Особых формальностей при сдаче дел бывшим командующим Ворошиловым не было. Жуков доложил в Ставку по прямому проводу: «В командование вступил». Собрав генералов штаба фронта попрощаться, Ворошилов с горечью отметил:

— Отзывает меня Верховный! Нынче не гражданская война — по-другому следует воевать. А в том, что разобьем мы здесь фашистскую сволочь, и минуты не сомневайтесь! Они уже высунув язык к городу лезут, собственной кровью захлебываются.

Из Ленинграда отбыл пресловутый «сталинский нарком», председательствовавший на кровавой оргии истребления десятков тысяч командиров Красной Армии в канун войны. Прояснилось, что на большее, чем на палаческие функции, он не был способен.

* * *

Первые решения Военного совета фронта под руководством Жукова: Ленинград защищать до последнего человека. Не Ленинград боится смерти, а смерть боится Ленинграда — вот лозунг момента. Навсегда забыть о мерах на случай, если враг ворвется в город. Этому не бывать.

Особенно возмутила Жукова подготовка к выводу из строя кораблей Балтийского флота, если немцы ворвутся в город. Наверняка он припомнил фатальное решение в русской военной истории — затопление кораблей Черноморского флота в бухте у Севастополя во время Крымской войны, чтобы интервенты — англо-французы — не получили еще поддержки от своего флота, который мог бы ворваться в гавань. Жуков, большой знаток военной истории, разумом и сердцем был на стороне тех адмиралов, которые выступали за сражение с англо-французским флотом. Конечно, гибель русского Черноморского флота была предрешена, но корабли пошли бы ко дну в бою! Теперь, в сентябре 1941 года, он практически повторил их аргументацию.

На заседании Военного совета в Ленинграде, вспоминал Жуков, «моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: «Вот мой мандат, — и протянул ему записку, написанную товарищем Сталиным, где были определены мои полномочия. — Как командующий фронтом, запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией». Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было сорок боекомплектов (так в тексте. — *Авт.*). Я сказал им: «Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя».

Контр-адмирал Ю. В. Ладинский, вспоминая о днях своей боевой молодости — он командовал соединением кораблей, охранявшим морские подступы к Ленинграду, писал, что моряки почувствовали «нечто новое» с прибытием в город Жукова. «Флоту было приказано использовать на полную мощь все артиллерийские средства и авиацию, не оставляя никаких резервов. Линкор «Октябрьская революция», эсминец «Стерегущий», канонерские лодки «Амгунь», «Москва», «Кама» и «Волга» вышли на Петергофский рейд и, не жалея боеприпасов, вели огонь по сухопутным целям. То же самое делали стоящие в Кронштадте линкор «Марат» и крейсер «Киров», а на позициях у Ораниенбаума — лидер «Ленинград», эсминцы «Славный» и «Грозящий». Крейсера «Максим Горький» и «Петропавловск» вошли в Неву и оттуда поддерживали огнем наши обороняющиеся части. В действии была также вся береговая стационарная и железнодорожная артиллерия».

Д. В. Павлов, в то время уполномоченный ГКО по снабжению фронта и населения Ленинграда продовольствием, запомнил, что Жуков, знакомясь с руководителями обороны города, порывался что-то сказать, но промолчал. Через многие годы, после войны, Павлов обратился к Жукову с вопросом, так ли это.

«Верно, — ответил Жуков. — На прощание перед отлетом в Ленинград Сталин сказал, что положение на Ленинградском фронте очень тяжелое, и, если немцы возьмут Ленинград, наше положение политически крайне осложнится. Вашей задачей, сказал мне Сталин,

является не допустить врага в Ленинград, чего бы это ни стоило.

Вот я и хотел сказать вам об этом, но воздержался. А воздержался потому, что хотя обстановка и была предельно опасна, но не безнадежная. Войска проявили исключительную стойкость, военные и гражданские власти делали все, чтобы отстоять город, — Георгий Константинович сделал паузу, посмотрел на меня, улыбнулся. — И, как вы знаете, врагу не удалось ворваться в город».

Как был достигнут всеобщий подъем боевого духа? Ответ Жукова спустя десятилетия в мемуарах: «Были предусмотрены два важнейших фактора: внедрение в сознание наших воинов и населения непоколебимой уверенности в нашей победе и необходимость накопления резервов с целью увеличения глубины обороны фронта». По подсчетам Жукова, вес морального духа на весах победы или поражения никак не уступал военной мощи, если не превосходил ее.

Немецкая группа армий «Север» генерал-фельдмаршала Леeба захватила Шлиссельбург и блокировала город с суши. На Карельском перешейке финские войска в случае успеха союзника южнее готовились ринуться с севера на Ленинград. Назревал генеральный штурм, с командных пунктов немецких частей в бинокли был виден центр города. Штаб группы армий «Север» руководствовался категорической директивой фюрера: «Ленинград для России в течение 24 лет был символом революции. Падение Ленинграда может привести к полной катастрофе России». Гитлер ни на минуту не забывал, что силой оружия решает исход объявленной им идеологической борьбы против «большевизма». Жуков, как мы видели, понимал это и принял меры, но немецкие войска, подошедшие вплотную к Ленинграду, были насыщены танками. Тут подъема одного морального духа мало.

Приказ Жукова: снять часть зенитных орудий с позиций и установить их на танкоопасных направлениях, прежде всего в районе Урицк — Пулковские высоты. Централизовать управление артиллерийским огнем, включая крупные калибры флота, и сосредоточить его на этом участке. Изучая южные подступы к городу, а здесь немцы и собирались нанести главный удар, Жуков пришел в бешенство по поводу слепоты тех, кто возглавлял до него оборону города.

Сплошная застройка пригородов, лесные массивы привязывали немецкие танковые соединения к дорогам. Они неизбежно будут наступать только вдоль дорог, которые можно заминировать, устроить различные инженерные препятствия. Артиллерия и минометы сумеют сосредоточить на этих, самой местностью подсказанных танкоопасных направлениях плотный огонь. Иными словами, маневренность немецких танковых дивизий будет ликвидирована, им придется в лоб штурмовать наши укрепленные позиции.

Из переговоров 14 сентября с Москвой по прямому проводу.

«Жуков: Обстановка в южном секторе фронта значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу.

...К исходу сегодняшнего дня нами организована на путях движения противника система артиллерийского огня, включая морскую, зенитную и прочую артиллерию. Собираем минометы, и, думаю, к утру мы сможем на основных направлениях подготовить плотный заградительный огонь для взаимодействия с пехотой, которую к исходу дня расположили на вышеуказанном рубеже...

Шапошников: Конечно, сейчас надо считаться с обстановкой, которая сложилась на вечер 13 сентября. Считаю, что принятые вами решения прежде всего организовать артиллерийскую завесу единственно правильны».

Жуков приказал списать на берег часть моряков и направить их на фронт. Везде создавать глубоко эшелонированную оборону, заминировать угрожаемые направления. Наконец, снять с Карельского перешейка ряд частей и бросить их под Урицк. Конечно, риск: Гитлер торопил финского командующего Маннергейма с переходом в наступление. В эти дни в Хельсинки состоялась пышная церемония: чтобы подбодрить Маннергейма, ему вручили немецкий Железный крест.

А из Берлина уже летели реляции: кольцо вокруг Ленинграда стягивается все туже, падение города — вопрос нескольких дней. 12 сентября Гальдер помечает в дневнике: «На фронте группой армий «Север» отмечены значительные успехи в наступлении на Ленинград. Противник начинает ослабевать...» Но Ленинград устоял и показал выдающийся пример стойкости, доблести и мужества нашего народа.

По сей день на Западе не перестают изучать оборо-

ну Ленинграда. Конечно, не для того, чтобы воздать нам должное, а сделать надлежащие выводы на будущее. На что способна социалистическая система в экстремальных условиях. Видный американский публицист Г. Солсбери, посвятивший обороне Ленинграда книгу «900 дней», написал о времени, когда Ленинградским фронтом командовал Жуков:

«Если немцы и были остановлены, то этого добились, пустив им кровь. Сколько их было перебито в эти сентябрьские дни, никто никогда не подсчитает. У Урицка протекал ручей. Многие дни он был красен от крови немецких солдат. «Катюши»? Возможно. Ничего не было страшнее во вторую мировую войну, чем «катюши». Неистовый визг ракетных снарядов, устрашающий их дымный след, грохот взрывов, все вокруг взрывалось в огне и громе.

Остановила немцев железная воля Жукова?

Он был страшен в эти дни сентября. Нельзя его назвать по-иному, нет другого слова».

Он неумолимо требовал только одного — атаковать и атаковать! В этом были в те дни и стратегия, и тактика боевых действий под Ленинградом, суть его приказов, начиная с самого первого. Они заключались в том, чтобы не дать врагу возможности создать ударные группировки. Достигнуть этого можно было только атаками. В те дни Жуков проявлял высокую требовательность. В тяжелых условиях он, бывало, не всегда сдерживался.

Жуков вызвал начальника Инженерного управления Ленинградского фронта Б. В. Бычевского и распек за промедление с выводом одной из дивизий на подготовленный рубеж. Разговор закончил так:

— Немедленно отправляйтесь и помните: если к девяти часам дивизия не будет на месте, расстреляю...

Когда тот вышел в приемную, Иван Иванович Федюнинский, бывший там, хитро улыбнулся и спросил Бычевского:

— Попало, инженер?

— Самую малость, товарищ генерал. Командующий обещал расстрелять, если к утру шестая дивизия не будет на окружной дороге.

— Не серчай, инженер! — улыбнулся командарм. — Тебе еще повезло. Нас с членом Военного совета армии за то же самое Георгий Константинович повесить обещал.

Конечно, Жуков никого не расстрелял и не повесил. Но обстановка требовала резких фраз.

В половине третьего ночи 15 сентября состоялся разговор Жукова с командующим 54-й отдельной армией Г. И. Куликом. До войны Маршал Советского Союза Кулик был одним из приближенных Сталина, возвысившего этого малограмотного человека в память о боях под Царицыном в 1918 году. Теперь Кулику, неспособному человеку, Сталин вверил войска, которые должны были деблокировать Ленинград с востока:

«Жуков: Я хотел бы, чтобы у нас с тобой, старых солдат, быстрее закипела работа по очистке территории, на которой мы могли бы пожать друг другу руки... У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовать артподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мгу... Если ты не перейдешь в наступление завтра, то у нас положение может быть катастрофическим».

В ответ Кулик стал пространно объяснять, что сразу наступать не может, поскольку «не отработано на месте взаимодействие». Ему еще сообщили, что «противник в 23 часа переходил в наступление под Шлиссельбургом» и т. д.

«Жуков: Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление...

Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов с одними винтовками бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. В общем для меня ясно, что я рассчитывать на серьезный маневр с вашей стороны не должен. Буду решать задачи сам... По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Я извиняюсь за откровенность, но мне не до дипломатии. Желаю всего лучшего».

Резко? Конечно! Добавим две выдержки из переговоров по прямому проводу Сталина с Куликом.

16 сентября:

«Сталин, Шапошников: ...Не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым. В своем разговоре с вами 15.9 Жуков обрисовал вам его положение, и поэтому вашу операцию затягивать нельзя».

20 сентября:

«Сталин: В эти два дня, 21-го и 22-го, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы еще будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость и вам никогда уже не придется соединиться с ленинградцами».

Действия 54-й отдельной армии успеха не имели. 26 сентября армию подчинили Ленинградскому фронту, Кулика отозвали. После Ворошилова это был второй из сталинских маршалов, показавших свою бездарность. К сожалению, за счет жизней красноармейцев и командиров.

А в эти дни Ленинградский фронт жил одной мыслью: не допустить врага к воротам города. Отбросить противника при его перевесе в силах в данный момент едва ли удастся, но, навязав гитлеровцам единоборство, измотать их можно, — так рассудил Жуков. Тупой мощи вермахта, навалившегося на Ленинград, он противопоставил дерзкий стремительный маневр. Были сняты медлительные командиры, выдвинуты новые.

Неожиданно Г. К. Жуков получил помощь из Москвы, от Верховного, обрадовавшего Красную Армию приказом № 308 народного комиссара обороны. Георгий Константинович, прочитав приказ, увидел, что Сталин законспектировал его рассказ 9 сентября о боях под Ельней и теперь от своего имени оглашал для всеобщего сведения. Повторив перечисленные Жуковым стрелковые дивизии — 100, 127, 153 и 161-я, отличившиеся в боях за Ельню, Сталин в приказе объяснял, почему «этим нашим стрелковым дивизиям удалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска». Он указал на пять причин, а именно:

1. Тщательная разведка и подготовка при наступлении. 2. При прорыве эти дивизии «сматывали фланги» противника; видимо, не знавший этого термина Сталин написал «старались расширять прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва». 3. На занятой территории окапывались, организовывали «крепкое охранение на ночь» (прослушал вождь объяснение Жукова о круглосуточном ведении боевых действий со сменой частей). 4. При обороне не были пассивными, а контратаковали.

5. При нажиме врага «отвечали ударом на удар». И еще — командиры и комиссары были мужественными и требовательными начальниками.

Приказом № 308 эти дивизии преобразовывались в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские. Так под командованием Жукова под Ельней родилась советская гвардия.

Указания в приказе № 308, точнее, жуковские принципы ведения вооруженной борьбы принесли громадную пользу делу. Жуков в это время в который раз подтвердил свое умение бить все еще высокомерного врага. Он сосредоточил кулак численностью до 50 тысяч человек и при массированной поддержке артиллерии фронта и флота нанес удар во фланг ударной группировке немцев, уже вышедшей на исходные позиции для броска на осажденный город. Немцы поспешно сняли моторизованный корпус у Урицка, нацеленный на Ленинград. В исключительно тяжелых боях фашистские дивизии, которым предстояло пробить оборону Ленинграда, были обескровлены.

«Удивительно мужественно», по словам Жукова, дрались наши войска у стен Ленинграда. Прославленный Кировский завод не только продолжал давать продукцию — тяжелые танки КВ, — но и посылал на фронт бойцов. У порога родного города под огнем противника ополченцы превращались в опытных солдат. Впереди — коммунисты.

Трофейный немецкий документ, отнюдь не предназначавшийся для посторонних глаз, рисует как мужество наших людей, так и возможности боевой техники, созданной руками ленинградцев. «Русский танк КВ-1 сумел достичь единственной дороги в тылу немецкой ударной группы и блокировал ее на несколько дней. Появившиеся первыми ничего не подозревавшие грузовики с припасами были немедленно сожжены танком. Практически не было средств, чтобы справиться с чудовищем. Танк нельзя обойти, вокруг топкая местность. Нельзя подвезти боеприпасы, тяжелораненые умирали, их нельзя было вывезти. Попытки ликвидировать танк огнем 50-миллиметровой противотанковой батареи с расстояния 500 метров привели к тяжким потерям в расчетах и орудиях.

Танк не имел повреждений, несмотря на то, что, как выяснилось, получил 14 прямых попаданий. От них остались лишь вмятины на броне. Когда подвезли 88-мм орудие на расстояние 700 метров, танк спокойно

выждал, пока оно будет поставлено на позицию, и уничтожил его. Попытки саперов подорвать танк оказались безуспешными. Заряды были недостаточными для громадных гусениц. Сначала группы русских солдат и гражданских лиц снабжали танк снарядами и припасами по ночам, затем все подходы к нему были перекрыты. Однако и это не заставило танкистов покинуть свою позицию. Наконец он стал жертвой хитрости. 50 немецких танков симулировали атаку со всех сторон, чтобы отвлечь внимание. Под прикрытием ее удалось выдвинуть и замаскировать 88-мм орудие с тыла танка. Из 12 прямых попаданий 3 прошили броню и уничтожили танк».

Подвиг безымянных советских танкистов сухим языком гитлеровского штабиста...

Как всегда, Жуков, выполняя непосредственную задачу, не упускал из виду общую картину борьбы на всем советско-германском фронте. В Ленинграде он узнал о нашем поражении на Украине. Он предвидел, что опьяненный победой Гитлер вернет на московское направление как танковую группу Гудериана, так и танковую группу Гота. План «Барбаросса» уже трещал по всем швам, но, если предстоит немецкое наступление на Москву, оно должно состояться до наступления зимы. Значит, Гот со своими танками уйдет, обязательно уйдет из-под Ленинграда. А пока командование немецкой группы армий «Север» до отказа будет использовать эти танки, пытаясь выполнить приказ Гитлера о взятии Ленинграда. Значит, предстоит новый, самый ожесточенный натиск.

Безупречное стратегическое мышление. Именно в эти недели на германского командующего под Ленинградом фон Леeба яростно давили из ставки Гитлера, требуя наконец взять Ленинград. Обещая Гитлеру успех, он умолял оставить еще на неделю, на день, на два танковые дивизии Гота. И в отчаянии бросал их на наши позиции. Напряжение достигло высшей точки: враг видел город перед собой, но войти в него не мог. Везде перед немецкими танками вставала сплошная стена разрывов — била полевая артиллерия, «катюши», минометы, а когда с чудовищным грохотом рвались 305-миллиметровые снаряды главных калибров флота, немецкая солдатня в ужасе пятилась и замирала. Прославленная советская артиллерия увенчала себя в этом сражении новыми лаврами.

Лееб не выполнил своих обещаний и вскоре был снят за провал операции. Но еще раньше, 22—23 сентября, ушли из-под Ленинграда на юг избитые у стен невской твердыни части танковой группы Гота, которой предстояло наступать на Москву. В начале октября разведка установила: немцы ставят мины, роют землянки, утепляют блиндажи. «Впервые за много дней мы осознали, — удовлетворенно писал Жуков, — что фронт на подступах к городу выполнил свою задачу и остановил» немецкое наступление. По поводу доклада «немцы окапываются» Жуков потребовал: не допускать, чтобы враг окапывался, а закопать его в землю.

В приказе по войскам Ленинградского фронта Жуков воздал должное стойкости оборонявших Ленинград. Он перечислил ряд особо выдающихся эпизодов и заключил: это «свидетельствует о том, что среди личного состава соединений начал создаваться необходимый перелом, приобретается уверенность в победе, стремление бить врага всеми имеющимися средствами».

Командующий Ленинградским фронтом Жуков, героические защитники легендарного города справились с труднейшей задачей: фронт под Ленинградом стабилизировался, непосредственная угроза городу была снята. 18 сентября Гальдер признал поражение германского оружия: «Положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник — голод». 22 сентября Гитлер отдает директиву: «Стереть с лица земли город Петербург... Город надлежит блокировать и путем обстрела артиллерией всех калибров и непрерывными бомбардировками сровнять с землей. Если в результате этого город предложит капитуляцию, ее не принимать».

Начиналась эпохальная оборона Ленинграда. «Организаторская работа ленинградских большевиков, — писал секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов, — соединила всех трудящихся города и направила их усилия к одной общей цели — защите города». Оборона Ленинграда продолжалась 900 дней. Но город выстоял.

5 октября Жукову позвонил Сталин и вызвал в Москву — на подступах к столице сложилось тяжелое положение. «Ставка, — сказал Сталин, — хотела бы с вами посоветоваться». Жуков попросил отсрочки на один день. Но и 6-го вылететь не удалось, обстановка на фронте была сложной. Вечером новый звонок Ста-

лина из Москвы. Вежливый разговор о делах и категорически: «Завтра немедленно вылетайте в Ставку».

7 октября Жуков в Кремле.

ОТСТОЯТЬ МОСКВУ!

Поздоровавшись, как будто они только что расстались, Сталин подвел Жукова к столу, на котором лежала карта Западного фронта. Указал на его южное крыло, примерно на район Юхнова — Малоярославца. Хриплым голосом — у Сталина был грипп — он бросал фразы почти без пауз:

— Вот, смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять решений, не зная, где и в какой группировке наступает противник, в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать.

Разговор продолжался драматически. Сталин, отметил Жуков, «выглядел как никогда растерянным». Снова и снова вглядываясь в карту обстановки, он с нарастающей нервозностью говорил: «Смотрите, что Конев нам преподнес. Немцы через три-четыре дня могут подойти к Москве».

По большей части сдержанный в эпитетах, на этот раз Верховный впал в страшный гнев и не выбирал выражений. Он осыпал площадной бранью «командующих Западным и Брянским фронтами Конева и Еременко и ни словом не упомянул при этом Буденного, командующего Резервным фронтом. Видимо, считал, что с этого человека уже невозможно спросить. Он сказал мне, что назначает меня командующим Западным фронтом, что Конев с этой должности снят и после того, как посланная к нему в штаб фронта правительственная комиссия сделает свои выводы, будет предан суду военного трибунала.

На это я сказал Сталину, что такими действиями ничего не исправишь и никого не оживишь, это только произведет тяжелое впечатление в армии. Напомнил ему, что вот расстреляли в начале войны командующего Западным фронтом Павлова, а что это дало? Ничего не дало. Было заранее хорошо известно, что из себя

представляет Павлов, что у него потолок командира дивизии. Все это знали. Тем не менее он командовал фронтом и не справился с тем, с чем не мог справиться. А Конев — это не Павлов, это человек умный. Он еще пригодится.

Тогда Сталин спросил:

— А вы что предлагаете делать?

Я сказал, что предлагаю оставить Конева моим заместителем.

Сталин спросил подозрительно:

— Почему защищаете Конева? Что, он ваш дружок?

Я ответил, что нет, что мы с Коневым никогда не были друзьями, я знаю его только как сослуживца по Белорусскому округу.

Сталин дал согласие.

Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выехала на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом».

Потратив два часа на изучение обстановки в Генеральном штабе, Жуков в ту же ночь отправился на машине в штаб Западного фронта, который размещался там же, где стоял штаб Резервного фронта и откуда он месяц назад уехал победителем под Ельней. Чувствовал он себя отвратительно: смертельная усталость, в ушах еще стоял звон канонады Ленинграда. Безумно хотелось провалиться в сон. Жуков часто останавливал машину и, чтобы разогнать дремоту, делал пробежку по обочине.

Глубокой ночью въехали в Можайск. Комендант города полковник С. И. Богданов, которого Жуков знал по Резервному фронту. Жуков приказал: найти отважных командиров-артиллеристов. Западнее Можайска на перекрестках дорог выставить орудия на прямую наводку. Не допустить дальнейшего продвижения немецких танков на Москву! И снова в путь.

В машине, подсвечивая фонариком, он снова и снова изучал карту, полученную в Генштабе. В районе Юхнова — Малоярославца все еще ощущались последствия неразберихи, возникшей 5 октября. А случилось невероятное: рано утром наши самолеты обнаружили громадные колонны танков и мотопехоты, которые, прорвав фронт, шли на Юхнов. Первые донесения об

этом в Генштабе показались недостоверными: откуда враг, да еще на московском направлении — до столицы каких-нибудь 200 километров, практически не прикрытых ничем, кроме строительных батальонов? Где же наши войска, державшие фронт?

И только в ночь на 6 октября, когда немецкие танки уже грохотали по булыжным уличкам Юхнова, выяснилась страшная правда: Западный фронт не удержал врага. Ставка потребовала от штаба фронта доложить обстановку. В ответ противоречивые и неполные доклады. Однако к исходу 7 октября сомнений не оставалось: с запада на столицу надвигаются десятки гитлеровских дивизий. Войска, прикрывавшие Москву, обойдены и сражаются, по всей вероятности, в окружении.

Глубокой ночью Жуков добрался до штаба Западного фронта. Там ходили как пришибленные — уже было получено указание Ставки, отданное 6 октября в 19.30 и адресованное командующим Резервного и Западного фронтов: «В район действия Резервного фронта командирован генерал армии Жуков в качестве представителя Ставки. Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронта и по вопросам управления, обязательны для выполнения».

Генералы И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Г. К. Маландин как могли попытались ввести представителя Ставки в курс дела, впрочем, плохо представляя обстановку. Жуков брезгливо смотрел на них, для себя отметив — он застал генералов «в крайне неприглядном виде». Растерянными и, еще хуже, напуганными, отнюдь не врагом.

Случившееся тогда с войсками незадачливых полководцев восстановили историки. На московском направлении разразилась катастрофа. Здесь в конце сентября оборону держали три наших фронта. Западный — И. С. Конев, Резервный — С. М. Буденный и Брянский — А. И. Еременко. В общей сложности войска фронтов насчитывали 1250 тысяч человек, 990 танков, 7600 орудий, 677 самолетов. На них и обрушился «Тайфун» — так была зашифрована гигантская операция вермахта по захвату Москвы.

На московском направлении враг сосредоточил 77 дивизий численностью до 1800 тысяч человек,

1700 танков и штурмовых орудий, 14 тысяч орудий и минометов, 1390 самолетов. В приказе Гитлера войскам говорилось: «Создана наконец предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага». Секретное указание Гитлера группе армий «Центр» предусматривало окружение Москвы, с тем чтобы «ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог ее покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой». Поголовное истребление москвичей, до последнего человека.

Первым 30 сентября выступил Гудериан. Прорвав оборону Брянского фронта, его танковая группа, переименованная в танковую армию, прошла около 150 километров и 3 октября захватила Орел. Часть войск Брянского фронта оказалась в окружении. Генерал Л. М. Сандалов, в то время начальник штаба фронта, впоследствии писал: «Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли тогда разгадать намерений противника?.. Ставка предупреждала 27 сентября о подготовке противника к наступлению на Москву. Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов, Новгород-Северский, Шостка, не найти. Путь оттуда на Орел, Тулу был кратчайшим... Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр». В первую голову командующий фронтом Еременко.

Не сделали надлежащих выводов из случившегося и в штабах Западного и Резервного фронтов. На их войска 2 октября обрушились мощные удары с севера и юга. Танковые и моторизованные части противника соединились в районе Вязьмы, окружив значительную часть войск этих фронтов западнее города.

Жуков прикинул: враг, разумеется, превосходит в силах три наших фронта. (Впоследствии выяснилось: в 1,4 раза у него больше людей, в 1,7 раза — танков, в 1,8 раза — орудий и минометов, в 2 раза больше самолетов.) Но мы-то стояли в обороне! Почему не были своевременно раскрыты намерения противника, не были сосредоточены наши основные силы на направлениях главных ударов? Жукова глубоко потрясло, что вермахт преуспел в третий раз все тем же методом: наступая с запада, впервые сомкнули клещи у Минска; во второй

раз так же у Смоленска; теперь — Вязьма. Шаблонный маневр: устроив очередной «котел», группа армий «Центр» разводила свои подвижные соединения севернее и южнее, а затем снова проводила окружение.

Самое главное — Ставка, получив данные от разведки, еще 27 сентября направила командующим предупреждения о предстоявшем в ближайшие дни крупном немецком наступлении на московском направлении. Так что вражеский удар не мог быть неожиданным.

Да, особой стратегической и оперативной доблести у вермахта не наблюдалось, но выполняла эти маневры германская армия 1941 года. Потом, через многие годы, Жуков скажет: «Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге это действительно так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней бежала, испытав на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости.

Обо всем этом следует говорить и писать, я бы

сказал, что в этом есть даже педагогическая сторона: современные читатели, в том числе молодежь, не должны думать, что все зависит только от начальства. Нет, победа зависит от всех, от каждого человека, от его личной стойкости в бою. Потому что мы знаем, что в одинаковых условиях одни люди вели себя стойко, а другие нет. И этого нельзя замалчивать».

Эти выводы Георгий Константинович сформулировал со временем, во всеоружии опыта минувшей Великой Отечественной, а тогда, в 1941 году, нужно было думать о непосредственных задачах, управляясь тем, что было.

8 октября в половине третьего ночи он доложил Сталину: главная опасность в том, что можайская линия слабо прикрыта. Танки противника могут внезапно выйти к Москве. Необходимо быстрее стягивать войска на это направление.

Сталин спросил о дальнейших намерениях Жукова. Он ответил, что будет связываться с командованием Резервного фронта, с маршалом Буденным. Где? Наверное, в районе Малоярославца, высказал предположение Жуков, — вот уже несколько дней о маршале ничего не известно.

...Две машины генерала армии — его «бьюик» и вездеход охраны — на безотрадной осенней дороге. Слабые блики света маскировочных фар на мокром булыжнике. Немецкие танки расползлись по Подмосковью, в любой момент может последовать пулеметная очередь в заляпанный грязью радиатор или, того хуже, в ветровое стекло. Жуков невозмутимо вглядывается в дорогу.

Мутным рассветом машина Жукова (вездеход с охраной отстал) едва не столкнулась с немцами. Искуснейший водитель Бучин вполголоса сказал: «Фрицы!» — и на газ! Ушли. У полустанка Обнинского, всего в 105 километрах от Москвы, нашли наконец штаб Резервного фронта, Военный совет которого разместился в доме имения, некогда принадлежавшего Савве Морозову. Командующего фронтом С. М. Буденного на месте не оказалось, и никто в штабе не мог сказать, где он. Начальник штаба не дал вразумительного ответа о положении своих и вражеских войск. Допельзя возмущенный Жуков начал:

— Бездельники...

«В это время, — заметил начальник охраны Жу-

кова Бедов, — появился армейский комиссар первого ранга Мехлис. Он несколькими днями раньше Жукова был направлен Ставкой в войска Резервного фронта. Отношения между ними и до той встречи были не лучшими. Мехлис спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

Г. К. Жуков ответил не сразу. Разговор у них не ладился. Потом Жуков вынул из кармана документ и подал в руки Мехлису. Тот внимательно прочитал и ответил:

— Так бы и сказали.

За всю войну Г. К. Жукову пришлось предъявить документ лишь один раз. Это и был тот случай».

Жуков и показал распоряжение Ставки, отданное 6 октября в 19.30 и адресованное командующим Резервного и Западного фронтов. В ответ — приглашение к завтраку, а о противнике и командующем Буденном, увы, ничего не узнали. Что же, нужно ехать дальше, к Юхнову.

Отклонив приглашение к обильному столу, Жуков отдал резкие указания — немедленно наладить связь с войсками, фронтовой разведке — установить, где противник и каковы его силы. Выдвинуть артиллерию к дорогам на Москву, поставив ее западнее Вереи, Медыни, Калуги, перекрыть эти танкоопасные направления. Наконец, во что бы то ни стало найти командующего фронтом Буденного. Бросив последний, не обещавший ничего доброго взгляд на онемевших штабистов, Жуков сел в машину.

Тронулись. А в десятке километров от Обнинского родная деревня Жукова — Стрелковка. Он подумал о престарелой, беспомощной матери, о сестре, у которой четверо детей. Места все знакомые, исхоженные и избеганные в детстве, дорогу домой он нашел бы с закрытыми глазами. Если фашисты нагрянут в деревню, родных ждет неизбежная расправа. Да еще будут похваляться душегубы: расправились с родственниками генерала армии. Заехать? Нельзя, нет ни минуты, нужно сначала найти маршала. Семью Жукова удалось все же вывезти, но позднее.

Въехали в Малоярославец. Ни одного человека. С трудом нашли дом, где был маршал Буденный. Жуков вошел в комнату: над картами склонился человек, почти неузнаваемый. А в недавнем прошлом доверенный человек Сталина в армии, посылавший на

позорную смерть лучших полководцев. Он удивился, что Жуков приехал от Конева. «Более двух суток не имею с ним связи», — посетовал полководец, пожаловался, что не знает, где собственный штаб. Жуков показал Буденному направление — ехать к Обнинскому.

Маршал поделился только что пережитым, накануне удалось избежать великой опасности: чуть не попал в плен между Юхновом и Вязьмой. Там он видел большие колонны противника. Кто же занимает Юхнов, допытывался Жуков. Буденный не знал. Посоветовав маршалу отбыть в свой штаб, последнему, теперь третьему после Ворошилова и Кулика «сталинскому маршалу», Жуков поехал к Юхнову. Неужели впереди только враг?

Через 10—12 километров машину Жукова остановили наши танкисты. Сказали, что дальше ехать нельзя, там немцы. Оказалось, что в лесу второй день стоит танковая бригада Троицкого. Жуков отлично знал бравого офицера по Халкин-Голу. От сердца отлегло, когда Троицкий толково доложил обстановку. Юхнов у фашистов, но дорогу на Москву им преграждают наскоро собранные части. Стоят насмерть на рубеже у реки Угра.

Повеселевший Жуков оказался в своей стихии, среди бойцов и командиров, отнюдь не устрашенных напирающим врагом, рассудительно отражавших атаки немцев. В считанные часы он взял в руки отпор врагу. Его нисколько не смущало, что войск почти не было, главное — создать заслон. Генералу армии суждено было пробыть здесь сутки с небольшим — офицер связи вручил приказ прибыть в штаб Западного фронта.

А там с 5 октября заседала комиссия ГКО во главе с членами Политбюро, включая маршала К. Е. Ворошилова. Комиссия напряженно трудилась, ежедневно докладывая о своих усилиях Верховному. Вечером 9 октября, выслушав очередной доклад, И. В. Сталин предложил объединить Западный и Резервный фронты, поставив во главе Г. К. Жукова. «Все мы, — писал А. М. Василевский, тогда член этой авторитетной комиссии, — в том числе и командующий войсками Западного фронта И. С. Конев, согласились с предложением И. В. Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала

армии Г. К. Жукова... Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву».

10 октября Г. К. Жуков стал командующим Западным фронтом. Прошел ровно месяц с того дня, когда он занял такоей же пост в Ленинграде.

* * *

После войны Жуков точно описал тогдашнюю обстановку: «...по существу, заново создавался Западный фронт, на который возлагалась историческая миссия — оборона Москвы».

Первая мысль Жукова — связаться с войсками, дравшимися в окружении за Вязьмой. 10 октября командармам окруженных армий отправили радиограммы: где они собираются пробиваться через боевые порядки врага? Хотели оказать им помощь авиацией.

11 октября в 21.12. от генералов В. И. Болдина и М. Ф. Лукина, командовавших частью окруженных войск, поступает радиограмма Сталину и командующему Западным фронтом Коневу — они не знали, что командующим фронтом назначен Жуков. «Кольцо окружения сомкнуто. Все наши попытки связаться с Ершаковым и Ракутиным успеха не имеют, где и что делают, не знаем. Снаряды на исходе. Горючего нет». Это, определенно, не был ответ на запрос штаба фронта.

За сутки с небольшим Жуков изучил обстановку и в 9.15 утра 12 октября дает радиограмму Лукину, Ершакову, Болдину, Ракутину: «Перед Ершаковым действует 252-я пехотная дивизия. Дивизия просила открытым текстом немецкое командование 11 октября сего года о помощи, так как не выдерживает натиска Ершакова. Видимо, перед Ершаковым наиболее слабое место во фронте противника. Учитывая слабость противника перед Ершаковым, немедленно разберитесь поглубже в обстановке перед вашим фронтом. Сможете ли вы успешно и быстро прорваться на вашем участке? Не лучше ли вам, закрывшись на своем участке от противника, демонстрируя прорыв, собрать танковую группу, артиллерийскую группу, помочь Ершакову мощным ударом смять противника и выводить все армии за Ершаковым на направление станции Угрюмово, на Боровск, при этом в сторону

Г. К. Жуков.

Устинья Артемьевна —
мать Г. К. Жукова.

Вице-унтер-офицер Г. Жуков.
1916 г.

Командир полка Г. Жуков.
1927 г.

Командир полка
Г. Жуков. *1924 г.*

Георгий Жуков
с женой
Александрой
Диевной.

На маневрах. Белорусский военный округ. *1937 г.*

Высшие кавалерийские курсы. *1925 г.* (Г. Жуков стоит первый справа).

Г. Жуков наблюдает за воздушным боем.

На Халхин-Голе.

Г. К. Жуков
и Чойбалсан.

Г. Жуков среди бойцов на Халхин-Голе.

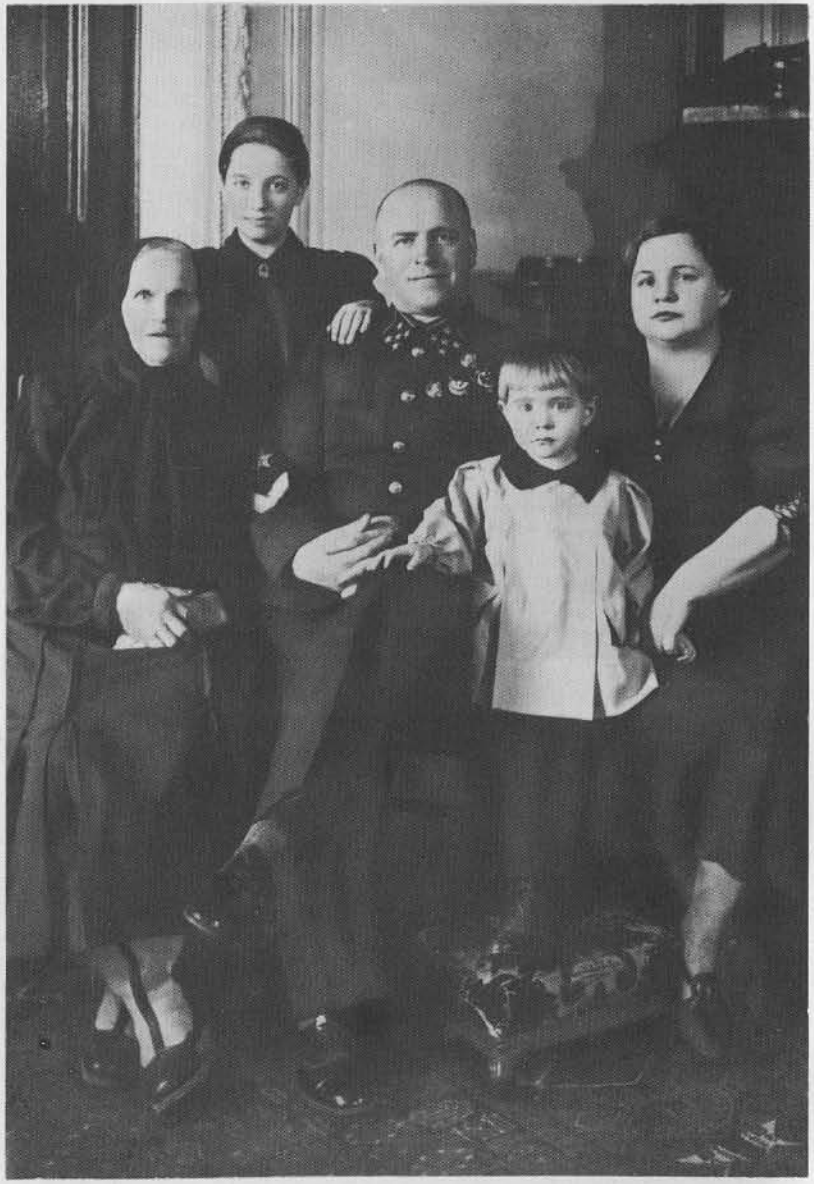
Трофейное орудие.
Халхин-Гол. ▶

Комкор Г. Жуков наблюдает за боем.

В Бессарабии. *1940 г.*

Киевский Особый военный округ. На учениях. *1940 г.*

С наркомом обороны С. К. Тимошенко. *1940 г.*



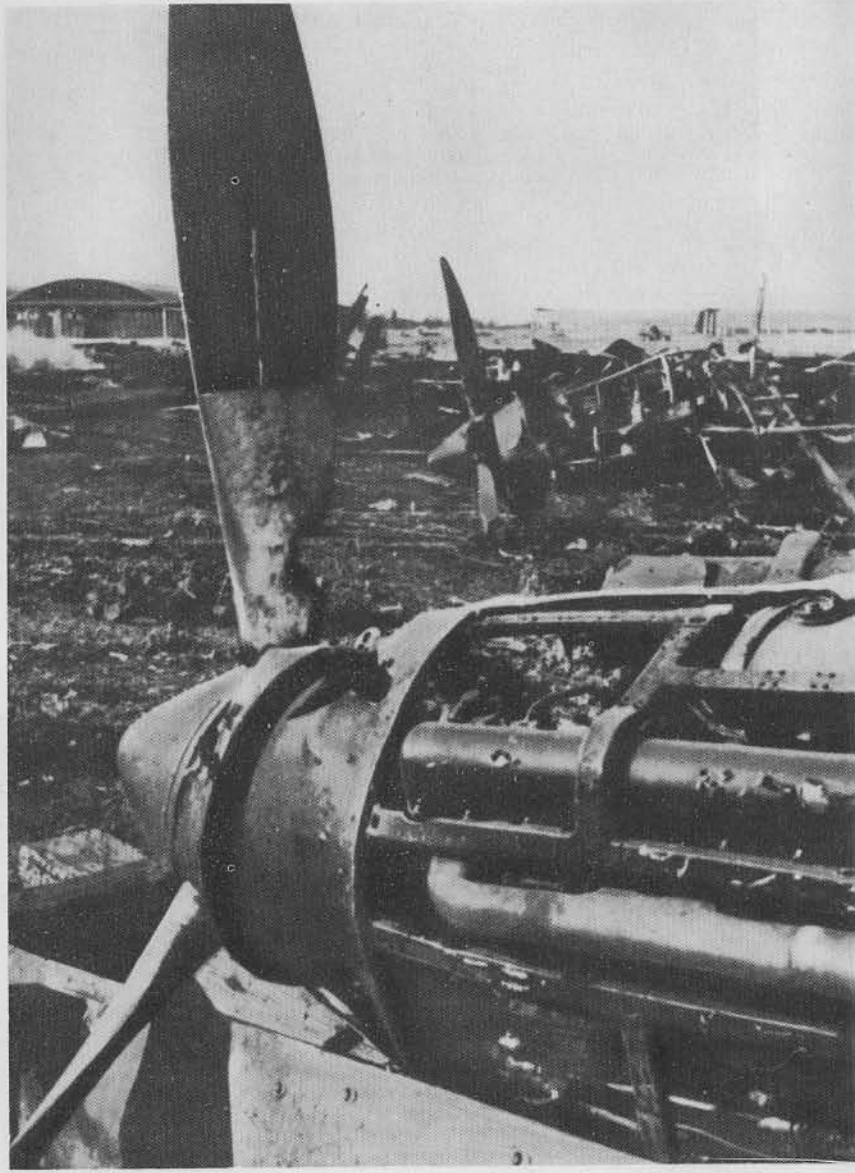
Семья Г. К. Жукова. *1940 г.*

Г. К. Жуков — начальник Генерального штаба.

На учениях в КОВО. *1940 г.*

Нашествие фашистов.
Июнь 1941 г.

Защитим небо Москвы.

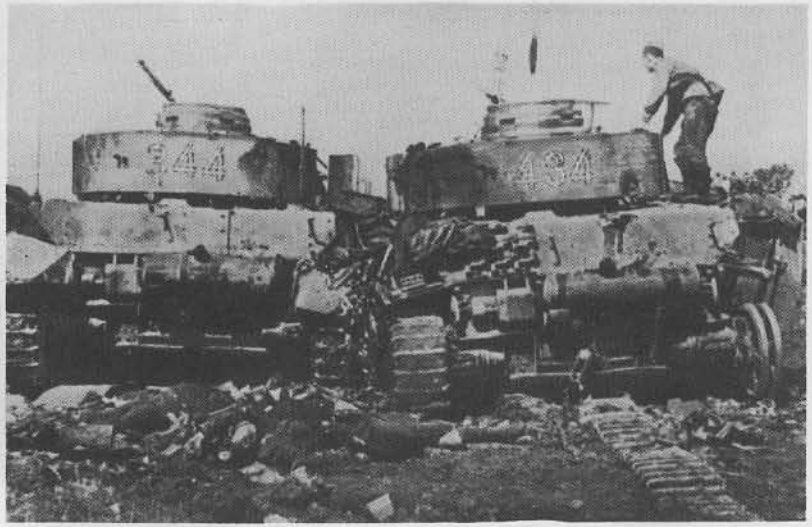


22 июня. После налета люфтваффе.

Жуков и армейский комиссар 2-го ранга Борисов под Москвой. *1941 г.*

Во время операции под Ельней. *1941 г.*

Ноябрь *1941 г.*



Курская битва.

Ленинград. *Сентябрь 1941 г.*

противника иметь сильные заслоны, которым по мере выхода отходить за армией. Принятое решение доложить 12 октября с. г. ...

Дальнейшее промедление в ваших действиях может погубить армии. Ускорьте прорыв и выход из окружения».

Надо вспомнить ту обстановку на Западном фронте, чтобы оценить спокойный, товарищеский тон указаний. К сожалению, уже было поздно, связь прервалась. Штабы окруженных войск потеряли управление. Организованного выхода так и не получилось, пробились к своим отдельные части и множество мелких групп.

Окруженные до конца испили чашу страданий, выпавших на их долю. Тысячи и десятки тысяч бойцов и командиров с честью выполнили свой воинский долг. Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин, командовавший окруженной 19-й армией, свидетельствовал после войны: «Войска дрались до последнего солдата и до последнего патрона». Сам генерал, потерявший в этих боях руку, был без сознания схвачен гитлеровцами.

Противник понес в боях с нашими окруженными войсками серьезные потери в живой силе и технике, что снизило ударную силу его соединений, предназначавшихся для взятия Москвы. Немцам пришлось вести бои на фронте глубиной 100—150 километров с запада на восток, 28 дивизий врага были скованы здесь еще 9—10 дней. «Кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными», — говорил позднее Жуков. Они дали возможность выиграть время для занятия обороны на можайском рубеже.

Немецкая разведка просмотрела происходившее. В высшей точке операции «Тайфун» штаб группы армий «Центр» сверхоптимистически 8 октября докладывал в Берлин: «Сегодня сложилось такое впечатление, что в распоряжении противника нет крупных сил, которые он мог бы противопоставить дальнейшему продвижению группы армий на Москву... Для непосредственной обороны Москвы, по показаниям военнопленных, русские располагают дивизиями народного ополчения, которые, однако, частично уже введены в бой, а также находятся в числе окруженных войск». На день отправки документа — 8 октября — была большая доля истины в суждениях немецких

штабистов. Тугодумы из разведотдела группы армий «Центр» не изменили своей точки зрения и спустя неделю. 14 октября они доложили: «Противник в настоящее время не в состоянии противопоставить наступающим на Москву силы, способные оказать длительное сопротивление западнее и юго-западнее Москвы. Все, что осталось от противника после сражения, оттеснено на север или юг». Разведчики принимали желаемое за действительное.

Как раз в это время из тыла, с других фронтов сюда спешили 11 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков. К середине октября основные направления на Москву прикрыли части, насчитывавшие 90 тысяч человек. С Дальнего Востока, останавливаясь лишь для смены паровозов, мчались сотни эшелонов, перебрасывались кадровые войска: три стрелковые и две танковые дивизии. На самых опасных участках войска возглавили опытнейшие военачальники: на волоколамском направлении — К. К. Рокоссовский, на можайском — Д. Д. Лелюшенко, а после его ранения Л. А. Говоров.

В эти жуткие по напряжению дни Жуков работал буквально круглосуточно, вырывая несколько часов для сна. В Москве также бодрствовали, в том числе В. М. Молотов, почему-то вообразивший себя стратегом. И вот что произошло, по словам Жукова:

«Через два дня после того, как я начал командовать фронтом, Молотов позвонил мне. В разговоре с ним шла речь об одном из направлений, на котором немцы продолжали продвигаться, а наши части продолжали отступать. Молотов говорил со мной повышенным тоном. Видимо, он имел прямые сведения о продвижении немецких танков на этом участке, а я к тому времени не был до конца в курсе дела. Словом, он сказал нечто вроде того, что или я остановлю это угрожающее Москве отступление, или буду расстрелян! Я ответил ему на это:

— Не пугайте меня, я не боюсь ваших угроз. Еще нет двух суток, как я вступил в командование фронтом, я еще не полностью разобрался в обстановке, не до конца знаю, где что делается. Разбираюсь в этом, принимая войска.

В ответ он снова повысил голос и стал говорить в том же духе. Как же это так, не суметь разобраться за двое суток!

Я ответил, что, если он способен быстрее меня разобраться в положении, пусть приезжает и вступает в командование фронтом. Он бросил трубку, а я стал заниматься своими делами».

Надо думать, Молотов навсегда запомнил этот разговор. Георгию Константиновичу, однако, некогда было думать о такте, когда происходили бестактные поползновения членов Политбюро вмешаться в военные дела. Ему, помимо прочего, слишком были памятны довоенные события и случавшееся в первые месяцы войны с теми, кто слепо выполнял абсурдные приказы, спускавшиеся «сверху». За последствия их расплачивались исполнители, а не мнившие себя стратегами партийные чиновники в мундирах или без них.

В середине октября, перегруппировав силы, враг возобновил нашествие на Москву. Вновь вспыхнули кровопролитные бои, но противник, надеявшийся пробить наш фронт, на этот раз просчитался. Фронт, к сожалению, отодвигался, но медленно, и каждый шаг оплачивался немцами большой кровью. Жуков и штаб Западного фронта твердо держали управление войсками, молниеносно реагируя на любую опасность. Больше того, при каждом удобном случае наши войска наносили гитлеровцам сильные контрудары. 13 октября под Боровском советские танки Т-34 и КВ раздавили немецкие противотанковые батареи и пошли на запад. Враг с трудом восстановил положение, бросив пикирующие бомбардировщики.

Москва готовилась во всеоружии встретить врага. За можайским рубежом по решению Военного совета Западного фронта сооружалась основная оборонительная линия — Ново-Завидовский — Клин — Истринское водохранилище — Истра — Красная Пахра — Серпухов и Алексин. Еще один рубеж проходил непосредственно по окраинам города. Партийная организация Москвы возглавила гигантские по объему оборонные работы. Секретарь МК ВКП(б) Б. Н. Черноусов отмечал: «Самоотверженность москвичей на строительстве оборонительных рубежей была действительно массовой. В холод, нередко под огнем противника, в короткий срок 600 тысяч жителей Москвы и области, из них три четверти женщины, построили 700 километров противотанковых рвов, 3800 дотов и дзотов».

Отходившие под давлением врага наши войска на-

ходили оборудованные позиции, что многократно умножало силу сопротивления. Из Москвы и области в ряды армии вливались все новые бойцы, в первую очередь коммунисты. Из Московской партийной организации, насчитывавшей 330 тысяч коммунистов, за первые шесть месяцев ушли на фронт 114 тысяч членов партии. Созданный штаб руководил партизанским движением в захваченных фашистами районах Московской области. Во вражеский тыл было направлено 65 тысяч москвичей. На железных дорогах, ведущих на запад, совершались диверсии, парализовывавшие движение.

Немало москвичей отдали свои жизни в беззаветной борьбе за линией фронта. «Тяжело переживали мы гибель наших героев, — писал Б. Н. Черноусов. — Фашисты захватили и казнили восьмерых комсомольцев с завода «Серп и молот» и других предприятий Москвы. Для устрашения их трупы были повешены на центральной площади Волоколамска. В те же дни совершила свой бессмертный подвиг и Зоя Космодемьянская».

Урон партизан вражеским коммуникациям дополнял усилия наших саперов. Из 3-й танковой группы в это время с отчаянием докладывали о том, что подвоз по дорогам иногда невозможен. «Главная причина возникновения и углубления кризиса заключается в том, что ремонт шоссейной дороги требует значительно больше сил и времени, чем это предполагалось. Несостоятельность первоначальных предположений в первую очередь показали разрушения, причиненные русскими минами замедленного действия. Такие мины, разрываясь, образуют воронку в 10 метров глубиной и 30 метров в диаметре. Взрыватели установлены с такой точностью, что ежедневно происходит по нескольку взрывов, и поэтому приходится каждый день строить заново объездные пути». Диверсии на дорогах были составной частью планов Жукова задержать врага. Он учел сезонные условия, немцы в дожди оказались прикованными к дорогам, которые блокировались различными заграждениями и препятствиями, и у них сосредоточивалась противотанковая артиллерия.

20 октября Государственный Комитет Обороны ввел в Москве осадное положение. В суровых словах, созвучных смертельной опасности, разъяснялось: оборона рубежей в 100—120 километрах западнее Москвы возлагается на командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, а на ближних подступах — на командующего Московским военным округом генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. В обращении Военного совета фронта к защитникам столицы говорилось: «В час грозной опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне... Сейчас, как никогда, требуется бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе и готовность к самопожертвованию».

Жесткой обороной наши войска изматывали врага. За каждый шаг продвижения немцы платили чрезмерную цену. К концу октября гитлеровское наступление выдохлось. Однако конфигурация фронта вызывала тревогу: на севере, захватив еще 14 октября Калинин, противник мог пойти в обход столицы; на юге Гудериан застрял под Тулой, и нельзя было исключить его удара в тыл Москвы. Районы Калинина и Тулы не входили в полосу Западного фронта, который выгнулся к этому времени дугой по линии Тургиново — Волоколамск — Дорохово — Наро-Фоминск — Серпухов.

Командование группы армий «Центр» поспешно собирало последние резервы, подвозило отставшую артиллерию: предстоял решительный натиск на Москву.

17 октября Гитлер разоткровенничался в кругу своих приближенных. Уставившись в потолок, фюрер вещал о том, что предстоит сделать на Востоке после победы. «Мы проложим там через самые красивые места несколько автострад. На их пересечении с реками встанут немецкие города — центры военных, полицейских, административных и партийных властей. Вдоль этих дорог разместятся немецкие фермы, и скоро азиатский ландшафт станет иным. Через десять лет там будут жить уже четыре миллиона немцев, а через двадцать — по крайней мере десять миллионов. Они приедут не только из Германии, но из Америки, Скандинавии, Голландии, Фландрии. И остальная Европа сыграет свою роль в освоении русских пространств. Ни один немец не ступит и ногой в те русские города, которые как-то сохранятся после войны, — Москвы и Ленинграда, конечно, не будет и

в помине, — пусть русские гниют в своем примитивном, растительном существовании подальше от великих автострад. Для них излишни как образование, так и обеспечение социальных нужд».

В Берлине эксперты завершали разработку «генерального плана «Ост» — германской колонизации на Востоке вплоть до Урала. Подлежали уничтожению 120—140 миллионов человек, чтобы дать место «высшей расе». Германская пропаганда твердила, что вермахт у стен Москвы, с СССР почти покончено.

А Сталин вызвал Жукова в Кремль.

— Мы хотим, — сказал Сталин, — провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю двадцать четвертой годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Жуков заверил, что враг в эти дни не в состоянии на большое наступление. А что касается защиты с воздуха, то нужно укрепить противовоздушную оборону и подтянуть с соседних фронтов истребители к столице. Так и сделали.

И вот в эти тяжелые дни из Москвы, отмечавшей традиционный праздник годовщины Великого Октября, прозвучали уверенные слова Сталина. На торжественном заседании 6 ноября он сказал о враге:

— И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!

На следующий день утром на Красной площади выстроились для парада войска. Все, кто имел отношение к устройству парада, волновались: вражеские аэродромы вблизи столицы. Небо затягивали низкие тучи, шел снег. В 8 утра на трибуну Мавзолея поднялись члены правительства, руководители Московской партийной организации. «Сталин, — писал Черноусов, — был в хорошем настроении, прохаживаясь, подошел к нам и сказал, показывая на небо:

— Везет большевикам».

Многие из частей, прошедших в тот день перед Мавзолеем, отправлялись прямо на фронт. Напутствуя их, Сталин говорил:

— Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя Ленина!

Торжественное празднование 24-й годовщины Великого Октября в Москве вдохнуло новые силы в защитников столицы.

Полные боевого подъема дни тревог и надежд. Но суровый реалист Жуков, как всегда, был закрыт для эмоций. Он требовал и требовал величайшей осмотрительности и был против любых опрометчивых действий. Враг все еще нависал над столицей, и надо встретить во всеоружии новый натиск. Жуков понимал, что верные своему шаблону немцы снова навалятся на флангах танковыми и подвижными соединениями, чтобы окружить Москву. Действительно, враг намеревался сомкнуть клещи где-то в районе Ногинска и Орехово-Зуева. То были, по терминологии немецких штабистов, «большие клещи». Операция в масштабах всей группы армий «Центр». Командованию немецкой 4-й армии не терпелось внести свой вклад, разумеется, соразмерный имевшимся у него силам. Оно вознамерилось бросить из района Можайска одну ударную группу, а из лесов юго-западнее Серпухова другую, с целью соединиться у Кунцева, окружив противостоявшие им войска Западного фронта. Так сомкнутся «малые клещи», значительно говорили стратеги 4-й армии.

Общие контуры немецкого замысла Жуков разгадал. Вооруженный опытом войны, несмотря на сложную обстановку, он уверенно докладывал Кремлю: Минска, Смоленска и Вязьмы больше не будет. Значит, особое внимание укреплению флангов! Для чего требовалась спокойная, целеустремленная работа всех звеньев от командования фронта до войск на передовой линии. Сталин, однако, реагировал темпераментно, и «тут у меня состоялся не совсем приятный разговор по телефону» с ним, зафиксировал Жуков.

Верховный потребовал нанести упреждающие удары по фланговым группировкам немцев в районах Волоколамска и Серпухова. Жуков осведомился:

— Какими же силами мы будем наносить эти контрудары? Западный фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны.

Сталин категорически отрезал: вопрос о контрударах решен. Он еще позвонил члену Военного совета Н. А. Булганину и угрожающе добавил:

— Вы там с Жуковым зазнались.

Что делать? Но приказ есть приказ. Жуков стал энергично готовить контрудары. Генерал П. А. Белов, вызванный в Ставку, описал, как принималось решение, в ходе которого ему надлежало командовать конно-механизированной группой. 10 ноября Жуков привел его к Сталину утверждать план — Белову надлежало действовать в районе Серпухова. Генерал, приехавший прямо с фронта, конечно, не знал о предыстории операции, попав в кабинет Верховного, отметил (в книге, вышедшей в 1963 году): «Сейчас, воспроизводя в памяти прошлое, я невольно припоминаю мелкие, на первый взгляд не очень значительные детали, удивившие тогда меня, вызвавшие недоумение.

В те годы много писали о Сталине в газетах, называя его твердым, прозорливым, гениальным — одним словом, на эпитеты не скупились.

Я не видел его с 1933 года. С тех пор он сильно изменился: передо мной стоял человек невысокого роста, с усталым, осунувшимся лицом. За восемь лет он постарел, казалось, лет на двадцать. В глазах его не было прежней твердости, в голосе не чувствовалось уверенности. Но еще больше удивило меня поведение Жукова. Он говорил резко, в повелительном тоне. Впечатление было такое, будто старший начальник здесь Жуков. И Сталин воспринимал это как должное. Иногда на лице его появлялась даже какая-то растерянность».

Генерал Белов воспринял лишь внешнюю сторону происходившего. Коль скоро был отдан приказ, Жуков выполнял его. Генералу Рокоссовскому поручили провести частную операцию в районе Волоколамска. Но ведь Жуков только что велел покрепче окопаться, беречь войска, а тут идти в лоб на изготовившегося к прыжку врага. «Признаться, мне было непонятно, — говорил Рокоссовский, — чем руководствовался командующий, отдавая такой приказ». Жуков, естественно, не мог объяснить, что выполняет указание Сталина. Этот удар, по словам Рокоссовского, «принес мало пользы». Несколько лучшие результаты дали действия конно-механизированной группы Белова у Серпухова. Сорвать подготовку гитлеровцев к наступлению не удалось, но с планами осуществить «малые клещи» командующему 4-й немецкой армии Клюге пришлось расстаться. Вместо выступления на Можайск немцы несколько дней отбивались от войск Белова.

Надо думать, Георгий Константинович высоко оценил действия спешенных конников, но едва ли он приветствовал расточение сил в это ответственное время. О чем, разумеется, не упустил прямо в лицо сказать Сталину при первой же встрече. В высшей степени уравновешенный военачальник, Рокоссовский писал о Жукове в эту тяжелую пору: «В моем представлении Георгий Константинович Жуков остается человеком сильной воли и решительности, богато одаренным всеми качествами, необходимыми крупному военачальнику». И далее: «Мне запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется, в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

— Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своем:

— Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков не сдавался. Наконец Сталин сказал:

— Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

— У нас еще не такое бывает».

Волевое начало деятельности Жукова ощущали не только на фронте, но и в Москве. В это время он бросил резкие упреки начальнику Главного артиллерийского управления генералу Н. Д. Яковлеву за мизерное обеспечение Западного фронта боеприпасами. Разбором претензий Жукова, разумеется обоснованных, пришлось заниматься Сталину. Он заметил: «Комфронтом Жуков просто не понимает обстановку, сложившуюся с боеприпасами. А она сложная. Ноябрь —

самый низкий месяц по производству... нужно ожидать повышение поставок, а не заниматься беспредметными упреками».

Интересы Западного фронта, прикрывавшего Москву, естественно, были в центре внимания Ставки Верховного Главнокомандования. Его потребности удовлетворялись, но, подчеркивал генерал Яковлев, «в пределах разумного» — ведь сражения шли от Баренцева до Черного моря.

* * *

13 ноября в Оршу съехалось высшее немецкое командование — начальники штабов объединений Восточного фронта. Совещание вел Гальдер. Хотя ряд генералов высказывали опасения по поводу происходившего на фронте, Гальдер опирался на директиву Гитлера: до наступления зимы расправиться с СССР.

Он продиктовал «максимальную» и «минимальную» линии продвижения в 1941 году: первая — вплоть до Майкопа, Сталинграда, Горького и Вологды; вторая — до нижнего течения Дона, Тамбова и Рыбинска. В любом случае район Москвы подлежал захвату. Тут нельзя не сказать о том, что после войны битые гитлеровские генералы десятилетиями твердили: они-де тогда потерпели неудачу из-за «генерала Зимы». Ударили морозы — и остановился вермахт. Ложь! Надежды в ставке Гитлера на захват Москвы основывались именно на том, что со второй половины ноября земля подмерзнет и подвижные войска обретут свободу маневра.

15 ноября группа армий «Центр» снова двинулась на Москву. 51 дивизия, из них 13 танковых и 7 моторизованных. Самый сильный удар — севернее столицы. У Волжского водохранилища 300 немецких танков прорвали нашу оборону. Случилось это в полосе армии, входившей в Калининский фронт. Ставка 18 ноября прирезала полосу этой армии к Западному фронту. Логика была очевидной: коль скоро фронт пытаются обойти севернее, пусть он и позаботится сам не допустить этого.

Хотя обстановка сложилась крайне тревожная — враг явно нацелился на охват столицы с севера, — Жуков, объясняя новому командующему армией генералу Д. Д. Лелюшенко его задачи, был предельно спокоен.

Он неторопливо растолковывал генералу: Гитлер обжегся в октябре на можайском направлении, а теперь ползет в обход Москвы с севера. Жуков выразил уверенность, что здесь в оборонительных боях мы перебьем его танки. А когда подойдут наши резервы, перейдем в контрнаступление. Надо использовать лесистую местность, контратаки, особенно ночью — враг этого боится. Выпили за успех по стакану обжигающе горячего чая, и Лелюшенко отбыл в свою армию.

В последующие две недели враг нажимал на этом направлении, но ничего не добился. Жуков верил в упорство и умение генерала Лелюшенко. Когда после отхода наших войск из Клина Лелюшенко обратился к Жукову с просьбой дать «хоть одну дивизию», последовал короткий и ясный ответ: «У фронта сейчас резервов нет. Изыщите у себя».

Вслед за этим пришел приказ: перевести штаб армии в город Дмитров. Лелюшенко посмотрел на карту и оторопел: как раз в этом месте в нашем фронте брешь, город на острие немецкого танкового клина. Ему, обладавшему дерзким, напористым характером, оставалось только подивиться изобретательности Жукова. Он понял, что «не случайно командование фронта решило поставить штаб армии именно в Дмитров: мол, тогда уж командарм наскребет подразделения и закроет прорыв!».

Лелюшенко отправился к Дмитрову, встретил несколько танков, прыгнул в передовой КВ и повел их в атаку. Командарму, конечно, не подобает водить танки в бой, однако иного выхода не было. Танк Лелюшенко подбили, он выбрался через аварийный люк в днище машины — снова в бой. Тем временем подошли небольшие подкрепления, храбрые отряды добровольцев из Москвы. Немцев остановили.

На истринском направлении на армию Рокоссовского навалилось более 400 вражеских танков, масса моторизованной пехоты. Группировка, наползавшая в предельно уплотненных боевых порядках, обладала ужасающей пробивной силой. Что и сказалось в конечном итоге — здесь враг ближе всего вышел к Москве, фашистские танки доползли до Крюкова. В боях против них обессмертили себя 78-я стрелковая дивизия полковника А. П. Белобородова, 316-я — генерала И. В. Панфилова, павшего смертью героя. Жуков, не касаясь резервных соединений, на помощь им снимал

с других боевых участков все, что можно было высвободить, — группы танков, артиллерийские батареи, зенитные дивизионы, солдат с противотанковыми ружьями.

«Вспоминая те дни, — писал Рокоссовский, — я в мыслях своих представляю себе образ нашей 16-й армии. Обессиленная и кровоточащая от многочисленных ран, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор; отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и она это делала, ослабляя силы врага... Обе воюющие стороны находились в наивысшем напряжении сил... Командующий Западным фронтом делал все возможное, чтобы *хоть немного подкрепить ослабевшие войска, но при* этом не втягивать в бой по частям прибывавшие стратегические резервы. Они решением Ставки стягивались к Москве, к районам наибольшей опасности. Их нужно было сохранить до решающего момента. Для этого требовался строгий расчет и огромная выдержка».

Неизбежно возникали трения между волевыми военачальниками — Жуковым и Рокоссовским — по поводу методов выполнения общей задачи. Комфронта нередко связывал свободу маневра подчиненных. С непритупленной десятилетиями обидой Рокоссовский описывал события некоторых из этих эпохальных дней. Он попытался было отвести войска армии, державшиеся в 10—12 километрах впереди Истринского водохранилища, за него, не дожидаясь неизбежного — пока немцы не опрокинут их и на плечах отступающих форсируют водную преграду. Только-только начали осуществлять маневр, как поступила «короткая, но грозная шифровка Жукова: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать».

Тяжеловесная забота комфронта о делах в 16-й армии наверняка не приводила в восторг ее штаб. «Доходило до того, — с горьким юмором припоминал Рокоссовский, — что начальник штаба армии Малинин неоднократно упрашивал меня намечать КП в стороне от дорог, желая избавиться от телефона «ВЧ», по которому ему чаще всего приходилось выслушивать внушения Жукова. Доставалось и мне, но я чаще находился в войсках и это удовольствие испытывал реже. Вспоминаю один момент, когда после разговора по

«ВЧ» с Жуковым я вынужден был ему заявить, что, если он не изменит тона, я прерву разговор с ним. Допускаемая им в тот день грубость переходила всякие границы. ...Нервозность и горячность, допускаемая в такой сложной обстановке, в которой находился Западный фронт, мне была понятна». Почему?

Жуков и штаб фронта точно рассчитывали и проявляли неслыханную выдержку, решив отразить удары врага только силами Западного фронта. Гитлеровские штабы, завороженные идеей окружения Москвы, совершили грубейший промах. В то время как истекали кровью фланговые группировки (в числе прочих их и держала армия Рокоссовского), в центре фронта немцы так и не додумались организовать фронтальный натиск, хотя сил для этого у них было сверхдостаточно по сравнению с имевшимися у нас. «Это дало нам возможность свободно перебрасывать все резервы, включая и дивизионные, с пассивных участков, из центра к флангам и направлять их против ударных группировок врага», — лаконично напишет впоследствии Жуков.

Не много слов! А речь шла о рассчитанном риске — снимались войска с западных подступов. Утончался непосредственный щит столицы. Оставшимся частям было строго-настрого приказано смотреть в оба.

На южном крыле Западного фронта методически отражались атаки буквально взбесившегося Гудериана. Еще в конце октября мужественные защитники Тулы отбили передовые соединения группы Гудериана. В ту глубокую осень на всю страну прозвучало имя выдающегося руководителя тульских коммунистов, секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова, возглавившего комитет обороны города. Жуков высоко оценил военное дарование штатского человека Жаворонкова, сумевшего сформировать рабочие отряды, бившие бок о бок с частями 50-й армии отборные дивизии Гудериана. С 10 ноября Ставка ввела и этот участок в подчинение Западного фронта.

Обломав зубы у Тулы, враг двинулся на северо-восток, к Кашире. Гудериан упрямо пытался выполнить план окружения Москвы. Не вышло! Растеряв в бесплодных атаках танки, Гудериан к началу декабря был вынужден перейти к обороне: советские войска не только парировали его действия, но и постоян-

но контратаковали. Гудериан писал о боях в конце ноября: «Наши 37-миллиметровые противотанковые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предостережением, указывающим на то, что наша пехота исчерпала свою боеспособность и на крупные усилия более не способна».

В двадцатых числах ноября Сталин позвонил Жукову и спросил напрямую:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашивал вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

Жуков заверил, что столицу, безусловно, удержат, и тут же попросил подкрепления — не менее двух армий. Они были даны и стали сосредоточиваться против фланговых группировок врага.

Во время Московской битвы случалось всякое, иной раз великое и трагическое соседствовало с малозначительным. Не по вине, конечно, четкого работника, каким был Г. К. Жуков.

По пятам за серьезнейшим — курьезные эпизоды, примечательные разве тем, что они показывали, как были напряжены нервы у всех руководивших битвой под Москвой. На истринском направлении враг потеснил одну из дивизий Рокоссовского. Тут же в штабе армии появился Жуков в сопровождении генерала Говорова, командующего 5-й армией, соседа слева 16-й армии. Жуков начал, обратившись к Рокоссовскому и его помощникам: «Что, опять вас немцы гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете! Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать». «Конечно, говоря о силах противника, — рассказывал Рокоссовский, — Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронта за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно».

Жуков, видимо, не поняв насмешки, ушел в другую

комнату, а штабисты погрузились в обсуждение высокой стратегии с Говоровым. Сильный удар двери прервал дискуссию, в помещение вернулся, нет, влетел Жуков, «вид его был грозным и сильно возбужденным, — зафиксировал Рокоссовский. — Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» И т. д. и т. п. Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался от разгневанного владыки».

Дело разъяснилось без промедления — пока Жуков и Говоров добирались в 16-ю армию, на участке 5-й случился неприятный казус — свежая немецкая мотомеханизированная дивизия внезапным рывком прошла до 15 километров в глубь нашей обороны. Подобревший Жуков покинул штаб 16-й, а на прощанье, по словам Рокоссовского, «слегка, в сравнении с обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова». Напрасно, видимо, Рокоссовский считал Георгия Константиновича автором эскапад подобного рода. Явление Жукова в сопровождении Говорова в штабе 16-й едва ли было результатом его собственной инициативы. Почерк определенно сталинский.

Доказательство — аналогичный выезд в войска спустя несколько дней, подоплека которого известна от самого Жукова. 30 ноября Сталин упрекнул Жукова, почему оставлен город Дедовск у Нахабина, на близких подступах к Москве, и приказал ему немедленно выехать на место, организовать контратаку и вернуть Дедовск. Проверка показала, что город в наших руках, а речь может идти о деревне Дедово в полосе действия дивизии Белобородова, дивизии, ставшей к тому времени гвардейской. Так вот в эту деревню и ворвались немцы.

«Ясно, произошла ошибка, — заключил Жуков. — Решил позвонить в Ставку, объяснить, что все это недоразумение. Но тут уж, как говорится, нашла коса на камень. Верховный окончательно рассердился. Он потребовал немедленно выехать к К. К. Рокоссовскому и сделать так, чтобы этот самый злополучный насе-

ленный пункт непременно был отобран у противника. Да еще приказал взять с собой командующего 5-й армией Л. А. Говорова: «Он артиллерист, пусть поможет Рокоссовскому организовать артиллерийский огонь в интересах 16-й армии». Возражать в подобной ситуации не имело смысла».

На командный пункт дивизии Белобородова и прибыло высокое начальство. Сибиряк Белобородов, с лукавинкой в глазах, как подобает подчиненному, выслушал приказ и с солдатской сметкой коротко доложил: тактически нет смысла вышибать немцев из нескольких домов за оврагом в деревне Дедово. Что мог сказать командующий фронтом боевому комдиву? Что дело не в тактике? Насупившись и отводя глаза от Белобородова, Жуков строго приказал: послать два танка, роту пехоты и выгнать немецкий взвод из деревни. На рассвете 1 декабря операция успешно завершилась.

В тот же день случились события куда более значительные. В отчаянии от того, что план окружения Москвы провалился, командующий группой армий «Центр» фон Бок решил попытать счастья в центре фронта. Видимо, немецкое командование наконец сообразило, что допустило оплошность: все шесть их корпусов здесь бездействовали. Бок и ввел их в дело. Фашистские танки и пехота внезапно прорвали наш слабый передний край и двинулись на Кубинку. Тут и сказалась предусмотрительность Жукова: войска были начеку, и враг не смог быстро преодолеть оборону на всю глубину. Фашистские танки подрывались на минных полях. Немцы ткнулись к Голицыну. Нарвались на плотный артиллерийский огонь. Подошли резервы фронта, и к 4 декабря немцев окончательно остановили.

Бок поступил, как азартный игрок, послав войска на прорыв. Сравнивая обстановку со сражением на Марне в 1914 году, он говорил: «Дело решит последний батальон». То действительно оказалась его последняя ставка, а перебито за три дня было несколько десятков батальонов. На поле боя осталось более 10 тысяч убитых немецких солдат и офицеров.

Военный совет Западного фронта ежедневно и ежечасно ощущал биение пульса сражения. По многим признакам Жуков заключил: враг исчерпал и второе дыхание; утратив пробивную силу, его дивизии остановливаются. Упустить хоть сутки в этой обстановке — преступление. Остановившись, противник неизбежно сядет в оборону, окопается, окутается колючей проволокой, заложит минные поля — и все это у самой Москвы! Чтобы выбить немцев из укрепленных полос, потребуется много сил и обойдется это большой кровью.

Назревал перелом. 27 ноября «Правда» писала: «Сильнее удар — и надломленный враг не выдержит! Он уже изрядно измотан в предыдущих боях. Он устал. Наступил момент, когда можно остановить его, чтобы сломать». Пришло время громить врага — это чувствовали и видели войска Западного фронта. Жуков и штаб фронта в последние дни ноября завершали подготовку плана разгрома врага под Москвой.

Замысел заключался в том, чтобы без паузы в оборонительных боях перейти в контрнаступление и, по словам Жукова, «разгромить ударные группировки группы армий «Центр» и устранить непосредственную угрозу Москве. Для постановки войскам более далеких и решительных целей у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери».

29 ноября Г. К. Жуков доложил обстановку и попросил Сталина отдать приказ о начале наступления. Верховный внимательно выслушал его и спросил:

— А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-либо новую группировку?

Вопрос был очень серьезный, и не менее серьезным был ответ. На основании кропотливого изучения штабом фронта возможностей вермахта был сделан вывод: враг истощен. Но это не значило, что можно почивать на лаврах, добытых в жестоких оборонительных боях. Немецкое командование, осознав свой грубый просчет, попытается перебросить с севера и юга войска под Москву. Тогда положение серьезно осложнится.

30 ноября Военный совет фронта представил план наступательной операции Западного фронта в Генштаб, точнее, той группе, которая оставалась в Москве. Жуков попросил заместителя начальника Генштаба генерала А. М. Василевского срочно доложить Сталину план, с тем, чтобы Ставка отдала директиву

на проведение операции. Медлить нельзя, предупредил Жуков, иначе можно запоздать с подготовкой контрнаступления.

В объяснительной записке к плану подчеркивалось: «Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом фланге и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группы Гудериана разбить противника на левом фланге фронта армий Западного фронта».

Впоследствии Г. К. Жуков точно указал, из чего исходил штаб Западного фронта. На главном направлении Волоколамск — Нара, когда немцы «подошли к каналу, к Крюкову, стало ясно, что они не рассчитали. Они шли на последнем дыхании. Подошли, а в резерве ни одной дивизии. К 3—4 декабря у них в дивизиях оставалось примерно по 30—35 танков из 300, то есть одна десятая часть. Для того, чтобы выиграть сражение, им нужно было еще иметь там, на направлении главного удара, во втором эшелоне дивизий 10—12, то есть нужно было иметь там с самого начала (16 ноября 1941 года. — *Авт.*) не 27, а 40 дивизий. Вот тогда они могли бы прорваться к Москве. Но у них этого не было. Они уже истратили все, что у них было, потому что не рассчитали силу нашего сопротивления».

Георгий Константинович обычно как бы читал мысли немецких командующих, которые оперировали теми же цифрами: «И скорей других это поняли Гудериан и Геппнер, которые взяли на себя ответственность уже третьего числа, так сказать, сматывать удочки, постепенно отводить войска с тем, чтобы не подвергнуть их окончательному уничтожению. За что, между прочим, Геппнер был разжалован и уволен в отставку. Не поздоровилось и Гудериану, который удирал очень быстро». В центре фронта 4 декабря 4-я немецкая армия прекратила наступление.

В этот день случилась неприятность поблизости от штаба фронта в Перхушкове. Жуков понимал, что держать штаб на недопустимо близком расстоянии от фронта риск. Во всяком случае подвергнуться артиллерийскому обстрелу. Он сознательно игнорировал опасность, убрать штаб фронта подальше в тыл, за ним потянутся штабы армий и так по цепочке вниз. Войска не захотят отстать. Остальное понятно. Так

вот 3 декабря какой-то ошалевший от бесперспективности немецкий командир полка вдруг повел наступление на Апрелевку. В бой с ним вступил бравый полк охраны штаба фронта.

Жуков продолжал спокойно работать, но «надо отметить, что вклинение вражеского отряда кое-кого поднапугало. Ко мне, например, пришел член Военного совета И. С. Хохлов и заявил: «Пора сматываться». Но производить смену командного пункта тогда, когда противник пришел сюда, уже нет смысла, надо драться». Конечно, отбились, разогнав грязных, завшивевших фрицев. За два дня до этого, когда на захваченном в плен обер-ефрейторе обнаружили массу вшей, Г. К. Жуков потребовал: «Вшивая армия — факт знаменательный. Запишите его в журнал боевых действий: историкам пригодится». Учитывалось это и тогда, немецкая армия на пределе возможностей.

Шли непрерывные переговоры командования Западного фронта со Ставкой. Выезды в Ставку не проблема, всего минут 40 езды машиной. Труднее с Генштабом, Б. М. Шапошников обосновался в Арзамасе, с ним — по телефону. Жуков настаивал — не упустить благоприятного момента, не дать врагу опомниться. Ставка утвердила план. Сталин, однако, расширил масштабы предстоявшего контрнаступления, в нем должны были также принять участие войска Калининского фронта и правого крыла Юго-Западного фронта. От этого распоряжения взяла начало гигантомания в планировании операций в ту зиму, которая в конечном счете обернулась неблагоприятными последствиями для успеха тех же операций.

Это стало очевидно позднее, а тогда с величайшим воодушевлением отдавались последние распоряжения, радуясь, что полностью сказались предусмотрительность Ставки и ее умение копить и беречь резервы в предшествовавшие несколько недель. Из стратегических резервов, развернутых против группировок врага, которые обходили Москву с севера и юга, в самые тяжелые дни не взяли ни одного солдата.

В эти исторические дни к защитникам столицы пришли добрые вести с других фронтов. Завершались крупные операции на северном и южном крыле советско-германского фронта. Был освобожден Тихвин. Ликвидирована попытка немцев соединиться с финнами под Ленинградом. На юге освобожден Ростов,

крупная немецко-фашистская группировка отброшена на запад. Это была прямая помощь Москве.

* * *

По плану «Барбаросса» на разгром Советского Союза отводилось шесть недель. К началу декабря прошло почти шесть месяцев войны. Захватчики проникли в глубь нашей страны, соотношение сил на фронте выглядело так: у врага 5 миллионов человек, 26,8 тысячи орудий и минометов, 1,5 тысячи танков, до 2,5 тысячи боевых самолетов. У нас — 4,2 млн. человек, 22 тысячи орудий и минометов, 1630 танков, 2495 боевых самолетов.

На московском направлении немцы имели 800 тысяч человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1 тысячу танков, более 600 самолетов. Мы — 760 тысяч человек, 6200 орудий и минометов, 670 танков, 860 самолетов. Разбить врага предстояло не числом, а умением. Советское командование с блеском продемонстрировало это. Героизм советских воинов, помноженный на воинское мастерство наших командующих и подвиг тыла, дал победу под Москвой.

До сих пор на Западе не устают изучать эту историческую победу. Английский военный историк А. Ситон в книге «Битва за Москву» (1980) подчеркивает: то было «самое кровавое и жестокое сражение второй мировой войны». Он вынужден воздать должное блестящему руководству Красной Армии и командующему фронтом Жукову. Он пишет о Жукове как «человеке высокоодаренном, наделенном невероятной энергией».

Прежде всего Жуков сумел ввести в заблуждение врага. Меры по дезинформации дали блестящие результаты. Накануне перехода советских войск в наступление германская разведка докладывала фюреру: «Силы русских не позволяют перейти им в крупное наступление без значительных подкреплений». В «сводке о положении противника» ОКХ 4 декабря подводил итог: «Сведения о противнике за последние дни боев подтвердились... Боевая мощь противника не так велика, чтобы он мог в настоящее время предпринять наличными силами крупное наступление на участке фронта группы армий».

6 декабря войска Западного фронта обрушились на

«клещи» немцев, на их ударные группировки севернее и южнее столицы. Контрнаступление, выросшее из контрударов, развернулось в полосе 1000 километров, от Калинина до Ельца. Мы не обладали тогда общим превосходством в силах над врагом. Исход зависел в первую очередь от мужества и мастерства советских воинов и искусства командиров всех степеней. Наши люди с огромным патриотическим подъемом шли в бой. Можно себе представить душевное состояние воинов обескровленных частей, когда рядом с ними появились свежие дивизии!

А Жуков? Через двадцать с небольшим лет он открылся: «Греха таить не буду, были моменты, когда замирало сердце в ожидании развязки ожесточенных битв, но я не помню, чтобы возникали моменты неверия в стойкость наших войск. На последнем этапе оборонительного сражения 25.XI — 5.XII я не спал одиннадцать суток, будучи в чрезвычайно нервном напряжении, но зато, когда наши богатыри погнали врага от Москвы, я свалился и проспал более двух суток подряд, просыпаясь только для того, чтобы узнать, как развивается контрнаступление. Даже Сталин и тот не разрешал меня будить, когда звонил по телефону». А вести с полей битвы пошли отрадные для нас и черные для немцев.

Вражеский фронт затрещал и попятился. Из всех частей и соединений группы армий «Центр» поступали тревожные донесения: под натиском русских они отходят, бросая тяжелое вооружение и технику. Уже 7 декабря Гальдер находит, что события этого дня «ужасающи и постыдны» для вермахта. 8 декабря Гитлер отдает приказ перейти к стратегической обороне по всему Восточному фронту. Вымуштрованные немецкие войска немедленно стали создавать сильные узлы сопротивления в населенных пунктах, перекрывать дороги. Враг был все еще очень и очень силен. В оборону быстро и организованно становились пусть потрепанные, но те самые дивизии, которые еще несколько дней назад грезили о захвате Москвы, теплых квартирах, где можно скинуть обовшивевшее обмундирование и отдохнуть.

За первые три дня наступления наши войска прошли 30—40 километров. Неслыханно много по прошлым боям! Однако Жуков считал, что темпы недостаточны: стоит дать немцам передышку, как они

уплотнят фронт и будет намного труднее преодолевать их сопротивление. 9 декабря штабы всех армий Западного фронта получают директиву:

«Практика наступления и преследования противника показывает, что некоторые наши части совершенно неправильно ведут бой и вместо стремительного продвижения вперед путем обхода арьергарда противника ведут фронтальный затяжной бой с ним.

Приказываю:

1. Категорически запретить вести фронтальные бои с прикрывающими частями противника, запретить вести фронтальные бои против укрепленных позиций, против арьергардов оставлять небольшие заслоны и стремительно их обходить, выходя как можно глубже на пути отхода противника.

2. Гнать противника днем и ночью. В случае переутомления частей выделять отряды преследования.

3. Действия наших войск обеспечить противотанковой обороной, разведкой и постоянным охранением, имея в виду, что противник при отходе будет искать случая контратаковать. Жуков».

А это значит идти по пояс в снегу, ночевать в трескучий мороз под открытым небом. Зачастую штурмовать дзоты врага без артиллерийской поддержки — орудия застревали и отставали. Главное, внушал Жуков, не дать врагу опомниться.

Секретарь МК партии Черноусов, руководивший партизанским движением в Московской области, согласовывает с командующим фронтом Жуковым боевые операции народных мстителей. В тот исторический декабрь впервые с начала войны в небе победно ревели моторы краснозвездных самолетов — на Западном фронте умело использовалось наше единственное превосходство над врагом — в авиации. Жуков пытался всеми доступными ему средствами — ударами с тыла, действиями авиации — лишить врага подвижности. В значительной степени это удалось.

Вскоре после начала нашего наступления командира авиационной дивизии подполковника Е. Я. Савицкого вызвали к командующему фронтом Г. К. Жукову. Жуков поставил задачу уничтожить штаб немецкого армейского корпуса:

— Противовоздушная оборона там сильная. Но иного выхода нет — ликвидировать штаб придется с воздуха. Посылать бомбардировщики при такой погоде бессмысленно. Удар штурмовиками повлечет за собой большие потери. У истребителей же и маневренность, и скорость выше — значит, им и штурмовать штаб. Отберите сами подходящих летчиков... А что касается самолетов, думаю, ЛаГГ-3 — вполне подходящая в данном случае машина.

Подполковник Савицкий отметил: «Говорил он просто, деловито, абсолютно ничем не давая почувствовать разделяющую нас дистанцию. По всему чувствовалось: его интересует лишь суть дела — та задача, которую он передо мной ставил. Стремительность его слов, таившаяся в них взрывная энергия и эмоциональная сила как нельзя лучше соответствовали всему облику Жукова, тому душевному отклику, который вызывал у меня этот человек. И как только я это понял, на душе стало совсем легко; напряжение, которое я испытывал, внезапно отпустило».

На следующий день четыре звена истребителей, ведомые Савицким, разбомбили и расстреляли цель. Партизаны подтвердили — немецкий штаб уничтожен. Через несколько дней все участники налета получили в Кремле ордена Красного Знамени. «У меня это был первый боевой орден. И получить его особенно радостно было еще и потому, что наградили меня по представлению командующего фронтом генерала армии Жукова», — закончил рассказ маршал авиации Е. Я. Савицкий.

13 декабря всю нашу страну да и весь мир всколыхнуло сообщение о разгроме фланговых группировок врага под Москвой. Освобождено более 400 населенных пунктов, немцы понесли большие потери в живой силе и технике. И самое волнующее: наступление продолжается!

Пятясь от Москвы, немцы сжигали деревни и города, убивали на каждом шагу наших соотечественников, имевших несчастье попасть под пяту оккупантов. Уже к этому времени было известно о чудовищных злодеяниях гитлеровской армии. Теперь, когда освобождался район за районом, наши люди воочию убеждались, с каким лютым врагом приходится иметь дело. Даже в тех местах, где захватчики осквернили русскую землю считанные дни, они успевали оставить страшный кровавый след. Символ «нового порядка» фашизма — виселицы, поставленные в каждом городе, с которых освободители снимали замерзшие трупы

известных и безвестных героев. Горы расстрелянных, заживо сожженных детей, женщин, стариков, истерзанные тела попавших в плен.

Кадровому военному, каким был Георгий Константинович, все это представлялось непостижимым. Он, наследник русской военной традиции рыцарского ведения войны, помнил и следовал заветам великих полководцев России, в первую очередь Суворова, — беспощадная борьба с вооруженным врагом, но великодушие к сложившему оружие. И уж, конечно, армия, допускавшая повальные зверства в отношении мирного населения, не могла не считаться бандой убийц.

Теперь захватчики до костей прочувствовали, что означает война с Россией и в России. В журнале боевых действий 3-й танковой группы, той самой, что ближе других вышла к Москве с северо-запада, 14 декабря занесено: «Вокруг то и дело можно видеть поодиночке двигающихся солдат, кто пешком, кто на санях, кто с коровой на веревке... Вид у людей безразличный, безучастный... О том, чтобы как-то защититься от беспрерывных налетов русской авиации, почти никто не думает. Убитые в результате прямых попаданий бомб солдаты так и остаются лежать, никем не замеченные... Трудно сказать, когда теперь снова восстановится линия фронта». Гудериан, еще недавно ведший свои танки на нашу столицу, докладывал по начальству: «У нас остались, собственно, только еще вооруженные шайки, которые медленно бредут назад». Гальдер, допытывавшийся у генерал-фельдмаршала Бока, командующего группой армий «Центр», сумеют ли русские использовать свои успехи, получил обескураживающий ответ: «Да, они сделают это. При появлении русского танка наши солдаты бегут без оглядки».

В семидесятые годы английские историки П. Калвокоресси и Г. Уинт, написавшие книгу «Тотальная война» специально с целью напомнить молодежи о 1941—1945 годах, вызвали из небытия положение вермахта в то время: «Солдаты подкладывали под одежду бумагу, чтобы согреться. Часто для этого использовали доставленные на фронт запасы листовок, в которых русским разъяснялось: для них единственный разумный путь — поднять руки. К рождеству у немцев насчитывалось 100 000 обмороженных. Свирепствовала дизентерия. Как в авиации, так и в армии

не было антифриза. Орудия отказывали, а наседали, особенно ночью, действовавшие обычно небольшими отрядами русские. Холод и снег препятствовали доставке продовольствия. Пищу нередко приходилось рубить топорами. Суп замерзал в мисках. Медаль, которую получили пережившие эту кампанию, прозвали Орденом Мороженого Мяса. Некоторые кончали с собой. Оглядываясь на войну, когда пришло время писать о ней, Гудериан припомнил «бескрайние русские просторы, покрытые снегом в ту зиму наших несчастий, пронизывающий ледяной ветер, редкие укрытия, плохо одетые, истощенные голодом солдаты».

Отнюдь не «солдаты», а бессчетные палачи, жалко скулившие, что они-де всего-навсего служивые, подневольные люди, когда эту мразь брали в плен. Проезжая через строй обгоревших печей, обозначавших очередной населенный пункт, откуда только что выбили фашистов, Георгий Константинович видел горе тысяч и тысяч людей. Он укрепился в мысли — идет неслыханная в истории человечества война. На карту поставлено само существование нашего великого народа. Планируя наступления, требуя ускорить продвижение на запад, Жуков усматривал в этом не только выполнение тактических и оперативных задач, но и высшую стратегию: спасение советских людей от верной гибели, мучительной и унизительной смерти от рук бесчестных гитлеровских палачей.

К началу января 1942 года Западный и смежные фронты отбросили врага от столицы на 100—250 километров. Непосредственная угроза Москве ликвидирована; освобождено 11 тысяч населенных пунктов; среди многих городов, откуда изгнали оккупантов, — Калинин и Калуга.

Когда немецкое руководство осознало, что на Восточном фронте разразилась катастрофа, Гитлер 19 декабря взял на себя верховное командование армией. Он отстранил от занимаемых должностей высших генералов, начиная от главнокомандующего сухопутных войск Браухича до Гудериана. Он требовал держаться с фанатичным упорством. На просьбы отводить войска из ставки фюрера раздавался рык. Процедура, по словам Гитлера, была проста. Некий командующий армией обращается к нему:

— Мой фюрер, мы не можем удержать фронт и должны отступить.

— Гер-р-р, — ответил он, — куда и насколько вы собираетесь отойти?

— Не знаю...

— Вы хотите отойти на пятьдесят километров. Что, там не так холодно? Что, вам там будет легче со снабжением войск? Вы вывезете тяжелое вооружение?

— Это невозможно.

— Значит, вы собираетесь бросить его русским. А как же вы собираетесь воевать дальше без него?

— Мой фюрер! Спасите хоть армию без вооружения.

— Итак, вы собираетесь бежать до Германии или куда еще?

— Но у нас нет выбора.

Разговор заключал рев Гитлера: «Вон из армии!» Слетали со своих постов те, кто обеспечил Германии легкие победы на Западе и привел вермахт к Москве.

Гитлер воззвал к животному инстинкту своего воинства — держаться, ибо в противном случае — возмездие неизбежно. Он пролаял по телефону командующим Восточным фронтом: «Русские будут следовать по пятам любой отступающей армии, не давая ей передышки, вновь и вновь атакуя ее, а армия не сможет остановиться, ибо в тылу у нас нет подготовленных рубежей. Тогда фраза «отступление Наполеона» станет реальностью».

24 декабря 1941 года адмирал Канарис, по должности — начальник абвера, прекрасно осведомленный о делах вермахта, писал: «Ужасающие последствия нашей преступной недооценки врага. Генерал Шмундт (адъютант Гитлера) проводит параллель с 1812 годом и говорит, что наступил «момент истины» для национал-социализма. Потери вооружения и снаряжения громадны — уничтожаются или бросаются танки, орудия, самолеты». Канарис открыл причину, по которой гитлеровцы старались удержаться: «Ужасающие последствия принесло наше обращение с русскими военнопленными... Большевики ныне реагируют на массовые убийства и варварское обращение с их товарищами, попавшими в германский плен».

Прежние преступления вермахта умножались новыми. По приказу Гитлера отступавшие фашистские войска, пытаясь затруднить продвижение Красной Армии, оставляли за собой «выжженную землю». Уничтожалось решительно все. Они шли вперед через пожарища древних русских городов, деревень, которые простояли многие столетия, а теперь были обращены в пепел. Отступление немцев завершали «факельщики», поджигавшие и взрывавшие наше народное достояние. Если они не успевали довершить свое подлое дело, немецкая авиация беспощадно бомбила уже освобожденные населенные пункты.

Он понимал, генерал армии Г. К. Жуков, что наши силы пока ограничены, и не замахивался дальше восстановления положения на фронте, существовавшего к началу операции «Тайфун». Если бы Западный и смежные фронты были подкреплены, то на этом направлении было возможно «нанести врагу новые поражения, еще дальше отбросить его от Москвы и выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск».

В Кремле, воодушевленные свершениями войск Жукова, без большого перехода от отчаяния впали в эйфорию. По команде, все. 5 января 1942 года на совещании в Ставке обсуждался план общего наступления на всем фронте — от Ладожского озера до Черного моря. Прибывший прямо с фронта Жуков предложил сосредоточиться только на западном направлении. Он обратил внимание на то, что под Ленинградом и на юго-западном направлении у немцев серьезная оборона, без мощной артиллерии ее не прорвать.

Выслушав Жукова, Сталин спросил:

— Кто еще хотел бы высказаться?

Молчание. План Ставки — наступать по всему фронту — принят.

После совещания начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников сказал Жукову:

— Вы зря спорили: этот вопрос был заранее решен Верховным.

— Тогда зачем же спрашивали мое мнение?

— Не знаю, не знаю, голубчик! — сказал Шапошников, тяжко вздыхая.

Не в первый и не в последний раз Жукову пришлось выполнить приказ, и, как всегда, он был преисполнен решимости сделать все наилучшим образом, хотя видел великие трудности.

«Мы не имели, — писал он, — в распоряжении фронтов полноценных танковых и механизированных соединений, а без них, как показала практика войны, проводить наступательные операции с решительными целями и с большим размахом нельзя. Опережать ма-

невр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений».

Директива Ставки от 7 января предписывала окружить и разгромить группу армий «Центр» в районе Ржев, Вязьма, Юхнов, Гжатск. Проведение операции возлагалось на ряд фронтов. 8 января открылось наступление Северо-Западного и Калининского фронтов, приведшее наши ударные армии в глубокий тыл группы армий «Центр», на подступы к городу Великие Луки. Успех объяснялся тем, что здесь у немцев не было значительных сил.

Войска же Западного фронта схватились с главной группировкой врага.

9 января Военный совет фронта напоминает командующим 43, 49 и 50-й армиями: «Несмотря на запрещение, продолжают иметь место (особенно в 49-й армии) лобовые атаки укрепленных противником населенных пунктов. Требую прекратить лобовые атаки и действовать главным образом обходами и охватами. Укрепленные противником строения сжигать, выгоняя этим немцев в поле, и уничтожать их охватывающими ударами в первую очередь лыжных отрядов».

С тяжелыми боями к 20 января удалось освободить Рузу, Можайск. Выполняя приказ Ставки, Жуков спланировал внезапный захват Вязьмы, что привело бы к краху группы армий «Центр». 27 января героический кавалерийский корпус генерала Белова прорвал фронт в районе Юхнова и к началу февраля вышел южнее Вязьмы. Конники соединились с воинами 33-й армии, наступавшей в центре. Ее ударную группу, прорвавшуюся в тыл врага, возглавил сам командующий армией легендарный генерал Ефремов. Вместе с партизанами и воздушно-десантной бригадой войска Белова и Ефремова завязали бои в районе Вязьмы.

Операция развивалась в районе, где действовали десятки больших и малых партизанских отрядов. Происходившее в какой-то мере напоминало толстовскую «дубину» народной войны. Гальдер в далеком Берлине сетовал, что русские воюют не по немецким правилам. 2 февраля он заносит в дневник: «Войска готовятся к наступлению с целью ликвидации бреши у Медыни. Удар должен быть нанесен завтра. (3 февраля немцы

рассекли 33-ю армию, часть ее осталась во вражеском тылу. — *Авт.*) 5-я танковая дивизия уничтожает группы противника, просочившиеся в наш тыл. Эти бои за линией фронта носят комически уродливый характер и показывают, что война, как таковая, начинает вырождаться в драку, далекую от всех известных доныне форм ведения войны».

Преисполненный тевтонского чванства и тупости, Гальдер брюзжал, не способный вникнуть в происходившее, а Жуков с гордостью следил за нашими частями, громившими врага в его собственном тылу. Не очень щедрый на похвалу, он направляет 11 февраля 1942 года Белову и Ефремову радиограмму: «8-я ВДБ (воздушно-десантная бригада. — *Авт.*) с партизанами 9 февраля заняла район Мармоново, Дяглево. Десантники разгромили штаб 5-й танковой дивизии... Ставлю в пример десантную бригаду всем войскам». А на эту дивизию Гальдер возлагал такие надежды!

Одновременно Жуков торопит с продвижением на запад.

Приказ 15 января: «Обращаю внимание командиров на необходимость стремительного преследования отходящих частей противника». Он требует выйти им в тыл лыжными отрядами, «не давать возможности врагу отвести технику и останавливаться в населенных пунктах».

Следующее указание 20 января: «Приказываю преследование вести стремительно, создав на главных направлениях сильные ударные группировки и продвигая их параллельно отходящим главным силам противника. Преследование широким фронтом с равномерным распределением сил, приводящим только к выталкиванию противника, категорически запрещаю».

Распоряжения Жукова в целом выполнялись. Умелые действия наших войск снова и снова ставили немцев в тяжелое положение.

Германское командование, ощутив грозную опасность, подбросило на смоленское направление резервы. Прямо с колес вступили в бой четыре дивизии из Франции, пришли войска и из Германии. Гальдер больше не язвил в своем дневнике. Жуков делал все, чтобы выполнить приказ Ставки. Во второй половине февраля в тылу врага у Вязьмы был высажен 4-й воздушно-десантный корпус, почти 7,5 тысячи отлично

вооруженных бойцов. Пока в занесенных снегами лесах под Вязьмой глубоко в тылу врага шло жесточайшее сражение, армии Западного фронта пытались пробить немецкую оборону и соединиться с десантниками.

Вот как виделось наше наступление («драка», по словам Гальдера) в ту зиму глазами верноподданного немецкого солдата: «Русские навалились на нас массой тяжелых танков и пехоты, отбросив назад. Из-за мороза наши пулеметы отказали, боеприпасы иссякли. Целый день батальон пробыл в окружении в деревне, где мы окопались. Ночью в безумном отчаянии мы пытались прорваться. Безуспешно. Тем временем весь фронт выгибался назад. Везде солдаты, потеряв голову, бежали, офицеры с пистолетами в руках пытались восстановить порядок, но паника возникала снова и снова. Таких сцен мы не видели ранее в России, и бегущие колонны войск, каски, оружие, противогазы усеивали дороги. Сотни грузовиков сжигаются нами из-за отсутствия горючего, мы предаем огню склады снаряжения, боеприпасов и продовольствия. Дороги отступления усеяны мертвыми лошадьми и разбитыми машинами. Закутанные в тряпье бесформенные фигуры, ковыляющие по дороге, как будто шло отступление Наполеона. Четыре дня наш батальон прикрывал это безобразное отступление. На пятый день явились русские танки и перебили почти весь батальон».

Вражеские части перемалывались, но на смену им пригонялись все новые и новые. Военно-полевые суды вермахта в эти месяцы репрессировали в войсках более 60 тысяч солдат. Постепенно вражеский фронт укрепился и в конце концов, отодвинутый много назад, все же устоял.

Геббельсовская пропаганда не уставала трещать об успехах германского оружия. Потом, после войны, западные историки единодушно сходились на том, что вермахт чудом избежал судьбы наполеоновского воинства, расходясь разве по поводу причин этого. Тогда Гитлер знал лучше. 27 января 1942 года он объявил своим клевретам: «Я и тут остаюсь непреклонным. Если немецкий народ не готов к самопожертвованию, ладно: тогда он должен исчезнуть... Если представить себе, что Фридриху Великому противостояли силы в двенадцать раз больше, то мы себя должны назвать не иначе как дерьмо! Ведь на этот раз пре-

восходство на нашей стороне. Разве это не позор?» Он-то понимал, что Жуков бьет вермахт не числом, а умением.

Сталин, по-видимому, ожидал от Жукова новых чудес, расширив его полномочия. 1 февраля 1942 года для организации более тесного взаимодействия Западного и Калининского фронтов Ставка восстановила должность главнокомандующего войск западного направления и главкомом назначает генерала армии Жукова с оставлением за ним должности командующего Западным фронтом.

14 февраля главком западного направления докладывал Ставке: «Недостаток снарядов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате система огня противника не уничтожается, и наши части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут очень большие потери, не добившись надлежащего успеха». Бывали дни, когда на орудие выделялись один-два выстрела в сутки. Из-за нехватки боеприпасов пришлось частично выводить «катюши» в тыл. Наша авиация не могла прочно прикрывать войска, далеко ушедшие от аэродромов.

В конце февраля — начале марта фронты на западном направлении получили пополнения, но, замечает Жуков, «они запоздали». Наши атаки разбивались о развитую систему обороны врага. Жуков видел, что какого-либо существенного продвижения пока не добиться. Но не в его характере было бездействовать, дарить гитлеровцам передышку.

27 марта 1942 года командование всех армий Западного фронта получает четкое указание Жукова: «Приказываю: немедленно организовать небольшие, хорошо оснащенные автоматическим оружием отряды из отборных, смелых и инициативных людей. Этим отрядам поставить задачу проникновения на пути подвоза противника, налетов на населенные пункты, где расположены обозы, склады и другие тыловые учреждения противника. Действия отрядов должны быть быстрыми, дерзкими и решительными. Личный состав их должен отлично владеть оружием и быть способным действовать в тылу противника в отрыве от своих частей по нескольку дней».

Гитлеровцам на нашей земле никогда не давали покоя, не говоря уже о передышке.

Только 20 апреля Ставка приказала перейти к

обороне. Цели наступления не были выполнены во всем объеме, но результаты оказались внушительными. На западном направлении наши войска в ходе контрнаступления и общего наступления за декабрь 1941 года и январь — апрель 1942 года продвинулись на 100—350 километров. Группа армий «Центр» оказалась глубоко охваченной с двух сторон, что дало возможность впоследствии возобновить наступление на запад с выгодных для нас позиций. В тылу оккупантов возникли обширные партизанские районы.

Жуков, отвечавший за западное направление, естественно, гордился тем, что вермахт потерпел у Москвы крупнейшее поражение и перешел к обороне на всем советско-германском фронте. А как с чисто военной точки зрения? Возьмем приказ Жукова, отданный им 4 апреля 1942 года на исходе грандиозной битвы, в которой мы одержали всемирно-историческую победу. Направленный командующему Калининским фронтом, всем командующим армиями Западного направления приказ был сурово-реалистичным.

На основании проверки хода боевых действий 42-й армии отмечались нарушения основных требований в общевойсковом бою. Обращалось внимание на отсутствие взаимодействия между артиллерией, пехотой и танками. Отмечались недостатки в применении оружия пехоты, особенно пулеметов. Подчеркивалось, что не использовалось ночное время для просачивания внутрь обороны противника. Наблюдение за ходом боя носило случайный характер, поэтому командиры частей не всегда знали, где точно находятся наши войска и где противник. «Приказываю: во всех армиях организовать проверку и организацию боя, в случаях обнаружения перечисленных недочетов принять меры к их устранению. Об исполнении донести к 15 апреля 42-го года».

За сухими строками штабного документа — огненное дыхание ожесточенных боев, в которых наши бойцы и командиры проявили чудеса мужества и героизма. Но можно сделать вдвойне, втройне больше, если порыв подкреплять четкой организацией, соблюдением духа и буквы воинских уставов. Об этом напоминал командирам командующий западным направлением, член Ставки Верховного Главнокомандования генерал армии Жуков. Награды наградами, но впереди еще длительная борьба с озверевшим врагом. Упиваться победой и не видеть, как отметил Жуков, «недочетов» — смерти подобно в единоборстве с сильнейшей военной машиной капиталистического мира. Он отверг расхожее представление о том, что победителей не судят. Таким суждениям нет места в суровом ратном деле.

На обсуждении в редакции «Военно-исторического журнала» в 1966 году Г. К. Жуков сурово, пожалуй, слишком сурово оценил наши операции, последовавшие за разгромом немцев под Москвой: «Сталин требовал от нас наступать! Он говорил: «Если у вас сегодня нет результата, завтра будет, тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках». Конечно, эти рассуждения — младенческие. У нас в действительности нигде не было результатов: ни на Калининском, ни на Западном, ни на Юго-Западном фронтах. Но были ли вообще какие-либо успехи зимой 1942 года? Как известно, Ленинградский фронт и правое крыло Северо-Западного фронта, наступая на северо-западном направлении, не продвинулись ни на один метр. А на юге? То же самое.

В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата никакого. А если бы имевшиеся у нас в то время силы и средства были использованы на западном направлении, то итог был бы иной. Я голову даю на отсечение, что, безусловно, противник был бы нами разгромлен и отброшен по крайней мере на линию Смоленска. Тем более что в это время левое крыло Северо-Западного фронта продвинулось чуть ли не до Великих Лук и даже к Витебску».

Силой непреодолимых обстоятельств Жукову пришлось на исходе зимы и ранней весной претворять чуждый ему план. Он выполнил приказ. Что до самой битвы под Москвой, то в ней ярко проявился стиль руководства Жукова. Он сочетал дальновидность и мудрость с резкостью, непреклонную волю к достижению цели с гибкостью, способностью пожертвовать второстепенным во имя главного, жесткость и даже жестокость во имя победы над врагом.

В битве под Москвой немецко-фашистские войска потеряли более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, множество другой боевой и транспортной техники. Военная машина Германии была потря-

сена до основания. Сталин наконец понял, что Жуков наделен выдающимися военными способностями. Отныне, говорил Жуков, «Сталин ко мне относился очень хорошо и часто советовался по принципиальным вопросам. Мне казалось, что Сталин хотел искренне загладить свою вину несправедливого ко мне отношения и свою грубость, которую он позволял себе в отношении ко мне в начале войны». Жуков, как глубоко порядочный человек, мерил Сталина своими мерками.

Узнав, что у Жукова нет дачи, Сталин подарил ему (пожизненно!) или, точнее, разрешил жить на государственной даче в Соснове по Рублевскому шоссе, вблизи Москвы. Она всю жизнь напоминала Жукову о битве за Москву. «Когда меня спрашивают, — писал Г. К. Жуков, — что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву... Выражая глубокую благодарность всем участникам битвы, оставшимся в живых, я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял насмерть, но не пропустил врага к сердцу нашей Родины, столице, городу-герою Москве. Мы все в неоплатном долгу перед ними».

* * *

Командование Западного фронта и Ставка не видели больше необходимости держать в тылу врага войска генералов Ефремова и Белова. Они получили приказ пробиться к своим. Штаб фронта указал им полосу — через партизанские районы, лесами туда, где войска 10-й армии подготовят прорыв относительно слабой обороны врага. Генерал-лейтенант Ефремов, однако, ссылаясь на то, что его группа утомлена, попросил у Генштаба разрешить ему выход по самому короткому пути через реку Угру. Он полагал, что Жуков осторожничает.

Сталин запросил мнение Жукова, который ответил категорическим отказом. Он хорошо знал храбрейшего из храбрейших генералов, но в тех условиях одной отваги было мало. Сталин заметил, что Ефремов опытный военачальник и ему на месте виднее.

Ефремов повел свою группу по пути, избранному им. К сожалению, враг разгадал его замысел и поставил сильный заслон. Пылкий генерал поднял бойцов в решительную атаку. Немногие выжившие запомнили его в тот час — высокого, стройного, в расстегнутой шинели, с автоматом в руке и даже веселого под плотным огнем. С Михаилом Григорьевичем Ефремовым полегли честнейшей солдатской смертью большинство выходивших с ним. Красная Армия потеряла талантливого командарма.

После войны в ответ на вопрос: «Разделяю ли я ответственность за Ефремова?» — Жуков сказал: «Ну конечно, я за все войска отвечаю, но не за такие действия, которые я не организую. Что должен был сделать Ефремов? Он должен был за счет главных сил армии, которые задержались у Шанского завода, пару дивизий поставить, как распорки, для того, чтобы у него тыл бы был обеспечен. Он этого не сделал. Ну, шапки были набекрень у всех тогда — и я недооценил состояние вяземской группировки».

По-другому сложилась судьба частей под командованием спокойного и рассудительного Белова. Умело маневрируя, они избегли множества ловушек и, нанося немцам короткие удары, двигались к участку прорыва, указанному командованием фронта. Жуков лично занимался всем связанным с рейдом мужественных кавалеристов. Белов получал подробные указания от Жукова, которые в копии обычно шли Сталину. Незадолго до завершения рейда Жуков счел необходимым вновь предупредить 6 июня 1942 года Белова: «Особо требую не нарушать установленную внутри группы систему связи, а также обратить внимание на связь со мною. При всех условиях иметь постоянно при себе две рации «Север» или «Партизанка» для поддержания радиосвязи с фронтом... Операция по выходу чрезвычайно сложна, поэтому вам надлежит тщательно, не торопясь, подготовить план и практические мероприятия по выходу группы. Не продуманный и не подготовленный выход может привести к серьезным последствиям».

Комфронтом ни в чем не связывал инициативы Белова. Он действовал не столько как старший по положению, сколько как старший товарищ, подсказывавший наиболее разумные решения.

А ведь попытками уничтожить группу Белова руководили немецкие командные инстанции вплоть до генерального штаба сухопутных войск! Гальдер многократно фиксировал донесения с мест: вот-вот ок-

руженные войска ликвидируют. Надежды не сбылись. Одна из итоговых записей донельзя озлобленного Гальдера относительно операции, в ходе которой были скованы крупные фашистские силы, гласит: «На фронте группы армий «Центр» войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении Кирова. Нам это не делает чести!» (15 июня 1942 года).

Бойцы Белова наконец встретились со своими. Через несколько дней в штабе фронта раздался малиновый звон шпор — Белов с группой командиров, из подражания ему отрастивших длинные усы, пришли представиться Жукову. Осунувшиеся, усталые, скрипевшие новыми ремнями, во всем блеске нового обмундирования. Жуков от всего сердца приветствовал боевого соратника, его отважных командиров и красноармейцев. Обнявшись с Беловым, суровый Жуков расцвел. Он был рад за старого товарища, конармейца. Слушая о беспримерном пятимесячном рейде, Георгий Константинович на глазах помолодел, на усталом лице проступил румянец, ведь именно в коннице прошла военная юность генерала армии. Бесконечно взволнованным собеседникам немного взгрустнулось: боевые генералы понимали, что прекрасная операция Белова — исключение в нынешней войне, «лебединая песня» благороднейшего рода войск.

Конечно, конечно, кавалерийские корпуса сражались до самого конца Великой Отечественной. Но кавалеристы шли в бой в основном спешенными или действовали в составе конно-механизированных групп. Да разве был бы возможен этот рейд без снабжения с воздуха и безумно храброй «воздушной пехоты» — бойцов авиадесантного корпуса, дравшихся рука об руку с кавалеристами!

В ГОД СТАЛИНГРАДА

Шла первая военная весна. Таяли снега, постепенно обнажая с юга на север гигантскую пульсирующую кровоточащую рану — фронт, рассекший европейскую часть нашей страны от Азовского до Баренцева моря. Все помыслы нашего народа были направлены на то, чтобы скорее закрыть ее, выгнать врага из пределов Отчизны. И без промедления. Бои и оккупанты продолжали опустошать русские, украинские и белорусские земли.

В директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования Военным советам фронтов и армий, отвечавшим настроениям в стране, ставилась задача: с приходом весны обеспечить «полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовывать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия — они строят и будут иметь скоро вторую и третью оборонительные линии. Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным».

Жуков, насколько позволяла обстановка, размышлял над директивой, написанной своеобразным сталинским стилем. Указания в принципе верные. Но каково же сейчас соотношение сил на фронте наступающей (мы) и обороняющейся (гитлеровцы) сторон? К маю 1942 года Советские Вооруженные Силы только в действующей армии имели 5,1 миллиона человек, почти 3,9 тысячи танков, 2,2 тысячи самолетов, 44,9 тысячи орудий и минометов. Германия с сателлитами — 6,2 миллиона человек, 3400 боевых самолетов, свыше 3 тысяч танков, до 57 тысяч орудий и минометов. Силы, в сущности, равные.

Как добиться превосходства? Работа нашей промышленности превзошла все ожидания, с каждым месяцем ширится приток на фронт вооружения, снаряжения и боеприпасов. Мы уже превосходили, и порядочно, военную экономику Германии. В 1942 году мы выпустили 25,4 тысячи самолетов, 24,5 тысячи танков, 33,1 тысячи орудий калибра свыше 76 миллиметров. Германия произвела у себя, в оккупированных и союзных странах 14,7 тысячи самолетов, 6,1 тысячи танков, 14 тысяч орудий калибром более 77 миллиметров.

Враг, узнавший силу советского оружия, не был полностью в неведении о нараставшем неблагоприятном для него изменении в соотношении сил, но надеялся сломать этот процесс новым, неслыханным по

мощи и жестокости натиском. Директива Гитлера от 5 апреля 1942 года на лето ставила решительные цели: «окончательно уничтожить» Красную Армию и лишить «по мере возможности» СССР военно-промышленных центров.

Естественно, Жуков не мог знать ее содержания, но он понимал: немцы будут действовать так, а не иначе. Генштаб стоял за то, чтобы изменить сначала соотношение сил в нашу пользу стратегической обороной, а перейти в наступление летом. Соглашаясь с этим, Жуков все же считал необходимым мощным ударом в начале лета разгромить ржевско-вяземскую группировку противника, стоящую все еще в 130 километрах от Москвы. «Разгром противника на западном направлении, — рассуждал Жуков, — должен был серьезно ослабить немецкие силы и принудить их отказаться от крупных наступательных операций, по крайней мере на ближайшее время. Конечно, при ретроспективной оценке событий этот вывод не является бесспорным, но в то время при отсутствии полных данных о противнике я был уверен в своей правоте».

Так располагал Жуков. Увы, не от него зависело тогда стратегическое планирование летней кампании 1942 года. В конце марта 1942 года в Кремле состоялось ответственное совещание, созванное Сталиным, обсуждались возможные действия Красной Армии летом 1942 года. В совещаниях участвовали И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Г. К. Жуков, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, И. Х. Баграмян, А. М. Василевский и другие. Генеральный штаб стоял за активную оборону. Командование юго-западного направления настаивало на проведении наступательных операций, в первую очередь под Харьковом и в Крыму. Сталин высказался за это наступление. Большая часть участников совещания молчаливо одобрительно кивали. Он знал о том, что Жуков против такого образа действий, и особо выделил:

— Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми? Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера.

Сталин говорил четко, чеканя слова с большой внутренней убежденностью. В такой же манере ответил взявший слово Жуков. Он повторил свои доводы против нескольких наступательных операций, надеясь получить поддержку начальника Генштаба Шапошникова, который в целом придерживался точки зрения Жукова. Но Шапошников «на этот раз, к сожалению, промолчал», предложение Верховного было принято.

Твердость Жукова, как всегда, не пришлась по вкусу Сталину. Он еще не добрался до штаба фронта, как получил директиву: «С сего числа Калининский фронт выводится из моего подчинения и переключается в прямое подчинение Ставки, а главное командование западного направления, которое я возглавлял, ликвидируется. Мне, конечно, было понятно — это за то, что не согласился с решением Верховного относительно «ряда упреждающих наступательных операций наших войск».

Очень скоро стало ясно, кто был прав. «События мая и июня показали просчеты Ставки», — лаконично заметил в своих мемуарах Жуков. В чем они заключались? С конца декабря 1941 года в Крыму с переменным успехом шли напряженные бои. Во второй половине апреля Ставка приказала Крымскому фронту перейти наконец к жесткой обороне. Войска, однако, не успели перестроить свои боевые порядки. В первой половине мая противник внезапно сам открыл наступление в Крыму и овладел Керчью.

Сталин в беседе с Жуковым с большой болью отозвался о поражении в Крыму. И тут же осведомился:

— Вы не изменили своего мнения, по-прежнему против наступления на юге?

Речь шла о намеченном на 12 мая крупном наступлении Юго-Западного фронта. Жуков коротко ответил:

— Нет. Считаю, что на юге надо встретить противника ударами авиации и мощным огнем, нанести ему поражение упорной обороной, а затем перейти в наступление.

Доводы Жукова, отражавшие и мнение Генштаба, не были приняты во внимание. Наши войска вломились в боевые порядки врага, уже стянувшего силы для большого наступления на южном крыле советско-германского фронта. За три дня мы продвинулись

до 50 километров. Торжествующий Сталин упрекнул Генштаб — чуть не отменили многообещающую операцию! Но наступление Юго-Западного фронта закончилось через несколько дней крупной неудачей под Харьковом, повлекшей за собой тяжелые потери. Эти поражения облегчили вермахту проведение удара, приведшего гитлеровцев в конечном счете к выходу к Сталинграду и на Кавказ.

Репрессий за неудачи не последовало. Верховный, по мнению Жукова, понял, что «неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании 1942 года. И он не искал других виновников среди руководящих лиц Ставки и Генерального штаба». На фронте был наказан Мехлис, предъявлены претензии Тимошенко и ряду других генералов.

Ошибка заключалась в том, что Ставка допускала возможным одновременное немецкое наступление на двух направлениях — московском и на юге. Причем предполагалось, что решительный удар последует все же по Москве.

Командующий Западным фронтом Жуков, разумеется, готовился встретить врага, если он снова пойдет на столицу. Сталин постоянно справлялся о положении вверенных ему войск. Жуков подробно, систематически информировал его обо всем. 30 мая 1942 года он, например, докладывал Сталину: «В период 21—28.5. мною лично проверены 5, 43, 49, 50, 10, 16 армии. Армии фронта за май проделали большую работу по приведению войск фронта в боевую готовность... Оборона во всех армиях организована хорошо». В другом донесении в это же время Жуков просит Сталина издать приказ, уточняющий, кто должен быть на командных пунктах частей, иначе «толчея», прибывающие «машины и хождение» демаскируют их.

Если речь заходила о таких частностях, тогда можно заключить: Западный фронт стоял прочно. К тому же его подпирали стратегические резервы, которые в основном размещались на центральном направлении и частично в районе Воронежа. Это и оказалось в конечном счете фатальным для южного крыла нашего фронта. «Если бы на оперативных тыловых рубежах юго-западного направления стояло несколько резервных армий Ставки, — с горечью говорил Жуков, — тогда бы не случилось катастрофы с войсками юго-западного направления летом 1942 года».

Когда 28 июня грянул гром — враг перешел в наступление на юге и нечем было подкрепить пробитый сильнейшим ударом наш слабый фронт, — в образовавшуюся брешь в 300 километров грязным половодьем хлынули немецкие танковые и моторизованные дивизии. Их вели генералы, решившие взять реванш за зимние поражения и панически боявшиеся фюрера. Не считаясь с потерями, они заставляли войска идти напролом, не заботясь о флангах.

Как через прорванную плотину, мутная волна нашествия растекалась по нашей земле. Ее накат к северу был отбит относительно быстро — 6 июля немцев остановили в самом Воронеже. Гитлер прогоняет командующего группой «Юг».

Он делит ее на две группы армий — «А» и «Б». Первая устремляется на Кавказ, вторая — прямо на восток к Волге.

С юга доходили горестные вести — немецкое наступление продолжалось. Хотя лето 1942 года никак не походило на лето 1941 года — наши войска нередко несли серьезный урон, но нигде не отходили, чтобы не нанести врагу чувствительных потерь, нигде не попадали в окружение и в целом сберегли боевую технику, — все это не снимало гнетущей тревоги: захватчики топчут улицы Ростова, Краснодара, миллионы мирных жителей ввергнуты в ад фашистского «нового порядка».

В результате утраты Крыма, поражений под Харьковом, захвата Донбасса, выдвижения врага к Воронежу, захвата района Дона немцы снова овладели стратегической инициативой. Они шли к Волге и на Кавказ. Последствия оказались крайне тревожными. В наших войсках южного крыла «кое-где», заметил Жуков, «появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины. Стремясь пресечь падение морального духа войск, И. В. Сталин издал 28 июля 1942 года приказ № 227». Вероятно, это уникальный документ в истории Великой Отечественной, вызванный тяжкими обстоятельствами войны.

Приказ напоминал: «Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас

нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв». В приказе далее выделялось — мы можем не только выдержать напор врага, но и отбросить его назад, ибо советская военная промышленность теперь работает «прекрасно». Но «не хватает порядка и дисциплины», что надлежит ввести самыми жесткими мерами.

Сталин счел возможным привести поучительный пример действий немецкого командования для восстановления дисциплины «после своего зимнего отступления под напором Красной Армии. Они сформировали более 100 штрафных рот, поставив их на опасные участки фронта, и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали наконец специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?»

На нашем фронте приказом № 227 вводились штрафные батальоны и роты, заградительные отряды, «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и якобы должны отступать и дальше на восток». Следовали различные угрозы и повторялся рефрен: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». В своих мемуарах Г. К. Жуков не дал оценку

приказу № 227. Он выделил, однако, что приказ подкрепили усиленной партийно-политической работой в войсках, а именно: «В июне ЦК партии рассмотрел в целом состояние политической работы в Красной Армии и выработал пути по ее дальнейшему улучшению. ЦК потребовал от политорганов более широкого развертывания идейно-политической работы в войсках. Всем командирам и политработникам, в том числе высшего звена, было предложено лично вести агитацию и пропаганду среди воинов». В мемуарах Жуков не сообщил о том, как он лично занимался предписанным делом — выступал с докладами, проводил беседы и т. д.

* * *

В это время Западный фронт был занят наступательными операциями, чтобы сковать резервы врага, предотвратив их переброску к Сталинграду и на Кавказ. Под командованием Г. К. Жукова прошло первое наше широкое наступление летом.

Началось все со звонка Сталина в начале июля. Он осведомился у Жукова, известно ли ему, что немцы отрезали войска 39-й армии на Калининском фронте. Получив утвердительный ответ, Сталин высказался за то, чтобы 39-я армия не оказалась в «тяжелом положении». Жуков напомнил, что Калининский фронт находится в прямом подчинении Ставки. Сталин промолчал и осведомился, может ли Западный фронт перейти в наступление, чтобы отвлечь внимание немцев от юго-западного направления. Жуков предложил нанести два удара, один из них в районе Погорелое Городище во взаимодействии с Калининским фронтом. Такова предыстория развернувшегося здесь тяжелейшего сражения.

Сражаться предстояло в лесистой, кое-где заболоченной местности с небольшими, но полноводными реками. С началом операции совнали проливные дожди, сделавшие почти непроходимыми грунтовые дороги, а других в этих местах не было.

Жуков, как всегда, добивался обеспечения полной внезапности. Из его приказа от 10 июля 1942 года: «Особое внимание обратить на скрытность подготовки, внезапность и стремительность удара, подготовку артогня по целям... а также на организацию чет-

кого взаимодействия... Всю подготовку провести лично, не отдавая никаких письменных приказов».

Подтягиваемые к фронту ударные корпуса и дивизии укрывались в густых лесах и выдвинулись на исходные рубежи только перед атакой. Чтобы скрыть направления главных ударов (там собралась основная масса артиллерии), в течение нескольких дней «пристреливали» цели на других участках. Немцы немедленно их усилили.

Система введения противника в заблуждение оправдала себя. Когда после позиционной войны, длившейся полгода, пришел наконец «артиллерийский рассвет», тысячи тонн стали обрушились на окопы ничего не подозревавших гитлеровцев.

Впервые за войну нам приходилось штурмовать такую сильную оборону врага. Жуков потребовал самой тщательной подготовки операции с учетом новейшей немецкой тактики оборонительного боя. Он разъяснял всем командирам в приказе от 12 июля, что противник теперь строит боевые порядки расчлененно и в глубину. Причина понятна: гитлеровцы уже неоднократно испытали сокрушительную мощь советской артиллерии. «Необходимо глубокой обороне и контратакам противника противопоставить глубокое построение наступательных боевых порядков», — заключал Жуков и подробно объяснял, как это сделать. Передовые подразделения закрепляются в захваченных опорных пунктах, «но для того, чтобы наступление не тормозилось, не терялся бы темп наступления наших боевых порядков, последующий боевой эшелон части должен немедленно и стремительно наступать, перекатываясь через передовой эшелон... Особое внимание обращать на предотвращение фланговых контратак противника для противодействия танкам противника, контратакующим наши боевые порядки, вместе с последними всегда должны наступать противотанковые средства, подразделения ПТР и отдельные противотанковые орудия батальонной и полковой артиллерии. Для этой же цели должны использоваться и отдельные наши танки, которые должны огнем встречать танки противника с места, преимущественно из засад...

Безостановочность, быстрота действий перекатами наших боевых порядков должны обеспечить успех нашим наступающим частям и соединениям. Настоящие

указания разъяснить всему командному составу и потребовать их выполнения».

В этом приказе, как и в ряде других, полководец выступает в роли ученого, своего рода профессора военного искусства, не упускающего возможности обучать людей в самой суровой академии — на войне. Приказом, конечно, не исчерпывалась подготовка войск к наступлению, а подводился итог напряженным занятиям в поле, штабным играм. На оперативных совещаниях прорабатывалась предложенная Жуковым тактика прорыва глубоко эшелонированной немецкой обороны.

На левом крыле фронта три наши армии действовали в направлении Брянска, а на правом усиленная 20-я армия, взаимодействовавшая с соседним Калининским фронтом, стремилась разбить вражескую группировку в районе Ржева. Завязалась редкая по напряженности и совершенно выходившая из ряда вон по потерям борьба, продолжавшаяся около месяца. У Ржева удалось пробиться вплотную к городу. Немецкая 9-я армия, чтобы предотвратить широкий прорыв, бросила в бой танковые и пехотные дивизии, назначенные к отправке на юг.

Уже к началу операции Жуков выдвинул командный пункт Западного фронта к местечку Погорелое Городище, всего в нескольких километрах от места самых напряженных боев. Он требовательно и жестко руководил войсками. Враг сообразил: русские наступают не очень большими силами. Вести с юга ободряли гитлеровцев. Но тут, в сырых лесах откуда-то взявшиеся русские выгнали немцев из обжитых за полгода позиционной войны окопов и все теснят их.

Командование вражеской 9-й армии выдвинуло к месту прорыва два танковых корпуса — 700 танков, 9—10 августа на очень ограниченном пространстве разыгралось встречное танковое сражение. Жуков, предвидевший контрудар, сосредоточил вблизи 800 танков, которые ввел в бой. Враг предвкушал победу, а получил жестокое поражение.

— Подумать только, — сказал командующий нашей 20-й армией генерал М. А. Рейтер, — год тому назад два таких немецких танковых корпуса прорвались от Десны на юг за Ромны, перерезали коммуникации Юго-Западного фронта. Позже такие же силы неприятеля прорвались от Орла до Тулы. А теперь

два полнокровных танковых корпуса разбиты относительно равными силами нашей армии и спешно переходят к обороне, зарываются в землю. Причем вражеские танковые корпуса понесли поражение летом, когда, по заверениям немецкого командования, немцам нет равных!

Жесточайшее сражение на истребление продолжалось. Как в мясорубке, перемалывались все новые фашистские дивизии; густые леса, обгоревшие и пострадавшие от артогня и бомбежек, были завалены вражескими трупами. Неделями нельзя было продохнуть: сырой воздух был пропитан отталкивающим запахом тления. Несли потери и наши войска. «Я убит подо Ржевом» — глухое эхо тех страшных боев, постоянное напоминание живым помнить и чтить больше тысячи тех, кто погиб в исконно русских местах.

Немецкие войска, терпевшие тяжелый урон на фронте, вымещали свою злобу на мирном населении. 22 июля Жуков считает необходимым довести до Сталина сведения о беспримерных зверствах гитлеровцев: «Немецким карательным отрядом сожжена деревня Красница, все жители расстреляны, убито 600 человек, ранено 146. Сожжен рабочий поселок Встремка. Причина расстрела — связь с партизанами».

Газета «Красная звезда» после освобождения большой кровью местечка Погорелое Городище писала: «Политика истребления русского населения проводилась в Погорелом Городище систематически и методично. В октябре 1941 года здесь проживало 3076 человек. Из этого числа фашистскими палачами 37 человек расстреляны, 94 сожжены живьем за сопротивление «эвакуации» в германский тыл и 60 человек увезены в рабство в Германию. 1980 человек умерли от голода и болезней. В живых осталось 905 человек. Так современные варвары осуществляли свою злодейскую программу истребления русского народа».

Руководя боями подо Ржевом, Жуков ни на минуту не упускал из внимания полосу, находившуюся южнее вверенного ему фронта. Там случились серьезные осложнения. На другой день после поражения немецких танковых корпусов у Ржева по приказу Гитлера вторая танковая армия затеяла операцию «Смерч» у Сухиничей. Операция провалилась, немцы подверглись неслыханному избиению и здесь.

С чувством большого удовлетворения и гордости

Жуков докладывает Сталину 21 августа: «После неудачных попыток прорвать фронт в направлении Дрегово — Козельск противник главные усилия перенес на Сухиничское направление. 19—20.8.42. противник вел атаки пехотой и танками... Силами 16-й армии и 9-го танкового корпуса все атаки противника отражены... Во время боев противник потерял до 300 танков, 25—30 тысяч убитых солдат и офицеров. Наши войска дерутся с исключительным упорством».

Враг отражен, значит, нужно не дать ему опомниться, постараться добить его! «Подготовка частей к наступлению проведена. Не вся прибыла артиллерия. Железная дорога не справилась с переброской. Решил, не ожидая двух последних полков артиллерии, атаковать противника утром 22.8., т. е. ждать дальше опасно».

Жуков продолжил сражение. Потом, после войны, он напишет: «Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии, можно было бы... не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем Западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность была упущена Верховным Главнокомандованием», то есть Сталиным.

Жуков обескровил группу армий «Центр», хотя в ходе этих боев ей было предоставлено дополнительно 12 дивизий, в том числе некоторые с юга. Тем не менее Жуков остался недоволен: продвижение все же было небольшим. Тогда он не мог знать, как отдалось сражение в августе 1942 года под Ржевом и у Сухиничей в высшем руководстве Германии.

Штабы немецкой группы армий «Центр», распознав с некоторым запозданием, что нашими войсками руководит Г. К. Жуков, оробели. Когда после 9—10 августа Гитлер приказал обрушить на русских «Смерч», командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге запротестовал: надо отдать выделенные для него дивизии — 500 танков для «спасения» 9-й армии у Ржева. Хотя бы отбиться, а не дерзать наступать. Гитлер отказал. Клюге патетически воскликнул: «Тогда, мой фюрер, ответственность на вас!»

Английский историк Д. Ирвинг, перерыв немецкие архивы, в книге «Война Гитлера» (1977) так восста-

новил дальнейшие события в ставке Гитлера в «Волчьем логове». «Смерч» разразился 11 августа против русских укреплений в заболоченных лесах, где везде таились минные поля. Клюге допустил расхождение дивизий, они несли ужасающие потери. Операция не удалась. 22 августа разочарованный Гитлер снова вызвал Клюге в «Волчье логово» и приказал превратить операцию «Смерч» в чисто оборонительную. Это первое серьезное поражение в 1942 году угнетало Гитлера».

Тем временем 9-я армия Моделя у Ржева уже истекала кровью. Гитлер двинул моторизованную дивизию «Великая Германия», которая была переброшена из группы армий «А». Однако на бурном штабном совещании 24 августа Гальдер потребовал разрешить Моделю отступить, ибо армия больше не могла позволить себе таких больших потерь. В одном из полков, например, за неделю сменилось восемь командиров.

Перед мысленным взором Гитлера предстала параллель с кризисом под Москвой. «У вас только одно предложение — отступать! — бушевал фюрер. — Я требую, — закончил он свою яростную тираду, — чтобы генералы были не менее тверды, чем солдаты!» Впервые за всю службу Гальдер потерял самообладание и попытался возражать.

Побагровевший Гитлер осыпал своего начальника генерального штаба бранью. Дни Гальдера на его посту отныне были сочтены. Все они во главе с фюрером, вознамерившиеся было разбить войска под командованием Жукова, сами оказались побитыми и в бессильной ярости набрасывались друг на друга. Они искали виновных у себя, размахивали кулаками после битвы, втайне боясь признаться — гениальный стратег Г. К. Жуков нанес сокрушительное поражение вермахту, в то время когда, казалось, Германия достигла зенита своих успехов: гитлеровская солдатня как раз в эти дни увидела наконец Волгу, Сталинград и стала карабкаться на Кавказские горы.

* * *

27 августа на командном пункте у Погорелого Городища раздался звонок из Москвы. Секретарь Сталина А. Н. Поскребышев непривычно доброжелательным тоном сообщил Жукову, что накануне состоялось решение Государственного Комитета Обороны о назначении его заместителем Верховного Главнокомандующего. Надо было понимать, что наконец очередной успех Жукова оценен по достоинству, особенно на фоне неудач на южном крыле фронта, объясняющимися грубыми промахами Ставки.

Вскоре позвонил Сталин и потребовал «как можно быстрее приехать в Ставку». Даже не заехав в штаб фронта, Жуков тотчас вылетел в Москву. Его командование Западным фронтом продолжалось без нескольких дней десять месяцев.

Поздним вечером Жуков вошел в кабинет Сталина. Хотя он знал, что положение на юге тяжелое, но услышанное от Сталина потрясло: «Плохо получилось у нас на юге. Может случиться так, что немцы возьмут Сталинград». А дальше Верховный обрушился на виновных, по его мнению. Хрущев, не мог не отметить Жуков, уже поработал. «Не лучше обстоят дела и на Северном Кавказе, — продолжал Сталин. — Очень плохо показал себя Тимошенко. Мне рассказывал Хрущев, что в самые тяжелые моменты обстановки, во время нахождения в Калачеве штаба фронта, Тимошенко бросал штаб и уезжал с адъютантом на Дон купаться. Мы его сняли. Вместо него поставили Еременко. Правда, это тоже не находка». Насчет Еременко Жуков не мог не согласиться, но Тимошенко глубоко уважал.

Сталин объявил, что ГКО решил послать в Сталинград Жукова. Значит, опять спешить выправлять дело. Жуков молчал, собираясь с мыслями.

Верховный, помедлив, видимо, обратил внимание на крайне измотанный вид своего заместителя и предложил подкрепиться. Выпили чаю с бутербродами.

Жуков внимательно изучал лицо Сталина. Верховный был привычно невозмутим. Перед Жуковым спокойно прихлебывал чай человек, оказавшийся неспособным организовать операции на южном крыле фронта. К этому времени у Жукова, видимо, полностью рассеялись иллюзии насчет неслыханной «проницательности» и военных способностей Сталина вообще. Спустя примерно три десятилетия, в семидесятые годы, он вернулся к этому памятному дню в очерке «Коротко о Сталине», увидевшем свет в «Правде» в январе 1989 года. С отличавшей его величайшей

правдивостью старый военачальник написал: «Вначале я было отказался от этого назначения, ссылаясь на свой характер, ссылаясь на то, что нам трудно будет работать вместе, но Сталин сказал: «Обстановка угрожает гибелью стране, надо спасать Родину от врага любыми средствами, любыми жертвами, а что касается наших характеров — давайте подчиним их интересам Родины».

Я сказал, что всегда готов служить Родине. И, надо отметить, с этого момента Сталин почти не принимал решений по вопросам организации операций, не посоветовавшись со мной».

Итак, начался новый этап в их отношениях, отныне, подчеркнул Георгий Константинович, «почти всю войну я пользовался его расположением и доверием, и это помогало мне успешно» руководить операциями. Начался и новый этап в работе Ставки, Г. К. Жуков оказывал сильнейшее воздействие на выработку стратегии вооруженной борьбы.

Это в перспективе всей войны, а тогда, покончив с напряженным разговором, Сталин обрисовал обстановку: немцы вышли к Волге в северной части Сталинграда и ворвались в город. Задача, как виделось Ставке, состояла в том, чтобы силами трех армий, которые передавались Сталинградскому фронту (а он тянулся почти на 400 километров от Волги на запад вдоль левого берега Дона), нанести с севера контрудар и соединиться с 62-й армией, оборонявшей город. Эта армия вместе с тремя другими входила в Юго-Восточный фронт под командованием А. И. Еременко. Сталин приказал начать наступление уже 2 сентября, «иначе мы потеряем Сталинград».

Сутки на работу с документами в Генштабе, и утром 29 августа Жуков вылетел с такого знакомого Центрального аэродрома в Москве.

Он отлично понимал, что направлен на самый ответственный участок советско-германского фронта, где происходило решающее сражение. На Сталинград надвигалась 6-я немецкая армия, лучшая в вермахте. Она зарекомендовала себя в 1940 году в кампаниях на Западе, была преисполнена уверенности в своей непобедимости. Ее солдаты и офицеры не знали поражений. Каким бы сильным ни был противник, его надо остановить и разбить. Прежде всего прекратить пятиться перед врагом. 31 августа командующему 62-й

армией генерал-лейтенанту Лопатину дано указание: «Генерал армии Жуков приказал вам донести, почему до сих пор имеются случаи отхода частей 62А без приказа командира».

Жуков спешит в войска, знакомится на месте с положением. Ему памятен разговор со Сталиным в Москве, и он торопит. 3 сентября в 12.35 в Москве получают телеграмму от Жукова, вероятно задержавшуюся при передаче: «Прошу передать тов. Сталину и Военному совету фронта... Во всех деталях разработан план наступления, собирал командиров всех соединений для личного разговора и объяснений по данной атаке. Атака намечена на 10.00. 2.9. Боюсь, что не успеют части выйти на исходное положение, подвезти горючее и боеприпасы».

Когда в Ставке изучалось это донесение Жукова, он своей властью уже перенес наступление на 3 сентября. Тут новая телеграмма из Ставки с резким приказом — немедленно наступать!

Жуков ответил Верховному по телефону, что можно отдать приказ войскам наступать с утра. Говоря это, он мысленно был с измученной пехотой, едва успевшей отрыть мелкие окопы, которые враг засыпал снарядами и минами. Она, повинуясь приказу, поднимется и пойдет в атаку по гладкой, как стол, степи навстречу верной смерти. Артиллерия не сможет поддержать атаку, снаряды еще подвозят, танки только подходят. В трубке Жуков отчетливо слышал дыхание Верховного. Сталин помолчал, а затем нехотя согласился отложить наступление до 5 сентября.

— Ну хорошо, — выдавил он из себя. — Если противник начнет общее наступление на город, немедленно атакуйте его, не дожидаясь окончательной готовности войск.

С 5 сентября три наши армии буквально штурмовали, хотя речь идет о полевых укреплениях, вражеские позиции. Стрелковые дивизии шли в атаку прямо с пятидесятикилометрового марша. Очень большой кровью отвоевывались считанные километры. Не больше. А в Москве Сталин гневно бросал в телефонную трубку: атаки не прекращать! «Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника».

Требования Сталина, естественно, доводились до сведения командующих и старших офицеров. Столь

же естественным было стремление некоторых из них выполнить сталинскую директиву любой ценой. Не считаясь ни с обстановкой, ни с потерями. Жуков оказался в труднейшем положении, и «сверху» и «снизу» на него оказывалось величайшее давление в пользу наступления, которое, как он и без этого понимал, было жизненно необходимо. Но предлагавшиеся методы... На совещании у командующего 1-й гвардейской армией К. С. Москаленко Жуков как гвозди вбивал в сознание вызванных:

«Мы воюем второй год, и пора бы уже научиться воевать грамотно. Еще Суворов говорил, что разведка — глаза и уши армии. А именно разведка у вас работает неудовлетворительно. Поэтому вы наступаете вслепую, не зная противостоящего противника, системы его обороны, пулеметно-артиллерийского, и прежде всего, противотанкового огня. Ссылка на недостаток времени для организации разведки неосновательна. Разведку всех видов мы обязаны вести непрерывно, круглосуточно, на марше и при выходе в районы сосредоточения. Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом «Вперед, на врага!». Немцев на «ура» не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну и вместе с тем должны сделать все возможное, чтобы выполнить приказ Ставки — разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге, и оказать помощь Сталинграду».

Иные из слушавших, конечно, не принимали сказанное Г. К. Жуковым к исполнению, а он в те горячие дни не мог уследить за всем происходившим на участке наступления. Отсюда потери, несоизмеримые с более чем скромными достижениями.

На исходе многодневного беспрерывного сражения, 12 сентября, Жуков направил итоговое донесение в Ставку: «Начатое наступление 1, 24 и 66 армий мы не прекращаем и проводим его настойчиво. В проводимом наступлении, как об этом мы Вам доносили, участвуют все наличные силы и средства. Соединения со Сталинградом не удалось осуществить потому, что мы оказались слабее противника в артиллерийском отношении и отношении авиации...

Сегодняшний день наши наступающие части, так же, как и в предыдущие дни, продвинулись незначительно и имеют большие потери от огня и авиации, но мы не считаем возможным останавливать наступление, так как это развяжет руки противника для действий против Сталинграда. Мы считаем обязательным для себя даже в тяжелых условиях продолжать наступление, перемалывать противника, который не менее нас несет потери, и одновременно будем готовить более организованный и сильный удар». Наверное, он припомнил свой последний объезд частей и соединений, когда заключил, что прорвать оборону врага и соединиться с 62-й армией наличными силами невозможно.

И добавил: «Вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение защитников города, который без этого удара был бы взят противником. Никаких других и неизвестных Ставке задач мы перед собой не ставили». Последняя фраза как молния освещает величайшее внутреннее напряжение, которое испытывал в это время Жуков. Вероятно, донесение еще не успели получить и расшифровать в Ставке, ибо последовал вызов в Москву.

12 сентября Г. К. Жуков и А. М. Василевский, недавно назначенный начальником Генерального штаба, докладывали Верховному Главнокомандующему об обстановке на Кавказе и под Сталинградом. Верховный задал вопрос: что нужно Сталинградскому фронту, чтобы ликвидировать коридор противника и соединиться с Юго-Восточном фронтом? Жуков доложил: не менее одной усиленной армии.

Сталин предложил отправиться в Генштаб и хорошо подумать, что предпринять в районе Сталинграда.

Весь следующий день Жуков и Василевский проработали в Генштабе. Перебрав всевозможные варианты, они сформулировали выводы. В наступлении на юге гитлеровское руководство сумело овладеть инициативой, мы отражали натиск врага, а нужно навязать ему свою волю. Как? Опять столкнуться с сильнейшей группировкой, ударить снова по флангам 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Гота, штурмовавших Сталинград? Бесполезно: вблизи города

масса вражеских войск. Но ведь эта группировка — острие гитлеровского клина. Его стороны протянулись на сотни километров, прикрыты менее стойкими румынскими, венгерскими, итальянскими войсками. К тому же солдаты стран-сателлитов Германии не рвались сложить головы за дело фашистского рейха. Следовательно, нужно бить здесь, поближе к основанию клина.

Чем бить? В октябре завершалось формирование новых резервных армий Ставки. В ноябре их можно вывести на фланги вражеской группировки. Успех, однако, возможен только в том случае, если воины-сталинградцы удержатся в городе на время, необходимое для подготовки этой операции.

Вечером 13 сентября Жуков и Василевский с картами и расчетами снова в кабинете Верховного. Сталин внимательно изучил предварительный план. Он ставил точные вопросы, прежде всего: хватит ли сил для спланированной большой операции? Затем: не лучше ли ограничиться ударом с севера на юг и с юга на север вдоль Дона? Жуков объяснил, что это будет не больше, чем повторением безуспешных боев начала сентября: Паулюс и Гот тут же выведут из города часть танковых дивизий и снова парируют наш удар. И все же, повторил Верховный, не далеко ли замахнулись ударными группировками? Жуков и Василевский снова объясняли: операция будет развиваться в два этапа. На первом — прорыв обороны врага, окружение сталинградской группировки и создание прочного внешнего фронта обороны, который отразит любые попытки немцев оказать помощь. На втором — уничтожаются окруженные.

Сталин ходил по кабинету, обдумывая сказанное. Внешне он никак не выразил своего отношения к доложенному. Наконец сказал, что над планом надо еще подумать.

— А сейчас главная задача — удержать Сталинград...

Разговор прервал звонок Еременко. Он сообщал, что завтра ожидается новый натиск врага. Положив трубку, Сталин приказал Жукову немедленно вылететь на Сталинградский фронт и изучить возможности осуществления предложенного плана. Через несколько дней Василевский направится на Юго-Восточный фронт с той же задачей.

Когда они были в дверях, Сталин строго наказал держать договоренное в строжайшей тайне.

Через час Жуков был в воздухе. Он прибыл в Сталинград в неимоверно тяжелое для героических защитников время. 13 сентября враг бросился на генеральный штурм города, уже обращенного в руины и пепел. Накал битвы достиг предела.

В последующие с 13 сентября два месяца время для Георгия Константиновича сжалось, он практически не отдыхал и часа, готовя на месте контрнаступление. Одновременно приходилось каждодневно принимать участие в руководстве отпором врагу. Ставка не была удовлетворена командующим Сталинградским фронтом генералом Гордовым. Он не мог наладить отношения со штабом и командным составом. На вопрос Сталина, кого назначить на этот ответственнейший пост, Жуков без колебаний ответил: Рокоссовского. В самом конце сентября Жуков вылетел с ним в Сталинград.

Четыре часа полета. Сели на импровизированный аэродром — площадку в поле. Там поджидали машины, и сразу — на наблюдательный пункт командующего Сталинградским фронтом.

Открылась безотрадная картина. Насколько хватает глаз — частокол взрывов вражеских снарядов и мин. Среди догоравших наших танков залегла пехота. Сам рельеф местности — немцы находились на высотах, имея дальнее артиллерийское наблюдение, а мы в низине — затруднял продвижение наших танков. Стоило хоть одному из них подняться на гребень ската, как он поражался прямой наводкой. Немцы пристрелялись, ведь наши войска почти месяц пытались продвинуться в междуречье Дона и Волги, западнее Сталинграда. В небе фашистские самолеты. Они бомбят войска, уязвимые в степи, и методично продолжают разрушать город. Над Сталинградом невиданное, зловещее облако дыма.

На наблюдательном пункте какая-то суета, разговоры и приказания в повышенном тоне, причем не очень-то выбирались слова. «Я уже слышал, — обратил внимание Рокоссовский, — что солдаты такое руководство метко прозвали «матерным управлением». Жуков не вытерпел.

— Криком и бранью тут не поможешь, — сказал он, — нужно умение организовать бой».

30 сентября Рокоссовский принял командование Донским фронтом (так был переименован Сталинградский фронт). Жуков работал в штабах и войсках как этого фронта, так и созданного севернее к концу октября Юго-Западного фронта под командованием Н. Ф. Ватутина. Оба, и Рокоссовский и Ватутин, — волевые военачальники, обладавшие сильными характерами. Они знали службу и, став командующими, высоко ценили свои посты и права.

Иной раз положение Г. К. Жукова, заместителя Верховного Главнокомандующего, оказывалось сложным. Донской фронт продолжал оттягивать на себя значительные силы врага от города. Следовательно, все атаковал, но безуспешно. Сколько раз Жукову не терпелось вмешаться, но он держал себя в руках и только в крайних случаях тактично советовал, как поступить Косте, как он звал с молодости Рокоссовского.

Прямые приказы Жукова в это время на фронте — редкость и отдавались только в крайних случаях. Один из таких случаев приходится на начало октября. Командующий авиацией дальнего действия Голованов получает указание из штаба ВВС: «Жуков приказал в ночь на 2.10.42. авиации дальнего действия:

1. Уничтожить авиацию противника на аэродроме Обливская...

2. Уничтожить бомбардировщики противника на аэродроме Морозовский.

3. Нарушить подвоз: бомбардированием железнодорожного узла и эшелонов на станции Лихая...

Тов. Жуков считает: на Сталинградском направлении действует очень мало самолетов».

Далеко не все понимали тогда поведение Жукова, иногда казавшегося сторонним наблюдателем. Зачем Жуков на фронте? Проводит рекогносцировки, часами просиживает на передовой.... Аналогичные вопросы и по поводу пребывания начальника Генерального штаба А. М. Василевского в войсках Сталинградского фронта, как стал именоваться Юго-Восточный фронт.

Ни словом, ни намеком Жуков и Василевский не дали понять, что они отрабатывают детали будущей грандиозной операции. Помнили, ни на секунду не забывали категорический приказ Сталина ничего и

никому не сообщать на месте о подготовке контрнаступления, даже членам ГКО!

Подготовка разгрома гитлеровцев под Сталинградом шла своим ходом. Уже в начале октября Верховный сделал пометку «утверждаю» на карте-плане контрнаступления, подписанном Г. К. Жуковым и А. М. Василевским. План, зашифрованный под кодовым названием «Уран», предусматривал концентрическими ударами из района Серафимовича (северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцэк (южнее Сталинграда) в направлении на Калач окружить 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии, увязшие в руинах города.

Но это всего-навсего общая идея, которую нужно отработать в сотнях и тысячах деталей. Для Жукова — напряженная работа в войсках, частые полеты в Москву и обратно, доклады Сталину, совещания с руководством Генштаба. Все в глубокой тайне, срочно, сверхсрочно. Ничего нельзя откладывать. Чуть не каждую неделю повторялось одно и то же. Машина Жукова подкатывает к транспортному Ли-2, а по аэродрому уже идут на взлет истребители сопровождения — четыре-шесть машин. Впрочем, он скоро положил конец полетам с эскортом: истребителям должно воевать, а не жечь горючее, сопровождая его. О более чем возможном нападении фашистских самолетов он не думал. Наверное, фаталист...

Да и без «мессершмиттов» полеты иногда едва не кончались катастрофой. Как-то стояла нелетная погода. Рискнул вылететь в Москву по своим делам А. Е. Голованов, командующий авиацией дальнего действия. Жуков, срочно вызванный в Ставку, отказался от своего самолета и сел в машину Голованова, а тот сам взялся за штурвал. Увязавшиеся было с ними истребители сопровождения минут через 10—15 повернули назад.

— На подлете к Москве, — рассказывал Голованов, — самолет вдруг начал терять высоту. Я добавил мощности моторам. На некоторое время полет выровнялся. Потом — опять снижение. Еще добавил мощности. Высота стабилизировалась, но ненадолго.

Оледенение потом оказалось бугристое! Сколько можно требовать мощности у моторов, о Центральном аэродроме нечего и думать, плюхнулись на полном га-

зу рядом с ближайшим. Голованов решил, что Жуков «так и не понял ничего. Только извинились перед ним, что немного до дому не довезли». Понял все Георгий Константинович, отлично понял. Только заботило главное — на случайной машине в Москву, в Кремль. В другой раз, несмотря на туман, окутавший столицу, Жуков приказал садиться на Центральном аэродроме в Москве: Сталин ждал.

«Пролетая над Москвой, — писал Жуков, — мы неожиданно увидели в 10—15 метрах от левого крыла горловину фабричной трубы. Я взглянул на летчика, он, что называется, не моргнув глазом, поднял самолет чуть выше и через 2—3 минуты повел самолет на посадку. Когда мы приземлились, я сказал:

— Кажется, счастливо вышли из той ситуации, про которую говорят «дело — труба»!

Улыбаясь, он ответил:

— В воздухе все бывает, если летный состав игнорирует погодные условия.

— Моя вина! — ответил я летчику, пожав при этом ему крепко руку».

Георгий Константинович хладнокровно относился к собственной безопасности и жизни, когда шла речь об интересах дела. Чем он лучше или хуже солдат, беззаветно и безропотно умиравших в Сталинграде!

Игнорировал он и постоянную опасность, исходившую от подозрительного Сталина. Наши военачальники, видевшие Жукова у Сталина, нередко отмечали резкость поведения полководца.

Глубокой осенью 1942 года командира танкового корпуса генерала П. А. Ротмистрова внезапно вызвали в Генеральный штаб. Выяснилось, что ему предстояла встреча со Сталиным. Корпусу предстояло действовать в наступлении под Сталинградом. Генерала привезли на его «ближнюю» дачу. В мемуарах он не скрыл, что «не без трепета вошел в вестибюль», а когда оказался в комнате со Сталиным, то «сесть не решался», в беседе с ним понимал: нельзя давать «однозначный ответ», поэтому «собрался наконец с мыслями» и т. д. Все же поговорили. «Беседа наша затянулась. Вдруг в комнату без стука вошел Г. К. Жуков. Георгий Константинович поздоровался с И. В. Сталиным, потом протянул руку мне, окинув меня холодновато-суровым взглядом.

— А мы тут с товарищем Ротмистровым хорошо по-

беседовали. Думаю, что не будем его больше задерживать, — сказал Сталин». Надо думать, что Жуков мгновенно оценил скованность Ротмистрова и наверняка внутренне не одобрил ее. Он слишком хорошо знал, чем чревато оцепенение перед «начальством», кстати, на любом уровне.

Ожесточенное сражение на подступах и в городе шло более трех месяцев. Героизм бойцов и командиров, отстоявших город, не померкнет в веках.

«Чем определялась стойкость наших воинов? — писал начальник политотдела 62-й армии генерал-майор И. В. Васильев. — Прежде всего верой в победу, и главное, что их цементировало, вселяло в них веру в победу, — это сила нашей партии. Вера в победу партии подтверждается тем, что в это время рост партийной организации был очень высоким». В войсках Сталинградского фронта в сентябре — ноябре было принято в партию 14 500 человек.

Удерживая свои позиции на правом берегу Волги, сталинградцы готовили предпосылки для успеха контрнаступления. А Донской фронт и 64-я армия южнее Сталинграда не давали покоя врагу, снова и снова предпринимали наступательные операции. Верховный напутствовал Жукова при его вылетах к Сталинграду: «Принимайте все меры, чтобы еще больше измотать и обессилить противника». Г. К. Жуков впоследствии подчеркивал: «Не будь помощи со стороны Донского фронта и 64-й армии, 62-я армия не смогла бы устоять, и Сталинград, возможно, был бы взят противником».

* * *

В конце сентября Еременко, наверняка изнывавший от любопытства по поводу миссии Жукова на фронте, встретился с ним и затеял обстоятельный разговор о стратегии всей войны. Жуков умело свел беседу к текущим фронтовым делам, а «на вопрос А. И. Еременко о плане более мощного контрудара, не уклоняясь от ответа, я сказал, что Ставка в будущем проведет контрудары большой силы, но пока для такого плана нет ни сил, ни средств».

Цену Еременко к этому времени хорошо знали и в Ставке и не упускали из виду его фронт. 5 октября И. В. Сталин предупредил его о том, что противник

готовится захватить Сталинград. «Противник может осуществить свое намерение, — писал И. В. Сталин, — так как он занимает районы переправ через Волгу как на севере, так и в центре и на юге от Сталинграда. Чтобы предотвратить эту опасность, надо оттеснить противника от Волги и вновь захватить те улицы и дома Сталинграда, которые противник отобрал у Вас. Для этого необходимо превратить каждый дом и каждую улицу Сталинграда в крепость... Требую, чтобы Вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику».

Поощренные, как им показалось, вниманием Ставки, А. И. Еременко вместе с другим горе-стратегом, членом Военного совета Н. С. Хрущевым, 6 октября доложили Сталину свое мнение, как поразить врага. Сначала они объяснили, почему фронт оказался в критическом положении: «Благодаря тому, что мы возлагали большие надежды на помощь с севера, в которой, безусловно, были уверены, и рассчитывали, что она придет через 3—5 дней, а поэтому не усилили своевременно войск, дерущихся за Сталинград; в результате — помощь с севера не пришла, а войска, защищающие Сталинград, понесли большие потери, помощь же по их усилению запоздала. Это и привело к тому, что противник подошел к стенам Сталинграда, а на отдельных участках вклинился в город».

Объяснение в типично хрущевском стиле, в полном отрыве от реальности и с величайшим стремлением обелить себя. Оправдавшись, как они решили, Еременко и Хрущев далее доложили: «Решение задачи по уничтожению противника в районе Сталинграда нужно искать в ударе сильными группами с севера в направлении Калач и в ударе с юга с фронта 57-й и 51-й армий в направлении Абганерово... Если эти соображения будут Вами утверждены, план операции немедленно будет Вам представлен».

В то архитяжелое время приходилось работать с имевшимися людьми. Других не было. Ставка изъявила желание познакомиться с шедевром стратегической мысли. 9 октября в Ставку отправляется обещанный план: «Я уже в течение месяца обдумываю этот вопрос... Как мыслится сам план проведения операции?

В этой операции должны сыграть решающую роль 3-й гвардейский кавалерийский корпус и две-три мехбригады, которые должны, невзирая ни на какие трудности марша, выйти в район Калач, где взорвать все переправы от Вертячий до Калач и занять оборону фронтом на восток. Этим закупорить противника на восточном берегу Дона одной кавдивизией, а мехбригадой прикрыться на реке Лисичка фронтом на запад, порвать все переправы на этой реке... Я считаю, что нужно, наконец, потребовать от конницы решать задачи по ее характеру по глубокому вторжению рейдом. Эта задача легко выполнима за сутки, так как расстояние всего 60—80 километров... Операцию нужно начать 20—22.10.42., так как в этот период появляется полнолуние и ночь становится светлой. Этим нужно воспользоваться и большую часть пространства преодолевать ночью... Нужно войск — 100 истребителей, танков КВ — 10, Т-34—48, Т-70—40, обученных бойцов — 15 тысяч.

Прошу утвердить план операции. Еременко. Хрущев».

Не требовалось большого ума, чтобы узреть опасность положения немецкой группировки, штурмовавшей Сталинград. Это понимали и ротные командиры, причем по обе стороны фронта. Идея буквально носилась в воздухе. Но расчет сил-то каков! А роль конницы!! Разумеется, никаких мер во исполнение предложенного командованием Сталинградского фронта не последовало. Но зачем Ставка поощряла, скажем прямо, праздномыслие Еременко и Хрущева? Георгий Константинович дал исчерпывающий ответ в частном письме 7 января 1964 года: «Что же можно сказать по этому поводу? Первое: когда Военный совет писал в Ставку свои соображения, Ставка уже имела разработанный план контрнаступления в районе Дона — Волги тремя фронтами, главный удар проектировался нанести не Сталинградским и не Донским фронтами, а вновь создаваемым Юго-Западным фронтом. И второе: разработанный план контрнаступления Сталин приказал держать в строжайшей тайне, маскируя его меньшими планами двух фронтов». Подготовка контрнаступления у Сталинграда шла исключительно через Г. К. Жукова и А. М. Василевского.

Бессмертные герои, бойцы и командиры 62-й и 64-й армий честно и до конца исполнили выпавший на их долю тяжкий воинский долг. Штаб Сталинградского фронта постоянно повышал их боевой дух над-

лежащими обращениями. Осчастливив Ставку описанным планом, Еременко и Хрущев заняли штабных писарей пространным документом. Во всех частях и соединениях фронта было прочитано их совместное обращение, датированное 18 октября:

«Наша общая ближайшая задача: отстоять Сталинград! Это наш священный долг перед Родиной, и мы его выполним — отстоим славный город, уничтожим врага под Сталинградом!

К нашему упорству в борьбе с фашистами нужно добавить всю мощь пехотного оружия...

Помните, товарищи, в ближнем бою огонь пехоты больше всего наносит потерь противнику. Поэтому всем бойцам, находящимся в бою, надо вести огонь частый, залповый, смотря по обстановке.

Частый огонь — при наступлении противника, при отражении его атак, при своем наступлении.

Редкий огонь — для беспокойства врага и по одиночным целям, для контроля местности, чтобы не давать продвигаться по ней врагу.

Залповый огонь вести по скоплению конницы, по скоплению пехоты, по колоннам и машинам, по самолетам и т. д.

Мощный огонь пехоты уложит всех фашистов в могилу.

Туда им и дорога!..

Призываем вас, товарищи, к тому, чтобы к 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции поднести подарок нашей Родине — очистить от врага занятые районы Сталинграда.

В бой, товарищи! Никакой пощады врагу!»

Это обращение читалось в войсках тогда, когда они не выходили из тяжелейших кровопролитных боев. И с этими советами Еременко и Хрущев обращались к бойцам и командирам, державшим оборону против лучшей армии вермахта. Напоминали им, солдатам, кровью добывшим величайшее воинское умение, что у них есть винтовки и автоматы. А что стоил призыв к празднику выгнать немцев из Сталинграда! Разумеется, упражнения в риторике Военного совета Сталинградского фронта доходили у нас до сведения тех, кому ведать надлежало. Вызывали, надо думать, горькую улыбку...

Пока командование Сталинградского фронта в лице Еременко и Хрущева налаживали огонь пехоты, а

бессмертные герои дрались так, как им велел долг и подсказывала обстановка, подготовка операции вступила в завершающую стадию. К участникам будущих прорывов по плану операции «Уран» подтягивались войска, что было отнюдь не легким делом: местность открытая, дорог мало, а враг внимательно следил за происходившим в советском тылу.

Комплекс мер для введения в заблуждение немцев был поистине необъятен. С середины октября, когда сталинградцы отбили очередной жесточайший штурм города, всем фронтам сталинградского направления спустили директиву: больше никаких частных наступательных операций! Приказы об этом отдал Генштаб по прямому проводу, незашифрованными. Подробно расписывалось, как устроить на зиму жесткую оборону: возводить укрепления, накапливать в опорных пунктах запасы продовольствия, боеприпасов, снаряжения. На глубину 25 километров в прифронтовой полосе выселялось в тыл гражданское население.

Немецкая разведка вскоре узнала об этом, контрольная аэрофотосъемка подтвердила, что русские становятся в оборону. Одновременно на западном направлении у Москвы имитировалась подготовка к большому зимнему наступлению. Окончательный вывод руководства немецкой разведки, доложенный ставке Гитлера в конце октября: «Противник не намеревается в ближайшем будущем предпринимать крупные наступательные операции на Донском фронте». Значившиеся на немецких картах районы как «оборонительные» на деле были исходными позициями Красной Армии для наступления. Войска выводились в эти районы только по ночам и тщательно маскировались.

Соотношение сил и средств на сталинградском направлении в этот момент было таково: у нас — личный состав 1103 тысячи человек, орудий и минометов 15 501, танков 1463, самолетов 1350; у немцев — личный состав 1011 тысячи человек, орудий и минометов 10 290, танков 675, самолетов 1216. Наше превосходство было незначительным, судьбу великой операции должно было решить воинское мастерство.

А для этого, помимо прочего, потребовалось установить полное единоначалие и упразднить институт военных комиссаров в Красной Армии. 3 октября

1942 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный М. И. Калининым. Как будто он когда-либо имел прямое касательство к военным делам, Председатель Президиума рассуждал и объяснял: «Система военных комиссаров, установленная в Красной Армии в годы гражданской войны, возникла на почве некоторого недоверия к командным кадрам, в состав которых были вовлечены старые военные специалисты, не верившие тогда в прочность Советской власти и даже чуждые ей». В эту войну «в суровых боях с врагом командиры Красной Армии доказали преданность нашей Родине», приобрели опыт, и по этим причинам комиссары больше не нужны.

Единоначалие резко повысило эффективность управления войсками, избавив командиров нередко от унизительного надзора и необходимости давать отчет в своих действиях порой малокомпетентным людям. Жуков горячо приветствовал возвращение к единоначалию в самое ответственное время подготовки к зимней кампании.

В последние две недели перед наступлением он провел ряд совещаний с генералами под Сталинградом, уточняя стоявшие перед ними задачи. На самое ответственное из них в деревне Татьяновка Еременко явился с большим опозданием. Он, по словам Жукова, «выглядел уставшим, и это вскоре было доказано его довольно громким храпом, раздавшимся из угла хаты, где он заснул во время обсуждения доклада». Но какой мог быть спрос с него.

Жуков со всей серьезностью вникал в детали подготовки операции. Он придирчиво проверял как боеспособность войск, так и обеспечение их боеприпасами, горючим, зимним обмундированием. Выявившиеся недостатки и нехватки побудили его просить Ставку несколько раз переносить день начала наступления. Согласие было дано.

13 ноября у Сталина в последний раз обсудили детали предстоявшего контрнаступления. Оно должно было перейти в широкое наступление на всем южном крыле советско-германского фронта. Не было секретом, что немцы, конечно, потянут туда войска с других районов, несомненно, и из-под Вязьмы, где в предвидении зимней операции наших войск они держали мощный кулак, Жуков уже договорился с Генштабом

о том, что необходимо разгромить немцев в первую очередь в Ржевском выступе.

— Это было бы хорошо, — сказал Сталин Жукову и Василевскому, — но кто из вас возьмется за это дело?

Жуков предложил оставить Василевского под Сталинградом, а самому отправиться готовить наступление Калининского и Западного фронтов.

Сталин согласился, а пока вновь направил Жукова в Сталинград: еще раз проверить готовность войск и командования к наступлению. Он уполномочил Жукова и Василевского установить день перехода в наступление по своему усмотрению. Срок для Юго-Западного и Донского фронтов был определен на 19 ноября, а для Сталинградского — 20 ноября.

В назначенные дни под гром артиллерийской канонады (недаром наша страна ежегодно празднует День ракетных войск и артиллерии 19 ноября) наши войска ударили по вражеским флангам. С упорными боями они взломали вражескую оборону и рванулись навстречу друг другу. В 16 часов 23 ноября немецкие войска в Сталинграде и у города были окружены. С утра 24 ноября, во исполнение приказов Ставки, приступили к их уничтожению. Однако операция затягивалась. По простой причине: наша разведка определила численность окруженных в 85—90 тысяч войск, на деле оказалось свыше 300 тысяч! Наступление на войска Паулюса затормозилось.

К этому времени Жукова уже не было под Сталинградом, Сталин отозвал его еще 17 ноября. 28 ноября Жукову, находившемуся в штабе Калининского фронта и готовившему здесь наступление, позвонил Сталин и спросил его мнение, как лучше уничтожить окруженные немецкие войска под Сталинградом. «Снова главнокомандующему потребовался спокойный анализ его заместителем серьезнейшей обстановки», — замечает об этом обращении Сталина к Жукову американский историк У. Крейг в книге «Враг у ворот. Битва за Сталинград» (1973).

29 ноября Жуков ответил Сталину, что на этом этапе самое важное — не выпустить из окружения группировку Паулюса. Ход рассуждений Жукова сводился к следующему:

«Окруженные немецкие войска сейчас, при создавшейся обстановке, без вспомогательного удара против-

ника из района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться... в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская — Котельниково ударную группу для прорыва фронта наших войск...

Чтобы не допустить соединения нижне-чирской и котельниковской группировок противника со сталинградской и образования коридора, необходимо:

— как можно быстрее отбросить нижне-чирскую и котельниковскую группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская — Тормосин — Котельниково. В районе Нижне-Чирская — Котельниково держать две группы танков, не менее 100 танков в каждой в качестве резерва». Только после отражения неизбежного удара извне, подчеркивал Жуков, можно приступить к ликвидации окруженных немцев под Сталинградом, и он давал конкретные рекомендации, как лучше это выполнить.

Конфигурация «котла» к концу ноября — эллипс, вытянутый с запада на восток на 70—80 километров и сплющенный с севера на юг до 35—40 километров, — подсказывала образ действия: рассечь вражескую группировку по кратчайшему расстоянию примерно посередине встречными ударами с севера и юга, а затем добить по частям, начиная со слабейшей — западной. Это надлежало выполнить так: «нанести рассекающий удар в направлении Бол. Россошка. Навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника».

Документ ушел Сталину с Калининского фронта 29 ноября 1942 года.

Теперь заглянем в карты другой стороны, посмотрим, что планировал немецкий генерал-фельдмаршал Манштейн, назначенный 27 ноября командующим срочно созданной группы армий «Дон» для высвобождения окруженных.

Именно в то время, буквально день в день, когда Жуков пришел к описанным выводам, штаб Манштейна заключил: «6-я армия на первом этапе не могла рассчитывать на помощь немецких войск, даже если бы ей удалось прорвать вражеский фронт окружения в юго-западном направлении... Было ясно, что рано

или поздно армия, не поддержанная другими немецкими войсками, была бы вновь остановлена противником в степи, не имея достаточного количества боеприпасов, горючего и продовольствия! Уничтожение 6-й армии было бы предрешено!.. Был, видимо, упущен момент, когда армия без помощи извне смогла бы завоевать себе свободу».

По плану Манштейна, войска группы «Дон» должны были действовать точно так, как предвидел Жуков: «начать наступление основными силами из района Котельниково». Почему здесь? Манштейн заключил: «Не приходилось бы преодолевать Дона. Можно также надеяться, что противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона. При существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково».

Если же, планировал далее Манштейн, «количество войск противника перед Котельниково значительно возрастет», тогда «приказом был предусмотрен запасной вариант: танковые дивизии срочно и скрытно перебрасываются по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижне-Чирской, и наносят главный удар отсюда».

Гитлеровский генерал-фельдмаршал просчитал основной и запасной варианты, упустив только одно — прозорливость Жукова. С Калининского фронта, более чем за тысячу километров от Сталинграда, за две недели до последовавшего немецкого наступления, Жуков указал совершенно точно, где ждать врага, — у Котельникова и Нижне-Чирской. В беседах по телефону он сообщил свою оценку возможных намерений противника Василевскому, который согласился с высказанными соображениями. Принял их к сведению и с удвоенной энергией вместе с командованием фронтов, действия которых он координировал, принялся готовить ликвидацию группировки Паулюса. Василевский, Рокоссовский и Еременко наметили с 18 декабря приступить к ее уничтожению. То есть решили действовать по-своему, не посчитавшись с Жуковым.

Усилием коллективной мысли они забраковали его план — рассечь группировку Паулюса по кратчайшему расстоянию с севера на юг, а стали готовить на-

ступление с запада, чтобы в конце концов выйти к развалинам Сталинграда. Навстречу должны были пойти наши войска с юго-востока на запад. Донскому фронту предстояло идти по дороге армии Паулюса летом 1942 года. На ее пути тогда были созданы оборонительные рубежи, ряд из них был оставлен без боя неповрежденными. Теперь роли поменялись: в укреплениях — дотах, дзотах и блиндажах — засели немцы, а штурмовать их пришлось нашим войскам. Видным как на ладони в бескрайней зимней степи.

Командующий 57-й армией Ф. И. Толбухин сокрушался, показывая в штабах нашим стратегам карты и схемы этих укреплений с собственной резолюцией «Утверждаю». Летом 1942 года он руководил возведением оборонительных рубежей на дальних подступах к городу. «Эх, на свою же голову построил я все это», — твердил Ф. И. Толбухин.

Итак, сообщает А. М. Василевский в мемуарах: «Выполняя указания Ставки, мы в первых числах декабря снова попытались расчленить и уничтожить окруженную группировку. Однако и на этот раз сколько-нибудь значительных результатов не достигли. Противник, опираясь на сеть хорошо подготовленных инженерных оборонительных сооружений, яростно сопротивлялся, отвечая ожесточенными контратаками на каждую нашу попытку продвижения. Безусловно, некоторую отрицательную роль при этом сыграли и допускавшиеся нами ошибки. На них мне указал в телеграмме от 4 декабря Верховный Главнокомандующий. Вот ее содержание: «Тов. Михайлову (Василевскому). Ваша задача состоит в том, чтобы объединять действия Иванова и Донцова (Еременко и Рокоссовского). До сего времени у вас, однако, получается разъединение, а не объединение. Вопреки вашему приказу 2 и 3 числа наступал Иванов, а Донцов не был в состоянии наступать. Противник получил свободу маневра. 4 будет наступать Донцов, а Иванов окажется не в состоянии наступать. Противник опять получает свободу маневрировать. Прошу вас впредь не допускать таких ошибок. Раньше, чем издать приказ о совместном наступлении Иванова и Донцова, нужно проверить, в состоянии ли они наступать».

Полководцы учли замечание Ставки и указали — нужны дополнительные силы, чтобы справиться с

окруженной группировкой. Василевский попросил «в качестве основной ударной силы» для ее ликвидации передать из резерва Ставки 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского. Сформированная из отборных соединений в районе Тамбова, Раненбурга, Мичуринска, эта армия должна была сыграть роль оперативного эшелона развития прорыва в операции «Сатурн» — выйти в район Ростова. Ее войска уже прибывали на Юго-Западный фронт. 4 декабря Ставка постановила: пусть 2-я гвардейская в качестве «предварительной» задачи добьет Паулюса, и соответственно переадресовала ее на Донской фронт. Срок завершения сосредоточения — 18 декабря. Севернее «котла».

В напряженной творческой обстановке разработали план операции «Кольцо» — разгрома 6-й армии. Послали его в Ставку, которая 11 декабря утвердила плод стратегической мысли практически без поправок. 2-й гвардейской армии предстояло наступать на «котел» в юго-восточном направлении: срок начала операции 18 декабря, уничтожение группировок противника, кроме находившейся непосредственно в городе, к 23 декабря. Все предусмотрели, но, огорчился Василевский, в раскладки полководцев «не замедлил внести свои коррективы противник».

12 декабря разразилась «Зимняя гроза», как претенциозно назвал свою операцию Манштейн. На узком фронте от Котельникова немецкие войска прорвали наши позиции и поползли к Сталинграду. По словам Василевского, под удар попали наши три «довольно слабые стрелковые дивизии», две кавалерийские дивизии и танковая бригада. На них навалилось свыше 500 фашистских танков, в том числе «тигры». Против этой махины мы смогли выставить только 77 танков. Вот что случилось в результате того, что предупреждения и предостережения Жукова не были учтены. Потребовался нечеловеческий героизм, срочная переброска резервов. 2-й гвардейской армии пришлось в лютый мороз совершить 200-километровый марш, чтобы встать на пути Гота.

16 декабря последовал внезапный удар Юго-Западного и Воронежского фронтов на среднем Дону — операция «Сатурн». Изменив первоначально намеченное направление, наши войска вместо Ростова пошли на юго-восток, прямо в тыл Манштейну. Уже потеряв

при попытке пробиться к Сталинграду до половины танков и 60 процентов пехоты, противник стал постепенно отходить. Отныне кольцо попавшей в окружение группировки Паулюса стало методически сжиматься. Тем временем врага изгоняли с Северного Кавказа. Из контрнаступления у Сталинграда выросло широкое движение всего южного крыла нашего фронта на запад.

* * *

А Жуков? Какова его роль в этих операциях? В начале декабря он был предельно занят в других местах: координировал действия Калининского и Западного фронтов, пытавшихся «срезать» Ржевский выступ. В ходе наступления во второй половине декабря не удалось достичь поставленной цели, но враг понес тяжкий урон. Немцы не смогли не только снять из-под Вязьмы войска и направить их на юг, но и больше того, им пришлось подбросить сюда четыре танковые и одну моторизованную дивизии. В германских штабах поняли, что еще одного натиска в районе Ржева и Вязьмы вермахт не выдержит.

В декабре Жукову вновь и вновь пришлось обращаться к делам фронтов, громивших на юге гитлеровцев и добивавших группировку Паулюса. В качестве заместителя Верховного Главнокомандующего он рассматривал документы по планированию операции «Сатурн». Пришло время, когда со всей силой сказался рост могущества Красной Армии. В двадцатых числах декабря наши танковые корпуса, введенные в прорыв на Юго-Западном фронте Ватутина, стремительно пошли на запад и юго-запад.

Беспримерны свершения 24-го танкового корпуса В. М. Баданова. Пройдя с боями за пять суток около 300 километров, корпус на рассвете 24 декабря как снег на голову свалился на вражеский гарнизон станицы Тацинской, откуда с большого аэродрома снабжалась по воздуху группировка Паулюса. Танкисты Баданова начисто разгромили важнейшую базу, уничтожив 431 фашистский самолет. В страшной ярости немецкое командование бросило все, что было поблизости, и окружило дерзких танкистов.

Судьба героев-танкистов, дравшихся в далеком тылу врага, глубоко взволновала Ставку. Сталин связался с командующим Юго-Западным фронтом Ватутиным и потребовал проявить гибкость и в крайнем случае уйти из Тацинской. Корпус слишком далеко оторвался от основных сил наших наступавших армий. Сталин подчеркнул: «Вообще вам надо иметь в виду, что танковые корпуса лучше пускать на дальнее расстояние парой, а не в одиночку, чтобы не попасть в положение Баданова».

Разговор с Ватутиным продолжил Жуков, который прибыл в Ставку с Западного фронта:

— Где сейчас 18-й танковый корпус?

— 18-й танковый находится непосредственно восточнее Миллерова... Он не будет изолирован.

— Помните Баданова, не забывайте Баданова, выручайте его во что бы то ни стало!

Ватутин приказал корпусу Баданова вырваться из кольца окружения. Через пять дней танкисты Баданова соединились со своими.

Одновременно по прямому указанию Ставки Жукову пришлось принять участие в доработке замысла окончательного разгрома Паулюса. Планы, доложенные штабами Донского и Сталинградского фронтов, не устроили Ставку: в них не предусматривалось смыкание главных и вспомогательных ударов по рассечению окруженной группировки. За подписями Сталина и Жукова была отдана новая директива по выполнению операции «Кольцо».

28 и 29 декабря в Ставке обсудили вопрос командования операцией по ликвидации окруженных немцев в Сталинграде. Берия предложил кандидатуру Еременко. Сталин спросил Жукова: «А вы что молчите? Или вы не имеете своего мнения?» Жуков ответил: «добивать окруженных» следует поручить Рокоссовскому. Последовали неприятные разговоры с разобиженным Еременко, Жуков передал ему слова Сталина — «пусть полечится, он все время говорил, что у него болит нога». После войны Еременко во времена правления Хрущева беззастенчиво извратил все эти события.

Жуков по поводу писаний Еременко заметил: он «приукрашивает свою персону. Фактически же А. И. Еременко был смещен Сталиным за плохое личное руководство войсками Сталинградского фронта, поглотившего исключительно большое количество войск в период оборонительных сражений. Прямо ска-

жем, Сталин о Еременко был невысокого мнения. 1 января Сталинградский фронт был ликвидирован». Уничтожение войск Паулюса отныне поручалось одному фронту, Донскому, которым командовал Рокоссовский.

По получении указаний Ставки в самый канун нового, 1943 года темпы разгрома немцев под Сталинградом резко ускорились. Бои были ожесточенными и упорными. Немцы, имевшие превосходство в живой силе и танках, часто контратаковали. Быстротечные схватки разыгрывались вокруг каждого опорного пункта, блиндажа, зачастую едва видного в заснеженной степи, где крутила вьюга. Мороз был более двадцати градусов, красноармейцы продвигались по открытой местности, гитлеровцы укрывали в обжитых за многие недели подготовки окопах, землянках, блиндажах. Каждый километр отвоевывался кровью, войска пробивались на восток к городу мучительно медленно. Под плотным огнем. Заготовив для штурма Сталинграда горы снарядов, мин и патронов, немцы сначала не скупились на боеприпасы. Кровью, и немалой, пришлось оплатить план рассекать «котел» по горизонтали. Жуков ничего не мог поделать: за Василевским и К° маячила фигура Сталина, утвердившего их план.

2 февраля 1943 года остатки 330-тысячной немецкой группировки капитулировали. «Битва в районе Сталинграда, — писал Жуков, — была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой под Москвой... Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники».

Победа Красной Армии на Волге внесла решающий вклад в достижение коренного перелома как в ходе Великой Отечественной войны, так и всей второй мировой войны. Жуков считал: «Здесь я получил гораздо большую практику в организации контрнаступления, чем в 1941 году в районе Москвы, где ограниченные силы не позволяли осуществить контрнаступление с целью окружения вражеской группировки».

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда Г. К. Жуков среди других

был награжден вновь учрежденным орденом Суворова I степени. На орденском знаке, врученном ему, стоял № 1.

Полководческое мастерство Г. К. Жукова, наглядно выявившееся в исполинском сражении, безоговорочно признано во всем мире. Американский исследователь Г. Солсбери почти через три десятка лет писал в книге «Великие битвы маршала Жукова»: «В час смертельной опасности Сталин снова обратился к Жукову. Сталинград висел на волоске. Его судьба и, возможно, России были вверены в руки Жукова. Битва под Москвой сделала Жукова национальным героем.

...После Сталинграда никто не оспаривал первенства Жукова. И после Сталинграда никто больше не сомневался — Россия, имея во главе своих армий Жукова, в конечном итоге разгромит Германию». Свидетельствует немаловажный американский публицист, не замеченный ни в симпатиях к нашей стране, ни к социализму.

Так кто же был автором последовавшего разгрома немцев под Сталинградом? На этот вопрос исчерпывающий ответ дал сам Георгий Константинович. «Еще раз повторяю, — писал он, — основная и решающая роль во всестороннем планировании и обеспечении контрнаступления неоспоримо принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральному штабу...

Заслуга Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба состоит в том, что они оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершение».

Все же Георгий Константинович был в этих оценках чрезмерно скромен в отношении своей роли.

* * *

Еще не умолкли орудия в Сталинграде, как Г. К. Жуков получил новый приказ: выехать в Ленинград, координировать усилия фронтов по прорыву блокады города-героя.

Он принимал участие в подготовке этой исторической операции, которую ждали героические ленинградцы, весь наш народ, гордившийся подвигом горо-

да Ленина. Прежние попытки прорвать блокаду оставили тяжкую память. Жуков считал, что теперь неудачи не может быть! Операция получила глубоко символичное название «Искра».

Жуков отправился к месту назначения — командному пункту Волховского фронта — поездом. «Попав в удобный, хорошо натопленный вагон, я приказал меня не будить и лег спать... Проснулся оттого, что поезд вдруг замедлил ход. За окном была тьма, не брезжил ни один огонек... Взглянул на часы: время подходило к двум часам ночи. Быстро встал, оделся. Поезд остановился. В дверях выросла фигура дежурного генерала».

— Прибыли из Ленинграда товарищи Жданов и Ворошилов и ждут вас в своем вагоне, — доложил он.

Жуков отправился туда, они «тепло поздоровались». Очень понятно. Выяснилось, что о его приезде предупредил Сталин. Так что с представителем Ставки в этом случае шутки плохи. И коротали в вагоне, в лесу ту ночь сановные руководители обороны Ленинграда. Не откладывая дело в долгий ящик, Жуков открыл совещание, тем более что в вагоне дожидались командующие обоими фронтами — Ленинградским Л. А. Говоров и Волховским К. А. Мерецков. Быстро уточнили основные вопросы взаимодействия ударных группировок, которым предстояло наступать навстречу друг другу через шлиссельбургско-мгинский выступ. Засвидетельствовав свое почтение победителю под Сталинградом, Жданов, Ворошилов и Говоров вернулись в Ленинград.

Отлично знавший план наступления, утвержденный Ставкой (то есть Сталиным и Жуковым) еще 8 декабря, Жуков теперь придирчиво проверил все на месте. Впечатление самое отрадное. В частях Волховского фронта, которым предстояло продвигаться через торфяные болота, было сделано все, чтобы провести через топи тяжелую технику. Воины Ленинградского фронта хорошо подготовились к труднейшей операции — начинать предстояло со взятия высокого, сильно укрепленного берега Невы, где засели немцы. Бросок пехоты с легкими танками через лед — ширина реки 800 метров — под прикрытием артиллерийской завесы рассчитали едва ли не по секундам.

Те, кому предстояло идти в бой, хорошо знали — многие не вернутся. Тем не менее подъем в войсках

был необычным, помнили, что принесла осада Ленинграду. Бойцы и командиры фронтов дали клятву прорвать блокаду. Волховцы писали: «Наступит долгожданный час. Мы идем к тебе, многострадальный Ленинград... Мы будем идти вперед и только вперед. Среди нас не будет трусов и малодушных. Мы будем равняться по вашей доблести и мужеству, дорогие ленинградцы. Другого пути у нас нет. Смерть или победа! Мы клянемся тебе, Ленинград: только победа!»

12 января 1943 года Ленинградский и Волховский фронты ударили по обеим сторонам вражеского коридора, упиравшегося в Ладожское озеро и не допускавшего связи Ленинграда со страной по суше. Хотя немцы ожидали нашего наступления год, как день его, так и мастерство Красной Армии оказались для них неожиданными. Отчаянное сопротивление врага не поддается описанию. Немцы понимали: идет битва за вызволение Ленинграда из тисков блокады, что навсегда похоронит их надежды уничтожить город. Звериному упорству наши воины противопоставили исключительное мужество.

На седьмые сутки не прерывавшегося ни на минуту сражения войска Ленинградского и Волховского фронтов подали друг другу руку в районе рабочих поселков № 1 и № 5. Жуков, находившийся там, «видел, с какой радостью бросились навстречу друг другу бойцы фронтов, прорвавших блокаду. Не обращая внимания на артиллерийский обстрел противника со стороны Синявинских высот, солдаты по-братски, крепко обнимали друг друга. Это была воистину выстраданная радость».

В этот же день, 18 января 1943 года, Президиум Верховного Совета СССР присвоил Георгию Константиновичу Жукову звание Маршала Советского Союза. Весть о получении высшего воинского звания настигла Жукова, как и подобает солдату, на поле боя — он находился в передовых боевых порядках войск, которые вели напряженный бой.

Через два дня после снятия блокады Жуков побывал в Ленинграде. Город оставался прифронтовым: фашисты злобствовали, часто раздавалась канонада, грохотали взрывы снарядов. Очередной артиллерийский обстрел. Но времена изменились, контрбатарейная борьба была отлично налажена, и вражеские орудия моментально подавлялись. Как все бывавшие в

Ленинграде в то время, Жуков был потрясен и взволнован до глубины души. Ленинградцы, лица которых носили следы страшной блокады, не жаловались на жизнь, а с энтузиазмом говорили о том, что сделал и сделает теперь город для фронта!

На всю жизнь Г. К. Жуков запомнил победителей января 1943 года. Воздавая должное ленинградцам, он писал: «Сказывались сила и мужество советского народа, воспитанного партией Ленина, народа, который не может победить никакая вражеская сила... Пусть наша молодежь за новыми кварталами, площадями и проспектами нынешних городов разглядит окропленные кровью минувшей войны улицы и переулки, разбитые и черные от пожарищ стены, вздыбленную землю, с которой руками советских людей, их дедов, отцов и матерей был сметен жестокий враг».

Г. К. Жуков никогда не забывал — он стал Маршалом Советского Союза в битве под Ленинградом.

* * *

В начале 1943 года пришла развязка на западном и северо-западном направлениях. Противник, укрепивший оборону на протяжении года — полутора лет, серией операций наших войск частично был сбит с позиций и отводил войска, находившиеся в невыгодном оперативном положении — наследие жуковских ударов в 1941—1942 годах. С начала марта немцы, преследуемые по пятам, вынуждены были бросить ржевско-вяземский выступ, оставив обильно политый кровью плацдарм. Они ушли от Москвы еще на 130—160 километров. Германское командование страшилось возобновления борьбы на рубежах, куда их в свое время загнали воины Западного фронта под командованием Жукова.

В феврале — марте маршал Жуков координирует действия фронтов на северо-западном направлении, где выполнялась операция «Полярная звезда». Боевые действия развернулись в болотистой местности, каждый шаг даже медленного продвижения давался с трудом. Немцы при первых признаках, что фронт приходит в движение, бросили демьянский плацдарм, вытянувшийся на восток, который держали 17 месяцев. После Сталинграда они отнюдь не горели желанием, более того, панически боялись попасть в еще

один котел. Наше наступление, однако, не получило большего развития, необычно ранняя оттепель сделала болотистые места непроходимыми, а враг успел укрыться за разлившейся рекой Ловать. Жуков доложил Сталину, что нужно на время остановиться. Верховный согласился. Было это в середине марта 1943 года.

Линия фронта на западном и северо-западном направлениях на рубеже 1942—1943 годов перемещалась в местах, где нет крупных городов.

Исключение, может быть, составило освобождение древнего русского города Великие Луки. Штаб 3-й ударной армии принял решение об этой операции в знаменательный день, 19 ноября 1942 года — в этот день наши войска перешли в контрнаступление под Сталинградом.

И именно тогда на совещание в штаб армии прибыл маршал Жуков. Генералы 3-й ударной ожидали увидеть сурового военачальника и были удивлены, когда во время обстоятельного ознакомления с делами их армии он был прост, спокоен, шутил.

Заметив на одном генерале добротную новую шинель, Георгий Константинович улыбнулся и сказал: «А я, как видите, в форме командира 4-й донской кавалерийской дивизии, которой командовал в середине 30-х годов, да и генеральские знаки довоенные». Все рассмеялись. Эта шутка как-то сразу сняла напряженность минуты. Командующий армией К. Н. Галицкий подумал тогда: «Шутливое замечание, которое Г. К. Жуков неожиданно сделал, не меняя серьезного выражения лица, выдает в нем отнюдь не человека высокомерного, как это кажется на первый взгляд. Ведь он готов подшутить и над собой».

Масштабы операции 3-й ударной были куда как скромными по сравнению с тем, что происходило в это время под Сталинградом, но Жуков отнесся к ней со всей серьезностью. Когда Галицкий с нажимом доложил свое решение (уже утвержденное командованием фронта) действовать только стремительно и застыл в ожидании одобрения, Жуков очень спокойно, даже подчеркнуто, пояснил: «Все равно задачу будем считать выполненной, если вы притянете на себя силы противника и он не сможет снять их с вашего участка для переброски на юг. Итак, своими действиями сковать на длительное время, повторяю, на длительное время сковать противостоящие войска».

Присутствовавшие, у которых чесались руки внести свой вклад в наступление, недоуменно переглянулись. Жуков, увидев их замешательство, добавил: «Не бойтесь и обороны, главное, перемолоть побольше сил противника».

Это был другой Жуков. Всего две недели назад, напутствуя командиров 4-го механизированного корпуса под Сталинградом, он, выслушав неторопливые речи — об окружении, уничтожении, захвате определенных рубежей, вспыхнул:

— В который раз вам повторяю: никаких «окружая», «уничтожая», «отражая»! Никаких остановок, никаких развертываний в боевой порядок! Темпы и темпы, и только вперед!

Он быстро подошел к карте на стене и решительно сказал:

— Пусть стреляют справа и слева — это не ваша забота! За вами идут стрелковые соединения. Еще раз повторяю: на максимальных скоростях вперед и только вперед! Поймите, что подвижные соединения не должны ввязываться в затяжные бои с контрнаступающим противником. Они должны обходить его опорные пункты и стремительно продвигаться вперед, чтобы как можно быстрее окружить главные силы врага. Нужно стремительно создавать внешний фронт окружения и отодвигать этот фронт как можно дальше.

Пожалуй, только последнее замечание Г. К. Жукова под Сталинградом совпало с тем, что он говорил теперь, нацеливая войска на Великие Луки.

С двадцатых чисел ноября 1942 года войска 3-й ударной армии перешли в наступление и, медленно продвигаясь вперед, в начале января 1943 года обложили Великие Луки. Жуков несколько раз наезжал в армию, бывал в штабах дивизий, на переднем крае. Он вырвал из своего напряженного графика даже несколько дней непосредственно перед приездом на Ленинградский фронт. «Не торопиться», — неизменно подчеркивал он. Когда один из его приездов совпал с подготовкой немцев к деблокированию своего гарнизона в Великих Луках, он отвел предложение об упреждающих ударах, указав: «Нужно и резервы и части, снятые с других участков, эшелонированно ставить перед фронтом наступающих немецких дивизий. Пусть они сами разобьются о нашу оборону.

В этом случае их потери будут несравненно больше. Да и в город им так и не прорваться». Своевременное напоминание! Яростные атаки противника по кольцу наших войск оказались безрезультатными.

Незадолго до решительного штурма Великих Лук Жуков нагрянул прямо в город, часть которого уже была освобождена. Он не мог не заметить, что командование армии, командиры соединений и частей, предвкушая победу, на радостях запамятовали, что немецкие войска могут внезапно обрушиться на них. Жуков серьезно предупредил Галицкого: «Пусть действующие в городе части готовятся по вашим планам к штурму, вы же все свое внимание по-прежнему направьте на отражение прорыва извне». 16 января 1943 года после почти двухмесячных боев Великие Луки были освобождены относительно небольшой ценой, а немцам пришлось долго зализывать тяжелые раны.

Итак, линия фронта на западном и северо-западном направлениях неуклонно перемещалась на запад. Главное — умный нажим наших фронтов связал все силы, которыми располагал здесь вермахт. Много их было или мало? В самом авторитетном исследовании, советской двенадцатитомной «Истории второй мировой войны», сказано: «На этих направлениях вражеское командование имело 124 соединения, или более половины всех сил, находившихся на советско-германском фронте. Это были наиболее боеспособные войска противника».

* * *

В первой половине февраля в сводках Верховного Главнокомандования появлялись названия все новых городов, которые освобождали войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов. Они наступали в широкой полосе — 800 километров — и к январским успехам добавили продвижение еще на 150—300 километров, вызволив из фашистской неволи Курск, Белгород, Ростов. 16 февраля очищен от фашистской нечисти Харьков.

Казалось, наступление, начавшееся у Волги, без пауз докатится до Днепра. Величайшим оптимизмом было проникнуто уже само название операции, к которой приступили наши фронты на юге, — «Скачок»:

освободить Донбасс, захватить основные переправы через Днепр у Запорожья и Днепропетровска. Командование Юго-Западного и Воронежского фронтов свыклось с победами от самого Сталинграда, в их штабах оптимистически подсчитывали соотношение сил, как-то упустили, что войска поредели, измотались, тылы далеко отстали, а задачи перед фронтами грандиозные. Больше того, победоносные генералы не сразу поняли смысл усиления сопротивления врага, у них выросли крылья. Когда к двадцатым числам февраля наконец стали спотыкаться о крепнувшую оборону, то рассудили: дерутся-то арьергарды, прикрывающие отход. Значит, только вперед, смелость города берет! Удлиним список освобожденных городов!!

Между тем осатаневший Гитлер решил взять реванш за Сталинград. Сюда перебросили танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова», из группы армий «Центр» моторизованную дивизию «Великая Германия». Словом, собралась вся нацистская «гвардия», не говоря уже о многих новых частях и соединениях. 12 февраля 1943 года группу армий «Дон» по вполне понятной причине переименовали — побитых немцев далеко отогнали от великой реки — и назвали ее, оставшуюся под командованием Манштейна, группой армий «Юг» со штабом в Запорожье.

17 февраля туда пожаловал Гитлер со всей свитой. Фюрер явился собственной персоной, чтобы напутствовать эсэсовцев на «подвиги» во славу рейха. 18 февраля немецкое радио передало на всю Европу истерическую речь Геббельса из Берлина: отныне идет «тотальная война». В Запорожье фюрер засел совещаться с командующими, но с утра 19-го преступная банда отчетливо услышала в отдалении гулкие удары: били пушки советских танков, катившихся к Запорожью. Генералы предложили было продлить совещание, а то произведет «дурное впечатление», если фюрер поспешно покинет город под грохот советских орудий. Гитлер надулся и объявил: он улетает по делам переговорить с Гудерианом, вызванным из отставки и назначенным генеральным инспектором германских бронетанковых войск.

На аэродроме, где выстрелы танковых пушек были еще слышнее, фюрер торопливо распрощался с Манштейном и был таков. Ему, по-видимому, доложили:

между Запорожьем и советскими танками не было германских войск, кроме 200 зенитных орудий, выставленных на прямую наводку с приказом держаться до последнего снаряда.

Гитлер оставил обращение к солдатам группы армий «Юг», сообщив, что на пути к ним новые дивизии и уникальное, до тех пор неизвестное оружие. Выслушав обращение фюрера — его читали в частях, — верноподданные легковерные болваны захлопнули люки танков и в тот же день, когда Гитлер удрал на запад, двинулись на восток. Они контратаковали с диким озлоблением, в полной уверенности, что вот-вот их подопрет некое «тайное» оружие, обещанное самим фюрером.

Эсэсовский натиск застиг нас врасплох. На главных направлениях на нас внезапно навалились 800 танков, у немцев было в 2,4 раза больше самолетов. Наши командующие недооценили решимость и силы врага и медлили с отходом: обидно отступать в 25-ю годовщину Красной Армии. Только 25 февраля решено было оттянуть назад вырвавшиеся части. Конечно, особой трагедии не было, «наш отход не носил на себе следов растерянности и сумятицы. Ни порядок, ни руководство войсками не нарушилось, хотя все тяжело расставались со столь дорогими нашему сердцу городами и районами», — напишет впоследствии А. М. Василевский.

С первых чисел марта Василевский, получивший 16 февраля звание Маршала Советского Союза, был здесь представителем Ставки. Вместе с ним командовали наши полководцы Ф. М. Голиков, Н. Ф. Ватутин, Р. Я. Малиновский и другие. Сопоставив факты, просчитав силы врага, разведка выявила замысел противника: через Белгород прорваться к Курску, а навстречу ударить со стороны Орла. Следовательно, наши войска, взявшие примерно за месяц до этого Курск и вырвавшиеся на запад, могли быть отрезаны.

Это было серьезно, о чем Ставка 10 марта предупредила маршала Василевского. В дополнение к уже прибывшим на фронт резервам Ставка направила Василевскому еще три армии, включая танковую.

14 марта оставили Харьков, в общей сложности с 20-х чисел февраля вражеские войска оттеснили Юго-Западный и Воронежский фронты на 100—150 километров.

В середине этого дня на командном пункте Северо-Западного фронта раздался звонок из Ставки. Жукову приказано прибыть в Кремль. Рано поутру он выехал, добирался до Москвы весь день на вездеходе по ужасающим дорогам. Поздним вечером доложил о приезде и тут же был вызван к Сталину, у которого шло совещание. В кабинете Верховного Жуков получил редкую возможность выслушать доклады о положении военной экономики страны. «Отчетливо была видна, — отметил в мемуарах Георгий Константинович, — все еще существовавшая большая напряженность в промышленности, в том числе и на таких важнейших заводах, как авиационные и артиллерийские».

Тыл до предела напрягал силы. Василевский, примерно в это время рассказавший в Москве директору столичного автозавода И. А. Лихачеву с подобающими эпитетами о победе под Сталинградом, услышал в ответ: «Что же ты так плохо хвастаешься! Мы... Мы... Мы!.. А мы, что, не участвовали в достижении этой победы?!! Не забывай, у нас воюет вся страна. У нас что ни завод — фронт, что ни колхоз — фронт. Этой победой гордится каждый советский труженик». Василевский смутился, и наверняка испытывал такие же чувства Жуков, выслушивая наркомов, руководивших военной экономикой.

Совещание с руководителями промышленности закончилось около трех часов ночи. Сталин подошел к Жукову:

— Вы обедали?

— Нет.

— Ну тогда пойдемте ко мне, да заодно и поговорим о положении в районе Харькова.

«Обед» затянулся до пяти утра. Изучили карту обстановки на Юго-Западном и Воронежском фронтах, которая резко ухудшилась: танковый корпус СС, захватив Харьков, шел на Белгород. Из последних донесений выяснилось, что Воронежский фронт (командующий Ф. И. Голиков, член Военного совета Н. С. Хрущев) так и не может остановить продвижение врага. Сталин тут же позвонил Хрущеву и, по словам Жукова, «резко отчитал его», припомнив постыдные неудачи Юго-Западного фронта летом 1942 года. К рассвету «обед» закончился поручением отправиться в штаб Воронежского фронта. «Наш спецпоезд, состоявший из пяти вагонов, — говорил генерал-адъютант Жукова Л. Ф. Минюков в 1975 году, — шел стремительно и безостановочно, для него не зажигался запретный красный свет даже перед крупными станциями городов — все зеленый и зеленый. Мы чем-то напоминали пожарных, спешащих отвратить случившуюся беду. И это было именно так. Прибыли в Курск на другой день в полдень. Спецпоезд загнали на запасной путь, маскировкой для него служили старые деревья и полуразрушенные железнодорожные строения». С платформы спустили вездеход, и пришлось рисковать, даже при обстрелах немецкими самолетами не останавливались и не укрывались в кюветах.

Под вечер приехали на командный пункт Воронежского фронта в Обоянь. Там заинтересованно совещались маршал Василевский, генерал Голиков, Хрущев и другие. В таких бестолковых сборищах нередко на той войне, знал Жуков, убивалось драгоценное время, а враг тем временем достигал своих целей. Генерал Л. И. Сандалов, бывший на КП, запомнил: «Георгий Константинович развернул на столе свою карту и сухо, но очень корректно, обращаясь к Голикову, сказал:

— Положение войск фронта нанес на карту ваш штаб. Но на ряде направлений войска свои позиции уже оставили, а на некоторых участках 69-й армии мы вообще никаких наших войск не нашли и едва не заехали к противнику.

Развернулся длительный и подробный анализ обстановки, вносились и тут же обсуждались предложения, как остановить дальнейшее наступление противника». Обычные словопрения!

Так виделся приезд Жукова Сандалову, воевавшему на Воронежском фронте, естественно, его патриоту. Л. Ф. Минюк оставил другую зарисовку: «Командующий Голиков и член Военного совета Хрущев не могли что-либо конкретно доложить.

— Эх, вы, магнаты! — только и бросил в сердцах Жуков свое привычное выражение и отвернулся.

За окном суетились, бегали, что-то грузили на машину штабисты. Прискакал на коне со вспененными боками связной, сунул кому-то пакет с донесением и умчался обратно. Творилась неразбериха — будто в предчувствии скорого нападения танков. Жуков ре-

шительно вышел из помещения, узнал, где фронтовой узел связи, и оттуда позвонил по ВЧ Сталину».

Он доложил Верховному, что обстановка на месте много хуже показанной ему на картах в Генштабе в Москве. Самое печальное — «части противника без особого сопротивления продвигаются на белгородском направлении», необходимо «срочно двинуть сюда все, что можно, из Резерва Ставки и с соседних фронтов, в противном случае немцы захватят Белгород и будут развивать удар на курском направлении». Через час после этого разговора Жуков узнал от Василевского, что Ставка уже распорядилась отправить на это направление две общевойсковые и одну танковую армии.

Ближе всех подошла закаленная 21-я армия И. М. Чистякова, переброшенная из-под Сталинграда. Ее войска выгрузились в районе Ельца и 11 марта получили приказ срочно выдвинуться к Курску и южнее. Пошли пешком, только ночью, по дорогам, угадывавшимся под снежными заносами. Днем люди, танки, орудия укрывались в лесах и балках. Утром 18 марта, когда армия вышла южнее Обояни, стало известно, что немцы уже в Белгороде.

Тут уже нельзя было терять и часа. «В тревожно-критический час управление этими войсками, — продолжает Минюк, — взял в свои руки Георгий Константинович. И — удивительно! — никто не увидел в Жукове растерянности! Наоборот, в минуты, когда, казалось, все рушится, все валится и можно впасть в отчаяние, он становился собранным, деятельным и решительным. Опасность не угнетала его, а наполняла еще большей волей, и он казался туго натянутой пружиной или суровой птицей, готовящейся встретить напор бури. В такие минуты я часто замечал привычку Жукова сжимать кулаком подбородок». Жуков немедленно приказал — задержать врага!

Как ни устали войска, Чистяков до точки выполнил приказ выбросить навстречу врагу передовой отряд, стрелковый полк. К исходу дня полк вступил в соприкосновение с противником и задержал его дальнейшее продвижение. Подоспевшая 52-я гвардейская дивизия прочно оседлала шоссе на Обоянь, на ее флангах развернулись еще две дивизии. Вражеский накат разбился о них — на пути эсэсовцев встали

солдаты Сталинграда. Немцы засыпали наши позиции листовками, угрожая перебить сталинградцев, 21-ю армию до последнего человека. Дружный смех в наскоро выдолбленных в мерзлой земле окопах. Не мог сдержать улыбки и Жуков, прочно взявший руководство боем в свои руки.

В разгар его «из Генштаба запросили, что доложить Сталину о положении на Воронежском фронте. Маршал Жуков, по-прежнему стискивая левой рукой подбородок, твердо ответил:

— Доложите, что враг дальше не продвинется ни на шаг. А относительно Голикова скажите: его надо сменить немедленно и поставить на этот горячий фронт генерала наступления Ватутина. Он так и сказал «генерала наступления», имея в виду роль Ватутина в разгроме немцев под Сталинградом», — закончил Минюк. Получив отрадное донесение из 21-й армии, Жуков выехал в район, где был дан отпор немецким танкам, двигавшимся на Обоянь. Посмотреть на тех, кто выполнил его приказ.

На дороге и раскисших полях в тягучем черноземе увязли подбитые и сожженные немецкие танки и бронетранспортеры. Жуков коротко спросил командира передового отряда полковника Пантюхова:

— Это все ваша работа?

— Наша, — ответил Пантюхов и добавил: — Можно бы больше потрудиться.

— Что же помешало?

— Танков не хватило, а иначе бы, товарищ маршал, мои ребята целое кладбище навалили.

Жуков у догоравших танков увидел понурых пленных. Генерал Чистяков доложил: «Эти из дивизии «Мертвая голова». Угадав в Жукове крупного начальника, они на глазах перетрусили. Жуков приказал — двоих отправить назад, пусть расскажут, чем кончилось продвижение на Обоянь.

— Тоже мне, «мертвые головы», — брезгливо сказал Жуков. — Пусть скажут своим, каковы русские, может, протрезвеют сами и других отвадят воевать!

По раскисшей земле поплелись двое оборванцев в прожженных, разодранных комбинезонах, недавние спесивые европейцы, танкисты корпуса СС.

20 марта прямо на позициях Жуков вручал боевые награды отличившимся солдатам и офицерам. Ге-

рои спокойно смотрели в глаза маршала, благодарили за награды, но не видели за собой особой заслуги, выполнили боевой приказ, и все тут. В Сталинграде бывало тяжелее. С сердца Жукова упал камень — на этих воинов можно положиться. 22 марта уехал в Москву Василевский, вместо Голикова командование Воронежским фронтом принял Ватутин. До конца марта враг все пытался возобновить наступление, но не продвинулся ни на шаг. Разбитые танки, как вехи, обозначили, куда он дополз.

Не в обычае Жукова поминать старое, но когда фронт стабилизировался, он иной раз крепко выражался в адрес «разгильдяев», допустивших «нелепость» — отход победоносных войск, начавших бить немцев у Волги и вдруг попятившихся здесь, на дороге на Курск.

А тем временем бывший командующий Воронежским фронтом Голиков сочинил для истории в отчете о причинах неудач: «Необходимо признать, что на этом этапе я имел неправильную оценку намерений и возможностей противника. Ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение мотомеханизированных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать оттуда свой контрудар». История не зафиксировала реакцию маршала Г. К. Жукова на объяснение. Да, вероятно, у него и не было времени вглядываться в прошлое, он заботился о настоящем и будущем.

Вот как видится американскому военному исследователю М. Кайдену в книге «Тигры горят!» (1974 г.) сделанное Жуковым в эти несколько решающих дней. «Ведь тогда сложилась критическая ситуация и катастрофа едва была предотвращена. 18 марта немцы взяли Белгород и натолкнулись на возросшее сопротивление. Уже через три дня русские зарылись в землю непосредственно у Белгорода. Севернее сданного немцам города возникали новые оборонительные рубежи. Жуков выдвинул 1-ю танковую армию южнее Обояни, где ее можно было использовать либо для обороны, либо, если позволит обстановка, для наступления. На время неустойчивое затишье воцарилось на фронте... Никто не мог игнорировать присутствия здесь Жукова. В прошлом он

уже многократно тупил германскую сталь одной стороной меча, а другой уничтожал немецкие армии. Время. Оно теперь было на стороне русских, поджидающих нового немецкого натиска».

Жестокий отпор воспрянувшим было духом немцам в конце марта 1943 года на промерзлом шоссе от Белгорода к Обояни, подчеркивает Кайден, был типичным для Жукова: «Невероятные достижения Жукова против самого лучшего, что могли бросить нацисты против русских, представляются потрясающими, стоит обратиться к изучению битв, проведенных под его командованием. Жуков редко имел превосходство в силах в данной операции. Он поистине был «пожарным» русского фронта: когда все остальные терпели неудачи, когда других генералов били, когда обороняющихся вот-вот должна была поглотить катастрофа, тогда Сталин обращался к Жукову. Он появлялся на сцене — военный гений, человек, наделенный стальным характером, решимостью, не допускавшей ничего, кроме его воли, и превращал катастрофу в ничью, а избавление — в блистательную победу». К началу апреля 1943 года севернее Белгорода сложилась «ничья». Жуков не считал ее приемлемым исходом, размышляя над путями разгрома врага.

Тут случилось новое осложнение. Н. Ф. Ватутин, вступив в командование Воронежским фронтом, увидел Жуков, «с присущей ему энергией взялся за укрепление войск фронта и создание глубокоэшелонированной обороны». Прекрасно и похвально. Но одновременно вместе с членом Военного совета фронта Хрущевым он с неменьшей энергией принялся соблазнять Ставку — немцы непременно возобновят наступление и поэтому лучше нанести упреждающий удар на белгородско-харьковском направлении. Аргументация, истрепанная еще весной 1942 года, когда Хрущев был среди тех, кто бросил армии Юго-Западного фронта в фатальное наступление под Харьковом.

КУРСКОЕ ПОБОИЩЕ

Что же — дело до боли знакомое. В который раз в паузу между сражениями в штабах как грибы прорастали планы, представлявшиеся их составителям

самыми многообещающими. О чем они торопились доложить наверх, иногда на самый верх. К предложениям с фронта Сталин относился более чем серьезно по причине, описанной со свойственным ему редким тактом Василевским:

«Проскальзывала у И. В. Сталина некоторая недооценка работы аппарата Генерального штаба. Многих руководящих работников Генштаба он стремился отослать в войска. На мое возражение против посылки очередного работника из аппарата Генштаба на фронт он неизменно отвечал:

— Там он более нужен, а с этой канцелярией мы управимся.

А когда я обратился к Сталину с просьбой вернуть из войск Н. Ф. Ватутина, ибо мы, что называется, задыхались без квалифицированных штабных работников, он серьезно спросил: «А что, он не годится на фронте?»

Теперь Жуков был сам на фронте и видел, что только весомыми аргументами можно перечеркнуть сумасбродные, а в конечном счете опасные для всей Красной Армии планы, к которым приложили руку стратеги хрущевского разбора. Остановив немцев на курском направлении, Жуков взялся за установление стратегического направления, на котором враг может попытаться провести неизбежное летнее наступление. То, что оно последует, Георгий Константинович не сомневался ни на миг — он хорошо изучил психологию тевтонских тугодумов. Они не простили Сталинграда и попытаются отомстить. Эмоции, замешенные на страхе перед гитлеровским руководством, подавят военный разум у безмерно жестоких и ограниченных немецких генералов. Все это было бесспорно.

Донесения, которые по приказу Жукова стекались в его спецпоезд, вполне убедительно свидетельствовали о том, что немцы уже подкрепляют намерение наступать созданием соответствующих возможностей — на фронт с запада везли войска, оснащенные новейшей, особенно танковой, техникой. Везли, как убеждала Жукова разведка, к центру советско-германского фронта, то есть примерно туда, где он находился. Наверное, поэтому на этот раз очередное стратегическое озарение Жукова оказалось не только, как обычно, правильным, но и неслыханно точным в деталях.

Многократно отмечалось, что на войне играет роль, иногда громадную, случай. Предвидеть его нельзя, но упустить можно. Жуков, конечно, случайно (в результате поражения Голикова и иных) оказался в этом районе, но совершенно сознательно использовал открывшиеся возможности — именно на месте предстоявшего немецкого удара вычислил с математической точностью грядущие события. Находившийся с ним рядом генерал Л. Ф. Минюк свидетельствовал:

«Бывало, уже глубокая ночь, пора бы маршалу отдохнуть, а он стоит у огромной карты всего театра войны. Стоит и час, и другой в глубокой задумчивости. Так и хотелось сказать: «Ложитесь, Георгий Константинович, утро вечера мудренее». Но никто из нас в этот момент не смел его беспокоить. Маршал думает. Маршал принимает решение. Но, по обыкновению, в ночь решение не созревало, что-то мешало принять окончательное решение в том главном, ради чего и задержался в районе Курска».

Вот это «главное» — установление направления и силы предстоявшего немецкого наступления, и занимало все помыслы Г. К. Жукова в те недели. Так вот о чем он думал тогда, по собственным словам: «Я размышлял, глядя на карту: «На севере противник обложил Ленинград, но взять его не сможет, частично снята блокада города, а неприятель завяз в Синявинских и Волховских болотах и лесах. Вторично не посмеет идти прямо на Москву, о чем так беспокоится Сталин... На южном фланге — в Кавказских горах и в Сталинграде — враг потерпел жестокое поражение... Где же все-таки предпримет генеральное наступление? Логическая цепь рассуждений привела к выводу: враг решится на мощный удар только в Центральной России, по линии Орел—Курск—Белгород... Тут простор, раздолье для танков и механизированных клиньев, охватов... Только тут, и нигде больше», — утверждался я, чувствуя, что интуиция меня не подводит. Кстати, и всякого рода разведка подтверждала правильность этого предвидения. Да и — пусть для вас не покажется странным — по своему опыту охотника я знал: дикий раненый зверь по своему кровавому следу вторично не пойдет».

Так говорил Г. К. Жуков в 1972 году. Но и тогда, спустя почти три десятилетия после весны 1943 года, он все ощущал тяжесть ответственности, лежавшей в

свое время на его плечах, тяжесть, поистине непомерную: «Теперь все это ушло в прошлое, стало историей, но тогда прийти к этой идее было чрезвычайно трудно. Шут знает, то ли везло мне в войну, то ли рожден был для деятельности военным, во всяком случае, и на этот раз повезло, вытянул груз непомерной тяжести. Ведь передо мной Верховный поставил тогда сложнейшую задачу: не только поправить дела на Воронежском фронте, оказавшемся под тяжким бременем удара, но и дать наметки стратегического плана действий противоборствующих сторон на весну и лето 1943 года. А это, простите, не дом срубить и даже не камни ворочать, к чему в крестьянстве я привык, а предусмотреть буквально все: и расположение наших войск, их моральный дух, и наличие резервов, пропускную способность железных дорог, и обширнейшие районы, на которых могли развернуться великие сражения, а прежде всего предугадать, что замышляет германский генералитет и ставка во главе с Гитлером. Вот только подумайте: а вдруг германское командование, концентрируя силы в одном районе, на самом деле изберет полем битвы совсем другой театр войны?

Стало быть, все наметки плана полетят прахом. Просчет в прогнозах может стоить потока крови, потери новых территорий нашей страны».

Жуков размышлял в одиночестве, вечерами и ночами, а дни были до отказа забиты поездками в войска, совещаниями в штабах. Помимо штаба фронта, он совещался с генералами, командовавшими 40, 13, 70, 65, 43-й армиями. На них он, не раскрывая всего, проверял правильность своих предположений. С Ватутиным и Рокоссовским обстоятельные беседы, переходившие иногда в горячие споры. Наконец вечером 7 апреля Жуков вернулся в спецпоезд, хлопнул ладонью по столу и сказал — все! Он позвал Минюка, поделился с ним своими мыслями о вероятном направлении летнего немецкого наступления, нанес на карту предполагаемые удары врага. В заключение доверил написать доклад для Сталина.

Минюк прилежно трудился всю ночь. После завтрака, раздуваясь от авторской гордости, он прочитал его Жукову. В ответ гневное:

— Ты кому это написал? Ты что, думаешь, Сталин — начальник Генерального штаба?

Обидевшийся Минюк попытался возражать. Жуков был непреклонным:

— Во-первых, Сталин — гражданский человек, ему надо докладывать коротко, ясно, а ты пишешь штабным языком... Во-вторых, выражаешься недомолвками, будто боясь за последствия. Надо излагать мысли определенно и твердо.

— Но это же огромная ответственность.

— Вот именно от-вет-ствен-ность, — с растяжкой сказал Жуков. — А как же́ иначе? Начальников, боящихся взять на себя ответственность, развелось хоть пруд пруди. Они-то и губят дело!

Кончилось тем, что Жуков, схватив ручку, взялся править доклад, быстро увлекся и практически переписал довольно обширный документ. Так вот что вышло из-под пера маршала — доклад Сталину от 8 апреля 1943 года. Документ отражал мнение Генштаба, с руководством которого Жуков успел обговорить как его содержание, так и выводы. Доклад был также обсужден с командующими Воронежским и Центральным фронтами. Жуков писал:

«Докладываю свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период.

1. Понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, ...ввиду ограниченности крупных резервов, противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте... Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные действия противник развернет против этих трех фронтов...

2. Нанесет удар своей орловско-крымской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока.

3. Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воро-

нежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3—4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15—16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

4. Для того, чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП; все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Ст. Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовского и Ватутина и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить мощные группировки и сорвать план наступления противника.

Я не знаком с окончательным расположением наших оперативных резервов, считал бы целесообразным предложить расположить их в районе Ефремов — Ливны — Касторное — Нов. Оскол — Валуйки — Россошь — Лиски — Воронеж — Елец. При этом главную массу резервов расположить в районе Елец — Воронеж. Более глубокие резервы расположить в районе Ряжска, Раненбурга, Мичуринска, Тамбова.

В районе Тула — Сталиногорск необходимо иметь одну резервную армию.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника в нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника. Константинов (Жуков)».

Когда Сталин получил доклад Жукова, у него был начальник Генштаба Василевский. Внимательно прочитав документ, Верховный какое-то время молча прохаживался по кабинету, попыхивая трубкой и разглядывая портреты Александра Суворова и Михаила Кутузова (вскоре после начала войны он распорядился повесить эти портреты в кабинете). Наконец сказал:

— Надо посоветоваться с командующими фронтами.

Верховный велел собрать совещание для обсуждения летней кампании 1943 года.

Вечером 11 апреля Жуков вернулся в Москву и весь следующий день согласовывал с Василевским и его заместителем Антоновым доклад Верховному. Они трое сошлись во мнении: немцы пытаются ликвидировать далеко вдававшийся в их расположение Курский выступ, или Курскую дугу. Если они преуспеют и разгромят наши войска внутри Курского выступа, может претерпеть изменения общая стратегическая обстановка в пользу врага.

Вечером 12 апреля 1943 года Жуков и Василевский докладывали в Ставке: когда немцы возобновят активные действия весной и летом 1943 года, надо встретить их на заранее и тщательно оборудованных позициях, обескровить и только потом переходить в наступление. «Верховный, пожалуй, как никогда, — писал Жуков, — внимательно выслушал наши соображения. Он согласился с тем, что главные усилия надо сосредоточить в районе Курска... Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, а выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его».

Решили: всячески укреплять позиции по Курскому выступу, северный фас которого держал Центральный фронт Рокоссовского, а южный — Воронежский фронт Ватутина. Генеральный штаб и командование этих фронтов занялись подробной разработкой плана сосредоточения в этом районе наших сил.

Итак, 8 апреля Жуков определил место предстоящего сражения и предложил способ разгрома вермахта, 12 апреля Ставка согласилась с ним.

Рассматривая ход войны под углом зрения возможностей танковых войск, английский историк Д. Орджилл в монографии «Т-34. Русские танки» (1971) подчеркнул:

«По мере совершенствования вооружения росло и боевое мастерство владевших им людей. Уверенность в успехе боя идет в войска сверху, в Красной Армии в горниле войны были выкованы военачальники, достойные занять почетное место среди великих полко-

водцев на протяжении всей истории. Одним из них, конечно, был человек железной воли Георгий Константинович Жуков, требовательный и подчас беспощадный к тем, кто не выполнял свой служебный долг, наделенный блестящим умом и особым полководческим даром предвидения развития боевых событий — способностью «читать боевую обстановку». Жуков понял и проверил на практике, что оборона вновь правит полем боя, и, следовательно, победоносному наступлению должна предшествовать успешная оборона. Оружие победы отныне танковые войска Красной Армии, если, разумеется, не будут допущены старые ошибки распыления танковых частей. Находившиеся на вооружении типы советских танков представляли собой почти идеальный инструмент для реализации доктрин Жукова, которым теперь предстояло полностью претвориться в жизнь».

Что же происходило в ставке другой стороны, Гитлера?

В директиве № 6, отданной Гитлером 15 апреля 1943 года, вермахту ставились задачи, предсказанные Г. К. Жуковым. Советский маршал точно предвидел и силы, которые сумеет собрать вермахт, — 2500 танков. В битве под Курском немцы использовали 2700 танков и штурмовых орудий. Их количество точно определил Г. К. Жуков почти за три месяца до того, как они поползли на наши позиции. Ход мысли в директиве Гитлера был разобран Жуковым в докладе Сталину 8 апреля, то есть за неделю до ее издания. Единственное различие — Гитлер верил: удар по Курской дуге принесет Германии гигантскую победу. Жуков считал: последует ее катастрофическое поражение. Итак, заглянем в директиву Гитлера: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязаны проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира.

Приказываю:

1. Целью наступления является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их.

5. ...Следует принять все меры по маскировке, сохранению тайны и введению противника в заблуждение. Самым ранним сроком наступления является 3.5. Выдвижение на исходные позиции для наступления должно осуществляться только ночью при соблюдении всех правил маскировки...

7. В целях соблюдения тайны в замысел операции должны быть посвящены только те лица, привлечение которых абсолютно необходимо. Новые лица должны знакомиться с замыслом постепенно и по возможности позже. На этот раз необходимо непременно избежать того, чтобы вследствие неосторожности или небрежности противнику стало что-либо известно о наших замыслах. Путем усиления контрразведки обеспечить постоянную борьбу с вражеским шпионажем».

Длинная была директива, изобиловавшая самоуверенными указаниями, что и как делать после разгрома советских войск, например, «о немедленном и полном учете всех захваченных пленных, местных жителей и трофеев». Упорядочение бандитской бухгалтерии имело свою историю. При подготовке операции «Цитадель» Гитлер сначала постановил — пленных не брать, а расстреливать на месте. Узнав об этом от своих приятелей — профессиональных убийц генералов СС, министр вооружений А. Шпеер обомлел — на военных заводах Германии нехватка рабов, а тут заранее вознамерились уничтожить «сотни тысяч» здоровых мужчин. Он уговорил фюрера отказаться от своего намерения. Посему директива еще была дополнена рекомендациями «о ведении пропаганды по разложению противника». Ах, споры эти по поводу будущих пленных «оказались беспредметными», сокрушался позднее Шпеер, ввиду известных результатов операции «Цитадель» — очередного разгрома вермахта.

Только политические кретины, какими изобиловало высшее руководство рейха, могли вообразить, что на исходе второго года войны кому-нибудь могло прийти в голову поднять руки перед фашистами.

На Курской дуге стояли командиры и красноармейцы, прошедшие сотни километров на запад, освобождая родную землю. На каждом шагу они видели, что нес фашизм нашему народу. Командующий 65-й армией, державшей «вершину» Курского выступа, генерал П. И. Батов рассказывает типичный случай в ходе зимнего наступления. Он осведомляется по телефону у подчиненного командира, как идут дела.

Ответ: «Имеем трофеи — шестьдесят автомашин и сорок пять орудий разных калибров... Вы спрашиваете про пленных? Немного, десятка три. Но мы сегодня освободили сто шестнадцать красноармейцев из фашистского плена. Глядеть страшно, товарищ командующий! Одни скелеты. Раны гниют. Тряпье на них гниет. Будь она проклята, эта «западная цивилизация»! Доложить, каково настроение? Я их кормлю, товарищ командующий, у самого небогато, но откормлю. Это будут самые неистовые бойцы — таково настроение...»

Наши войска захватили инструкцию «Двенадцать заповедей на Востоке и обхождения с русскими», скрепленную подписью Гитлера. Там значилось: «Вы должны осознать, что являетесь на столетия представителями великой Германии и знаменосцами новой Европы. Вы должны поэтому с достоинством проводить наитвердейшие и наибеспощаднейшие меры...» Вот и «решили» гитлеровские пропагандисты давнюю проблему — Запад и Россия. «Политработники 65-й армии использовали «заповеди» в беседах с бойцами», — заканчивает П. И. Батов.

Конечно, соотношение сил на фронте отнюдь не благоприятствовало немцам. Тотальной мобилизацией Германии удалось довести численность войск на советско-германском фронте к лету 1943 года до 4,8 миллиона человек (плюс 525 тысяч войск ее сателлитов), имевших более 54 тысяч орудий и минометов, 5,8 тысячи танков и штурмовых орудий, до трех тысяч самолетов. Но Германии не удалось восполнить потери и вернуться к уровню максимальной численности своих армий на Восточном фронте, достигавшей осенью 1942 года 6,2 миллиона человек.

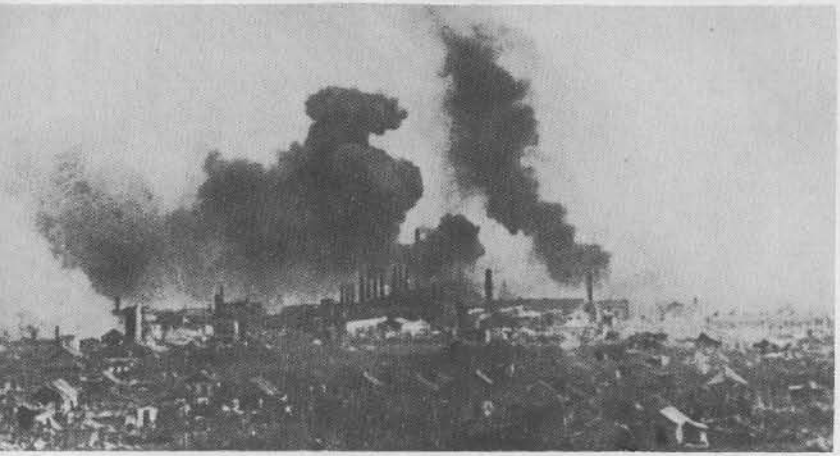
Г. К. Жуков. *1944 г.*

Немцы в городе.

В атаку.

Возвращаются беженцы.

Война...



Сталинград горит.

Враг поднял руки. Сталинград.

Залп «катюш».

Захваченное немецкое орудие под Ленинградом.

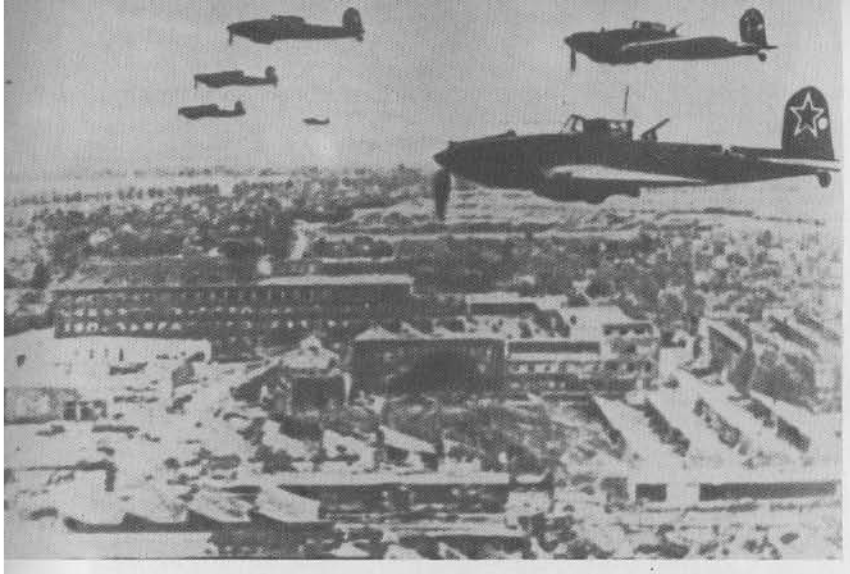
Уличный бой.
Сталинград.

Бои за каждый дом.
Сталинград.

Г. К. Жуков. *1943 г.*

Г. К. Жуков на 1-м Украинском фронте
(крайний справа Ватутин).

Фронт. *1944 г.*



Бои, бои...

Жуков и Голованов.

Г. К. Жуков на фронте. *1945 г.*

Письмо с фронта.

Действующая армия
10. 2. 44.

Дорогой мой!

Шлю тебе свой привет. Крепко крепко целую тебя, Аду и всех своих с ребятами.

Спасибо за письмо, за калужскую бруснику и за все остальное.

Дела наши идут в общем хорошо. Все намеченные дела армией выполняются хорошо.

В общем дела Гитлера идут вкось и поперек, а наше страна идут к безусловной победе, а германская русская армия.

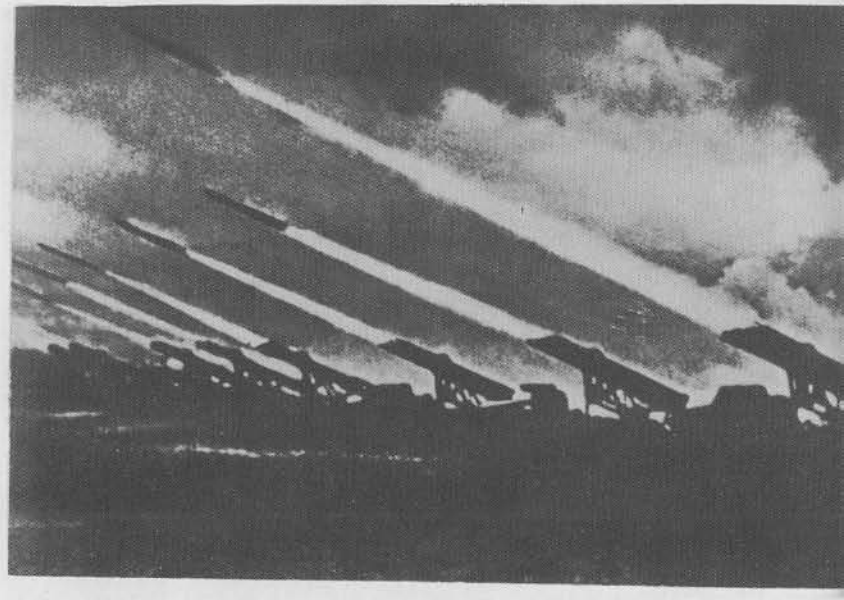
В общем фронт справляется со своими задачами, дела сейчас за тылом, тыл должен очень много работать чтобы обеспечить потребности фронта, тыл должен хорошо учиться, морально быть крепким, тогда победа окончательно будет за русскими. Крепко, крепко тебя целую.

Твой Г. Жуков

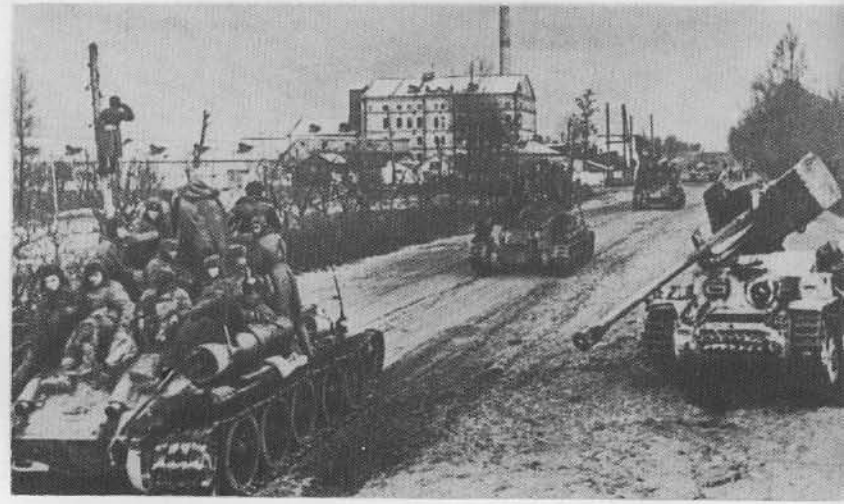
После совещания. *1942 г.*

После обсуждения плана операции...

Вот она, Германия!



По врагу.



Наши в Германии.

На командном пункте.

Наблюдательный пункт под Берлином.

Идут бои за Берлин. Донесения в штабе.

Г. Жуков и Д. Эйзенхауэр на московском аэродроме.

Красную армию, встречают в Болгарии.

Наша действующая армия выросла к лету 1943 года до 6,6 миллиона человек при 105 тысячах орудий и минометов, 2200 реактивных установок, 10 199 танков и самоходных орудий, почти 10 252 самолетов. В армии на 1 июня 1943 года было 1 818 385 коммунистов и 2 493 396 комсомольцев. Немало политработников были переведены на командирские должности, а 160 из них получили генеральские звания. С начала 1943 года армия и флот с гордостью носили погоны — символ почетного воинского долга перед Родиной. Перечень наград отличившимся пополнили введенные новые боевые ордена — Суворова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова. Вековечные ратные традиции России подтверждались.

18 апреля 1943 года за подписями Сталина и Жукова была отдана директива Ставки командующим фронтами об использовании гвардейских соединений в боевых действиях. Отныне предписывалось держать гвардейские стрелковые корпуса и гвардейские армии «как правило, в резерве или во втором эшелоне и использовать их в наступательной операции для прорыва на направлении главного удара». Гвардейские соединения надлежало тщательно обучать, а при боевом использовании подпирать мощными вторыми эшелонами с тем, чтобы после прорыва «выводить в резерв для отдыха и восстановления, не доводя их ни в коем случае до истощения». Такова суровая специфика военного дела, шансы на выживание имеют лучшие и более полезные. В директиве указывалось, что дисциплиной, «вниманием к бойцу» и многим другим следует «добиться, чтобы гвардейские части являлись образцом и примером для всех остальных частей Красной Армии».

В руках нашего Верховного Главнокомандования на исходе второго года Великой Отечественной сосредоточилась исполинская вооруженная мощь. Но и враг все еще был силен. Хотя у нас были союзники — США и Англия, а Вашингтон и Лондон состязались по части лестных слов в адрес Красной Армии и советского народа, — к этому времени отчетливо прояснилось: основное бремя боевых действий по-прежнему придется нести Советскому Союзу. Нужно было заранее думать о том, какой выйдет наша Родина из величайшей в истории человечества войны. Следовательно, громить врага меньшей кровью.

* * *

Наступление на Курской дуге, первоначально намеченное на начало мая, немцы в последующие два месяца несколько раз откладывали. Гитлер замахнулся, но боялся действовать. Что таится за зловещим спокойствием на Восточном фронте? Разведка не могла доложить ничего определенного, меры предосторожности, введенные советским командованием, дали свои плоды: над нашими армиями сгустилась непроницаемая завеса.

Гитлер запросил мнение генерала Моделя — ему предстояло наступать с севера от Орла, — сколько времени потребуется для достижения Курска. Три дня, гласил ответ. Через год Гитлер плакался: «У меня похолодели ноги», немецкие войска за трехдневный бой будут истреблены.

Гитлеровское руководство полагалось на то, что новая техника — танки «тигр», «пантера», штурмовые орудия «фердинанд» — принесет победу. Эти тяжеловесные машины немецких конструкторов имели очень толстую броню, были малоподвижны. На «фердинандах» и части «тигров» не было пулеметов, и эти машины оказались уязвимыми в ближнем бою. Но тевтонская гигантомания сделала свое дело: Гитлер и высший генералитет уверовали, что в их руках чудо-оружие. Немцы пригнали и свезли под Курск все, что считалось лучшим в вермахте. К началу июля на курском направлении они имели свыше 900 тысяч личного состава, около 10 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, примерно две тысячи самолетов.

Наши противостоящие фронты — Центральный и Воронежский — имели более 1300 тысяч человек, 19 тысяч орудий и минометов, около 3500 танков, более 2000 самолетов. Непосредственно в их тылу развернулся еще Степной фронт И. С. Конева — до 600 тысяч человек, 8400 орудий и минометов, более 1500 танков. Мы существенно превосходили врага в силах и средствах.

В районе Курского выступа у нас было восемь оборонительных полос общей глубиной до 300 километров. Объем быстро проведенных работ поражает: только окопов и траншей отрыли почти 10 тысяч километров! На всех танкоопасных направлениях —

минные поля, противотанковые районы, рвы. Везде широкие полосы проволочных заграждений, некоторые из них под током. «Это была огромная, поистине титаническая работа», — писал А. М. Василевский в своих мемуарах.

Исследуя шаг за шагом полководческое мастерство Жукова, американец М. Кайден в книге «Тигры» горят», посвященной Курской битве, не уставал изумляться: «При изучении подготовки русских к битве под Курском ясно одно — немцы давно имели репутацию готовившихся к сражению методически, эффективно, не упуская ничего. Теперь русские превзошли врага в детальной и основательной подготовке... Под твердым руководством Жукова русские трудились круглосуточно, наполняя людскими и материальными ресурсами курский выступ.

Основной замысел, предложенный Жуковым в предстоящей операции, был развитием мер, которые он применял в яростных боях под Москвой и планировал в битве под Сталинградом. Сначала оборона.

Затем, в классическом стиле жуковских операций, по мере того, как немецкий натиск утрачивал свою силу, а вражеские войска уничтожались превосходящей русской огневой мощью, ход сражения изменится. Жуков, тщательно следящий за всеми перипетиями боя, определяет момент — немецкое наступление выдохлось. Именно в этот момент Жуков и бросит свои армии на орды вермахта».

Да, вторил Кайдену другой западный эксперт Д. Орджилл, «одним из стратегических приемов Жукова было позволить противнику истощиться в атаках, нанося ему максимальный урон, тогда как он сам незаметно накапливал силы, чтобы создать местный численный перевес. Затем, когда силы противника были растянуты до предела, Жуков наносил контрудар по дезорганизованному и обескураженному противнику на участке фронта, где наступление врага провалилось. Это была превосходная тактика против танковых дивизий, которая, несмотря на свою кажущуюся простоту, требовала высочайшего мужества от принимавшей на себя первый удар противника русской пехоты».

Два месяца — май и июнь — Жуков безотлучно провел в войсках Воронежского и Центрального фронтов. Он вникал в самые мельчайшие детали подготовки

к сражению. Ничто не проходило мимо его внимания. Вот как в это время была построена здесь система принятия решений. Например, донесение командования Центрального фронта в Генштаб от 26 мая 1943 года по вопросу отнюдь не решающему, с учетом масштабов предстоявшего сражения: «С разрешения маршала Жукова и товарища Сталина, Романенко усиливается всего двумя дивизиями 202 и 170 сд (стрелковые дивизии. — *Авт.)* из резерва фронта. Рокоссовский, Телегин».

Жуков ежедневно, а иногда и несколько раз в день направляет телеграммы Верховному Главнокомандующему, оповещая о принятии тех или иных мер, с просьбой одобрить их. Предложения представителей Ставки — Жукова, Василевского — командования фронтов самым внимательным образом рассматривались в Ставке и Генштабе и отправлялись фронтам в виде директив Верховного Главнокомандования. Подготовка к сражению под Курском — выдающийся пример коллективной работы Ставки, Генерального штаба и командования фронтов.

Советской разведке удалось не только установить, где и какие силы сосредоточили немцы, но и своевременно выяснять даты перехода в наступление, которые Гитлер переносил. Каждый раз Ставка немедленно предупреждала командование фронтов на Курской дуге об очередном сроке ожидавшегося вражеского удара. Эти предупреждения молниеносно передавались вниз — в штабы армий, корпусов, дивизий, полков. Доходили до каждого взвода на передовой. Все — от генералов до солдат — настораживались. Но опять ничего не происходило...

В штабе Воронежского фронта сложилось впечатление — Ставка-де колеблется. Воинственный Н. Ф. Ватутин взволнованно внушал руководству Генштаба во второй половине июня:

— Проспим мы, упустим момент. Противник не наступает, скоро осень, и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться и начнем первыми. Сил для этого у нас достаточно.

Свое неуемное желание отличиться командование Воронежского фронта пыталось подкрепить сухими военными данными, которые не всегда исходили из надежных источников. По ту сторону фронта сосредоточивались мощные танковые соединения, немецкие гренадеры выдвигались на исходные рубежи, а знатоки на Воронежском фронте (конечно, среди них блистал Хрущев) истолковывали это как... оборонительные меры врага. Одним недомыслием этого не объяснить. Причины были, вероятно, комплексными, среди них не последняя — деятели вокруг безудержно говорливого Хрущева попались на удочку немецких дезинформаторов.

Всего за десять дней до того, как разразилось Курское побоище, командование Воронежского фронта 24 июня 1943 года осмелилось доложить в Ставку: «Все эти мероприятия показывают, что противник, возможно, отказался на ближайшее время от решительных наступательных действий и перешел к обороне занимаемого рубежа с одновременной подготовкой в глубине второго оборонительного рубежа. Обращают на себя внимание разговоры солдат 169 пд противника об удержании занимаемого оборонительного рубежа до сбора урожая этого года. Ватутин, Хрущев, Иванов». Второй адресат замечательного стратегического предвидения после Сталина — Жуков. По должности. Надо думать, Жукову оставалось только развести руками. Он просто не мог взять в толк, как мог грамотный военный пойти на поводу немецкой службы дезинформации, в общем, работавшей грубо и примитивно в расчете на «недочеловеков». Примечательно, что сам Жуков, говоря о Курском побоище, ни словом не упоминает о немецких потугах на этом поприще, для него они не имели никакого значения. Он видел насквозь этих сочинителей из абвера, пытавшихся сбить с толку наше командование.

Но, увы, под сосредоточенным хрущевско-ватутинским натиском штатский Сталин было заколебался. Объединив свои усилия с Василевским, Жуков убедил Сталина не торопиться, что было не очень легко: почти на 100 дней затянулось предгрозовое затишье на советско-германском фронте — с момента, когда Жуков остановил Манштейна севернее Белгорода и до начала операции «Цитадель».

Нервы у всех наших командующих были напряжены до предела. Изматывал их не только противник, но ставший вдвойне-втройне докучливым в месяцы грозного фронтового затишья Сталин. О чем Жуков примерно в это время без обиняков сказал в лицо Верховному. Тот удивился. Жуков объяснил: сталинская

манера работать по ночам влекла за собой бодрствование и военных. Сталин уезжал на рассвете спать, а у генералов разгар работы — подводились итоги прошедшего дня, наступал новый. Сталин вставал в два дня. К этому времени нужно было быть готовым к вызовам, а все утро отдано работе. «Так идет день за днем, месяц за месяцем. И люди измотаны этим», — твердо сказал Жуков. Верховный удивился, что никто не ложился спать, пока не отправлялся спать он сам, и сказал: «Хорошо. Обещаю вам, что больше не буду звонить вам ночью». С тех пор до самого конца войны он никогда не звонил Жукову позднее двенадцати часов.

30 июня Жуков получает приказ: быть на орловском направлении для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов. Уже была разработана операция «Кутузов» по отбитию вражеского наступления на Орел! На Воронежский фронт отправился Василевский. Там силами Воронежского и сопредельного Юго-Западного фронтов планировалась операция «Румянцев»: вслед за оборонительной фазой сражения вперед на белгородско-харьковском направлении!

Все звенья нашей разведки работали с точностью часового механизма — в ночь с 4 на 5 июля удалось установить: немецкое наступление начнется в 3 часа утра. Жуков тут же позвонил Сталину и доложил о принятом решении: немедленно провести артиллерийскую контрподготовку. Верховный Главнокомандующий одобрил и просил информировать его почаще о происходившем. «Я почувствовал, — вспоминал Жуков, — что Верховный находится в напряженном состоянии. Да и все мы, несмотря на то, что удалось построить глубоко эшелонированную оборону и что в наших руках теперь находились мощные средства удара по немецким войскам, сильно волновались и были крайне возбуждены. Была глубокая ночь, но сон как рукой сняло».

В 2.20 утра там, где ожидались удары врага, зарокотала наша артиллерия. Впоследствии выяснилось, что на Центральном фронте оставалось всего 10 минут до начала вражеской артподготовки. От нас рев тысяч орудий, с той стороны — отдельные выстрелы, которые скоро стихли. Командир дивизии П. Гудзь записал: «Гул все нарастал. Запад выглядел мрачно.

Сплошная сизо-черная туча пыли и дыма, пересекаемая молниями разрывов, зловещей стеной поднималась к небу. Едва ли бессмертному Данте с его изумительным воображением так рисовался ад в его «Божественной комедии». Подошел к одной батарее, расположенной в 100 метрах от НП. Люди объясняются жестами: голоса никто бы не услышал. Рты все открыты, иначе лопнут барабанные перепонки. Мускулистые загорелые тела (гимнастерки и рубашки сняты) блестят от пота. Скорость стрельбы предельная».

Потерпев серьезный урон, враг выступил против Центрального фронта с запозданием на 2,5 часа, против Воронежского — на 3 часа. Немцы полезли в атаку не только ослабленные, но терзаемые тяжкими предчувствиями. Ливень снарядов, обрушившихся на них, а наступали опытные солдаты, открыл глаза: русские знают, русские готовы! Жуков все повышал требовательность. На его взгляд артиллерийская контрподготовка должна была дать больше, огонь нередко велся по площадям, а не по конкретным целям.

Высказывался он и по другим вопросам, но после начала сражения только высказывался, а не вмешивался в руководство войсками. Стиль отношений между Жуковым и Рокоссовским со времен битвы под Москвой решительно изменился. Потом Рокоссовский отмечал, что «Г. К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решали принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие наши запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твердо, с задачей справится самостоятельно. И полностью передал инициативу в мои руки. Это было правильно!»

Германские генералы действовали по шаблону, их тактика была нашим войскам знакома: в острие клина шли тяжелые танки, на этот раз новейшие «тигры», за ними валила масса танков полегче, пехота на бронетранспортерах. Они ломились напролом, до точки выполняя приказ: «Танки ни при каких обстоятельствах не должны останавливаться, чтобы оказать помощь экипажам выведенных из строя машин. Коман-

диры должны идти к своим целям, пока танки сохраняют подвижность. Если же танк подбит, а орудие действует, он должен поддерживать атаку огнем с места». Но только на отдельных участках врагу удалось вклиниться в наши позиции, в подавляющем большинстве случаев его отбивали.

Иногда атакующие не могли пройти даже нашего переднего края. По приказу Жукова впервые широко ставились противотанковые мины в 50 метрах от окопов и между ними. Если же немецкие танки все же проникали в глубину обороны, то встречали все новые рубежи, прикрытые новыми минными полями, массированный и точный огонь противотанковой артиллерии.

В борьбе с полчищами танков исход каждой схватки решался стойкостью и умением бойцов и командиров. Они оказались на высоте и сделали все, что было в человеческих силах, и даже больше. Для генерала И. М. Чистякова, командовавшего 6-й гвардейской армией, дравшегося на южном фасе Курского выступа, Курское побоище явилось продолжением схватки, в которой выстояла его армия (тогда именовавшаяся 21-й) в марте 1943 года. Только враг был сильнее: «На наиболее важных участках плотность танков доходила до 100 и более боевых машин на километр фронта. Сам танк занимает три метра в ширину, и поэтому можно сказать, что на нас шла стена танков». Самые оголтелые немецкие танкисты рвались вперед и оказывались в ловушках: стоило их танкам кое-как перевалить через наши окопы, как их поражали и с тыла, а бойцы, оставшиеся на местах, отсекали пехоту. На угрожаемых направлениях Жуков и Рокоссовский вводили в дело танки, контратаковавшие ослабевшего врага.

Генерал-полковник В. С. Архипов, тонкий знаток танкового боя, так описывает, что происходило с вражескими танкистами, атаковавшими сильную оборону. Вот немецкие танки почти подошли к очередному рубежу обороны. «Это уже близко к перелому в ходе боя, но еще не перелом. Ведь что такое 100—200 метров для атакующего танка? Считанные секунды хода — и он ворвется на наши позиции. В оптический прибор танкист даже ясно различает двуручную пилу и прочий шанцевый инструмент, притороченный к броне ведущего по нему огонь танка, красные, напряженные лица артиллеристов, мелькающие над щитом противотанковой пушки. Еще рывок и... Но рывка нет. Нет в эфире голоса командира — убит, ранен или выскочил из подожженной машины. А рядом, свесив пушку, застыл танк Вилли, и сам Вилли тоже повис вниз головой из башенного люка. Нет, нет, нет! Закон самосохранения берет верх над холодной логикой, механик-водитель уже рванул рычаг, танк пятится и выходит из боя. Или уже не выходит. Потому что огонь наших орудий одинаково поражает наступающие и отступающие танки».

Повинуясь приказу Гитлера наступать вопреки всему, немецкие генералы посылали в начале Курского побоища свою пехоту в бой на бронетранспортерах. «Мы вообще не понимали замыслов вражеского командования в такого рода атаках на сильную оборону», — замечает Архипов. Если «пехота сопровождала свои танки не в пешем строю, а в машинах», то по его словам, результат один: наши «пушки выводили немецкий бронетранспортер из строя не только прямым попаданием снаряда, но и близким разрывом. Пехотинцы либо все погибали под тонкой броней, либо, выскакивая один за другим из поврежденной машины, падали под прицельным пулеметным, артиллерийским и минометным огнем».

На исходе первого дня немецкого наступления, 5 июля, Жуков шлет донесение на четырех страницах в Ставку, которое заключает словами: «Наша пехота и артиллерия, несмотря на понесенные потери, дрались хорошо и организованно встретили массовую танковую атаку противника». Так продолжалось и дальше.

Перегруппировывая силы, меняя направление ударов, вражеские танковые дивизии все бросались на Центральный фронт. То они атаковали у Понырей, то у Ольховатки. Везде встречали прочную оборону. Отлично действовала наша авиация, штурмовики Ил-2 впервые применили противотанковые бомбы кумулятивного действия. Каждый самолет брал по 144 такие бомбы, которые прожигали броню немецких танков. Постепенно в воздушных боях с участием сотен самолетов наша авиация завоевала господство в воздухе, надежно прикрыв стоявшие насмерть наземные войска.

Хотя враг иной раз наступал силами 300—500 танков, примерно за неделю боев его максимальное про-

движение на Центральном фронте не превысило 6—12 километров. Жуков и Рокоссовский умело руководили сражением, фронт отбил наступление собственными силами, не обратившись за помощью к стоявшему в тылу Степному фронту.

С глубоким удовлетворением Жуков докладывал Верховному Главнокомандующему о первых итогах сражения. 9 июля Сталин спросил:

— Не пора ли вводить в дело Брянский фронт и левое крыло Западного фронта, как это было предусмотрено планом?

Жуков придерживался того же мнения и вылетел в штаб Брянского фронта проводить операцию «Кутузов». 11 июля Юрьев (Жуков) докладывает Иванову (Сталину): «Подготовка по «Кутузову» полностью закончена. Сегодня проводили силовую разведку с целью уточнения переднего края обороны противника. По докладам командармов и командиров соединений на всех этих направлениях считают, что наши части находятся перед передним краем.

На самом деле сегодняшние действия усиленных батальонов показали, что первые траншеи противником занимались небольшими подразделениями.

Все действовавшие батальоны сегодня первую траншею захватили. В соответствии с уточненным передним краем противника сейчас вносятся поправки для артиллерии и авиации на период артподготовки».

О мельчайших деталях действий войск доложил Жуков, умолчал только о том, что накануне 11 июля лично занимался разведкой переднего края противника. Иначе было нельзя — немцы двадцать месяцев стояли на этой линии, основательно укрепили свои позиции. Жуков хотел увидеть все собственными глазами. Вместе с командующим фронтом М. М. Поповым он подъехал на машине к участку удара. Оставив машину примерно в километре от передовой, он дальше пошел один — убедиться в правильности выбора направления для действий танков. Затем ползком к нейтральной полосе. Вдруг разрыв мины впереди, другая сзади. Вилка!

— Третья — наша! — крикнул Жуков.

Она рванула на пригорке, метрах в четырех от Георгия Константиновича и Бедова, прикрывшего, по его словам, своим телом маршала. Осколки просвистели выше, оба были сильно контужены. Жуков оглох на

одно ухо. Плохо. Но дело было сделано — визуальное наблюдение подтвердило — маршрут для танкового корпуса выбран правильно.

12 июля были нанесены сокрушительные удары в направлении Орла. При первых известиях о том, что севернее началось советское наступление, гитлеровцы прекратили атаки против Центрального фронта и бросились затыкать дыры войсками, уже избитыми на Курской дуге. Штаб Центрального фронта доложил в Ставку: «Встретив противника стеной разящего металла, русской стойкостью и упорством, войска Центрального фронта измотали в непрерывных восьмидневных боях врага и остановили его натиск. Первый этап сражения закончился». 15 июля и Центральный фронт перешел в наступление.

Жукова уже здесь не было, он пробыл на Брянском фронте менее трех дней: во второй половине 12 июля Сталин приказал ему выехать на южный фас Курского выступа и взять на себя координацию действий Воронежского и Степного фронтов.

Чем это было вызвано? Хотя войска Ватутина приняли бой с не меньшим мужеством, чем их боевые товарищи, дравшиеся под руководством Рокоссовского, немцы, имевшие здесь более сильную группировку, чем на северном фасе выступа, все же вогнали клин до 35 километров в нашу оборону. На участки прорыва были срочно переброшены соединения танковых и стрелковых войск Степного фронта. 12 июля в районе Прохоровки разыгралось крупнейшее во второй мировой войне встречное танковое сражение — около 800 фашистских танков и штурмовых орудий столкнулись с примерно таким же количеством танков и самоходных артиллерийских установок с нашей стороны. Немецкие танки «тигр» превосходили наши Т-34 по дальности прямого выстрела, но уступали в маневренности. Наши танки смело ворвались в боевые порядки малоповоротливых «тигров» и учинили страшный погром. Вражеский план введения в бой тяжелых танков был опрокинут. Напрасно гитлеровцы пытались оторваться, перегруппировать силы и начать все сначала. Стремительные Т-34 продолжали свое дело, в крайних случаях шли на таран, гибли сами, но несли смерть врагу.

Немецкий танкист с ужасом вспоминал об этой битве: «На нас обрушилась неисчислимая масса вра-

жеских танков, я никогда не получал такого впечатления о подавляющей русской мощи, как в тот день. Клубы пыли и дыма не дали возможности авиации оказать нам помощь, и скоро множество Т-34 прорвало наши порядки и бешено носилось по всему полю боя». Примерно половина вражеских танков, вступивших в бой под Прохоровкой, была выведена из строя. Наши потери были также велики, но меньше, чем у немцев.

На исходе этого исторического сражения утром 13 июля Жуков приехал на командный пункт Воронежского фронта, где оказался командующий Степным фронтом Конев. «Шли ожесточенные кровавые бои, — писал впоследствии Жуков, — горели сотни танков и самоходных орудий. Над полем боя стояли тучи пыли и дыма. Это был переломный момент в сражении на белгородском направлении». Василевский не почувствовал этого и 14 июля доложил Сталину: «Угроза прорыва танков противника... продолжает оставаться реальной... Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения». Вслед за этим Василевский отбыл по приказу Сталина координировать действия Юго-Западного и Южного фронтов.

Изучив штабные документы, опросив пленных, Жуков увидел, что кризис в сражении миновал. Вывод Жукова: «...обескровленные и потерявшие веру в победу, гитлеровские войска переходили к оборонительным действиям». 16 июля немцы окончательно прекратили атаки и постепенно начали отступать на исходные позиции. Теперь нельзя было упустить момент! Надо достичь этих рубежей раньше отходившего врага, не допустить, чтобы немцы уползали в свои обжитые траншеи и восстановили систему огня. К сожалению, к 23 июля случилось именно это: враг снова встал на позиции, откуда он 5 июля полез в бесславное наступление.

Для Жукова отнюдь не неожиданность. Он прибыл на Воронежский фронт в самый разгар сражения, когда уже были приняты основные решения — ввести в действие все наличные силы.

Далеко не все понравилось Жукову при ближайшем рассмотрении на южном фасе Курского выступа. Но он не выходил за рамки фронтового товарищества. Командующий 5-й гвардейской армией генерал А. С. Жадов в последние годы жизни написал мемуа-

ры, увидевшие свет в 1978 году. Он рассказал, что 16 июля 1943 года на КП его армии приехал Г. К. Жуков, который «поинтересовался, как был организован ввод армии для нанесения контрудара 12 июля». Выслушав командование армии, Жуков, писал Жадов, «оставшись со мною наедине, выразил недовольство организацией ввода армии в бой и сделал мне строгое внушение за то, что полностью укомплектованная личным составом, хорошо подготовленная к выполнению боевых задач армия вводилась в сражение без усиления танками, достаточным количеством артиллерии и крайне слабо обеспеченной боеприпасами. В заключение Георгий Константинович сказал:

«Если по каким-либо причинам штаб фронта не сумел своевременно обеспечить армию всем необходимым, то вы должны были настойчиво просить об этом командующего фронтом или в крайнем случае обратиться в Ставку. За войска армии и выполнение ими поставленной задачи отвечают прежде всего командарм, командиры корпусов и дивизий».

Я всю войну помнил это указание Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и руководствовался им. Между прочим, обращаться в Ставку за какими-либо разъяснениями и помощью — такие мысли мне в голову тогда не пришли».

В результате командование армии попало, прямо скажем, в незавидное положение — задача не выполнена, а войска понесли очень серьезные потери. Обладавший громадными полномочиями Жуков, однако, ограничился «строгим внушением» с глазу на глаз А. С. Жадову, а в Москву 17 июля доложил Сталину: «Армия Жадова введена в бой 12 июля без разведки противника, без артподготовки и фактически без снарядов. Корпуса после 100—110-километрового марша перешли в наступление с хода, не зная, какие силы противника перед ним и где они находятся... В результате такого неорганизованного ввода в бой она... никакого результата не добилась. Сейчас Жадову приказано перейти к жесткой обороне». Жуков видел глубинные причины неудачи — бездумное выполнение буквы приказов, но, не пощадив слов в разговоре с Жадовым, не счел нужным растолковывать это еще и Сталину. В противном случае последствия могли быть непредсказуемыми.

Как представитель Ставки, Жуков, естественно,

выполнял свои повседневные задачи. Одновременно он шлет Сталину несколько довольно пространных документов, в какой-то мере военно-теоретического, а частично даже воспитательного характера. Их суть — как в рамках вооруженной борьбы проводить наступления.

Так, 16 июля Юрьев (Жуков) докладывает Иванову (Сталину): «Опыт наступательных операций, проведенных нами на различных фронтах, показал следующие недостатки в проведении артиллерийской подготовки:

1. Вследствие плохого изучения оборонительной системы зачастую его ложный передний край, занятый усиленным боевым охранением, нашими командирами принимался за истинный, и основная масса артиллерийского огня планировалась по этому ложному переднему краю...

2. Артиллерийская подготовка проводилась по методу, который противником был уже изучен. Немцы знали, что последний огневой налет заканчивается ударом РС, залп которых являлся одновременно сигналом для перехода в атаку нашей пехоты. С переносом огня в глубину темп его был слабее последнего огневого налета, и немцы, ожидая нашу атаку, вылезали из укрытий и встречали атакующих огнем».

Нет, так действовать нельзя. А как? Жуков приводил в пример наступления войск Западного и Брянского фронтов 12 июля. Усиленные батальоны нащупывали истинный передний край, по нему и велась артиллерийская подготовка. «Движение танков, а затем пехоты с исходного рубежа началось за 20 минут до конца артподготовки. Это движение не задерживалось до самого броска в атаку. Артиллерия, следя за движением пехоты, по мере ее приближения к траншеям противника усиливала темп огня, сопровождая ее огнем по типу огневого вала. Такой метод артподготовки не дал возможности противнику определить конец артподготовки, вылезти из укрытий для встречи нашей пехоты и тем самым позволил ей внезапно ворваться в траншеи врага». Предложения Жукова: «1) Использовать опыт Западного и Брянского фронтов. 2) Ознакомить комсостав до командиров стрелковых и артиллерийских полков».

Почему маршал, до предела загруженный фронтовыми делами, не терпевшими и часа отсрочки, выкроил из донельзя перегруженных дней и ночей время на составление этих документов? Он сумел проникнуть в только что оформившийся замысел гитлеровского руководства. Курское побоище погасило последние проблески надежд в ставке Гитлера на то, что можно нанести нам поражение наступательными операциями. Последовавшие указания Гитлера были однозначны: жесткой обороной наносить максимальные потери нашим войскам, обескровить их до синевы.

Анализируя наступление Западного и Брянского фронтов, Жуков доказывал Ставке, почему нельзя спешить с ним на Воронежском фронте. Да, Центральный фронт пошел на Орел сразу после отражения немецкого наступления, хорошо дебютировал, но бьет немцев в лоб. В результате — очень медленное продвижение и неоправданные потери с нашей стороны. Зачем заранее обрекать себя на то же самое на харьковском направлении?

Тут прояснилось: командование Западного фронта неумеренно возгордилось своими достижениями. Командующий 11-й гвардейской армией И. Х. Баграмян (впоследствии Маршал Советского Союза) через много лет рассказал, что из этого получилось. Оставив за скобками неумеренно оптимистические реляции в Москву, Баграмян сообщает: «28-го (июля) был важный разговор по ВЧ с Верховным Главнокомандующим. Он выразил удовлетворение действиями армии в Орловской операции и выделил нам крупное пополнение, чтобы поддержать наступление». Окрыленный Баграмян отправился в войска, чтобы форсировать наступление. От этого занятия его внезапно оторвал срочный вызов на КП армии, куда совершенно неожиданно прибыл Жуков. Прибыл на два дня в эту армию, оставив Воронежский фронт.

«Когда я прилетел на КП, — писал Баграмян, — то понял, что Георгий Константинович явно не в духе. Мое радужное настроение, вызванное похвалой Верховного и его обещанием помочь пополнением, как рукой сняло. Довольно сухо поздоровавшись, маршал резко спросил:

— Как это ты, Иван Христофорович, опытный генерал, уговорил своего командующего фронтом Василия Даниловича Соколовского принять явно неправильное решение — ввести 4-ю танковую армию на не-

благоприятном для массированных действий танков волховском направлении, а не на хатынецком, где явно можно было бы добиться гораздо больших успехов. Идет третий год войны, пора бы уже научиться воевать и беречь людей и технику!»

Большой дипломат в военных погонах с преслокутым кавказским красноречием сумел отвести справедливые упреки прямодушного маршала, открыв, что он-де собирался действовать именно так, как того требует Жуков, но его не послушались и т. д. Дело кончилось тем, что Жуков отправился в 4-ю танковую армию, а «позже я узнал, — заканчивает Баграмян, — с каким искренним желанием помочь Георгий Константинович, порой рискуя жизнью, осматривал самые важные участки фронта наступления 4-й танковой армии». Весь опыт и сердце маршала-солдата восстали против того, чтобы бушевавшее здесь и на сопредельных фронтах жесточайшее сражение превратилось еще и в самое кровопролитное.

Конечно, никак не могло импонировать Жукову выявившееся было намерение Баграмяна в угоду Сталину наступать без оглядки. «Именно к этому периоду войны относится замечание Жукова: «Основных законов оперативно-стратегического искусства И. В. Сталин не придерживался. Он был подобен темпераментному кулачному бойцу, часто горячился и торопился вступать в сражение. Горячась и торопясь, И. В. Сталин не всегда правильно учитывал время, необходимое для всесторонней подготовки операции... Конечно, при этом приходилось серьезно спорить и выслушивать от И. В. Сталина неприятные и незаслуженные слова. Но тогда мы мало обращали на это внимания». «Мы» — это Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

Им обоим потребовалось употребить немало сил, чтобы отговорить Сталина от опрометчивого решения немедленно идти вперед. Пришлось развенчивать и оптимизм иных генералов, которые после Курска фигурально грызли удила, рвались очертя голову в бой за Харьков. «Скрепя сердце после многократных переговоров Верховный утвердил наше решение, так как иного выхода тогда не было», — заметил Жуков. Около 10 дней армии двух фронтов набирались сил, сосредоточили до 230 орудий и минометов, 70 танков на каждый километр в районе прорыва.

* * *

В войсках — почти миллион человек, свыше 12 тысяч орудий и минометов, 2400 танков и самоходных орудий, 1300 самолетов — таковы силы Воронежского и Степного фронтов. Они много сильнее врага, но...

На белгородско-харьковском направлении у врага семь оборонительных рубежей. Населенные пункты превращены в мощные узлы сопротивления. Глубина обороны — 90 километров. А войсками управляет тот, кто считается в вермахте самым разумным, — поворотливый и инициативный генерал-фельдмаршал Манштейн.

Значит, здесь и мое место, рассудил Г. К. Жуков. С утра 2 августа на НП 53-й армии И. М. Манагарова ожидали маршала, который формально должен был провести инспекционную проверку. Тут же с раннего утра суетился командующий Степным фронтом генерал армии Конев. Его осенила идея — на развилки проселочных дорог выслали офицеров встречать Жукова. Они вернулись днем, недоуменно разводя руками — маршала нет! Только в 18.00 к шлагбауму подкатили два «виллиса», из первого генерал для поручений крикнул часовому: «Подымай! Маршал Жуков едет!» Часовой, солдат еще довоенного призыва, потребовал, чтобы маршал предъявил удостоверение личности.

Жуков, а он был в кожаной куртке, без слова протянул часовому документ. Солдат взглянул, отвернул борт куртки — мелькнул маршальский погон. Он подтянулся, отрапортовал: «Есть, товарищ маршал! Это вы. Можете ехать!» Жуков громко поблагодарил солдата за службу. Снял с руки часы и подарил их часовому. Этот небольшой эпизод задал тон проверке на КП армии. Жуков остался очень доволен Манагаровым, «хотя и пришлось с ним серьезно поработать над планом наступления... Я глядел на него и думал: таких командиров бойцы особенно любят и идут за ними в огонь и воду». Особенно тронула Жукова игра Манагарова на баяне после ужина.

Маршал шутливо заметил, что «он не хуже «сыграет» артиллерийскую музыку для противника 3 августа». Когда 3 августа грянула операция «Румянцев», пожелание Жукова оправдалось. Законное чувство удовлетворения и нескрываемой гордости за

войска, проделанную работу пронизывают строки подробного донесения маршала Жукова Сталину:

«Сегодня 3.8.43. войска Чистякова, Жадова, Манагарова, Крюченкина в 5.00 начали контрнаступление, которое проводилось с полным учетом опыта Западного и Брянского фронтов и было построено так:

5 минут огневой налет артиллерии, минометов, «катюш» и огня пехоты по переднему краю и всей глубине обороны противника.

35 минут контроль прицела и пристрелки орудий тяжелого калибра.

1 час 20 минут методическое подавление, разрушение целей и залпы «катюш».

20 минут нарастающий до предельного режима артиллерийский и минометный огонь.

45 минут заранее спланированный артогонь по узлам сопротивления в глубине обороны противника.

Пехота с танками прорыва и орудиями самоходной артиллерии в атаку была поднята в 7.55, то есть в момент открытия артиллерией нарастающего до предельного режима огня, и, прижимаясь к огневому валу, пехота с танками и орудиями самоходной артиллерии через 20 минут прорвалась на передний край обороны противника.

Авиация в течение дня действовала по следующему плану:

Первый бомбовый удар был произведен по штабам, узлам и линиям связи для нарушения управления.

Второй, третий и четвертый бомбардировочные удары последовательно производились по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и резервам противника.

Первый удар штурмовиков произведен в 7.55, то есть в момент подъема пехоты в атаку, и продолжался беспрерывно в течение двух с половиной часов с огневой задачей подавления артиллерии, минометов противника и огневых точек на обратных скатах...

Танковые армии Катукова и Ротмистрова, построенные в боевые порядки на выжидательных позициях, продвигали свои авангардные бригады непосредственно за пехотой, что обеспечило быстрый ввод главных сил танковых армий в прорыв после взлома тактической глубины обороны противника».

Оборона противника была взломана к 14.00. Наши войска углубились на шесть-семь километров. Тут же введены в прорыв главные силы танковых армий, которые к 18.00 прошли до 20 километров. К вечеру Воронежский и Степной фронты отбросили противника до 35 километров.

Утром 5 августа красное знамя взвилось над Белгородом, и в этот же день завершились тяжелые бои по овладению Орлом.

В честь этих побед в Москве прогремел первый салют Великой Отечественной войны.

За пять дней наступления наши войска продвинулись с непрерывными боями западнее Харькова до восьмидесяти километров. Штабами овладел азарт наступления. Били противника, где бы он ни попадался, и не сразу сообразили, что враг постепенно приходит в себя, организуется и может остановить наше наступление без оглядки.

15 августа Жуков резко пробуждает к реальности командующих Воронежским и Степным фронтами и девяти входящих в их состав армий. Он пишет:

«Ставка дала вам артиллерийский корпус и дивизии прорыва для того, чтобы прорвать оборону противника. На первом этапе при прорыве обороны противника 3.8.43 г. вы правильно использовали артиллерийские дивизии прорыва, и как результат правильного использования, задача была блестяще выполнена.

При преследовании артиллерийские дивизии также были правильно использованы, усиливая легкими бригадами артиллерийских дивизий стрелковые дивизии.

Сейчас обстановка изменилась, третий день мы ведем наступление против организованной обороны противника, следовательно, в сложившейся обстановке нужно использовать артиллерийские дивизии для прорыва на главном, решающем направлении, а на деле получается, что артиллерийские дивизии розданы стрелковым дивизиям и занимаются проталкиванием дивизий, а не прорывом.

ТРЕБУЮ:

1. Артиллерийские дивизии прорыва собрать на главном направлении.

2. Организовать артиллерийский прорыв, создав на главном направлении 150—170 стволов на один километр фронта.

3. На избранном направлении собрать основную массу танков и орудий самоходной артиллерии.

4. Прорыв организовать на направлениях, позволяющих производить охваты противника, обходы его группировки с флангов и тыла, лобовые прорывы, приводящие к тягучим, кровопролитным боям, не допускать».

Обходы в исполнение требований Жукова требовали немалого умения. Командующему 6-й гвардейской армией И. М. Чистякову доложили: через станцию Алексеевку, что в 20—25 километрах южнее Харькова, уходят вражеские эшелоны с танками и другой боевой техникой. Чистяков держал совет с командующим фронтом Ватутиным, и они сообща 16 августа набросали план овладения станцией с тем, чтобы перерезать пути отхода вражеской группировки на Полтаву.

Неожиданно в штаб армии, где Чистяков с Ватутиным обговаривали последние детали замечательного замысла, заехал Жуков. Он бросил взгляд на карту, перед которой сидел Чистяков, и спросил:

— А что это у вас, товарищ Чистяков, за стрелы?

Чистяков степенно раскрыл дорогой его сердцу план. «Маршал Жуков, — запомнил на всю жизнь Чистяков, — взглянул на карту и со свойственной ему поразительной способностью моментально оценить обстановку спросил меня:

— Сколько же там противника перед вами будет? Дивизия? Две? Три? Ведь под Харьковом их было четыре или пять. Вы же хотите сделать погоду с одной своей 52-й гвардейской дивизией. Вряд ли у вас что с этой затеей получится. Да, вы можете временно овладеть станцией и перерезать дорогу, но противник, идущий танковыми частями и пехотой из Харькова на Полтаву, прогонит вас с этой железной дороги, а вам нечем будет парировать его удар!»

Ватутин и Чистяков заверили маршала, что у них все продумано. Жуков пожал плечами и бросил на прощание:

— Ну смотрите, не очень мне это дело нравится.

17 августа станцию Алексеевку взяли. Немцы же повернули две танковые дивизии и выбили наши войска.

Жуков сделал выговор Чистякову:

— Прежде чем наступать, надо хорошо знать противника, а не начинать действия с одной дивизией, и то неполной. Куда же теперь противник пошел?

— Дорога идет только на Полтаву.

— Интересно, почему он на тебя не пошел дальше? На плечах 52-й дивизии он бы ворвался к тебе и смял твою оборону. Дельная поговорка: «Не зная броду, не суйся в воду». А на войне особенно.

«Да, для меня это был хороший урок, — сокрушался Чистяков. — И штаб у нас был очень сильный, и у меня кое-какой опыт, и командующий фронтом согласился с нами, а маршал Жуков оказался прав, надо было нам его послушать.

К слову говоря, мне не раз приходилось встречаться с маршалом Жуковым, и я, кажется, изучил некоторые особенности его характера. Все мы знали, что если маршал Жуков приедет в хорошем настроении, все равно распечет за какое-нибудь упущение, которое заметит, и уедет сердитый. А если приедет в плохом, распечет, но уедет в хорошем. При всем том маршал Жуков всегда являл нам пример незлопамятности».

В эти августовские недели Жукова мало видели в штабах фронтов, он все время «на колесах», в войсках. Стремился отладить наступление так, чтобы немецкие соединения окружались и разбивались по частям. Шла маневренная война, в которой и Манштейн был не слаб. Он не пропускал ни одного опрометчивого шага наших командиров, тут же следовали сильные контрудары. Жуков всегда требовал от подчиненных действовать стремительно, но обдуманно, ничего не оставлять на волю случая.

Вдали от театра военных действий, из Москвы, картина представлялась смазанной, иной раз малопонятной, ибо обстановка менялась ежедневно, а иногда и ежечасно. Нередко бои шли с переменным успехом... Но линия фронта все же отодвигалась на запад и юго-запад!

16 августа Жуков доложил Верховному: «Как я Вам уже доносил, противник за последние дни значительно усилил сопротивление нашим наступающим частям... Взятые пленные показывают, что в частях получен приказ Гитлера — драться до последнего солдата, умереть, но не отходить дальше обороняемых позиций и во что бы то ни стало удержать Харьков». На подступах к городу шли ожесточенные бои.

Жуков на месте направлял, исправлял, указывал и, конечно, не имел времени докладывать более подробно обо всем в Ставку.

22 августа он коротко сообщает Сталину: «Организацию операции по овладению Харьковом необходимо объединить в одних руках», то есть в руках командующего Степным фронтом Конева, и тогда действовать. Эта телеграмма, видимо, разошлась с указанием из Москвы.

22 августа из Ставки пришли грозные телеграммы. В адрес Ватутина:

«События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и проведении операций. Стремление к наступлению повсюду и овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения фланговых ударных группировок, является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям... Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций».

В адрес Жукова:

«Ставке Верховного Главнокомандования неизвестно по какому плану действуют сейчас Воронежский и Степной фронты. Ставка требует, чтобы Вы представили план».

Главный упрек Сталина — «затянулась» операция по овладению Харьковом и не разбита вражеская группировка в районе Ахтырки.

Еще не успели расшифровать адресатам телеграммы Верховного, как войска Степного фронта 23 августа 1943 года освободили Харьков. Враг, огрызаясь, бежал из города, опасаясь окружения своей харьковской группировки. Вскоре немцев выбили и из Ахтырки.

Генерал-фельдмаршал Манштейн, возвращаясь к сражениям, проигранным им в августе 1943 года, назвал эту главу своих мемуаров «Борьба с гидрой» и в ней разрыдался: «К концу августа только наша группа потеряла 7 командиров дивизий, 38 командиров полков и 282 командира батальонов... Наши ресурсы иссякли... Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также развертывания своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые».

После освобождения Харькова «Правда» в передовой 26 августа 1943 года выразила надежды всего советского народа: «Красное знамя снова взвилось над второй столицей Украины. Блестящей победой советского оружия завершилась гигантская битва... Заря освобождения ярко разгорается над Днепром. Чутко прислушиваются измученные, исстрадавшиеся советские люди и на левом и на правом его берегу к радостным вестям, идущим с востока».

Взятие Харькова военные историки считают эпилогом Курской битвы. За пятидесятидневное сражение враг потерял около 500 тысяч солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков, 3 тысячи орудий и более 3,7 тысячи самолетов. Хребет ударной силы вермахта — танковые войска — был сломан, и отныне и вплоть до конца войны они так и не смогли восстановить свою былую мощь. Начавшееся у Курска наступление наших войск к концу августа 1943 года переросло в общее стратегическое наступление, охватившее до 2000 километров советско-германского фронта.

Победы Красной Армии в 1943 году под Сталинградом и Курском прогремели на весь мир. Они эхом отдались на конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля, проведенной во второй половине августа 1943 года в канадском городе Квебеке. Президент США и премьер-министр Англии попытались за закрытыми дверями оценить последствия наших побед, одержанных под водительством блестящей плеяды полководцев во главе с Жуковым, не только для дальнейшего ведения войны, но и послевоенного мира. Американский комитет начальников штабов в документе «Позиция России», представленном конференции, доложил результаты своих изысканий об изменении соотношения сил внутри антигитлеровской коалиции:

«По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным

силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания баланса сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки.

Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав оси, то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией».

Красная Армия, весь советский народ исполинскими победами и тяжкими жертвами отвоевывали для нашей страны подобающее место в мире. Западные союзники уже к исходу лета 1943 года отчетливо понимали — складывается равновесие военных сил между ними и СССР. Следовательно, иного не дано, кроме как поддерживать дружественные отношения с великой Россией, как именовали на Западе Советский Союз. Насколько искренне было это отношение с их стороны, вопрос другой. Внешне правительства США и Англии на каждом шагу заверяли в верности к своему союзнику, нашей стране, России.

ЧЕРЕЗ ДНЕПР, НА ЗАПАД

С сокрушением «Цитадели» надежды гитлеровского руководства на победоносное завершение войны против СССР рухнули. В Берлине стали изыскивать средства привести развитие событий к такому исходу, чтобы обесценить нашу победу. Во главу угла германской стратегии и тактики ставится нанесение Советскому Союзу невосполнимых потерь и ущерба. По замыслам гитлеровского руководства, Красная Армия не выдержит массированного кровопускания и где-то остановится, предпочтительнее не дойдя до германской границы.

Вермахт получил свирепые приказы драться в обороне самым беспощадным образом, а отступая, уничтожать все на советской земле. Оставлять за собой выжженную, безлюдную пустыню.

7 сентября 1943 года Гиммлер инструктирует командование СС и полиции на Украине: «Необходимо добиваться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая не была бы выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который не был бы отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну... сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого». (Разрядка моя. — *Авт.)*

После войны, когда злодеяния фашистов стали всеобщим достоянием, мир ужаснулся. Немецкие генералы бросились сочинять легенды о том, что чудовищные зверства — дело-де рук нацистов, а вермахт только воевал. Реальная в первые послевоенные годы угроза судебной ответственности подстегивала пыл мифотворцев. Но не кто другой, как генерал-фельдмаршал Манштейн 11 сентября 1943 года отдал приказ по вверенным ему войскам: «Опыт, полученный при оставлении территорий, показывает, что основная часть населения не желает добровольно уходить с немецкими войсками... Только строжайшие меры войск позволят нам увести с собой сотни тысяч людей, скот и зерно... Любыми средствами добиваться того, чтобы сельское население вместе с лошадьми и крупным рогатым скотом уходило на запад... Люди, способные носить оружие, любыми средствами должны быть собраны и партиями отправлены в тыл... Материальные ресурсы, которые не могут быть вывезены в тыл, должны быть уничтожены любыми средствами».

Все они — эсэсовские палачи в черной форме и солдаты вермахта в мышиных мундирах — ревностно выполняли предписанное. Они, бежавшие на фронте от Красной Армии, вымещали злобу на тех, кто оказывался в их власти, — мирных жителях. Они прекрасно понимали, что в приказе Манштейна туманно именовалось «любыми средствами»: освобождение от всякой ответственности и поощрение убийства. Эта черно-серая нечисть расстреливала направо и налево. Они не выдерживали боя лицом к лицу с Красной Армией и с садистским удовлетворе-

нием всаживали пули в беззащитные и беспомощные жертвы

Вторая половина лета и осень 1943 года беспримерны в истории Великой Отечественной по нашим потерям. Июльские и августовские предупреждения Жукова о том, что основная задача вермахта обескровить Красную Армию, видимо, не убедили Ставку. Результат: если принять наши среднемесячные потери в ходе всей войны за 100, то пик их приходится на июль — 145, август — 175, сентябрь — 135 1943 года. Для сравнения: в разгар битвы под Москвой около 100, в летнюю кампанию 1942 года — 130, при освобождении Белоруссии летом 1944 года — 140, в завершающих битвах войны, включая взятие Берлина, — 120. Данные начальника Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковника Е. И. Смирнова, к сожалению, в индексах, а не в абсолютных цифрах. Тенденция тем не менее ясна — три месяца; июль, август и сентябрь 1943 года — не имеют равных за всю войну по количеству павших и раненых наших бойцов и командиров. Погибших и искалеченных именно в результате выполнения вермахтом директивы гитлеровского руководства — подорвать живую силу Красной Армии.

Вплоть до лета 1943 года Гитлер запрещал строить крупные оборонительные полосы глубоко в тылу вермахта на советско-германском фронте. После разгрома под Москвой он вывел закономерность: войска, зная о подготовленных позициях за спиной, обязательно прибегут к ним. 8 июля в разгар Курской битвы министр вооружений Шпеер с удовлетворением записывает: «Отказавшись от прежней точки зрения, фюрер теперь полностью согласен — необходимо ускорить строительство «Восточного вала». Серьезнейшая директива. Из Германии пошли на восток эшелоны с оборудованием, за дело взялась подчиненная Шпееру военная строительная организация «Тодт».

11 августа германский генеральный штаб окончательно определил, где пройдет «Восточный вал»: по линии река Молочная — Днепр — река Сок — Орша — Витебск — Псков — Нарва. На самом угрожающем участке — Днепре — укрепления по западному, высокому, берегу реки постановили закончить к 15 ноября 1943 года.

Совершенно правильно, по мнению Жукова, Ставка требовала «принять все меры к быстрейшему захвату Днепра и реки Молочной, с тем чтобы противник не успел превратить Донбасс и Левобережную Украину в пустынный район. Это было правильное требование, так как гитлеровцы, отступая, в звериной злобе предавали все ценное огню и разрушению. Они взрывали фабрики, заводы, превращали в руины города и села, уничтожали электростанции, доменные и мартеновские печи, жгли школы, больницы. Гибли тысячи людей, женщин, стариков».

Но как быстрее дойти до великой реки и форсировать ее? Жуков стоял на том, чтобы провести на Левобережной Украине операции на отсечение и окружение значительных вражеских группировок. Особенно заманчивым представлялось мощным ударом из района Харьков — Изюм в направлении на Днепропетровск и Запорожье отсечь крупные силы врага, продолжавшие отчаянно цепляться за Донбасс. Сталин не согласился, он полагал, что врага следует выгонять лобовым натиском. Это отнимет меньше времени. «Я не стал спорить», — лаконично заметил Г. К. Жуков в своих мемуарах.

25 августа на совещании в Ставке определили задачи наступления. Жуков обратился с просьбой о пополнении: нужны люди, танки, артиллерия, боеприпасы. Сталин долго рассматривал заявку, а затем решительно сократил ее на 30—40 процентов.

— Остальное, — сказал он, — Ставка даст, когда фронты подойдут к Днепру.

Смысл сказанного не ускользнул от Жукова. Своего рода стимул! Штабы давно возмужали, а схема натиска к Днепру, предложенная Сталиным, была предельно ясна. Только на запад.

Надо! Одним этим крылатым словом в войсках армий на южном фланге советско-германского фронта Жуков отвечал на просьбы командующих и командиров. Надо наступать, надо прогнать врага с Левобережной Украины, надо форсировать Днепр. Он знал, что войска сильно утомлены, поредели, танков осталось мало, не всегда в достатке боеприпасы. Директивой Ставки устанавливалось Воронежскому фронту идти на Киев, Степному — на полтавско-кременчугском направлении. Однако «начавшееся наступление подопечных мне фронтов развивалось

крайне медленно» — не мог найти себе места Жуков.

Перелом вскоре произошел и не только и не столько за счет прибытия на фронт подкреплений, сколько в результате морального подъема, охватившего войска. Битва за Днепр — один из самых выдающихся примеров могучего воздействия партийно-политической работы. Коммунисты, находясь в самой гуще армии, вели за собой словом и личным примером. Они — в передовых отрядах, прорывавшихся через боевые порядки врага, чтобы перехватить его пути отхода и внести хаос во вражеском тылу.

До Днепра еще оставалось идти и идти с боями, а уже создавались оперативные группы, которым предстояло ворваться на правый берег могучей реки с первыми эшелонами. Заранее формировались штурмовые десантные отряды, 50—70 процентов состава их коммунисты и комсомольцы. Поток заявлений: «Хочу идти в бой коммунистом». Это давало привилегию — место в первой штурмовой лодке или, держась за доску, бочку, вязанку хвороста, что угодно, вплавь через осенний студеный Днепр к обрывистым, окутанным пороховым дымом кручам правого берега — оттуда стреляло все, что могло стрелять.

9 сентября Ставка спустила в войска директиву — за форсирование таких крупных рек, как Днепр, ниже Смоленска, и закрепление плацдармов представлять к присвоению звания Героя Советского Союза. Это было сделано, подчеркивал Жуков, «чтобы еще выше поднять морально-политический дух войск».

Так случилось, что, вышибая немцев, упиравшихся на Левобережной Украине, ведя непрерывные бои, оставляя за собой десятки и десятки километров освобожденной земли, бойцы и командиры относились к этому тяжелейшему ратному делу как к обычному, будничному делу. Ликвидируем досадные «помехи», говорили в войсках, хотя речь нередко шла о разгроме сильных частей и соединений врага. Главное начнется там, на Днепре! То, что в иных условиях сочли бы за блистательную победу, рассматривалось как прелюдия броска за Днепр.

К реке устремились войска пяти фронтов — от Центрального до Южного. Вторым и третьим, считая с севера, пробивались к Днепру жуковские, его «подопечные», как он называл их сам, Воронежский и Степной. К дадцатым числам сентября сопротивление

перед ними ослабело: немцы торопливо переправлялись через реку, чтобы успеть укрыться в укреплениях недостроенного «Восточного вала». Наши войска по пятам преследовали противника, а авиация громила скопления бежавших у переправ.

20 сентября Жуков докладывает Сталину о подготовке к форсированию Днепра: «Сегодня с Николаевым (Ватутиным) отработали мероприятия по быстрейшему захвату переправ на реке Днепр.

Для этой цели сегодня от каждой армии сформированы передовые отряды в составе танковых частей, пехоты, посаженной на машины, артиллерии и минометов.

Эти подвижные передовые отряды имеют задачу, не ввязываясь в бой с прикрывающими частями противника, обходя арьергарды, стремительно прорваться к переправам и стараться захватить мосты и переправы...

Считаю, что эти передовые части подойдут к реке Днепр 22—23 сентября».

Боевой порыв был настолько высок, что войска опередили срок, названный Жуковым Сталину, на сутки! Уже с 21—22 сентября по мере выхода на Днепр началась переправа. Решительные командиры, пользуясь темнотой, а то и днем с ходу приступали к форсированию реки. Не важно, что табельные средства для переправы отстали: на наспех сколоченных плотах, найденных лодках поток войск устремился к правому берегу, густо окрашивая воды Днепра кровью. Не везде переправы были успешными, кое-где врагу удавалось отбиться, а иногда преуспеть в яростных контратаках.

Но удержать «Восточный вал» немцам не удалось: мы вышли на Днепр к концу сентября на фронте в 700 километров и захватили 23 плацдарма на правом берегу. То было точное выполнение указания Ставки, отданного 25 сентября: с выходом к Днепру «немедленно форсировать его на широком фронте с целью рассредоточить внимание и силы противника. Зенитные средства выдвинуть к переправам для надежного обеспечения их от ударов авиации противника».

Героика первых часов и дней переправы через Днепр подкреплялась грамотной и слаженной работой всех родов войск. Стоило первым пехотинцам с

автоматами и пулеметами зацепиться за тот берег и повести бой от уреза воды, как с левого берега им оказывалась поддержка — били танки, вышедшие к реке, гремела артиллерия. В рядах стрелков, залегших на правом берегу, — офицеры-артиллеристы, корректировавшие огонь батарей. Накопление сил на плацдармах шло поразительно быстро. В считанные часы наводились понтонные переправы, начинали работать паромы, и вот уже в боевых порядках войск, отгоняющих врага от реки, — танки, артиллерия, поддерживающая пехоту огнем и колесами.

В Ставке высоко оценили беспримерное мужество и умение, с которым наши войска взломали «Восточный вал». За форсирование Днепра 47 генералов, 1123 офицера, 1268 сержантов и солдат были удостоены звания Героя Советского Союза.

Теперь нужно было во что бы то ни стало закрепить победу. Генштаб не строил иллюзий: предстояли ожесточенные бои, немцы не пожалеют ничего, чтобы восстановить положение. Им, конечно, потребуется время, чтобы подвезти войска и обрушиться на наши плацдармы, а пока основная угроза с воздуха. 28 сентября Ставка напоминает и требует: «Немедленно подтягивать к переправам зенитные средства и надежно обеспечивать как боевые порядки переправившихся войск, так и сами переправы от ударов авиации противника, вне зависимости от количества переправившихся войск».

Пусть полк, батальон, рота или даже взвод. Солдаты на том берегу должны знать: за ними мощь всей армии, они — острие клина, они прокладывают путь армиям и фронтам. Чувство локтя, боевого товарищества удесятеряло силы героев-воинов, когда опомнившийся враг попытался сбросить их с плацдармов.

С конца сентября все — большие и малые — плацдармы были в огне днем и ночью. Озверевшие немцы, не считаясь с потерями, пытались поголовно истребить защитников, ибо сдвинуть их с места не могли. Не удалось! Напротив, плацдармы неуклонно расширялись, сливались друг с другом. Красная Армия накапливала силы на правом берегу.

Жуков следил за тем, чтобы не было напрасных жертв. К ноябрю их уровень упал до среднего за всю войну. Немецкие командующие, с азартом взявшиеся за выполнение приказов своей ставки о нанесении

максимальных потерь Красной Армии, убедились, что рекомендованный образ действия — палка о двух концах. Они отправляли наверх фантастические данные о русских потерях и вполне реальные о собственных. Геббельс, конечно, не знал, что такое мораль и сострадание. Но именно он записал в дневнике 2 ноября 1943 года — в середине октября вермахт потерял на Восточном фронте девять тысяч убитыми за девять дней. «Мы не сможем долго выдержать такого кровопускания. Если оно будет продолжаться, нам грозит опасность медленно истечь кровью до смерти на Востоке».

Дорого пришлось повседневно платить вермахту за ужесточение боевых действий. Жуков был не из тех, кто дал бы спуску немецким убийцам. Они пожинали то, что сами посеяли.

* * *

Суровый на службе человек, Георгий Константинович всегда оставался любящим отцом. Едва ли за всю войну он неделю подряд был в Москве с семьей — женой и двумя горячо любимыми дочерьми Эрой и Эллой. После Победы в 1945 году писатель К. А. Федин встретился с Жуковым, завязалась беседа. Вот, пишет Федин, «еще маленькая пауза, нахмуренные и потом вдруг разжатые и поднятые брови, — и — нечаянное признание:

— Знаете, я недавно подошел к карте, повел по ней глазами и думаю — а ведь вряд ли найдется место, где я не был! Шофер мой — хороший гонщик, мотоциклист Бучин — насчитал, что я с ним 175 000 километров наездил за войну. Это, выходит, сколько раз вокруг света? А я ведь не с ним одним ездил... Да сотни часов налетал на самолетах. Три самолета сносились. Как башмаки... Это — не считая Монголии».

Но куда бы ни бросали Жукова приказы Верховного и фронтовые дела, в редчайших промежутках между боями он мысленно обращался к семье. В немногие часы, проведенные в ее кругу в Москве, грозный полководец мог долго беседовать о домашних пустяках или, водрузив на колени баян, с шутливо-серьезным и озорным видом потешать близких. У них были разные мнения о музыкальном даровании бая-

ниста-самоучки, особенно у младшей дочери Эллы, о чем она — а в 1943 году ей было шесть лет — с детской бесстрашностью говорила отцу.

Они всегда жили просто, семья Жуковых, сохранив быт красных командиров двадцатых. Немногое изменилось в ее привычках и тогда, когда имя Г. К. Жукова гремело на весь мир. Личная скромность решительно во всем на фоне эпохальных событий, потрясавших мир.

События эти, конечно, господствовали над жизнью дружной семьи Жуковых. Жена и дочери гордились мужем и отцом, который приезжал опаленный войной, приносил в дом дыхание фронта. Не в том смысле, что к семье возвращался воин, расстегивавший портупею и откладывавший на время оружие. Нет, Жуков терпеть не мог носить при себе оружия, и особенно дома. В прошлом кавалерист, он имел несколько сабель, подаренных ему по разным поводам, но не развешивал их на ковре на стене, а держал далеко упрятанными в чулане.

Война оживала в рассказах Георгия Константиновича близким. Иногда он привозил фотографии с фронта, на некоторых были запечатлены зверства гитлеровцев. Более чем через сорок лет Элла Георгиевна помнит, как будто это было вчера, жуткий снимок — труп русской девочки, растерзанной немецкой солдатней на Смоленщине. Георгий Константинович говорил о зверской жестокости захватчиков, убивавших мирных жителей, не повышая голоса, даже спокойно, разъяснял, что творящие это давно потеряли человеческий облик. По всей вероятности, он пытался держать себя в руках, не дать волю чувствам, веря, что для руководства боевыми действиями нужно хладнокровие. На командном посту нет места эмоциям.

Жуков писал семье с фронта мало, чаще говорил по телефону. Еще меньше сохранилось его писем. Сохранились две весточки с Ленинградского фронта в сентябре 1941 года. Первая — записка с нарочным: «Мы победим!», вторая:

«Здравствуйте, Эрочка и Эллочка! Шлю вам привет с фронта. По вашему заказу бью немцев под Ленинградом. Немцы несут очень большие потери, но стараются взять Ленинград, а я думаю не только удержать его, но и гнать немцев до Берлина.

Ну, как вы там живете?

Крепко вас целую. Ваш папа».

В разгар битвы за Москву Георгий Константинович 7 ноября 1941 года пишет Александре Диевне из деревни Перхушково, где стоял штаб Западного фронта: «Шлю вам свой привет и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской революции. Привет матери и остальному колхозу. Как вы там живете? Я живу по-прежнему. Выполняю приказ правительства: бьем врага и не допустим его до Москвы. Принимаем все меры, чтобы в дальнейшем не допустить его к нашей столице.

Выпал снег. Гитлеровцам, видимо, это не по душе, т. к. они не привычны к русской зиме и снега не любят. Фашисты собирают все свои силы и, видимо, попытаются еще раз ударить на Москву. Но мы тоже не спим и готовимся их встретить, как непрошеных гостей...»

Письмо написано характерным жуковским почерком, красным карандашом. Почему? Что, в штабе фронта не было ручек? Обратимся к воспоминаниям об отце Эры Георгиевны. В 1988 году она впервые рассказала о военном житье-бытье семьи полководца, о его характере, как видела дочь. Нашло объяснение и удивительное обстоятельство, почему Жуков писал домой карандашом:

«Наши встречи с отцом в годы войны можно перечесть по пальцам. Самая яркая — это новогодняя встреча в Перхушково после разгрома немцев под Москвой. Он писал нам редко и писал очень кратко на небольших листочках. Эти записочки были, как правило, написаны красным или синим карандашом. По-видимому, он писал, работая с картами. Вот одна из них: «Действующая армия. 7.4.43. Эрочка, дорогая! Шлю тебе привет и пожелание хороших успехов в учебе. Твой папа Жуков».

После возвращения в 1943 году из эвакуации стало возможным изредка поговорить с папой по телефону. Иногда прилетал на день-другой в Москву. Все эти годы мы не чувствовали себя оторванными от отца...

Как-то по заказу отца нам всем четырем членам семьи были сделаны складывающиеся кошелечки, в которых были вставлены все наши фотографии. Так что каждый из нас мог в любую минуту посмотреть

друг на друга. Очень эти фотографии нам нравились, и мы с Эллой их бережно сохраняем.

Думаю, что все, что я написала, отвечает на вопрос, который мне часто задают. А каким был маршал Жуков, целеустремленный и требовательный командир, как иные говорят, излишне суровый, в семье, с детьми, как говорят, во «внерабочее» время. Уверена, что при цельности своего характера он не мог быть одним на работе, а другим дома. Для этого надо было бы в какой-то мере приспосабливаться к условиям. А такой черты характера у отца вообще не было.

Видя его постоянную занятость, стремление узнать что-то новое, нелюбовь к пассивному отдыху, мы в семье все постоянно чему-то учились — языку, музыке, ездить верхом, управлять автомобилем, печатать на машинке, шить, готовить и т. д. Папа говорил, что в жизни все может пригодиться, и любил на конкретном примере показать, как это может быть.

Не всегда все у нас шло гладко, не все одинаково увлекало и удавалось. Так, еще в годы войны папа подарил мне аккордеон и предложил научиться на нем играть. Честно скажу, мне не очень-то нравился этот инструмент, хотя в те годы увлечение им было просто повальным. Но огорчить я его не могла и, худо ли бедно, овладела несколькими русскими мелодиями, а также шульженковским «Синим платочком». Тем более что ему доставляло удовольствие, когда мы играли вместе — он на баяне, а я на аккордеоне».

Письма Георгия Константиновича, относящиеся как раз к октябрю 1943 года, проливают свет на внутренний мир полководца, приводившего в трепет германский генералитет, этих наглых, спесивых, тупых «европейцев», приведших на нашу землю орды низких убийц.

5 октября он пишет Александре Диевне:

«Здравствуй, Шурик! Шлю тебе привет и крепко тебя целую. Обними и крепко поцелуй Эрочку и Эллочку...

Посылаю семечек. Делать вам все равно нечего, хоть будете их грызть.

Посылаю обратно теплую кофточку, она очень кусачая, и ее носить совершенно невозможно, она колет

как колючая проволока. Пусть лучше получат мягкий свитер.

Дела у нас по-прежнему неплохие. Сидим на Днепре. Немцы хотят во что бы то ни стало удержаться на Днепре. Но, видимо, это им не удастся. Я по-прежнему езжу по армиям, в вагоне не могу — характер, видимо, такой, больше тянет в поле, к войскам, там я как рыба в воде.

Здоровье неплохое. Плохо слышу. Надо бы опять полечить ухо, да вот пока не могу организовать. Иногда немного побаливает голова и нога. Ну вот пока все, что хотел тебе написать.

Желаю тебе и ребятам здоровья. Крепко, крепко всех вас целую».

Еще письмо Александре Диевне от 23 октября:

«Здравствуй, мой милый Шурик! Шлю тебе свой привет и крепко целую. Шлю привет Эрочке и Эллочке, поцелуй их за меня.

Письмо твое я получил, за которое шлю тебе дополнительно пару горячих поцелуев. Получил посылку с бельем. До упаду я смеялся на ночную рубаху. В этой рубахе я похож на Матрену или Акулину.

Дела у нас на фронте сейчас идут хорошо. Правда, на некоторых участках происходит заминка, но это, пожалуй, неизбежно после такого продвижения. Хотелось скорее покончить с Киевом и тогда бы приехать в Москву, но вот пока досадная задержка.

Здоровье по-прежнему то хорошее, то хуже. Сейчас что-то опять ноет нога. Хочу приехать в Москву подлечиться. Слышимость уха по-прежнему — шумы пока еще не прошли, — видимо, к старости (Георгию Константиновичу было 46 лет! — *Авт.*) все лезет наружу.

Если дела пойдут, думаю, дней через 8 быть в Москве, если разрешит Хозяин (Сталин). Ну вот, кажется, все. А ты говоришь, я не пишу. Видишь, сколько нацарапал. Еще раз крепко тебя и ребяток целую. Желаю всем вам всего хорошего».

Краткие весточки маршала-солдата с войны домой. Рука не поднимается комментировать эти немногие дошедшие до нас строки, между которыми проступает бесконечная усталость — война высасывала все силы без остатка.

* * *

Как ни злобствовали немцы, сколько ни положили солдат в атаках, а наши плацдармы за месяц с небольшим приняли достаточно войск и боевой техники для возобновления сражения на Украине, теперь Правобережной. Подчиненные Жукову фронты с 20 октября стали именоваться 1-й Украинский (бывший Воронежский) Ватутина и 2-й Украинский (бывший Степной) Конева.

Внимательно анализируя действия противника, Жуков пришел к выводу, что продолжение наступления на Киев, первоначально намеченного с букринского плацдарма, что южнее города, малоперспективно. Наши войска трижды пытались атаковать, но безуспешно. Немцы, примеряя обстановку на себя, явно ожидали удара здесь, собрав против плацдарма крупную группировку. В решимости врагу отказать было нельзя, наша разведка сообщила: Гитлер снова побывал в штабе группы армий «Юг» и потребовал «драться за Днепр до последнего человека и любой ценой удержать его за собой».

Жуков доложил и обосновал в Москве изменение плана — операцию по освобождению Киева начать с плацдарма севернее города. 26 октября Ставка утвердила рекомендации Жукова и дала указание 1-му Украинскому фронту перенести основные усилия фронта на лютежский плацдарм, а это значило, что танковую армию и артиллерийский корпус прорыва пришлось вывести с букринского плацдарма и перебросить почти на 200 километров на лютежский плацдарм севернее Киева. Отсюда Жуков и командование фронта и наметили удар для освобождения столицы Украины. Перегруппировка прошла блестяще, буквально под носом у врага. Различные меры маскировки дали прекрасные результаты — враг со дня на день ожидал нашего рывка с букринского плацдарма, а гроза над немцами собралась много севернее.

Дело было настолько секретным, что даже в докладах Сталину Жуков в общих фразах писал об этой операции. Так, например, 30 октября 1943 года Юрьев доносит Иванову: «Еще раз проверил план операции армий Николаева (Ватутина) и после внесенных мною поправок считаю его вполне законченным. Был у Москаленко, где на инструктивном совещании дал командармам дивизий и корпусов практические указания по подготовке и проведению предстоящей операции. Наступление с букринского плацдарма готовим на 1.11.43».

1 ноября по приказу Жукова наложили последний мазок на великолепную картину дезинформации: на букринском плацдарме загремели орудия, имитировалось наступление. Манштейн срочно привел к «угрожаемому» участку резервы, в том числе танковую дивизию СС «Райх». «Нам только это и нужно было», — одобрил действия генерал-фельдмаршала Жуков. 3 ноября с «тихого» в представлении немцев лютежского плацдарма ударили 2000 орудий и минометов, 500 «катюш». Огненный смерч открыл ворота во вражеской обороне. Но наступление все же было медленным, а на окраинах Киева наши войска натолкнулись на серьезное сопротивление.

Тогда ввели в дело 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко, которая перерезала основную магистраль, связывавшую киевскую группировку с тылом, — дорогу на Житомир. «После тяжелых боев, — сетовал Манштейн, — был оставлен Киев, так как действовавший здесь 7-й армейский корпус находился под угрозой окружения в городе. Корпус был отброшен из Киева на юг, и ему удалось задержать продвижение противника лишь в 50 километрах ниже города». Более чем красноречивый комментарий врага к очередной операции Красной Армии. Как всегда, охват, спланированный Жуковым, привел к быстрой и решительной победе. Немецкий корпус без оглядки пробежал от Киева 50 километров.

К 4 утра 6 ноября Киев был освобожден. Донесение в Ставку было написано отнюдь не военным языком, что было верным критерием глубокого волнения Жукова и генералов, командовавших фронтом: «С величайшей радостью докладываем о том, что задача, поставленная по овладению нашим прекрасным городом Киевом — столицей Украины — войсками 1-го Украинского фронта, выполнена. Город Киев полностью очищен от фашистских оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи».

Утром 6 ноября машины с Жуковым, Ватутиным и членами Военного совета фронта въехали в Киев.

Истощенные, измученные люди окружили их тесным кольцом. На глазах слезы, да и Жуков украдкой вытирал глаза. Он не узнавал города, который хорошо знал, — везде развалины, а центральная улица Крещатик в руинах. В самом Киеве бои были непродолжительными, центр города немцы преднамеренно уничтожили. И тут же леденящие кровь известия: за время оккупации десятки и десятки тысяч киевлян расстреляны, замучены в фашистских застенках. Со временем выяснилось, что уничтожено 195 тысяч человек.

Слова были излишни: бить и бить подлого врага. До конца того переломного 1943 года на укрытой снегом Правобережной Украине не затухало сражение. Нередко бои шли с переменным успехом, отдельным армиям приходилось отходить — немцы никак не могли смириться с сокрушением «Восточного вала» и все пытались восстановить положение. По пятам за взятием Киева фронт выбил немцев из ряда городов, в том числе Житомира. Немцы прореагировали на потерю города очень остро, Красная Армия шла прямо на запад. Манштейн сосредоточил крупную группировку и попытался выбить советские войска с Правобережья. Затея была, конечно, безнадежной, но от этого накал битвы не снижался. 13 ноября немцы снова взяли Житомир.

Жукова в эти недели не было на 1-м Украинском фронте, он выехал к Коневу на 2-й Украинский фронт. Отход войск Ватутина выбил из колеи Сталина, он приказал его правому соседу, командующему 1-м Белорусским фронтом Рокоссовскому, выехать под Киев и разобраться в происходившем. В случае необходимости ему поручалось взять командование 1-м Украинским фронтом. Странное поручение, необычная миссия. Честнейшего Рокоссовского поразил Ватутин, который «превращал разговор в доклад провинившегося подчиненного старшему». Удивила и суть дела:

«У Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов, две танковые армии стояли одна за другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии резерва ВГК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться». Не хватало малого — маршал Жуков отъехал по делам. Рокоссовский «посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело». Избиение вермахта продолжилось.

В середине декабря 1943 года Жукова вызвали в Москву, где он встретился с Василевским. «Александр Михайлович, — припоминал Жуков, — выглядел усталым. Ему, как и мне, пришлось, начиная с апреля, почти непрерывно находиться в движении — то в полетах, то в поездках по фронтовым дорогам. Обстановка в это время была довольно сложная, напряженная и изобиловала чрезвычайно острыми сменами больших успехов и досадных неудач. Все это вместе взятое плюс систематическое недосыпание, физическое и умственное перенапряжение особенно сказывались тогда, когда мы оказывались в тиши кабинетов, где не слышно было ни налетов авиации, ни артиллерийских обстрелов, ни тревожных докладов с опасных участков фронтов».

В Москве Жуков обстоятельно познакомился с обстановкой на всем фронте — от Ленинграда до Черного моря. Картина складывалась отрадная. Генштаб вычислил и доложил: к концу 1943 года освобождено 54 процента территории, захваченной врагом в 1941—1942 годах, где до войны проживало 46 миллионов человек. За год наступления Красная Армия продвинулась с боями на запад от 500 до 1300 километров. Фронт проходил на западном направлении в восточных районах Белоруссии, древняя смоленская земля была полностью освобождена, южнее фронт шел примерно у Житомира, Фастова, Кировограда, вблизи Запорожья и Херсона. В Крыму была заперта немецко-румынская группировка. Стране был возвращен Донбасс.

Острие Красной Армии — 1-й Украинский фронт — дальше всех продвинулся на запад.

Декабрьское совещание в Ставке было весьма обстоятельным. Обсудили и подвели итоги сражений, оценили ресурсы военной экономики. Констатировали: мощь Красной Армии возросла во всех отношениях. Самое совершенное и в достатке вооружение, зрелость командиров и величайший патриотический подъем в войсках. Конечно, враг далеко не повержен: около пяти миллионов человек армии на фронте, 54,5 тысячи орудий и минометов, 5400 танков и самоходных орудий, более 3 тысяч самолетов. Закаленная

в боях Красная Армия превосходит противника в людях в 1,3 раза, в артиллерии — в 1,7 раза, а самолетах — в 2,7 раза.

Сталин, вернувшийся незадолго перед этим из Тегерана, где прошла конференция с Рузвельтом и Черчиллем, в общих чертах рассказал о ней. Рузвельт и Черчилль восхищены победами русского оружия. Не новость. Жуков припомнил лестные оценки наших союзников подвигов Красной Армии. Еще бы, шепнул ему Василевский, совсем недавно, в октябре, глава английской миссии генерал Мартель объявил: «Ни одна армия в мире не могла бы совершить такого подвига, какой совершила Красная Армия, форсировав Днепр». Маршалы улыбнулись.

Сталин строго взглянул на них — он не терпел перешептываний во время своих выступлений на узких совещаниях.

— Рузвельт дал твердое слово, — помедлив, закончил Сталин, — открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну а если не сдержит, у нас хватит сил добить гитлеровскую Германию.

Жуков усмехнулся, вспомнив: на фронте бойцы прозвали американскую тушенку «второй фронт». Сталин укоризненно взглянул на маршала. Погасив улыбку, Жуков отрапортовал:

— Конечно, добьем!

Наши командующие и думать забыли о том, что где-то когда-то возникнет какой-то «второй фронт». Знали: врага бьет и добьет Красная Армия. Вопрос был сейчас не в этом, а как лучше спланировать и провести победоносные операции.

Совещание заняло несколько дней, не прерывалось и за обеденным столом на квартире Сталина. Улучив момент, Жуков вернулся к своей идее: надо не выталкивать врага, наступая в лоб, а смелее проводить операции на окружение.

— Теперь мы стали сильнее, наши войска опытнее, — согласился Сталин. — Теперь мы не только можем, но и должны проводить операции на окружение немецких войск.

Это и было учтено Ставкой при постановке задач фронтам на зимнюю кампанию 1944 года. Общая цель — развернуть генеральное наступление от Ленинграда до Крыма включительно. Главный удар нанести на 1-м, 2-м, 3-м и 4-м Украинских фронтах.

Представитель Ставки Жуков и командующий фронтом Ватутин полностью оказались на высоте задачи, выполняя директиву Ставки от 28 ноября 1943 года о Житомирско-Бердичевской операции: «Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом». В канун нового, 1944 года и сразу после него было сделано много больше, чем в августе 1943 года. Оборона противника, как и тогда, была пробита молниеносно. К этому добавилось то, что было заветной мечтой Жукова, — широкий маневр танковых войск. «Мы были довольны тем, — радовался Жуков, — что Верховный наконец правильно понял значение наступательных операций с целью окружения». Результаты оказались из ряда вон выходящими.

24 декабря на самом острие клина, устремленного на запад, у Житомира, и началась выдающаяся во всех отношениях операция. Этот участок держали германские войска, очень серьезно потрепанные в безрезультатных попытках вернуть Киев и восстановить «Восточный вал». В ноябрьских боях, «своих безрассудных действиях», по Жукову, они потеряли в отдельных дивизиях до 60—70 процентов личного состава и боевой техники. За один день оборона врага была взломана на 300-километровом участке, а введенные в прорыв две танковые армии прошли свыше 100 километров. Советские танкисты упреждали и срывали контрманевры врага: выходя на фланги, заставляли немцев бросать укрепленные рубежи. 31 декабря был вновь освобожден Житомир. Маршал Жуков до конца использовал полученное наконец «добро» Ставки на ведение дерзких маневренных операций. В боях против 1-го Украинского потерял лицо генерал Гот. Гитлер прогнал и его.

Немцы экстренно собрали все, что могли, чтобы остановить наш марш с боями на запад. В конечном итоге к середине января 1944 года фронт стабилизировался, а наши войска в ходе этой операции продвинулись до 200 километров, полностью освободив Киевскую и Житомирскую области. Бои переместились в Винницкую и Ровенскую области. «Киевский выступ» — клин 1-го Украинского фронта — глубоко рассек немецкую оборону.

Манштейн отчетливо видел, что произойдет дальше: 1-й Украинский фронт сместит ось наступления с запада на юго-запад. В результате немецкая группа армий «Юг» окажется отрезанной с тыла. Напрягая все силы, немцы, как казалось им, сдержали дальнейшее продвижение острия клина. В штабах Манштейна вздохнули с облегчением. Они не понимали: наше командование отложило фронтальное наступление, задумав операцию на окружение врага. 1-й Украинский фронт, с удовлетворением писал Жуков, охватил с севера «всю группировку противника, занимавшего крупный плацдарм в районе Киева и Корсунь-Шевченковского... Видимо, немецкое командование, мечтая вновь захватить Киев, не подозревало, что готовило само себе здесь ловушку».

После смелого броска 1-го Украинского фронта на запад между ним и действовавшим южнее и далеко отставшим 2-м Украинским фронтом образовался выступ протяженностью в 275 километров с запада на восток. Вершина его оставалась на Днепре, а основание (расстояние между 1-м и 2-м Украинскими фронтами) составляло 130 километров.

В то время как у Манштейна поздравляли друг друга — остановили-де продвижение наших войск на запад, — Жуков докладывал Верховному предложения по плану новой смелой операции. Встречными ударами 1-го Украинского фронта прямо на восток и 2-го Украинского фронта на запад под основание немецкого выступа окружить и уничтожить вражескую группировку, еще грезившую Киевом. Ставка утвердила план.

Блестящая по замыслу операция развернулась с 24 января 1944 года, и уже 28 января клещи сомкнулись у Звенигородки. В окружении оказались более десяти вражеских дивизий. Жуков, как всегда, самое серьезное внимание обратил на укрепление внешнего кольца окружения. Наши командующие знали, что Манштейн, которого преследовал призрак Сталинграда, мешкать не станет. Так и случилось, генерал-фельдмаршал бросился вызволять отрезанные войска, но не вышло. Почему? После войны Манштейн оправдывался: «Сейчас же у вражеской гидры на только что оставленном нашими танковыми дивизиями поле боя выросли новые головы... Дважды я пытался добраться к ударным группам. Оба раза, однако, моя

легковая машина безнадежно застревала в грязи. Каждый день погода менялась, снежные метели перемежались с оттепелью. При этом снова подтвердилось, что советские танки при продвижении по снегу или размокшей почве превосходят наши танки по своей проходимости, потому что у них более широкие гусеницы».

Техническое превосходство советских танков над немецкими сомнений не вызывало, как и то, что погода была одинаковой для обеих сторон. «Чтобы создать минимально необходимые запасы снарядов, мин и горючего для танков, — воздал должное нашим людям Жуков, — пришлось организовать их доставку на волах, на людях, на носилках, в мешках — словом, кто как и чем мог. В этом деле большую помощь оказали жители украинских деревень».

Наши войска превосходили врага в силе и ратном мастерстве. Они успешно отбивали атаки извне. Помнивший о Сталинграде и в отличие от действий Паулюса враг не оставался на месте в «котле», а бешено рвался из кольца. Была перехвачена телеграмма Гитлера командующему окруженными войсками генералу Штаммерману: «Можете положиться на меня как на каменную стену. Вы будете освобождены из «котла». А пока держитесь». Положение окруженных становилось безнадежным, тем не менее 9 февраля они отклонили ультиматум о сдаче. С отчаянием обреченных гитлеровцы бились о западную стенку «котла», чтобы соединиться с пробивавшимися к ним восемью танковыми и шестью пехотными дивизиями. Манштейн все же наскреб больше войск для деблокирования, чем участвовало в сражении с немецкой стороны в начале операции. В ночь на 12 февраля окруженных и пробивавшихся к ним отделяло расстояние всего в 12 километров.

Серьезная, но отнюдь не трагическая обстановка для наших войск. Жуков приказал Ватутину и Коневу принять срочные меры, чтобы не допустить прорыва противника. О чем доложил Сталину. Жуков болел: грипп с высокой температурой. Глубокой ночью Жукова поднял с постели звонок из Москвы. Верховный в возбужденном тоне осведомился: «Известно Вам, что противник прорвал фронт Ватутина и выходит из окружения в районе Корсунь-Шевченковский?» Жуков ответил: «Нет, не известно. Думаю,

что это не соответствует действительности». Сталин в ответ «выругал меня», писал Жуков, и открыл источник информации: «Только что звонил Конев и доложил о прорыве». И тут же объявил решение: «Я думаю передать завершение операции в руки Конева, а Вам и Ватутину лучше сосредоточить внимание на внешнем фронте». Коневу, естественно, переподчинялись войска 1-го Украинского фронта, принимавшие участие в окружении.

Неожиданное предложение! Немцы были уже скучены на очень небольшой территории, насквозь простреливавшейся нашей артиллерией. Снабжение с воздуха было пресечено — транспортные самолеты сбивались или не допускались к «котлу». Жуков считал, что уничтожение окруженных — дело каких-нибудь трех-четырех дней. По его мнению, переподчинение войск затянет операцию. Что и объяснил Сталину.

Но объяснять руководствуясь интересами дела, было совершенно бесполезно, ибо Сталин в этом случае стремился возвысить Конева. «Начиная с Курской дуги, — откровенно писал Жуков в очерке «Коротко о Сталине», — когда враг уже не мог противостоять ударам наших войск, Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь перед ним своими «героическими» делами при проведении операций, одновременно компрометируя своих соседей». Указав на то, что главную роль в окружении сыграли войска Ватутина, которые и «лучше действовали», Жуков сказал: «Ватутину и возглавляемым им войскам будет обидно не быть отмеченными за их ратные труды. Сталин положил трубку, прекратив со мною разговор, а через 2 часа была получена его директива». Жукова, говорилось в ней, «освободить от наблюдения за ликвидацией корсунь-шевченковской группировки немцев и возложить на него координацию действий 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника» и соединения с окруженными.

Впечатлительный Ватутин излил свое недоумение Жукову. Что ответить? «Я не мог сказать Н. Ф. Ватутину, чье было это предложение, чтобы не сталкивать его с И. С. Коневым. Однако я считал, что в данном случае Н. Ф. Ватутин прав как командующий, заботясь о боевой, вполне заслуженной славе вверенных ему войск». Маршал был краток:

— Это приказ Верховного, мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

«Нужно ли было это делать в интересах дела? — спрашивал Жуков в своем очерке. — Нет, не нужно. Это нужно было Сталину для того, чтобы вбить еще глубже клин между Коневым, Ватутиным и мною. Конев в этом вопросе сыграл неблаговидную роль». Сталин интриговал у телефонной трубки, а бойцы и командиры дрались в сражении, которое приобрело ожесточенный, жуткий характер. Манштейн в неистовстве все пытался порвать кольцо, но так и не преуспел.

1-й Украинский фронт не пропустил извне ни танка, ни солдата врага. В ночь с 16 на 17 февраля разыгралась пурга. В кромешной мгле, бросив свои войска на произвол судьбы, генералы, большинство офицеров и эсэсовцев на немногих уцелевших танках и бронетранспортерах кинулись из окружения наугад на запад. Части из них удалось вырваться из кольца. Основная масса вражеских солдат, оставив тяжелое вооружение, последовала за ними пешком в густых колоннах. Они шли без выстрела, надеясь проскочить. Утром в открытом поле их почти поголовно истребили.

Немногие уцелевшие в эту ночь из дивизии СС «Викинг» и попавшие в плен рассказывали: «Наша дивизия, насчитывавшая около 7000 солдат и офицеров, за две недели потеряла более 4000 человек. Нам приходилось все время отступать под ураганным огнем русских. Дороги были запружены брошенными машинами и орудиями. Мы было в отчаянии. В ночь на 17 февраля солдатам выдали по усиленной порции водки и разрешили съесть неприкосновенный запас продуктов. В 2 часа был объявлен приказ, в котором говорилось, что на помощь извне больше нечего рассчитывать. На рассвете была предпринята последняя и самая отчаянная попытка вырваться из кольца. Впереди шла дивизия СС «Викинг», за ней мотобригада «Валлония». Замыкали колонну штабы и остатки 72-й и 112-й пехотных дивизий. Всего в колонне было около 8000 солдат и офицеров. Пушки, автомашины, все военное имущество было приказано бросить. Едва мы прошли 300 метров, как на нас напали русские танки. За танками появились казаки. Нам

удалось спрятаться около разбитых автомашин. На следующий день утром мы сдались в плен».

Враг потерял в боях 55 тысяч убитыми. Среди них нашли труп сухонького старика. Пленные опознали своего командующего генерала Штаммермана. «По данным 2-го Украинского фронта, — подвел впоследствии итог Жуков, — в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки. Столица нашей Родины 18 февраля салютовала войскам 2-го Украинского фронта. А о войсках 1-го Украинского фронта не было сказано ни единого слова.

...И. В. Сталин был глубоко не прав, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта, которые, как и воины 2-го Украинского фронта, не щадя жизни, героически бились с вражескими войсками там, куда направило их командование фронтом и Ставка. Независимо от того, кто и что докладывал И. В. Сталину, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов... Я думаю, что это была непростительная ошибка Верховного», — заметил Г. К. Жуков в мемуарах.

В приказе 23 февраля 1944 года Сталин назвал эту операцию «новый Сталинград на правобережье Днепра». И. С. Конев получил свою победу — погоны и звезду Маршала.

* * *

18—20 февраля 1944 года Г. К. Жуков был в Москве и доложил Сталину свои соображения о развитии наступления. Нужно «поймать» врага на внезапности: немецкое командование, положившись на необычайно рано наступившую распутицу, никак не ожидает от наших войск не то что наступления, а даже элементарной активности. Это «необоснованный расчет», подчеркнул он.

В ходе обсуждения в Ставке был отработан грандиозный замысел: 1-й Украинский фронт ударом, рассчитанным на несколько сотен километров, выйдет в предгорья Карпат, где-то у города Черновцы. При успехе красивой операции, задуманной Жуковым, все группировки врага, находившиеся южнее, в том числе в Румынии, лишились коммуникаций на кратчайшем расстоянии. Питать южный участок фронта им придется далеким кружным путем через Венгрию.

2-му Украинскому фронту идти южнее, в направлении Ясс.

Верховный приказал не теряя времени начать наступление. Снова Жуков отправился координировать действия этих фронтов.

Многодневное совещание с Ватутиным и другими генералами в штабе 1-го Украинского фронта. Утрясли детали. Тут Ватутин вызвался выехать в армии, проверить их готовность. Жуков резонно посоветовал ему, командующему фронтом, остаться на месте, а в войска отправить своих заместителей. Азбучные истины в военном деле. Ватутин настаивал. Разумеется, член Военного Совета поспешил поддержать его. Георгий Константинович неохотно согласился.

Случилось несчастье: в поездке на машину командующего фронтом напали бандеровцы. В перестрелке Ватутина тяжело ранили, он выбыл из строя и через несколько недель скончался. Красная Армия потеряла талантливого полководца.

1 марта 1944 года командующие армиями, начальники родов войск и служб тыла фронта получили лаконичный приказ: «В связи с ранением Николаева сего числа на основании указания Ставки Верховного Главнокомандования я вступил во временное командование 1-м Украинским фронтом. Г. Жуков».

4 марта войска фронта развернули наступление в рамках утвержденной Ставкой стратегической операции. Противник снова Манштейн, которого в вермахте еще единодушно считали самым выдающимся стратегом. Он попытался было подтвердить свою репутацию, для начала правильно определив направление ударов войск 1-го Украинского фронта и приблизительно их силу. Открытие не могло не потрясти немецкого стратега — впервые в истории советско-германской войны совместно действовали три наших танковых армии!

Манштейн понял, что дело идет к окружению противостоявшей 1-му Украинскому фронту группировки. Завязавшееся с 7 марта «ожесточеннейшее сражение» достигло такого накала, «которого мы не видели со времен Курской дуги», — заключил Жуков. Оно шло более недели и закончилось глубоким прорывом наших танковых соединений. Это были исключительно тяжелые бои, в которых во всем блеске проявился полководческий талант Жукова.

Сражение это — в ряде отношений классическое применение жуковских принципов руководства вооруженной борьбы. Он проявил большую выдержку, когда в начале его Манштейн, получив подкрепление — 15 дивизий, затеял контрнаступление. Немецкие войска были обескровлены в оголтелых атаках, а уже 21 марта, имея во главе 1-ю танковую армию, войска фронта стремительно рванулись на юг. 24 марта они достигли Днестра.

26 марта 1944 года под приказом Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Жукову газета «Красная звезда» печатает передовицу «Славные победы войск 1-го Украинского фронта». В ней говорилось: «За последние дни войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала Жукова одержали ряд новых выдающихся побед над врагом. Они прорвали оборону немцев на участке Тернополь — Проскуров... и вышли к Днестру... Не рискуя впасть в преувеличение, можно смело заявить, что по старым, шаблонным меркам наступающие взялись здесь за решение непосильной задачи. Все — от сил, которыми располагал противник, до условий местности и погоды, — все затрудняло наступление и благоприятствовало обороне...

Искусство советских командиров, стойкость советских бойцов еще раз опрокинули планы немцев. Измотав в ожесточенных боях контратакующие танковые и пехотные дивизии врага, наши войска внезапно для немцев сами перешли в наступление и богатырскими ударами разорвали в клочья вражеский фронт...

...Но движение наших войск при всей его стремительности не было огульным движением только вперед, по прямой. Одна из значительных особенностей этих наступательных операций 1-го Украинского фронта состоит в том, что, овладевая территорией, разрубая фронт врага, они вместе с тем последовательно, методично уничтожали его живую силу и технику...

Победы войск 1-го Украинского фронта — это победы нашей доблести и мастерства... Грозные раскаты битв, развернувшихся на просторах юга... звучат над всем миром, ввергая в трепет немецко-фашистских захватчиков и их вассалов. В Лондоне считают, передает лондонское радио, что события на Украине являются катастрофой для нацистской Германии».

Кампания, проведенная маршалом Жуковым в мар-

те 1944 года, вошла в историю военного искусства как образец мастерства в руководстве войсками в сложной операции. Крупный английский военный теоретик Б. Лиддел Гарт, следовательно, союзник в годы войны, в труде «Вторая мировая война» (1970) пишет: «Левое крыло войск Жукова нанесло новый удар в южном направлении на Тернополь. Этот удар, хорошо рассчитанный во времени, был нанесен сразу же после отражения контратак немцев у Тернополя. Организовав оборону, русские отбили контратаку и двинулись следом за отходившим противником... Армии русских шли лавиной. Русские солдаты переносили такие трудности, которые оказались бы не под силу солдатам западных армий, и продолжали наступать тогда, когда другие остановились в ожидании восстановления коммуникаций».

Обширный труд «История второй мировой войны» (1954) написан врагом, германским генералом К. Типпельскирхом. Отметив, что войска под командованием Жукова *двигались «подобно лавине»*, Типпельскирх признает: результатом этого «явилось тяжелое поражение... С того времени, когда немецкие армии шли тернистым путем от Волги и Кавказа, отступая к Днепру, это было их самое крупное поражение. Даже такие искусные полководцы, как Манштейн и Клейст, не могли спасти немецкие войска».

Менее чем за месяц 1-й Украинский фронт пришел в Карпаты — 29 марта советские войска освободили город Черновцы. В ходе операции покрыто до 350 километров, от Черновиц до Тернополя зияет огромная брешь. Германскому командованию пришлось взять войска с других участков фронта, даже из Франции, Югославии, Норвегии, Дании, чтобы закрыть ее.

Гитлер был вне себя: как могло все это произойти! Он уже видел Красную Армию, переваливавшую Карпаты, и еще 19 марта 1944 года приказал оккупировать Венгрию.

В Берлине вдруг решили — немецкие сателлиты, Венгрия и Румыния, помогут вермахту, спасая собственную шкуру, — война пришла к их границам. Манштейн потом эпически повествовал о весенних надеждах германского командования: «Для венгров наступил критический момент. Мы не могли обойтись без находившейся в самой Венгрии боеспособной

венгерской армии для защиты Карпат и района севернее их вплоть до Днестра... После визита регента Хорти в Оберзальцберг нам была подчинена 23 марта 1-я венгерская армия в составе двух корпусов, каждый из которых насчитывал свыше четырех пехотных дивизий и одной мотопехотной дивизии. Однако их предстояло еще только привести в мобилизационную готовность! Кроме того, вооружение венгров не было достаточным для того, чтобы отвечать требованиям, предъявляемым к соединениям, ведущим борьбу с советскими танковыми войсками. Во всяком случае, можно было надеяться, что эти силы будут в состоянии сдерживать натиск Советов в Карпатах. В горах ведь русские смогут применять свои танки только в очень ограниченных масштабах. Эта надежда подкреплялась воспоминаниями о том, как в первую мировую войну венгерский гонвед успешно оборонял от русских перевалы через Карпаты».

Надежды не оправдались, мадьяры бежали от наших танков, состязаясь в скорости, что было неожиданностью для генерал-фельдмаршала, с союзниками-немцами. И те, и другие, конечно, укрывались в горах, которые и придержали наши танковые соединения. О постыдном разгроме доложили фюреру.

Вызвав Манштейна, он обрушился на него с упреками. «По данным воздушной разведки, — говорил Гитлер, — были отмечены всего-навсего отдельные танки противника, от которых бежали целые войсковые части немцев, и непрерывно отводилась назад линия фронта». Манштейн энергично отругивался, но не мог не признать, например, что 200 советских танков разгромили и разогнали две вновь сформированные немецкие дивизии! Он еще добавил, что коль скоро сведения о бегстве немецких войск получены от разведки ВВС, то это значит «Геринг вновь дал волю своей ненависти к сухопутным войскам». Оправдания и объяснения были напрасны — Гитлер решил выгнать Манштейна в отставку. Жуков ставил точку на карьере крупнейшего стратега вермахта.

1-му Украинскому фронту оставалось добить немецкие группировки, окруженные и оставленные в тылу при стремительном марше с боями к Карпатам. У Каменец-Подольска в «котле» оказалось 23 немецких дивизии, из них 10 танковых, в основном входивших в 1-ю танковую армию врага. Они образовали

«блуждающий» «котел», ибо, памятуя о Сталинграде, немцы больше всего боялись оставаться на месте. Среди них были как раз те дивизии, которые совсем недавно безуспешно пытались выручить германские войска у Корсунь-Шевченковского.

Жуков ожидал, что эта сильная группировка попытается уйти на юг, переправиться через Днестр и организует там оборону. Южное направление по приказу Жукова надежно прикрыли. Манштейн сообразил: «Отступление армии на южный берег Днестра привело бы ее там, по всей вероятности, к новому окружению и затем к уничтожению». Последнее указание ставки Гитлера, которого добился Манштейн перед увольнением в отставку: не идти на юг, как требовало командование немецкой 1-й танковой армии, а бежать прямо на запад. «Однако, — возмущался Манштейн в мемуарах, — он продолжал требовать, чтобы она удерживала в основном тот же участок фронта между Днепром и Тернополем. Непонятно было, откуда же в этом случае армия взяла бы силы для нанесения удара на запад с целью отбить у противника свои тыловые коммуникации. Обстановка складывалась точно такая же, как под Сталинградом в декабре 1942 года. И тогда Гитлер готов был бы согласиться с попыткой 6-й армии вырваться из окружения — навстречу 4-й танковой армии, приблизившейся с целью деблокады. Но также и в то время он требовал одновременного удержания Сталинграда. Что означало, что 6-я армия была не в состоянии высвободить силы для выхода из окружения».

На этот раз на пути отступавших немцев оказалась наша 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко. Армия, ослабленная в предшествующих боях, тем не менее прочно удерживала Каменец-Подольск и перекрывала дороги. Это были те «отдельные» советские танки, о которых доложили Гитлеру. На армию Лелюшенко и бросились окруженные немецкие войска. Пять дней они пытались пробить себе путь через Каменец-Подольск. Враг нажимал без оглядки, ибо, как заметил Лелюшенко, «после Сталинграда он стал бояться «котлов» как огня». Несколько раз обезумевшие немцы врывались в местечко, где стоял штаб армии. Дело доходило до рукопашной, в которой схватывались с гитлеровцами и офицеры штаба. Как-то Лелюшенко прерывал и прерывал доклад по радио Жу-

кову: с командного пункта приходилось выбегать, бить немцев. Жуков слышал в трубке треск выстрелов, входил в положение, добродушно-шутливо напутствуя: «Иди руководи отражением атаки, надеюсь, что в плен не попадешь, а потом доложишь».

А с запада бился о внешнюю стенку «котла» танковый корпус СС и дивизии, срочно переброшенные навстречу окруженным, которым пришлось туго. Они и думать не смели о выполнении приказа Гитлера удерживать фронт между Тернополем и Днепром, а все стремились на запад. Растеряв в бесплодных атаках большую часть танков и штурмовых орудий, бросив всю артиллерию, немцы, оставив дороги, поплелись по колено в грязи. Они, по словам Лелюшенко, «искали спасения, пробиваясь на запад пешком по глухим проселкам. Здесь же их подстерегали заслоны наших войск, взаимодействовавших с партизанами. Враг повсюду нес большие потери».

Хотя 7 апреля отступавшие отдельные части и соединились с деблокировавшими войсками, причин для радости у гитлеровцев не было. Георгий Константинович очень трезво написал об этом: «Сколько человек вырвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, все же вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше». По оценке Жукова, окруженная группировка потеряла значительно больше первоначального состава, от некоторых соединений остались только штабы.

Были ликвидированы без особых хлопот отдельные части врага, окруженные в других местах. Трудный бой пришлось выдержать за Тернополь, объявленный Гитлером «крепостью», где немцы оставили сильный гарнизон. Потребовалось пять дней — с 12 по 17 апреля, — чтобы в ходе напряженного штурма перебить и частично пленить его.

Размышляя об итогах этого замечательного наступления, Жуков прежде всего радовался тому, что освобождена громадная территория, а войска сопредельных фронтов южнее вышли на государственную границу СССР. Пьянящее чувство победной весны! Но Георгий Константинович не давал воли эмоциям и попытался профессионально оценить достигнутое. Упущений как будто не было, вражеский фронт «разбит до основания».

Особенно радовало Жукова то, что теперь под натиском победоносной Красной Армии в прошлом самоуверенный германский генералитет цепенел. «В отличие от первого периода войны, — писал Жуков, — немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишенным изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оценок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения командование очень часто опаздывало, чем ставило свои войска в безвыходное положение». С 31 марта Манштейн и Клейст в отставке. Начальник генштаба Цейтцлер, объявивший было, что и он уйдет, получил от Гитлера нагоняй и пока остался.

В своих мемуарах Манштейн, а книга заканчивается описанием проигранной им операции в марте 1944 года, все же нашел чем гордиться: «В случае с 1-й танковой армией нам удалось вырвать из рук противника добычу, которую он считал наверняка своей». Да, так наверняка считал Г. К. Жуков, и вне всякого сомнения можно было бы достичь полного истребления врага на этом фронте, если бы не своеволие Сталина, о чем Георгий Константинович смог рассказать спустя десятилетия. Когда наши войска вышли на направление Черновцы — Проскуров, по словам Жукова, последовал звонок из Москвы. Сталин сказал:

«— Чувствую, что вы там затеваете окружение.

Пришлось подтвердить, что действительно такая мысль у нас есть и ее подсказывает сама обстановка.

— Не надо этого, — сказал Сталин. — Сколько времени это займет у вас?

Мы ответили, что окружение и последующее уничтожение окруженного противника, очевидно, займет около месяца.

— Месяц, — сказал он, — говорите, месяц? И в Сталинграде то же говорили. А на самом деле займет и два, и три месяца. Не надо его окружать на нашей территории. Надо его вышибать. Гнать надо, скорей освобождать землю, весной надо будет сеять, нужен будет хлеб. Надо уменьшить возможность разрушений, пусть уходит. Создайте ему такую обстановку, чтобы быстрее уходил. Надо поскорее выгнать его

с нашей территории. Вот ваша задача. А окружение будете проводить потом, на территории противника».

Сразу после 20 апреля Жуков прилетел по вызову в Москву. Снова он в кабинете Сталина. Поздоровавшись, Верховный осведомился, был ли Жуков в Верховном Совете СССР у Н. М. Шверника. Услышав отрицательный ответ, посоветовал:

— Надо зайти и получить орден «Победа».

За исключительные заслуги Маршал Советского Союза Г. К. Жуков был награжден высшим полководческим орденом «Победа». Орденский знак значился за № 1.

СОВЕТСКАЯ ЗЕМЛЯ ОСВОБОЖДЕНА

Все в Ставке и в руководстве Генштаба соглашались: пришло время разгромить врага на западном направлении, освободить многострадальную Белоруссию. К лету 1944 года немецкий фронт громадной дугой огибал Минск. Северный фас был обращен к Великим Лукам, южный шел по Припяти. Конфигурация фронта сложилась в итоге зимней кампании 1944 года. 1-й Украинский фронт, вырвавшийся дальше всех на запад, охватил Белорусский выступ с юга, а с севера после освобождения Смоленской, Псковской и Ленинградской областей наши войска нависли над левым флангом немецкой группировки.

Начало обсуждения летней кампании 1944 года в двадцатых числах апреля в Ставке ознаменовалось выступлением Жукова и Генерального штаба против предложения Сталина открыть летнюю кампанию наступлением войск 1-го Украинского фронта. Сталина увлекала перспектива, представлявшаяся ему многообещающей, — «еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы с Центрального направления».

Лучше, чем кто-либо другой, Жуков, только что прибывший с 1-го Украинского фронта, понимал, что гитлеровское руководство определяло степень опасности для рейха простейшим образом: где Красная Армия ближе к Германии, там и угроза. Коль скоро Жуков привел 1-й Украинский фронт ближе всего, туда Гитлер и приказал собрать самые значительные силы. Возобновить наступление в районе, где до Вислы рукой подать, означало бы сыграть на руку немцам, с самого начала ввязаться в тяжелые бои.

Генеральный штаб разделял мнение Жукова. Если уж отвлекать резервы врага, то лучше увести их на север: ударить на Карельском перешейке и в Карелии с целью вывести Финляндию из войны. Сталин согласился. Решили предварить наступление в Белоруссии операцией на северном крыле фронта.

Для согласования операций в Москву был вызван командующий Карельским фронтом К. А. Мерецков. Узнав о том, что в Карелии предстоит наступление, он сразу запросил подкреплений. Дали. Мерецков настаивал на получении еще стрелкового корпуса. Тут коса нашла на камень. Жуков и Василевский рассудили, что нужно отвлекать на север резервы врага, а не расточать собственные силы в преддверии Белорусской операции. Разыгрались жаркие споры, в которых Жуков и Василевский не уступали.

Сталин попытался было вступиться за Мерецкова. Куда там! Маршалы стояли на своем. Дело кончилось тем, что, улучив момент, Верховный шепнул на ухо Мерецкову: «Я дополнительно выделю вам тот стрелковый корпус, который вы просили».

К этому времени советское военное искусство обогатилось опытом проведения наступательных операций. Вот как говорил о них Жуков уже после войны на военно-теоретической конференции в марте 1946 года.

Первое — отличное знание противника, правильная оценка его замыслов, сил, средств; умение учесть, на что он способен и на что не способен, на чем можно его поймать. Это достигается длительной, непрерывной и глубокой разведкой.

Второе — знание своих войск, их тщательная подготовка к бою. Необходима всесторонняя подготовка командования и штабов, заблаговременный разбор всех вариантов действий.

Третье — оперативная и тактическая внезапность. Это достигается тем, что враг стремительностью действий вводится в заблуждение о наших истинных намерениях. Надо действовать настолько быстро, чтобы неприятель везде и всюду опаздывал, застигнуть его врасплох и тем самым поставить в тяжелое положение.

Четвертое — точный расчет сил и средств в зависимости от поставленной задачи. Войскам нельзя ставить непосильные задачи. Ничего, кроме потерь и под-

рыва боевого духа, это не даст. Лучше реже проводить наступательные операции, а копить силы и средства для решительных ударов.

Пятое — материальное обеспечение операций. «Я считаю, — подчеркнул Жуков, — что ни при каких обстоятельствах не подготовленную в материальном отношении операцию проводить не следует. Общая обстановка может толкать главное командование на быстрейшее осуществление операции. В этом случае организующий ее командующий должен проявить мужество и доложить Ставке или высшей инстанции о неготовности операции».

Жуков самым решительным образом был против тех, кто держался за фронтальный удар как главную форму ведения боевых действий. По Жукову, прорыв — только важный этап к достижению цели. Прорыв не для прорыва, а для получения преимуществ в маневре, что дает возможность поражать врага с самого невыгодного для него направления. «Мы не для фронтальных ударов механизируем армию, а для того, чтобы осуществлять маневр во фланг, в тыл, чтобы быстрее выходить к намеченной цели».

Летнее наступление в Белоруссии, получившее название «Операция «Багратион», разрабатывалось, как всегда, в Ставке и Генеральном штабе. В подготовке операции, кроме Жукова, принимали участие А. М. Василевский, А. И. Антонов, А. А. Новиков, Н. Н. Воронов, А. В. Хрулев, Н. Д. Яковлев, И. Т. Пересыпкин, Я. Н. Федоренко и другие. В плане операции отчетливо просматривается почерк Жукова. Иначе и быть не могло — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков был заместителем Верховного Главнокомандующего. Нередко, что спускалось фронтам как директива Ставки, шло за двумя подписями — Сталина и его заместителя Жукова.

По совершенно справедливой оценке Василевского: «План операции «Багратион» был прост и в то же время смел и грандиозен» — мощными сходящимися ударами по флангам Белорусского выступа разгромить вражескую группу армий «Центр» и освободить Белоруссию. С севера — ударом от Витебска через Борисов на Минск, с юга — через Бобруйск также на Минск. Далее выход к побережью Балтийского моря и границе Восточной Пруссии, что ставило в тяжкое положение группу армий «Север» в Прибалтике. Закладывались предпосылки для развития наступления на очень чувствительном для гитлеровцев направлении — Варшавском.

Напряженная подготовка операции «Багратион» в Ставке и параллельно в штабах фронтов заняла более месяца. В рамках общей идеи наступления отрабатывалось немало самостоятельных операций фронтов, направленных, однако, к достижению общих военно-стратегических задач. Наше командование знало: предстоит тяжелейшее сражение. Сильная оборона немцев состояла из ряда рубежей и имела глубину 250—270 километров. Оборонительные полосы обычно проходили по западным берегам рек, которыми изобилует Белоруссия, с широкими заболоченными поймами. Германское командование имело сильные группировки на флангах, то есть именно там, где предстояло наступать.

Все эти проблемы были тщательно рассмотрены в Ставке и в штабах фронтов, и найдены оптимальные решения. Жуков видел и трудности, с которыми встретятся вражеские войска. Он особо выделил: из 34 танковых и моторизованных дивизий на Восточном фронте 24 находятся к югу от Припяти вплоть до Румынии, им никак не поспеть к районам, где начнется наше наступление. Во время одного из докладов Жукова об этом на совещании в Ставке Сталин остановил его и внушительно дополнил:

— И не только это. В июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Спешат наши союзники! Опасаются, как бы мы сами без их участия не завершили разгром фашистской Германии. Конечно, мы заинтересованы, чтобы немцы начали наконец воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться.

Жуков не откликнулся на сталинскую ремарку, сказанное Верховным было самоочевидно, а продолжал обстоятельный разбор предстоявших операций. Вопросов бездна — протяженность фронта Белорусского выступа достигала 1100 километров!

30 мая 1944 года Ставка утвердила план операции «Багратион». Для координации действий фронтов на 1-й и 2-й Белорусские фронты направлялся Г. К. Жуков (удар с юга), а на 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский (удар с севера) — А. М. Василевский.

Впервые за войну представителям Ставки предписывалось не только координировать, но и руководить действиями фронтов. За Жуковым оставался и «подопечный» ему 1-й Украинский фронт И. С. Конева, который примыкал с юга к 1-му Белорусскому.

Высокая стратегия обсуждалась в тиши московских кабинетов. Выполнять ее предстояло тем, кто с возгласами «За Родину!» под смертоносным огнем поднимался из окопов или, съежившись под огнем, трясся на броне в составе танковых десантов, прижимался к земле, искал укрытия в воронках в буре разрывов вражеских снарядов и мин и снова бросался в атаку. Словом, победу завоевывал солдат. Как ему будет там, в пламени боя, как нальются кровью на искалеченной войной земле красные стрелы, красиво вычерченные на штабных картах. За всеми ними — порыв и героизм, подвиги и смерти.

Жуков не мог и не смел бросать войска вперед, не убедившись лично, где пойдут солдаты и где им лучше пройти. Пусть в армиях, корпусах, дивизиях и полках уже составлены планы, а как они выглядят на местности? Докладов и донесений ему недостаточно. Значит, снова на фронт, и не только в штабы, а прежде всего на передовую.

5 июня Жуков прибыл на 1-й Белорусский фронт. Откроем сухой «перечень основных работ», выполненных им при подготовке Белорусской операции. Возьмем только несколько примеров. В день прибытия Жуков вручил командующему фронтом Рокоссовскому директиву Ставки о наступлении. Далее:

«6 июня. Совместно с Яковлевым и Казаковым работал у (командующих армиями) Горбатова, Романенко, командира 35 ск (стрелкового корпуса) Желудева и командира 41 ск Урбановича, посмотрел и изучил передний край и глубину обороны противника до 6 км. С НП лично дал Горбатову и Романенко подробные указания по планированию и организации взаимодействия на стыках подразделений.

7 июня. Разобрал план операции 1-го Белорусского фронта. Выехал в 65-ю армию Батова. Вместе с Рокоссовским и Яковлевым с наблюдательных пунктов командира 18 ск Иванова, командира 69 сд (стрелковой дивизии) Санковского и 44 гв. сд (гвардейской стрелковой дивизии) Петрова изучал передний край противника.

8 июня. Работал у командующего 2-м Белорусским фронтом Захарова и командующего 49-й армией Гришина... Подробно разобрался с противником. Дал практические указания по доразведке огневых точек противника, плохо изученных.

9 июня. С утра совместно с Гришиным, Яковлевым, Захаровым и Штеменко изучал передний край и глубину обороны противника с наблюдательного пункта командира 70 ск Терентьева...

13 июня. В ночь на 13.6. работал над вопросами применения артиллерии. Во второй половине дня со Штеменко и Яковлевым подробно рассмотрел окончательный план операции 2-го Белорусского фронта и сделал некоторые поправки.

19 июня. Разобрал с Новиковым, Скрипко, Худяковым и Яковлевым план действия авиации — Руденко, Вершинина и Голованова на 1-м и 2-м Белорусских фронтах; согласовали удары дальней и фронтовой авиации, увязали действия всей авиации с общим планом артиллерийского наступления по времени, целям и этапам прорыва, отработали вопросы маневра авиации Руденко, Вершинина и Голованова в общих интересах 1-го и 2-го Белорусских фронтов».

Жуков выполнил громадный объем работы, ему помогали представители Ставки, занимавшиеся специальными вопросами: по авиации — командующий ВВС маршал авиации А. А. Новиков, по артиллерии — начальник Главного артиллерийского управления маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, начальник оперативного управления Генштаба генерал С. М. Штеменко.

Вот как запомнился Жуков в эти недели перед началом операции «Багратион» военачальникам фронта. Командующий 65-й армией П. И. Батов:

«На рассвете на КП армии в лес неожиданно приехал маршал Г. К. Жуков с командующим фронтом К. К. Рокоссовским. Первый вопрос представителя Ставки Г. К. Жукова:

— Когда последний раз были в войсках?

— Ночью.

— Где?

— В корпусе Иванова, на участке 69-й стрелковой дивизии.

— Покажите на карте.

— Вот, в этом районе болот.

— Можно проехать?

— Местность открытая, периодически простреливается.

— Едем сейчас!

Что за срочность! Этого, конечно, не спросишь. Но ехать днем под огнем небезопасно...

— Если решено ехать, товарищ маршал, то весьма ограниченному кругу лиц. Интервал между машинами в две-три минуты.

От опушки лесного массива пошли пешком и вскоре укрылись в ходах сообщения. Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский одеты в черные кожаные регланы. Да, не совсем подходящая для переднего края одежда! Я шел впереди. На душе было тревожно. К счастью, немцы вели себя спокойно. Изредка пулеметные очереди перекликались. Рапорт командиров подразделений переднего края. Короткий приказ: оставаться на местах, заниматься своим делом.

Первая траншея. Жуков и Рокоссовский наблюдают в бинокль, оценивают местность и тактическую глубину немецкой обороны. Мелькнула мысль: «Ищут направление главного удара для войск армии и фронта. Если так, то мы не зря здесь поработали!»

Внимание Жукова привлек именно этот болотистый район, где немцы ничего не ожидали. А в болотах уже частично уложили и замаскировали гати для прохода танков через топи. Жуков проверил, как танки преодолевали эти участки, что, отметил Батов, ему «пришлось по душе». Оперативная группа Жукова разместилась на КП армии, заняв 29 блиндажей. Рядом был построен макет полосы наступления, на котором проиграли предстоящую армии операцию. «У ящика с песком, — писал Батов, — вместе с офицерами и генералами армии работали Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский и генералы из их оперативных групп».

Жукову армия была обязана, что родился план операции в двух вариантах. Он заметил: «Наступление, возможно, будет развиваться стремительно, армия выйдет к Бобруйску не на восьмые, а на шестые сутки или даже раньше. Учтите это и планируйте два варианта — ускоренный и обычный». Коль скоро танковые соединения вводились в бой через болота, Жуков придирчиво проверял, каков порядок переправы артиллерии и танков, точны ли расчеты на прочность гатей. Генерал, командовавший инженерными войсками, едва успевал отвечать. Общая картина удовлетворила Жукова. Он бросил: «Это похоже на инженерную операцию».

В 3-й армии генерала А. В. Горбатова Жуков начал с того, что обошел весь передний край. На созванном им совещании выявились резкие разногласия между планами фронта и армии. Штаб фронта предписывал наносить основной удар с плацдарма на реке Друть. Опытнейший военачальник Горбатов указал: перед плацдармом у врага сплошные минные поля, проволока в пять-шесть рядов, огневые точки в стальных колпаках и бетоне. Он стоял на том, чтобы провести операцию правее и левее плацдарма, то есть начать ее форсированием реки. К этому времени Горбатов накопил внушительный опыт успешного применения этого оперативно-тактического приема. Несколько раз на долгом пути на Запад его войска уже опрокидывали врага внезапным форсированием рек.

Жуков оказался в сложном положении — нужно было выбирать между предложениями двух военачальников, которых он высоко ценил и глубоко уважал, — Горбатова и Рокоссовского. Для Георгия Константиновича не имела значения разница в их служебном положении. Горбатов, заметил Жуков, «вполне мог бы успешно справиться и с командованием фронта. Но за его прямоту, за резкость суждений он не нравился высшему руководству. Особенно против него был настроен Берия, который абсолютно незаслуженно продержал его в тюрьме несколько лет». Так мнению кого — Горбатова или Рокоссовского — отдать предпочтение? К тому же если фронт планировал выйти на рубеж Березины на девятый день операции, а армия на седьмой.

Жуков с пристрастием буквально допросил двух командиров корпусов. Они, заметил Горбатов, «преодолевая некоторую боязнь перед таким большим начальником», доложили — лучше план армии. «Как вижу, вы все смотрите в рот Горбатова, а своего мнения не имеете!» — резко закончил разговор Жуков. При завершении разбора предстоявшей операции он, не оспаривая мнения фронта, заключил, что «где развивать успех, на правом или левом фланге, будет видно в ходе прорыва». Наносить ли основной удар с плацдарма или нет, он оставил на усмотрение руководителей операции. Подчеркнуто промолчал об этом в заключительных замечаниях. Решение, вероятно, вынужденное, Жу-

кову пришлось положиться на суд событий, чтобы не наносить накануне ответственнейшей операции ущерба авторитету командования фронта.

Маршал войск связи И. Т. Пересыпкин присутствовал при разборе Жуковым операции в 48-й армии П. Л. Романенко. «Я заметил, что расположение штаба 48-й армии и порядок там Жукову понравились. Это было видно и из того, как поздоровался он с присутствующими и как стал шутить. Однако шутки продолжались недолго... Г. К. Жуков попросил командарма доложить свое решение на предстоящую операцию. Затем он очень внимательно выслушал доклады поочередно выступавших командиров дивизий, задавал им вопросы, предлагал разные варианты действий, спрашивал соседей, что они будут делать в случае, если намерения докладывающего командира не осуществятся. Досконально проверив всех, маршал Жуков, как мне показалось, облегченно вздохнул. А потом задал общий вопрос:

— Скажите, противник занимает первую траншею или нет?

И вышел конфуз. Полный разнобой в ответах. А вопрос имел кардинальное значение — нужно или не нужно тратить на нее массу боеприпасов при артиллерийской подготовке наступления. Не добившись внятных объяснений, помрачневший Жуков сказал:

— Завтра с утра прикажите командующим артиллерией дивизий лично на штурмовиках проверить, занимает противник первую траншею или нет. Результат доложить мне.

На этом закончился так хорошо начавшийся разговор на командном пункте 48-й армии».

Скрытность, скрытность и еще раз скрытность — требовали директивы Ставки. А надлежало к районам прорывов завезти около 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража. Это несколько тысяч эшелонов, сотни тысяч рейсов грузовых автомашин. Развертывание фронтов при подготовке операции «Багратион» прошло мимо внимания неприятеля. Не из-за небрежности немецких разведчиков, а потому, что они поверили нашей стратегической дезинформации — советские войска-де ударят на ковельском направлении с выходом к Люблину и Варшаве. Немцы знали — из 6 имевшихся у нас танковых армий четыре по-прежнему на Украине, туда же шли и шли железнодорожные составы, подвозя новые танки. На деле макеты танков. Ставка непрерывно укрепляла немецкое командование в уже сложившемся у него убеждении, что наступление пойдет где-то южнее, а в Белоруссии можно ожидать только сковывающие действия, и то на считанных направлениях. Даже свой спецпоезд Жуков в расчете на «бдительность» немецкой разведки приказал оставить в полосе 1-го Украинского фронта. По радиостанциям фронта нет-нет да звучала его фамилия.

В светлое время суток на тех участках, где предстояло наступать, с показной торопливостью велись «оборонительные» работы. Категорически запрещалось движение по дорогам днем в районах сосредоточения войск, проводить рекогносцировки большими группами командного состава. Никаких изменений обычного режима огня! Никаких ознакомительных полетов над территорией врага! Маскировка вновь прибывавших частей, укрытых в лесах, была совершенной и систематически проверялась с воздуха.

Нарушение этих приказов влекло самые серьезные последствия. Жуков в таких случаях взыскивал, невзирая на звания. Как-то заслуженные и уважаемые генералы — командующий армией П. И. Батов и командующий воздушной армией С. И. Руденко — задержались в войсках и возвращались в штаб уже после рассвета. Увидели в воздухе инверсионный след вражеского самолета-разведчика, за которым безуспешно гнались наши истребители, видимо, запоздавшие с вылетом.

Штаб, куда приехал Г. К. Жуков, размещался в дремучем лесу. «Спустившись по крутым ступенькам в землянку КП, мы (Руденко и другие. — *Авт.*) стали свидетелями сурового разговора Г. К. Жукова с генералом Батовым и членом Военного совета армии генералом Н. А. Радецким. Оказывается, маршал видел ту же картину, что и мы, и сейчас выяснял, почему не выполняются его указания о строжайшей маскировке, требовал применить к провинившимся самые строгие меры. Пока шел этот разговор, я улыбнулся каким-то своим мыслям, и маршал, который, казалось, до этого совсем нас не замечал, вдруг обернулся и сказал, обращаясь ко мне:

— Чему это вы улыбаетесь? У одного войска плохо

маскируются, другой позволяет летать над ними разведчикам противника. Вот вы вместе и демаскируете операцию. Немедленно наведите порядок.

Продолжая время от времени высказывать нелестные реплики в наш адрес, маршал тем не менее помог Батову и мне увязать все вопросы взаимодействия... Урок, однако, пошел на пользу, и принятые дополнительные меры обеспечили скрытное сосредоточение войск и боевой техники, а действия разведывательной авиации противника были еще более ограничены нашими истребителями».

Да, таков был Георгий Константинович Жуков. Ничто не ускользало от него при подготовке грандиозного наступления.

* * *

Операцию по разгрому немцев в Белоруссии не случайно назвали именем прославленного героя войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона. Он вошел в историю как полководец, наносивший стремительные, безоглядные удары. Этот дух пронизывал все штабное планирование при подготовке операции «Багратион». Глубоко символичным было и то, что операция в четвертый год Великой Отечественной войны начиналась в тех местах, где в 1941 году вермахт проводил «молниеносную» кампанию. Теперь ему выпало «молниеносно» отступать, если удавалось вообще уносить ноги.

Против немецких войск, державшихся на «Белорусском балконе», широко применялись охваты и окружение раздробленных группировок. Полоса нашего наступления протянулась на 1200 километров, из них 700 километров приходились на фронт активных действий. Было запланировано 6 участков прорыва обороны врага, окружению и уничтожению подлежали витебская, бобруйская, оршанская и, наконец, минская группировки. Глубина операции — 600 километров.

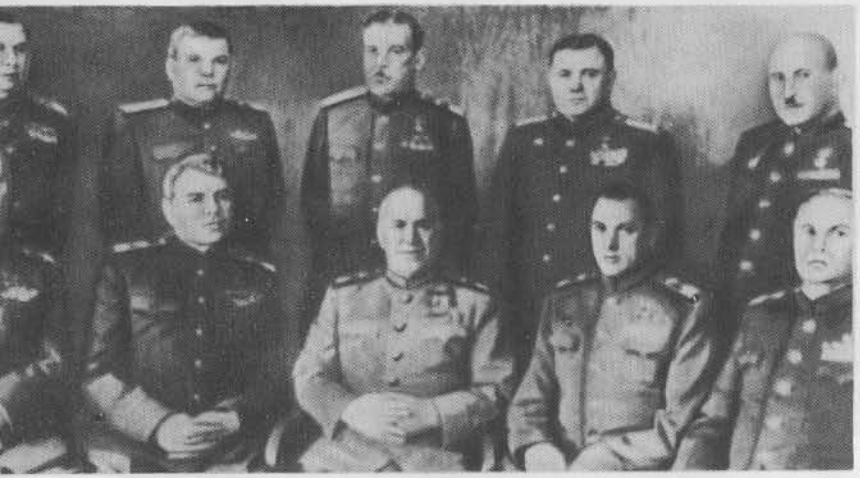
Накануне ее на совещании в Ставке рассмотрели значение предстоящего наступления в рамках коалиционной войны против Германии и ее сателлитов в Европе. 6 июня 1944 года войска западных союзников наконец высадились во Франции. Германия отныне вела войну на двух фронтах. И что же? Сталин предложил Антонову доложить о событиях во Франции.

«Русские должны умереть, чтобы мы жили».

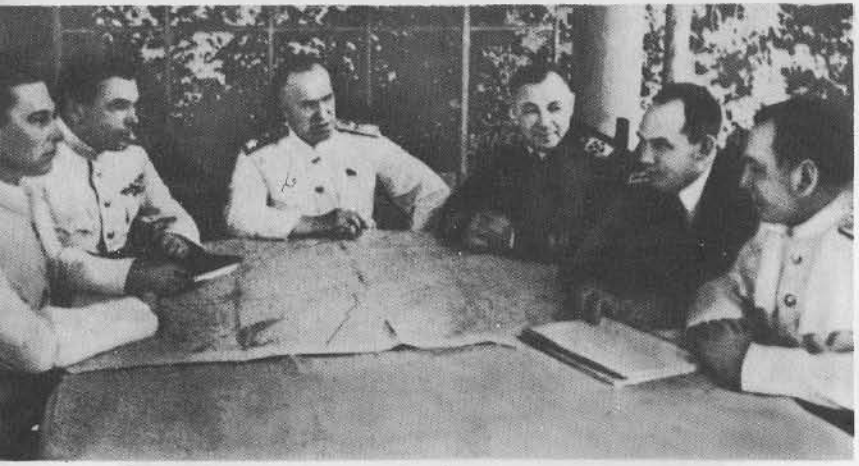
Довоевались. Берлин, *май 1945 г.*

Гитлер зовет к тотальной войне. *Февраль 1942 г.*

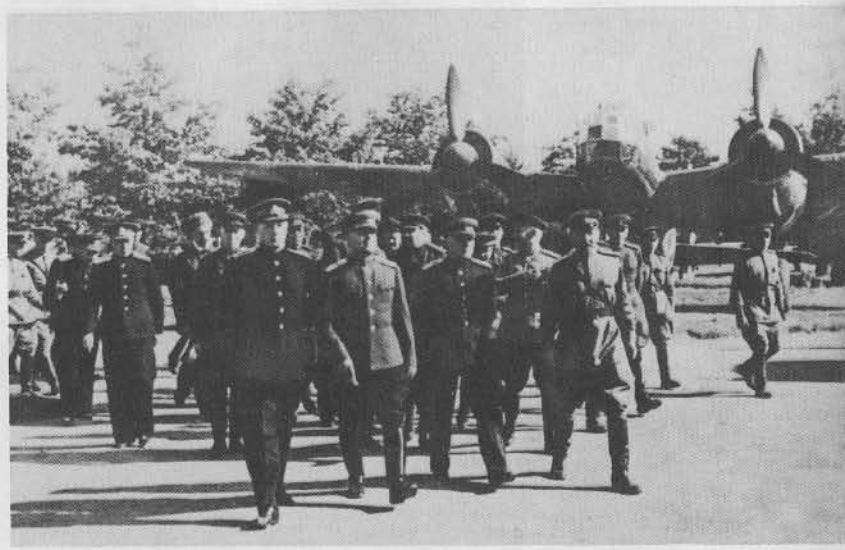
У рейхстага. *Май 1945 г.*



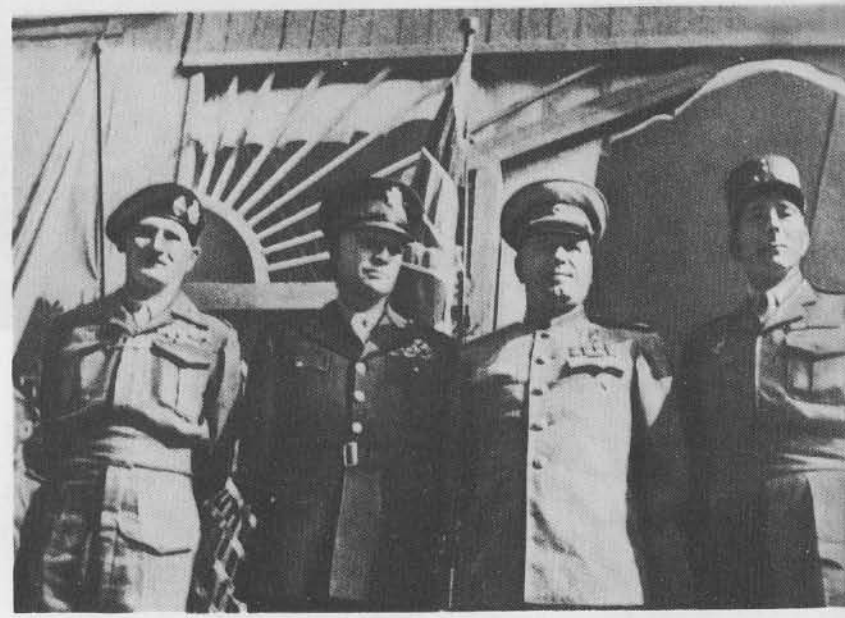
Командующие фронтами. *1945 г.*



В Потсдаме.



Приезд Г. К. Жукова.

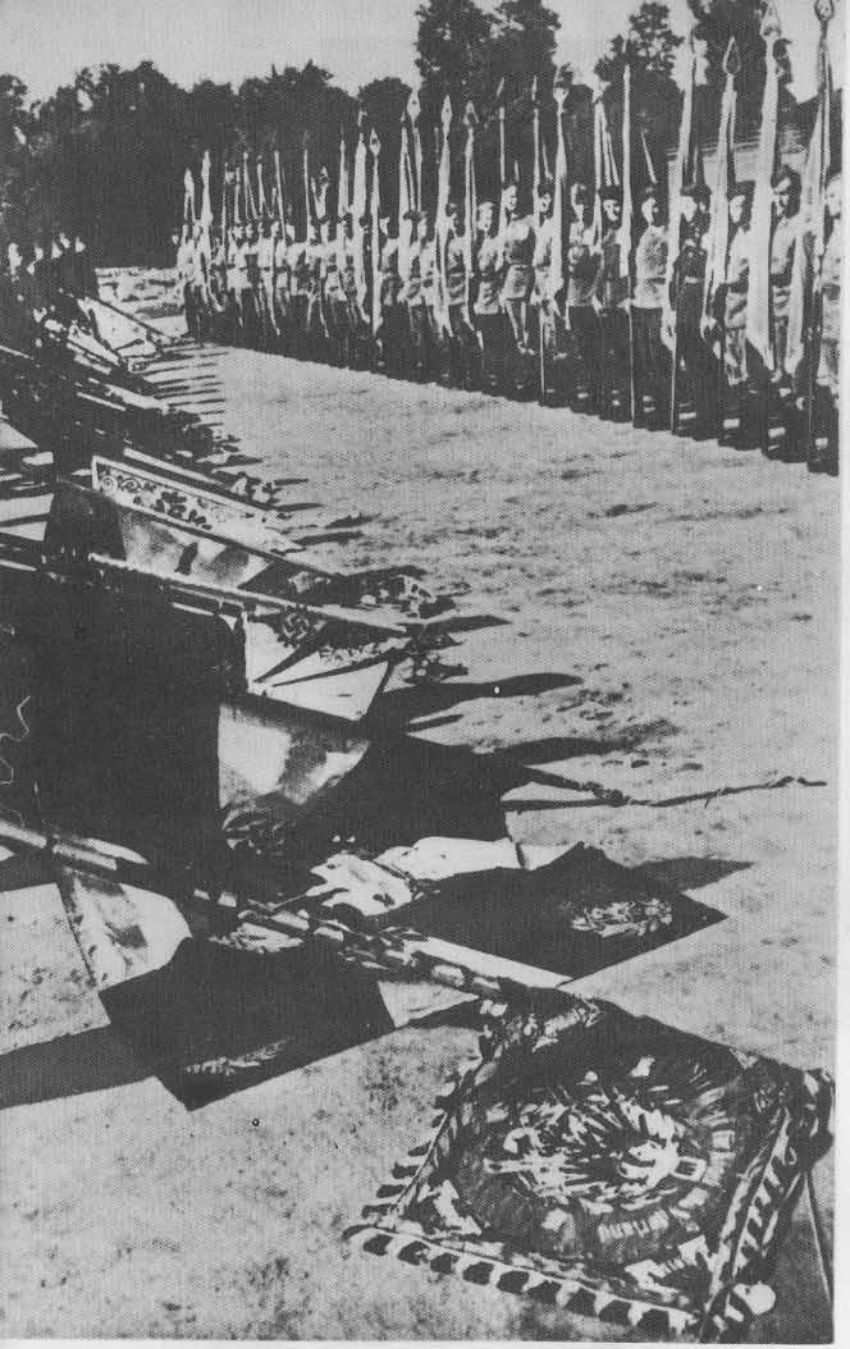


Союзники.

Акт о капитуляции Германии.

Г. К. Жуков
в Германии.

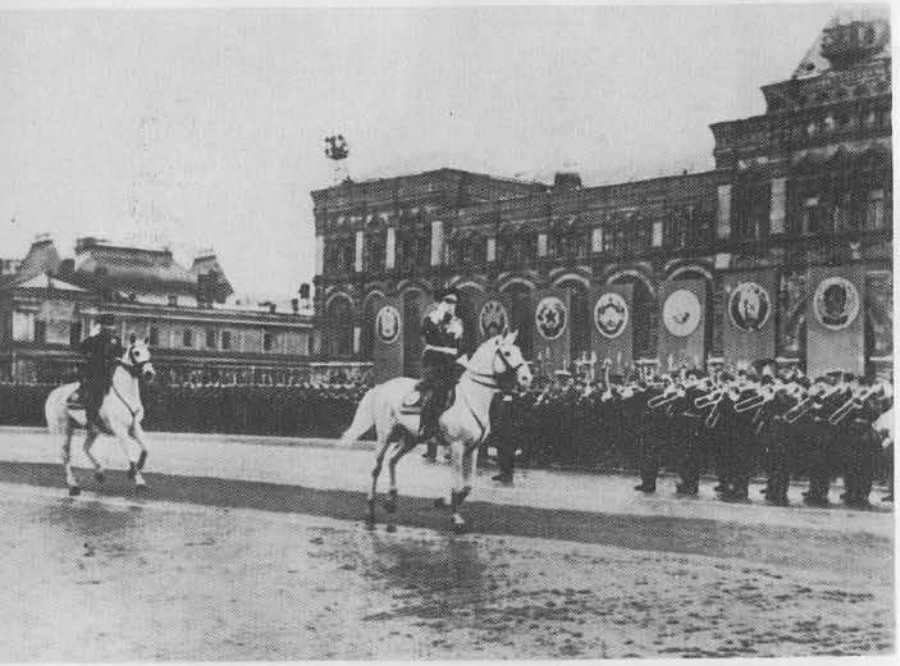
В Потсдаме.
Г. К. Жуков и
В. Д. Соколовский.



Перед знаменами победителей. *1945 г.*

В Потсдаме. В перерыве между заседаниями.

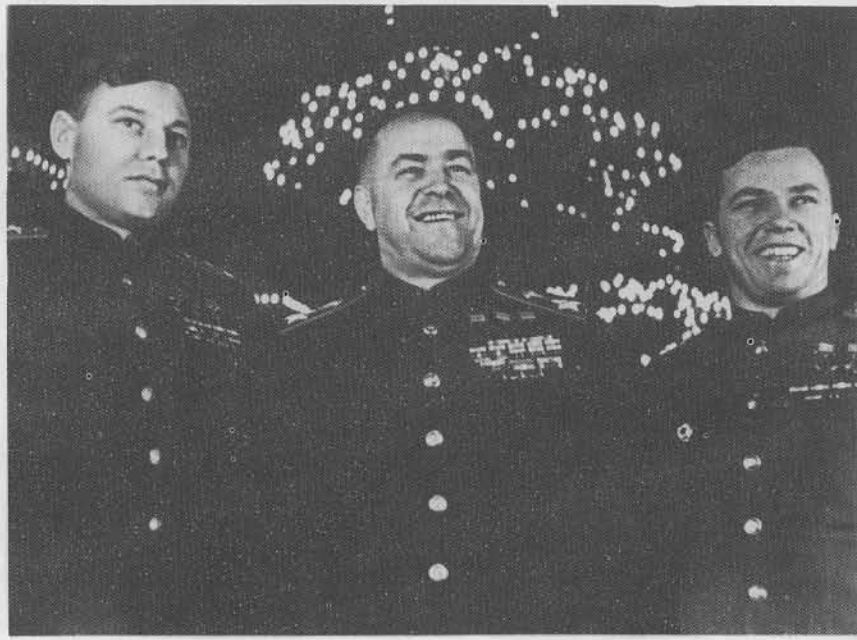
На Потсдамской конференции.



Парад Победы. Москва. *24 июня 1945 г.*

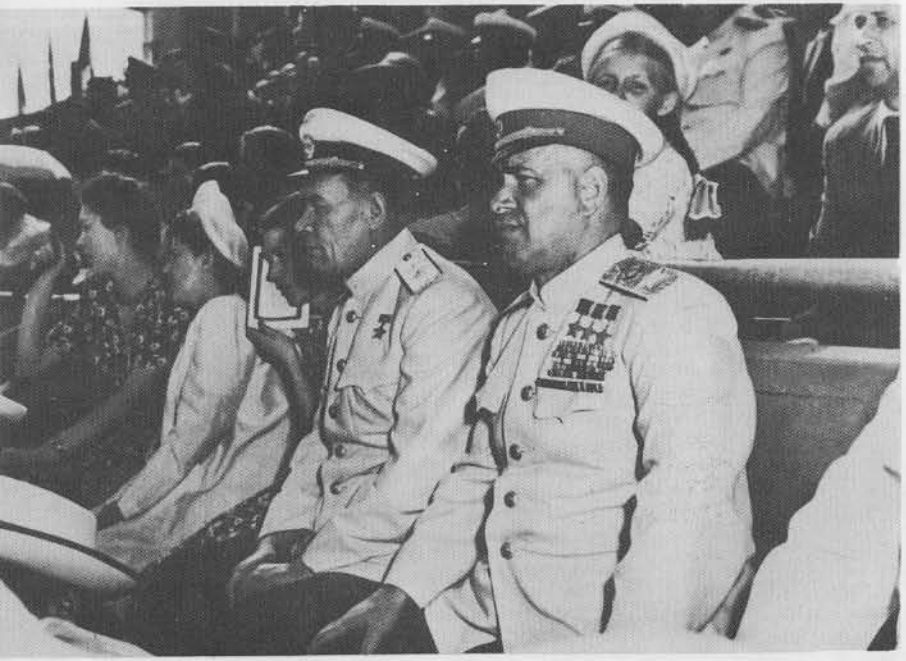
Маршал Г. К. Жуков принимает Парад Победы.

Отечественная война позади.



Трижды Герои Советского Союза А. Покрышкин, Г. Жуков, И. Кожедуб на сессии Верховного Совета СССР. *1946 г.*

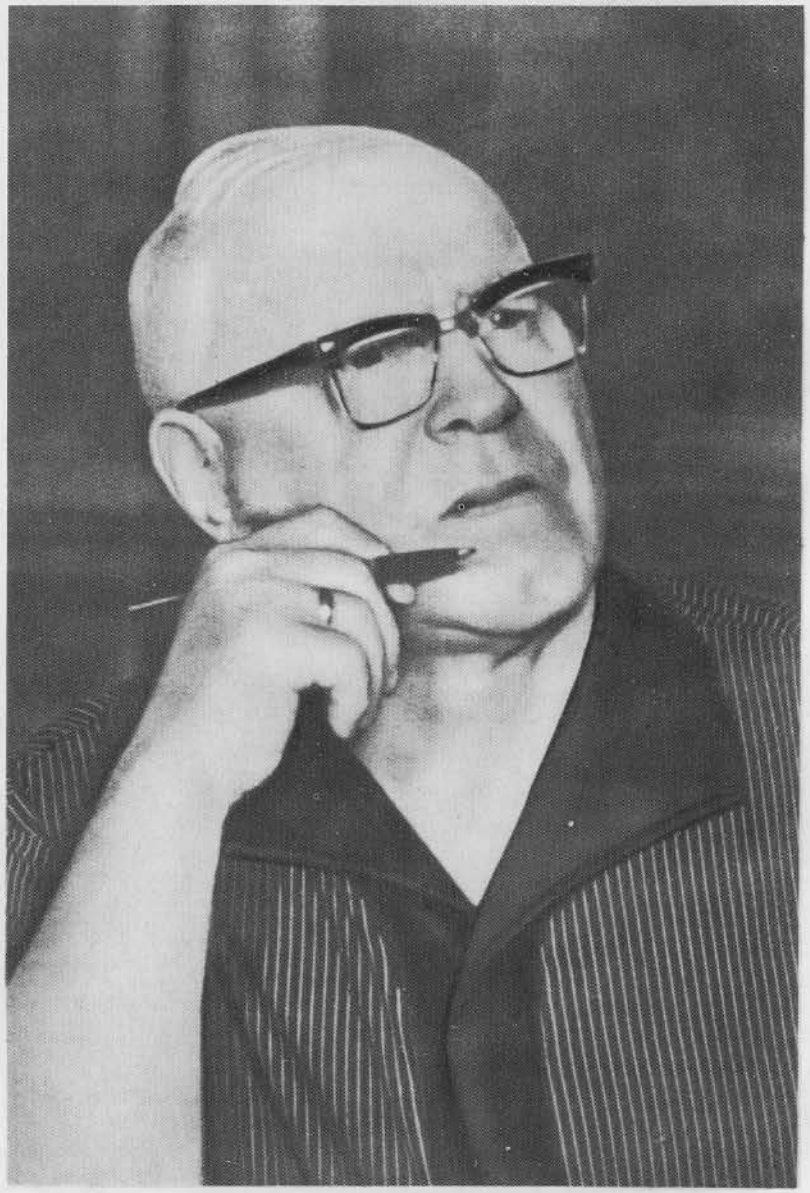
Учения. *1955 г.*



На физкультурном параде. *1946 г.*

Г. К. Жуков на сессии Верховного Совета СССР. *1946 г.*

Дочери Г. К. Жукова — Маша, Эра, Элла.



«Воспоминания и размышления».

Г. К. Жуков с женой Галиной Александровной.

В парадном мундире Г. К. Жуков.

Участники совещания отметили: войска союзников продвигались «крайне медленно». Следовательно, записал Василевский, «обсуждая вопрос о том, как может отразиться высадка англо-американских войск в Нормандии на советско-германском фронте, мы приходили к выводу, что, когда Красная Армия начнет Белорусскую операцию и продолжит успешное наступление против Финляндии, гитлеровское командование перебросит часть войск с Западного фронта на Восточный».

Как всегда, в Великой Отечественной приходилось полагаться на свои силы. К началу Белорусской операции в войсках наших четырех фронтов, которым предстояло выполнять ее, насчитывалось 2,4 миллиона человек личного состава, 36 400 орудий и минометов, 5200 танков и самоходных орудий, 5300 боевых самолетов. У врага — 1,2 миллиона человек личного состава, 9500 орудий и минометов, 900 танков и самоходных орудий, 1350 боевых самолетов.

Решающая роль отводилась 1-му Белорусскому фронту.

По просьбе Жукова Сталин разрешил 1-му и 2-му Белорусским фронтам начать наступление 24 июня, на день позднее, чем 1-му Прибалтийскому и 3-му Белорусскому фронтам. Тут не таилось особой хитрости, речь шла о разумном массировании всей авиации дальнего действия. Ее соединения поочередно обрабатывали с воздуха полосу прорыва в первый и второй день. Жуков счел, что эта операция авиации дальнего действия важнее действий по объектам на территории Германии. В который раз был продемонстрирован один из основополагающих стратегических принципов маршала Жукова — тесное взаимодействие всех видов вооруженных сил. Авиация дальнего действия, по Жукову, не орудие бомбардировок мирного населения, а применяется прежде всего и больше всего в вооруженной борьбе против войск противника.

Местом своего пребывания в начале операции Жуков избрал командный пункт 3-й армии А. В. Горбатова, входившей в 1-й Белорусский фронт. В ночь на 24 июня Жуков поднялся на наблюдательный пункт Горбатова — в нескольких сотнях метров от переднего края среди густых кроп деревьев были замаскированы вышки для наблюдения. Ровно в полночь над головами раздался тяжелый гул — подходили сотни самолетов авиации дальнего действия. Они ориентиро-

вались по свету автомобильных фар, установленных в окопах переднего края и обращенных на восток. Когда грохнули первые разрывы — сбрасывались серии 500-килограммовых бомб, — тугая воздушная волна ударила по лесу, Жуков забеспокоился: не затронуты ли наши войска? Проверили и доложили, что все идет по плану. У С. Н. Руденко «от сердца немного отлегло», ибо «самое страшное для авиаторов на войне — это ударить по своим».

Обработка вражеского переднего края с воздуха продолжалась около часа, а затем ее пришлось прервать: пошел дождь, и экипажи не видели ни сигналов опознавания, ни целей. Пауза. Жуков приказал начать артиллерийскую подготовку в назначенное время с рассветом. Когда небо посерело, ударили тысячи орудий, на участках прорыва работало по 200 с лишним стволов на километр. Маршал несколько минут наблюдал за сплошными разрывами, покрывшими вражеские позиции, потянулся и сказал, обращаясь к генералу, стоявшему рядом:

— Пойдем поспим, эта музыка будет продолжаться еще долго.

Он поступил как подобает опытному военачальнику — все подготовлено, приведено в действие, остается ожидать результатов, когда начнется атака. После более чем двухчасовой артиллерийской подготовки, которую заключили налет штурмовиков и залпы «катюш», поднялась пехота. Впервые в Великой Отечественной войне она шла за двойным огневым валом на глубину в 1,5—2 километра. И сразу увидели: в наступающих цепях вспыхнули разрывы немецких снарядов и мин, открыли огонь неподавленные пулеметные точки. Атака захлебнулась. Надежные и отважные войска залегли.

Тяжелый, затяжной бой. «В этой обстановке, — писал маршал артиллерии Н. Д. Яковлев, — командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вел себя сдержанно, пожалуй, даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твердая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий.

Г. К. Жуков тоже ничем не выдал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рощице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа — в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно вел себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать».

А южнее, в том заболоченном лесистом районе, где наступала 65-я армия Батова, обозначился успех. Эти места Жуков «знал хорошо, так как прослужил здесь более шести лет и в свое время исходил все вдоль и поперек». На фоне происходившего в полосе армии Горбатова донесение Батова представлялось ему малоправдоподобным. Батова вызвали к телеграфному аппарату: «Лично доложите действительную обстановку перед фронтом армии. Жуков». Доложили.

«Аппарат молчал, — вспоминал Батов, — наконец отстучал короткую фразу: «Приеду смотреть сам». В 15.00 на НП в Гомзу приехали Жуков, Рокоссовский, Новиков и Яковлев. Только проскочили их машины, как артиллерия противника из Паричей накрыла участок дороги.

— У тебя тут жарко, Павел Иванович, — сказал Рокоссовский.

— Да, не безопасно, товарищ командующий. Советую не задерживаться.

— Никуда не поедем, — сказал Жуков. — Обедать будем. А пока докладывай».

Жуков убедился, что войска Батова шли с юго-востока в обход Бобруйска, а вот Горбатов пока так и не мог выйти туда же с северо-востока. Следовательно, план окружения гитлеровцев у Бобруйска все еще не выполнялся. Вернувшись в 3-ю армию, Жуков поддержал просьбу Горбатова, не удовлетворенную при подготовке операции, нанести удар севернее. И пошло... Оборона врага была наконец опрокинута: выигрывая фланг немецкой группировки, наш танковый корпус отрезал дорогу отступления немцев через Березину. Другого у них не было. 27 июня в кольце диаметром 25 километров юго-восточнее Бобруйска — свыше 40 тысяч немцев.

В районе Титовки немцы попытались пробиться на

север, но воины армии Горбатова крепко держали фронт окружения. Комдив 108-й стрелковой дивизии генерал П. А. Теремов свидетельствовал о результате пятнадцати контратак в один день 27 июня: «В этом районе были сосредоточены силы нашего артиллерийского полка. Не менее 2 тысяч вражеских солдат и офицеров при поддержке довольно сильного орудийного огня шли на наши позиции. Орудия открыли огонь по атакующим с дистанции семьсот метров, пулеметы — с четырехсот. Гитлеровцы шли. В их гуще разрывались снаряды. Пулеметы выкашивали ряды. Фашисты шли, переступая через трупы своих солдат. Они шли на прорыв, не считаясь ни с чем... Это была безумная атака. Мы видели с НП жуткую картину. Нет, в ней не было и тени воинской доблести. Гитлеровцы были в каком-то полушоковом состоянии. В движении этой огромной массы солдат было скорее животное упорство стада, нежели войска, решившего любой ценой навязать свою волю противнику. Но впечатление тем не менее было внушительным».

К 17 часам воздушная разведка доложила: враг готовится к общему прорыву из окружения. Не терять ни часа, не дать фашистам воспользоваться ночью! Жуков приказал нанести удар с воздуха до наступления темноты. Менее чем за два часа командующий 16-й воздушной армией С. И. Руденко спланировал беспрецедентную операцию — с 19.15 в течение полутора часов 526 наших бомбардировщиков и штурмовиков обрушились на скученные войска противника. Невероятная по эффективности работа авиации. Бомбовыми ударами, пушечно-пулеметным обстрелом поражалась вражеская техника, над дорогой и прилегающим лесом на высоту 300—400 метров поднялись клубы черного дыма. Потеряв рассудок, немцы разбегались куда глаза глядят по горевшему лесу.

Потом специальная комиссия подсчитала: разбито до 150 танков и штурмовых орудий, около 6 тысяч автомашин и тягачей, примерно тысяча орудий, три тысячи повозок. Свыше тысячи вражеских солдат и офицеров убиты. Обезумев от ужаса, нестройные толпы немцев сдавались, пытавшихся сопротивляться добили.

Прорыв у Бобруйска и успехи сопредельных фронтов у Витебска поставили под прямую угрозу окружения всю немецкую группу армий «Центр». Жуков не

без интереса кадрового военного следил за действиями вражеского командования: что оно предпримет?

Он заключил: «Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования в этой операции, мы, откровенно говоря, несколько удивлялись их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска».

Образ действия, избранный тугодумами в немецких штабах, открыл блистательные перспективы для параллельного преследования. Обходя узлы сопротивления, наши танки проходили до 50 километров в день, а среднесуточный темп общевойсковых соединений — 20 километров. Громадную помощь оказывали белорусские партизаны, перекрывшие пути сообщения врага, нанося ему удары с тыла. Дело явно шло к окружению главных сил 4-й немецкой армии. «Как и надлежало в подобных случаях, — заметил Г. К. Жуков, — главные усилия все командные инстанции сосредоточили на разведке, с помощью которой можно было определить замысел и практические мероприятия врага. Но как мы ни старались раскрыть и выяснить что-либо важное в стратегическом руководстве немецкого командования, мы ничего не обнаружили, кроме небольшого усиления особо опасных для них направлений».

Если так, тогда по обнаружившейся тупости немецких генералов судьба их 4-й армии предрешена. Но даже на краю очевидной и неминуемой гибели немцы продолжали выполнять указания — оставлять после своего ухода «выжженную землю».

От партизан получили сведения, что немцы срочно минируют оставшиеся в Минске крупные здания — Дом правительства, здание ЦК партии Белоруссии и окружной Дом офицеров, готовятся стереть их с лица земли. За это они дорого поплатились.

Известия об этом Георгий Константинович, прекрасно знавший город, воспринял крайне болезненно. По его указанию наше командование ускорило продвижение, чтобы предотвратить новое преступление фашистских варваров. 3 июля город был освобожден.

С глубокой скорбью Жуков осмотрел Минск, в котором в свое время прослужил семь лет. Сплошные руины, из которых навстречу освободителям выбирались измученные, истощенные до предела считанные жители столицы Белоруссии, чудом выжившие под пятой оккупантов.

Некоторых виновников и соучастников чудовищных злодеяний добивали в окружении к востоку от Минска. Именно в этом «котле» уничтожили уже к исходу 3 июля основную группу соединений 4-й немецкой армии. Там примерно за неделю была ликвидирована почти стотысячная группировка. В плен сдалось 57 тысяч германских вояк, среди них двенадцать генералов.

Как и везде, освобожденная земля носила страшные следы немецких злодеяний. В Белоруссии они убили 2200 тысяч мирных жителей и военнопленных. Уничтожили целиком или частично 209 городов и районных центров, 9200 сел и деревень. Зверства оккупантов служили самой наглядной агитацией против врага: по сравнению с ними блекли любые слова. Теперь фашистских зверей настигло справедливое возмездие.

Генерал Горбатов, подъезжая к железнодорожному мосту через Березину, был поражен: на поле более трех тысяч вражеских трупов. Здесь безуспешно пыталась прорваться очередная орда окруженных и попала под огонь счетверенных зенитных пулеметов нашей охраны моста. Горбатову «вспомнилось старинное выражение: «Трупы врагов пахнут хорошо»; и я изменил маршрут двум дивизиям второго эшелона, которые направлялись к наведенному мосту у местечка Свислочь, чтобы они прошли через железнодорожный мост и посмотрели на работу своих товарищей из первого эшелона. Пройденные ими лишние шесть километров окупятся в будущем, думал я».

Да, то, несомненно, была лучшая воспитательная работа в войсках, которые испытали глубокое удовлетворение при виде поверженных врагов и не хотели отставать от своих боевых товарищей в бою. Ярость наступавших все увеличивалась, они сметали со своего пути фашистскую нечисть.

К десятым числам июля, оставив далеко позади Минск, наши доблестные войска вели бои на меридиане Вильнюс — Барановичи — Пинск. От Западной Двины до Припяти в полосе примерно 400 километров организованная германская оборона рассыпалась.

7 июля последовал вызов Жукова в Ставку. На следующий день Сталин пригласил маршала вместе с Антоновым на дачу. Верховный был в отменном настроении, шутил. Его настроение еще более поднялось после разговора по телефону с Василевским, с фронта шли новые отрадные вести. На дачу приехали Молотов и Маленков. Завязалась общая беседа о перспективах войны. «По тому, как сжато и четко высказывал И. В. Сталин свои мысли, — отметил Жуков, — было видно, что он глубоко продумал все эти вопросы. Хотя Верховный справедливо считал, что у нас хватит сил самим добить фашистскую Германию, он искренне приветствовал открытие второго фронта в Европе. Ведь это ускоряло окончание войны, что было так необходимо для советского народа, крайне измученного войной и лишениями».

Для собравшихся у Сталина не было секретом, что Германия идет к поражению. В военном отношении она проиграла войну на советско-германском фронте уже на рубеже 1943—1944 годов. Конечно, как «азартный игрок», отметил Сталин, он попытается искать политический выход, но Рузвельт и Черчилль не пойдут на сделку с ним. Они будут стремиться к созданию в Германии «послушного им правительства».

С высот политики к делам военным. Сталин спросил мнение Жукова, могут ли наши войска дойти до Вислы и где вводить в дело 1-ю Польскую армию, созданную в СССР. Жуков выразил твердую уверенность, что можно не только дойти до Вислы, но и захватить на ней «хорошие плацдармы» для дальнейшего наступления на Берлин, а 1-ю Польскую армию нацелить на Варшаву.

Сталин приказал Жукову взять на себя руководство и 1-м Украинским фронтом, который должен был на днях выступить, взаимодействуя с левым крылом 1-го Белорусского фронта. У маршала Конева, командующего 1-м Украинским фронтом, к этому времени было 1,1 миллиона личного состава, 16 100 орудий и минометов, 2050 танков и самоходных орудий и 3250 самолетов.

Громада! А цель — освобождение Львовской области, восточной части Польши и выход на Вислу. Жуков быстро прикинул: сил и средств больше, чем требуется. Не лучше ли взять у Конева ряд соединений, по крайней мере одну из четырех танковых армий, пере-

бросить их в группу фронтов Василевского, усилить их и захватить с ходу Восточную Пруссию? Пока враг бежит, и едва ли он сможет поставить прочный заслон.

— Вы что, сговорились с Василевским? — спросил Сталин. — Он тоже просит усилить его.

— Нет, не сговорились. Но если он так думает, то думает правильно.

— Немцы будут до последнего драться за Восточную Пруссию. Мы можем там застрять, — категорическим, не допускавшим возражений тоном закончил обмен мнениями Сталин.

Вечером в тот же день Жуков вернулся к этому вопросу. Он повторил Сталину свои доводы о необходимости «нанести в ближайшее время более мощные удары на восточно-прусском направлении, с тем чтобы заранее выиграть фланг на западном стратегическом направлении... На этот раз И. В. Сталин ответил, что посоветуется с А. М. Василевским и Генштабом. Я чувствовал, что он по каким-то соображениям хочет быстрее выйти на Вислу, оставляя Восточную Пруссию для последующей операции. Думаю, что это было его ошибкой, что впоследствии подтвердилось: когда в 1945 году началась Висло-Одерская операция, Восточная Пруссия нависла над флангом нашей стратегической группировки, нацеленной на берлинское направление, причинив нам много хлопот.

Я неоднократно пытался связаться лично с А. М. Василевским, чтобы переговорить с ним по этому вопросу, но мои попытки не увенчались успехом, так как он находился где-то в войсках 3-го Белорусского фронта».

Надо думать, не стоит удивляться тому, что Василевский вдруг стал «неуловимым» при превосходной налаженной связи Москвы с фронтами. Объяснение, думается, очень простое — Василевский узнал о том, что Сталин против предложения Жукова.

Итак, Сталин и Василевский переиграли в споре, затеянном Жуковым. Что, он был фантазером, наш великий полководец? Нет и еще раз нет! В июле 1944 года дорога в Восточную Пруссию была открыта: Сталин, конечно, был прав, что гитлеровцы «будут до последнего драться» за нее, но чем? Да, были укрепления, построенные еще до и во время первой мировой войны, но не было войск, чтобы занять их.

Только 5 июля Гитлер приказал немедленно сформировать главным образом для прикрытия Восточной Пруссии 15 «гренадерских дивизий». Первым из них предписывалось прибыть на фронт в конце июля, остальным к концу августа. 13 июля он выступил перед 160 командирами, назначенными в эти дивизии. То была последняя речь Гитлера перед относительно большой аудиторией. Текста ее не сохранилось. Население Восточной Пруссии погнали к границе восстанавливать и строить новые укрепления. Какой эффект?

Тех, кто мог немедленно защищать Восточную Пруссию, уже не было. Прежде всего не было войск, которые могли бы отойти с Востока. Вот что происходило по ту сторону фронта, по описанию П. Карелла (как уже отмечалось, псевдоним начальника отдела печати МИД нацистской Германии П. Шмидта) в книге 1971 года. 25 июля из окруженного Витебска командующий 53-м корпусом генерал Гольвитцер сдал «героические» телеграммы, хотя, отмечает Карелл, «53-й корпус с его 35 000 солдат и офицеров был обречен. В 19.30 командир корпуса передал свою последнюю радиограмму из города: «Даю личную клятву сражаться до конца. Гольвитцер». Это была сознательная ссылка на вошедшую в историю радиограмму, которую 23 августа 1914 года комендант немецкой крепости Циндао направил кайзеру Вильгельму. Тогда капитан Мейер Вельдек радировал из укрепленной немецкой базы в Китае: «Лично клянусь выполнять свой долг до конца». Капитан защищал Циндао со своими четырьмя тысячами солдат против 40 000 японцев еще два с половиной месяца.

Гольвитцер не продержался со своим корпусом и двух дней. Утром 26 июня он готовился к прорыву на юго-запад. Отдельным немецким частям удалось к 27 июня достичь района в 20 километрах к юго-западу от Витебска. О том, что произошло дальше, повествует «История Великой Отечественной войны Советского Союза»: «Прорваться удалось лишь одной немецкой группе, насчитывавшей около 8 тыс. человек. Но она была вновь окружена и вскоре уничтожена. Утром 27 июня остатки вражеских дивизий приняли ультиматум советского командования о капитуляции и сдались в плен. Противник потерял под Витебском 20 тыс. убитыми и более 10 тыс. пленными. В плен сдались командир 53-го армейского корпуса генерал

пехоты Гольвитцер и начальник штаба этого корпуса полковник Шмидт».

А что случилось с 206-й пехотной дивизией, которой надлежало удерживать Витебск? Несмотря на непрерывный поток радиограмм из ставки Гитлера, требовавших от 206-й дивизии «оборонять город до подхода подкреплений», ничто не могло остановить порыв наступавших советских войск. Немецкие части к северу от Витебска были разбиты. Город стал могилой для тысяч немецких солдат. Понимая это, генерал-лейтенант Гиттер днем 26 июня под свою ответственность отдал приказ прорываться из окружения. Раненых погрузили на повозки и на артиллерийские тягачи и в 22.00 немецкие части бежали из города.

Передовые отряды кое-как продвинулись на несколько километров. Затем они были остановлены и окружены соединениями 39-й армии русских. Отчаянная попытка прорвать линию советских войск штыковым ударом с криками «ура!» провалилась. Это было последнее сражение 301-го, 312-го и 413-го гренадерских полков, известных своими боевыми традициями в Восточной Пруссии. Уцелевших после боя взяли в плен в лесу. Лишь горстке солдат и офицеров удалось спастись. После долгих скитаний они добрались до немецких позиций, где и рассказали о трагической участи дивизии.

Коль скоро Восточная Пруссия находилась под угрозой вторжения, пункт по расформированию дивизии открылся в городе Рудольфштадте, Тюрингия. После кропотливой и трудоемкой работы — все документы и архивы погибли в витебской катастрофе — 12 тысяч похоронных извещений разослали родственникам погибших и пропавших без вести солдат и офицеров. 18 июля 1944 года было официально объявлено о гибели дивизии и отдан приказ о ее расформировании. Эту официальную дату гибели дивизии использовали для ее нового номера полевой почты — 18744 — как надпись о дне смерти, высеченную на надгробной плите». На том кончает свой скорбный рассказ Карелл.

18 июля ближайший подручный фюрера Мартин Борман записывает: «Русские у Августова, вплотную к границе Восточной Пруссии. Если их танковые соединения нажмут хоть немного, нам пока нечем остановить. Вновь формируемые дивизии все еще не имеют необходимых противотанковых средств!»

Теперь из сферы возможного к тому, что происходило в действительности. 11 июля Жуков прибыл на 1-й Украинский фронт и развернул свой командный пункт в районе Луцка. 13 июля фронт перешел в наступление и за пять дней продвинулся до 80 километров. Развернулась Львовско-Сандомирская операция, практическая подготовка которой прошла мимо Жукова. Сначала она развивалась куда более медленнее, чем ожидали в штабе фронта и Ставке. Толчок операции был дан 18 июля, когда «в тот памятный день» рванулись на Люблин войска левого крыла 1-го Белорусского фронта. Впереди — Висла!

От успехов наших войск просто дух захватывало. Фронты катились на запад, прямо на запад. Хотя Жуков был с войсками 1-го Украинского фронта, мысль о том, что нужно сломить противника в Восточной Пруссии с ходу, не оставляла его. Он знал, что от этого зависело главное — эффективность нашего наступления на Берлин. Жуков, разумеется, не мог знать приведенное выше мнение Бормана. Но он видел обстановку. 19 июля он посылает внеочередное донесение «в собственные руки» Сталину. Документ Жуков не доверил телеграфу, а отправил с офицером. То было из ряда вон выходящее по важности донесение:

«Товарищу Сталину.

В связи с близким подходом наших войск к госграницe, докладываю свои соображения по построению операции Белорусских фронтов на ближайший период:

1. Главной стратегической целью 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии...

Наиболее выгодные направления для наступления в Восточную Пруссию:

1-е направление — из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц.

2-е направление — из района Каунас — Алитус через Гумбинен на Кенигсберг, обходя обязательно с юга район затопления и Летценский укрепленный район.

3-е направление — из района Млава через Хохенштайн — Алленштайн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточнее Вислы в общем направлении на Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района».

Г. К. Жуков разрабатывал наметки замечательного плана в горестную годовщину — за 30 лет до этого русские войска в августе 1914 года вступили в Восточную Пруссию. Они потерпели поражение, командующий одной из армий генерал А. В. Самсонов застрелился. Он предпочел смерть позору плена. Немецкая пропаганда с тех пор превозносила эту победу над русскими «ордами». Теперь ровно через тридцать лет Жуков собирался послать могучие танки и устрашающие самоходные орудия (калибр некоторых 152 мм!) по тем же дорогам, по которым не дошли в 1914 году до Кенигсберга и побережья самсоновские солдаты. Унтер-офицер первой мировой войны и маршал второй Г. К. Жуков всей душой устремился смыть вражеской кровью пятно поражения русской армии. Он мыслил возвышенно, Георгий Константинович Жуков. Он не сомневался, что план, много улучшенный вариант невыполненного плана 1914 года, осуществим, ибо заканчивал свое послание Сталину так:

«Для выполнения вышеизложенных задач 1-му Белорусскому фронту войск хватит. Ему нужно добавить 300 танков и 100 самоходных орудий.

2-му Белорусскому фронту потребуется одна армия в 9 дивизий, один стрелковый корпус — три дивизии, два-три танковых корпуса или танковая армия, четыре тяжелых танковых полка, четыре полка артиллерийских самоходных установок — 152 мм и усилить фронт авиацией...

Считал бы крайне полезным по предстоящим операциям посоветоваться с Вами лично, и хорошо бы вызвать Василевского».

Вызова в Москву не последовало. Сталин остался при своем мнении. Он так и не понял, а Василевский, по-видимому, не объяснил, что значила бы для русского сердца победа в Восточной Пруссии в августе 1944 года в годовщину тягостного августа 1914 года.

20 июля в самой мрачной атмосфере в ставке Гитлера собралось совещание. Докладывавший начальник оперативного отдела генерал Хойзингер рисовал безотрадную картину обстановки на Восточном фронте. В разгар его доклада прямо из Берлина приехал начальник штаба армии резерва полковник Штауффенберг, вызванный как раз с докладом о «гренадерских дивизиях» для Восточной Пруссии. Оставив объемистый портфель в зале заседаний, Штауффенберг вышел. Хойзингер показывал на карте клинья советских армий — над группой армий «Север» нависла угроза окружения. Он повысил голос: «...если наша группа армий не будет немедленно отведена, то катастрофа...»

Фразу прервал мощный взрыв бомбы в портфеле Штауффенберга.

Покушение подготовила группа заговорщиков, которые убийством фюрера пытались предотвратить военный крах Германии. Гитлер уцелел и жестоко расправился не только с ними, но и со всеми заподозренными в нелояльности режиму. Террор нацистов и пропаганда укрепили сопротивление вермахта. Начальником генерального штаба Гитлер 21 июля назначил опытного генерала Гудериана.

Приняв дела, тот заключил: «...положение группы армий «Центр» после 22 июля 1944 года было просто катастрофичным, худшего ничего и не придумаешь... русские, казалось, неудержимым потоком хлынули к реке Висла». Остатки разбитых в Белоруссии немецких войск бежали в Польшу. Резервы? «Единственные оставшиеся в нашем распоряжении силы находились в Румынии, в тылу группы армий «Южная Украина». Уже одного взгляда на карту железных дорог было достаточно, чтобы понять, что переброска этих резервов займет много времени».

Дорого обходился немцам выход советских войск под командованием Жукова в марте 1944 года в Карпаты!

Ко второй половине июля наши войска прошли за месяц около 500 километров, тылы отставали, ослабела поддержка с воздуха: новые аэродромы не поспевали за фронтом, катившимся на запад. В этот момент Гудериан и взял руководство в свои руки.

Жуков, которого всегда отличала объективность, спокойно заметил в своих воспоминаниях об этих событиях: «Все же я должен сказать, что командование группы армий «Центр» в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действия. В связи с тем, что сплошного фронта обороны у них не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать

наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта». Еще Жуков добавил: «Принятое ими после разгрома в белорусском котле решение следует признать смелым и умным».

Все это затрудняло, но не могло остановить и не остановило прорыва наших наступавших войск. 23 июля ударная группировка 1-го Белорусского фронта освободила Люблин, а 24 июля форсировала Вислу, создав плацдармы в районах Магнушева и Пулавы. Тем временем 1-й Украинский фронт завершает Львовско-Сандомирскую операцию. 27 июля был взят Львов, а 29 июля форсирована Висла и создан Сандомирский плацдарм.

Воздавая должное войскам 1-го Украинского фронта, Жуков все же счел, что при планировании операции, хотя и успешно завершившейся, были допущены промахи, нетерпимые на четвертом году войны. Недоработки разведки, дефекты при артиллерийской и авиационной подготовке, не всюду разгадали контрманевры противника и т. д.

Недоработки эти носили, пожалуй, хрестоматийный характер. Как заметил Г. К. Жуков: «Ведение огня и бомбометание по площадям не может уничтожить систему обороны противника. Так и получилось на львовском направлении: стреляли много, бомбили тоже немало, а нужных результатов не получилось... Пехота в наступательных боях весьма чувствительна к огню обороны противника. Все уцелевшие во время артиллерийской подготовки — пулемет, орудие, вкопанный в землю танк, дот или огневой узел — способно «прижать» наступающую пехоту и задержать ее продвижение вперед. В этих случаях большую роль играют танки, сопровождающие пехоту и подавляющие своим огнем уцелевшие от артподготовки огневые средства врага. Все это также не было полностью учтено... Непонятно, почему историки при описании Львовско-Сандомирской операции обходят молчанием допущенные ошибки». Повлекшие за собой излишние потери уже по той причине, что 1-й Украинский фронт И. С. Конева в то время был буквально перенасыщен войсками, которые расходовались непропорционально достигавшимся целям.

Летняя кампания 1944 года обошлась вермахту, по подсчетам маршала Жукова, в 147 разгромленных дивизий. Был разбит весь оборонительный фронт врага — на протяжении 2200 километров. Наибольших успехов мы достигли на центральном участке, где действовали фронты Белорусского направления и 1-й Украинский фронт. Пройдя свыше 600 километров, советские войска вышли за Вислу, прочно встав на трех плацдармах. До Берлина оставалось столько же километров, сколько 1-й Белорусский фронт покрыл за месяц с небольшим. Теперь этот фронт был острием клина Красной Армии, нацеленным прямо на запад, на Берлин.

29 июля Сталин и Калинин поздравили Г. К. Жукова с награждением второй медалью Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Август 1944 года прошел в тяжких боях на центральном участке советско-германского фронта. Гремели призывы к войскам, созвучные общему настроению, некоторые довольно пространные: «Друзья, вперед! Преследовать раненого фашистского зверя по пятам, не давать ему передышки ни днем, ни ночью!» Другие лозунги четкие и ясные: «Добьем фашистского зверя в его берлоге!»

Зверь у порога своего логовища свирепо сопротивлялся. Наши плацдармы за Вислой блокированы. Восточная Пруссия ощетинилась. Гудериан, которого преследовал кошмар — советские танки в Восточной Пруссии, — перебросил в цитадель разбойничьего прусского милитаризма войска из Прибалтики. Ценой громадных потерь немцам удалось удержать фронт от Балтийского моря до Карпат.

Удалось удержать, но «в течение лета и осени 1944 года немецкую армию постигло величайшее в ее истории поражение, превзошедшее даже сталинградское» — написал немецкий генерал З. Вестфаль в нашумевшем в свое время среди специалистов коллективном труде «Роковые решения» (1958). Работа была выполнена сразу после войны группой пленных высокопоставленных немецких генералов, по наущению и под руководством американцев. Во введении к труду было сказано: «Мы, американцы, должны извлечь пользу из неудачного опыта других». Так что в объективности западной оценки эпохальной кампании 1944 года сомнений нет.

Показатель случившегося, добавил Вестфаль, что «в конце августа Красная Армия вступила в Восточную Пруссию. Линия фронта настолько приблизилась, что орудийные выстрелы отчетливо слышались в ставке Гитлера около Растенбурга». Хотя Жуков не мог не знать об этом, он не обольщался. Время было упущено.

Нужна была пауза в военных действиях, в противном случае неизбежны бесполезные потери. 29 августа Ставка приказала прекратить наступление фронтам на этом направлении.

* * *

22 августа Жуков был отозван в Москву для выполнения особого задания Государственного Комитета Обороны. Оно состояло в том, чтобы подготовить операции в Болгарии, прогитлеровское правительство которой оставалось с Германией.

В это время советские войска южного крыла фронта, начав 20 августа Ясско-Кишиневскую операцию, разбили немецко-румынские армии в Румынии и стремительно шли на юг к болгарской границе. 23 августа в Румынии вспыхнуло вооруженное восстание. Теперь, когда бежавшие немцы привели в Румынию победоносную Красную Армию, румынские части опомнились и повернули оружие против гитлеровцев. Германское командование попыталось было наказать бывшего союзника, соратников по разбойничьей войне против СССР. Эти поползновения были пресечены Красной Армией. В октябре Румыния была полностью освобождена. В семимесячных боях на ее территории с марта 1944 года наши потери достигли 286 тысяч человек, из них 69 тысяч убитых. Румынская армия в борьбе за освобождение своей страны потеряла 58,3 тысячи убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Когда в двадцатых числах августа Жуков приехал в Москву, Сталин посоветовал ему встретиться с Георгием Димитровым. Он произвел на Жукова «впечатление исключительно скромного и душевного человека». Димитров — руководитель патриотических сил Болгарии заверил, что его народ ждет Красную Армию, «вас встретят не огнем артиллерии и пулеметов, а хлебом и солью, по нашему старому славянскому обычаю».

В этом сомнений не было. «Но мы, — писал Жуков, — люди военные, получив задачу от руководства, должны ее выполнять с величайшей точностью». Димитров заверил: «В горах и лесах — значительные партизанские силы. Они не сидят без дела и готовы спуститься с гор поддержать народное восстание». По мнению Димитрова, сила, но Жуков знал, болгарская армия насчитывала 510 тысяч человек, к концу августа 1944 года в стране было около 30 тысяч фашистских войск, контролировавших важнейшие коммуникации и аэродромы.

В последних числах августа Жуков прибыл в штаб 3-го Украинского фронта, которому предстояло действовать в Болгарии. Фронт под командованием Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина насчитывал 258 тысяч личного состава.

4 сентября 1944 года представитель Ставки ВГК маршал Жуков и командование 3-го Украинского фронта представили в Ставку ВГК план операции по овладению приморской частью Болгарии. Конечно, жуковский почерк. Прежде всего обеспечить внешний фронт охвата — в данном случае эту роль играло Черноморское побережье. Пресечь морские коммуникации, которые мог бы использовать вермахт.

Во всеоружии опыта, накопленного в годы Великой Отечественной войны, планировалась смелая операция на глубину до 210 километров, которые предстояло пройти с боями за 10—12 дней. На двух участках прорыва — по 8 километров по фронту — сосредоточивались 180—200 стволов орудий и 82-миллиметровых минометов на 1 километр фронта прорыва. Готовность к началу операции, утвержденной Ставкой ВГК 5 сентября, устанавливалась: 10 сентября 1944 года. Поспели раньше, утром 8 сентября фронт был готов к выступлению.

План планом, а Жуков выполнил куда более приятную задачу — помог штабу фронта спланировать мирное вступление советских войск в Болгарию. Войска должны быть готовы к встрече с дружественным народом. От артиллерийской и авиационной подготовки наступления, естественно, отказались — самое тщательное наблюдение не обнаружило на болгарской территории воинских частей.

8 сентября в 11 утра передовые подвижные отряды в колоннах перешли румыно-болгарскую границу, а че-

рез полтора часа за ними последовали главные силы. На земле Болгарии нас встретили как братьев. Болгарские воинские части выстраивались вдоль дорог с красными знаменами, оркестрами.

Жуков немедленно позвонил в Ставку и рассказал о происходившем.

— Все оружие болгарских войск оставьте при них, пусть они занимаются своими обычными делами и ждут приказа своего правительства, — сказал Сталин.

8-го и 9-го были заняты Варна и Бургас. Немцы, попав в безвыходное положение, затопили свои суда и пошли в плен. 9 сентября власть перешла к правительству Отечественного фронта, которое разорвало отношения с Германией и объявило ей войну. Ставка приказала с вечера 9 сентября прекратить военные действия в Болгарии и остановить наши войска на тех рубежах, на которые они вышли. Так закончилась «война», в которой не было жертв с обеих сторон.

Жукову пришлось задержаться в Болгарии до середины сентября. Гитлеровцы вторглись в страну с запада. По просьбе правительства Отечественного фронта наши войска проделали марш почти в 500 километров, вышли на югославско-болгарскую границу. Болгарская армия в оперативном отношении была подчинена командующему войсками 3-го Украинского фронта.

Нельзя было исключить вторжение в Болгарию турецких войск. Выдвижение, по условиям перемирия, части сил 3-го Украинского фронта (37-й армии) на юг Болгарии свело на нет эту угрозу. Наконец в Софию внезапно и незаконно прибыла англо-американская миссия. Пришлось дислоцировать в столице Болгарии усиленный стрелковый корпус.

Во все это внес определенный вклад Г. К. Жуков, выполняя не только военную, но и политическую миссию Ставки в дружественной Болгарии.

* * *

В середине сентября Жуков вернулся в Москву и тут же получил распоряжение от Сталина вылететь на 1-й Белорусский фронт. «Вы там свой человек, — сказал ему Сталин, — разберитесь с Варшавой на месте и принимайте меры, какие нужно. Нельзя ли там

провести частную наступательную операцию по форсированию Вислы именно войсками Берлинга... Задачу полякам поставите лично вместе с Рокоссовским и сами помогите организовать дело».

Жуков восстановил в памяти недавнее прошлое, а в Генштабе получил исчерпывающую информацию о том, что произошло в Варшаве за последний месяц. С вступлением Красной Армии в Польшу 21 июля 1944 года был организован Польский комитет национального освобождения, которому принадлежала власть в стране. В Лондоне пребывало эмигрантское польское «правительство», имевшее свои подпольные воинские формирования в Польше — Армию Крайову (АК). Это правительство Миколайчика носилось с химерическими планами создания «условий для польской победы в вероятном будущем конфликте с Германией и Россией». Отряды АК нацеливались на то, чтобы установить до подхода Красной Армии в те или иные районы власть лондонского правительства. 7 июля они попытались было взять Вильнюс, пятитысячный объединенный отряд был разбит немцами. Вильнюс освободила 13 июля Красная Армия. Три тысячи аковцев 23 июля сунулись брать Львов, но были разогнаны немцами. Через три дня Красная Армия вызволила город из фашистской неволи.

В этом ряду операций АК и были драматические события в районе столицы Польши, разыгравшиеся в начале августа. Когда Красная Армия приблизилась к Висле, 1 августа по указке эмигрантской верхушки в Варшаве было спровоцировано вооруженное выступление. О нем не были заранее поставлены в известность ни Москва, ни командование 1-го Белорусского фронта. Стоило прозвучать в Варшаве первым выстрелам, как выступило население, и провокация вылилась в массовое антифашистское восстание. Цель провокаторов была очевидной — захватив Варшаву, объявить, что у Польши есть «правительство». Ради этого они бросили против вооруженных до зубов немцев массу варшавян. Гитлер приказал подавить восстание и сровнять город с землей.

Неучи в военном деле в руководстве АК, подняв восстание в самом городе, рассчитывали, что Красная Армия форсирует Вислу именно здесь. Они проспали войну, не знали и не хотели знать, что никогда (хотя бы взятие Киева!) советское командование не бросало

войска в горнило уличной борьбы, а прибегало к обходным маневрам. Тем более в случае с Варшавой, где высокий левый берег обеспечивал все преимущества оборонявшимся. Да и правобережье, прежде всего предместье Варшавы, Прагу немцы пока цепко и прочно удерживали в своих руках.

Наше командование не могло оказаться безучастным к трагедии, развернувшейся почти на глазах. Хотя войска 1-го Белорусского фронта после 600-километрового наступления были основательно ослаблены и утомлены, уже в десятых числах августа они предприняли попытки пробиться к Варшаве. Немцы бешено контратаковали, собрав сильную танковую группировку. Завязались тяжелые и продолжительные бои. Одновременно противник обрушился на наши завислинские плацдармы. Несмотря на все это, Жуков и Рокоссовский подготовили план охвата Варшавы с юга и севера и освобождения ее, причем в город должна была вступить 1-я армия Войска Польского. Когда Жуков уезжал в Болгарию, план, утвержденный Ставкой, начал выполняться. Результаты проделанного в его отсутствие увидел Жуков, вернувшийся на 1-й Белорусский фронт.

Бои на правобережье Вислы шли в очень запутанной обстановке, и Рокоссовскому невольно вспомнились сражения на польской земле в конце 1914 года — тогда он молодым драгуном дрался в районе Лодзи, Бржезины. Та операция вошла в историю как «лодзинский слоеный пирог», теперь перемешались советские и немецкие части, бой принял очаговый характер. В то время как тысячами гибли наши солдаты и офицеры, в США и Англии развернулась клеветническая кампания — Красная Армия-де умышленно не оказывает помощи повстанцам. Американская и английская авиация провела преимущественно демонстративные сбросы вооружения над Варшавой. Лишь немногое из сброшенного оказалось у варшавян, немецкая зенитная артиллерия не допускала пролетов самолетов на небольшой высоте.

Только 11 сентября наши войска сумели, отбив немецкие контратаки, перейти в наступление. «К 14 сентября, — писал Рокоссовский, — они разгромили противника и овладели Прагой... Вот когда было наиболее подходящее время для восстания в польской столице! Если бы осуществить совместный удар войск фронта

с востока, а повстанцев — из самой Варшавы (с захватом мостов), то можно было бы в этот момент рассчитывать на освобождение Варшавы и удержание ее. На большее, пожалуй, даже при самых благоприятных обстоятельствах войска фронта не были способны. Очистив от противника Прагу, наши армии вплотную подошли к восточному берегу Вислы. Все мосты, соединявшие предместье с Варшавой, оказались взорванными».

С 15 сентября по приказу командования фронта началась переброска на левый берег польских воинов, а в ночь на 16 сентября форсировал реку польский полк. Фронт оказал помощь авиацией как для непосредственной поддержки повстанцев, так и сброса им грузов. Жуков и Рокоссовский решили наращивать силы на том берегу. Переправились в общей сложности три полка.

Руководители восстания в Варшаве не только не помогли им, а, напротив, отвели повстанцев от реки. Предложения штаба фронта установить связь аковцы высокомерно отвергли, а с немцами вступили в переговоры о капитуляции. Немцы к 24 сентября ликвидировали плацдарм, в ходе борьбы за который Войско Польское потеряло 3764 человека убитыми и раненными. Оставшихся в живых удалось эвакуировать. Отныне непосредственная помощь восставшим ограничилась сбрасыванием с самолетов вооружения, снаряжения и продовольствия, а также авиационной и артиллерийской поддержкой.

Жуков отправился севернее Варшавы, где в так называемом «мокром треугольнике» (развилке Вислы, Буга и Нарева) наши войска пытались пробиться к столице Польши. Открылась тяжелая картина: крайне переутомленные и обессиленные наши две армии пытались взломать сильную вражескую оборону. Наши войска несли большие потери, а тем временем 2 октября руководители восстания в Варшаве капитулировали. В «мокром треугольнике» продолжали гибнуть в бесплодных атаках наши бойцы и командиры. «Я не принимал участия в организации этого наступления, — писал Жуков, — и мне была непонятна его оперативная цель, сильно изматывавшая войска».

В боях за освобождение Польши уже пало почти 100 тысяч советских воинов, а 340 тысяч были ране-

ны. Общие потери Войска Польского к этому времени достигли 11 тысяч человек.

На Наревском плацдарме враг даже попытался отбросить наши войска назад. Всю первую половину октября гитлеровцы бешено контратаковали, введя в дело сотни танков. Бои были исключительно тяжелыми. Как заметил командующий 65-й армией Батов, именно во время этих боев родился боевой лозунг гвардейских истребительно-противотанковых частей: «Гвардейцы умирают на лафетах, но врага не пропускают!» Армия Батова, отбивая атаки, уничтожила свыше 400 танков противника.

Жуков уделил, по словам Батова, «очень большое внимание» плацдарму на Нареве. Далеко не отрадные вести приходили и из Восточной Пруссии. «5 ноября, — зафиксировал Василевский, — войска 3-го Белорусского фронта в связи с неудачными попытками ворваться в пределы Восточной Пруссии получили приказ перейти к жесткой обороне в Южной Литве».

Неизменно мысливший в масштабах всего советско-германского фронта, Жуков был вынужден, как он впоследствии выразился, «с сожалением констатировать тот промах, который допустила Ставка, не приняв предложение, сделанное еще летом, об усилении фронтов, действовавших на Восточно-Прусском направлении. Оно ведь строилось на том, чтобы с ходу сломать оборону противника при успешном развитии Белорусской операции. Теперь вражеская группировка в Восточной Пруссии могла серьезно угрожать нашим войскам при наступлении на берлинском направлении».

А северо-западнее Варшавы 1-й Белорусский фронт все пытался наступать. Рокоссовский разъяснил Жукову, что Сталин не изменяет своего требования выйти на Вислу на участке Модлин — Варшава. Можно сделать допущение — Сталин довоевывал войну 1920 года. Тогда он был среди тех, кто проиграл кампанию. Теперь он, по всей видимости, пытался взять реванш. Но даже лучшие полководцы — Жуков и Рокоссовский — не могли сделать невозможного.

Жуков обратился в Ставку с настоятельным требованием прекратить наступление в этом районе, перейти к обороне, дать войскам отдых и пополнение. В ответ — вызов в Москву вместе с командующим фронтом Рокоссовским, «поговорим на месте».

Маршалы прибыли к Сталину для «личных переговоров», как выразился Верховный, крайне озабоченные и солидарные в оценке обстановки. В кабинете злобный Молотов, Берия и Маленков, самые усердные в поддакивании вождю. Сталин выслушал доклад Жукова, на глазах теряя хладнокровие и контроль над собой. И было отчего. Наверняка последняя осень войны, а предлагается прекратить активные действия. Но Жуков стоял на своем: противник сумел наладить оборону, наши войска несут «ничем не оправданные потери». Жуков докладывал по карте и буквально кожей чувствовал, как обостряется обстановка, Сталин «то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально всматриваясь своим колючим взглядом то в меня, то в карту, то в К. К. Рокоссовского». Сталин обратился к Рокоссовскому: поддерживает ли он мнение Жукова? Маршалы оказались единодушны в оценке обстановки.

Сталин предложил подкрепить наступающие войска авиацией, танками и артиллерией. Он спросил Рокоссовского: можно ли тогда выйти к Висле между Модлином и Варшавой?

— Трудно сказать, товарищ Сталин, — ответил Рокоссовский, — противник также может усилить это направление.

— А как вы думаете? — обратился Сталин к Жукову.

Тот ответил куда более категорически:

— Считаю, что это наступление нам не даст ничего, кроме жертв. А с оперативной точки зрения, нам не особенно нужен район северо-западнее Варшавы. Город надо брать обходом с юго-запада, одновременно нанося мощный рассекающий удар в общем направлении на Лодзь — Познань. Сил для этого сейчас у фронта нет, но их следует сосредоточить, одновременно нужно основательно подготовить к совместным действиям и соседние фронты на берлинском направлении.

Сталин неожиданно отослал маршалов в соседнюю комнату «подумать», а мы тут «посоветуемся».

В соседней, именовавшейся библиотечной, комнате маршалы снова разложили карту и задумались над ней. У Жукова остался неприятный осадок от стычки в кабинете Верховного. На правах старого друга он без обиняков по-товарищески спросил Рокоссовского, поче-

му он «не отверг предложение И. В. Сталина в более категорической форме».

— А ты разве не заметил, как зло принимались твои соображения, — ответил Рокоссовский. — Ты что, не чувствовал, как Берия подогревает Сталина? Это, брат, может плохо кончится. Уж я-то знаю, на что способен Берия, побывал в его застенках.

Исчерпывающий ответ! Минут через 20 в комнату явилась троица — Берия, Молотов и Маленков. Они осведомились у маршалов: что-нибудь «надумали». Ответ — нет. Троица заверила, что это «правильно». Маленков заверил: «Мы вас поддержим». Это-то перед Сталиным!

В кабинете Жуков и Рокоссовский выслушали решение Верховного. Наступление остановить, перейти к обороне, дальнейшие планы будут обсуждены позднее. «Все это было сказано далеко не дружелюбным тоном. И. В. Сталин почти не смотрел на нас, а я знал, что это нехороший признак». На следующий день Сталин позвонил Жукову и «сухо спросил» его мнение о том, чтобы передать непосредственно Ставке руководство всеми фронтами. Речь шла о том, чтобы упразднить ее представителей, координировавших действия групп фронтов. Жуков понял, что «идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора».

К этому времени линия фронта сократилась. В сентябре вышла из войны Финляндия, немцы изгнаны из Румынии и Болгарии, бои шли на территории Польши, Венгрии и Югославии. За исключением небольшого участка в Латвии, где были прижаты к морю 38 немецких дивизий, вся советская земля была освобождена.

Жуков согласился.

— Вы это без обиды говорите? — спросил Сталин.

— А на что же обижаться? Думаю, что я и Александр Михайлович Василевский не останемся безработными.

Вечером в тот же день Сталин вызвал Жукова и объявил:

— 1-й Белорусский фронт находится на берлинском направлении. Мы думаем поставить вас на это направление.

У Георгия Константиновича молнией пронеслась мысль: комфронта Рокоссовский. Он четко определил свое отношение к предложению: «Готов командовать

любым фронтом». Но счел необходимым сказать, что Рокоссовскому «вряд ли будет приятно» уйти с 1-го Белорусского фронта. Сталин пытливо взглянул на него. Подумал и добавил: «У Вас больше опыта, и впредь останетесь моим заместителем. Что касается обиды — мы же не красные девицы. Я сейчас поговорю с Рокоссовским». Сталин тут же сказал ему по телефону, что он назначается командующим 2-м Белорусским фронтом. Рокоссовский не сдержался:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин внушительно, самым правдивым тоном разъяснил, что собеседник ошибается. На берлинском направлении, считая с севера на юг, три фронта: 2-й Белорусский, 1-й Белорусский и 1-й Украинский. В центре будет Жуков, справа Рокоссовский, слева Конев. «Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков», — закончил разговор Верховный.

Звучало так возвышенно, решения диктовались только интересами дела, завершением разгрома Германии. На деле, откровенно смог написать Г. К. Жуков уже в семидесятые, «расчет был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, т. е. повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Перебрасывая Рокоссовского с берлинского направления, Сталин поэтому, по словам Жукова, «действовал неспроста», что имело серьезные последствия. «С этого момента, — с горечью вспоминал Жуков, — между Рокоссовским и мною уже не было той сердечной, близкой товарищеской дружбы, которая была между нами долгие годы». В мемуарах он уточнил: Рокоссовский, видимо, «считал, что я в какой-то степени сам напросился встать во главе войск 1-го Белорусского фронта. Если так, то это его глубокое заблуждение». Дело было не только в отношениях двух тезок — Жукова и Рокоссовского, Георгий Константинович для себя вывел закономерность: «И чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами — командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их «лбами», сея рознь, за-

висть и подталкивая к славе на нездоровой основе».

Все это, однако, не успело серьезно отразиться на выполнении командованием Красной Армии своих задач. О мотивах Сталина догадывались считанные люди, а для вооруженных сил и страны не вызывало сомнения очевидное — на завершающем этапе войны наши войска должны были вести три самых выдающихся советских полководца — Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский и И. С. Конев. А рядом с ними сотни военачальников, получивших боевой опыт в Великой Отечественной войне и обогативших в ходе ее наше военное искусство.

Теперь, когда советские войска подходили к Германии, немецкий генеральный штаб озаботился познакомить нацистское руководство с советскими военачальниками, с теми, кто на полях сражений возглавлял разгром вермахта. Геббельс записывает в своем дневнике в начале 1945 года: «Генштаб представляет мне книгу с биографическими данными и портретами советских генералов и маршалов. Из этой книги нетрудно почерпнуть различные сведения о том, какие ошибки мы совершили в прошедшие годы. Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску.

Я сообщаю фюреру о представленной мне для просмотра книге генштаба о советских маршалах и генералах, добавляя, что у меня сложилось впечатление, будто мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет мое мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя».

Враги вплотную подошли к признанию превосходства полководческого мастерства наших военачальников и ущербности своего. Бывший начальник генерального штаба германских сухопутных войск Гальдер писал: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые, по немецким масштабам, заслуживают высокой оценки... Над этим периодом в качестве

приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть».

Той осенью 1944 года изжили заимствования, сделанные было в 1942 году приказом наркома обороны № 227 из германской практики наведения порядка в войсках. 29 октября 1944 года последовал приказ наркома обороны № 0349: «В связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала. Приказываю: 1. Отдельные заградительные отряды к 13 ноября расформировать. Личный состав расформированных отрядов использовать на пополнение стрелковых дивизий».

Германию добивала превосходящая мощь Советского Союза, что обеспечивалось превосходством советского социалистического строя. Как в военной сфере, так и в области политики и экономики побеждал весь строй нашего государства. Теперь за пределами советских границ.

ПОБЕДА!

— Вот за это благодарю! — сказал Сталин Рокоссовскому.

Отбывая на 2-й Белорусский фронт, маршал Рокоссовский отклонил предложение Верховного взять с собой работников штаба, с которыми сработался. И это глубоко знаменательно! На подступах к Победе наших военачальников и штабы объединяло общее понимание задач вооруженной борьбы, они обладали едиными взглядами на способы их достижения. Вспоминая в канун своего семидесятилетия в 1966 году завершающий этап той войны, Георгий Константинович подчеркнул: «В одиночку ни один руководитель не сможет добиться успеха, он всегда должен использовать опыт, знания и советы своих помощников».

О штабе 1-го Белорусского фронта Жуков сказал: «Этот штаб, подобранный и воспитанный К. К. Рокоссовским, был очень слаженным и деятельным. Мною как должное был воспринят ранее установившийся здесь порядок и стиль работы. Как и мой предшественник, я по вечерам заходил в кабинет начальника шта-

ба генерала М. С. Малинина, где уже были собраны ведущие штабные работники, командующие родами войск и начальники служб. После обмена мнениями принималось решение. Коллективный мозговой центр фронта всегда работал творчески, четко и слаженно до конца войны».

Жуков не видел необходимости поэтому делать какие-нибудь перемещения в штабе 1-го Белорусского фронта. 16 ноября 1944 года в Кремль приходит телеграмма: «Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза тов. Сталину. Сего числа я вступил в командование 1-м Белорусским фронтом. Жуков».

Жуков и Рокоссовский во избежание распространения нежелательных слухов были вынуждены изобразить историю с их новыми назначениями как дело рядовое. 19 ноября 1944 года, воспользовавшись празднованием Дня артиллерии, Жуков устроил почетные проводы Рокоссовского командованием 1-го Белорусского фронта. Церемония прошла в городе Бяла-Подляска, что в ста километрах восточнее Варшавы. «Видимо, Жуков догадывался, как тяжело нам расставаться с Рокоссовским, — записал присутствовавший на проводах генерал Н. А. Антипенко. — Трудно забыть диалог двух маршалов на этом вечере. Поднявшись на импровизированную трибуну, они вспомнили свои молодые годы, когда оба служили в русской армии, затем воевали на фронтах гражданской войны; говорили о совместной учебе на курсах, о встречах на учениях, на кавалерийских соревнованиях (ведь оба — лихие кавалеристы!). Мы слушали их с восхищением». Надо думать, оба оратора с трудом сохраняли спокойствие. Наверное, только они знали, сколько сил потребовали непринужденные улыбки и вымученные шутки...

Красная Армия вступала в 1945 год в зените своего могущества — в действующей армии 6,7 миллиона человек, 107,3 тысячи орудий и минометов, 12,1 тысячи танков и самоходных орудий, 14,7 тысячи самолетов. Германия имела в действующей армии 5,4 миллиона человек, из них большая часть и лучшие соединения находились на Восточном фронте. Против нас стояли войска общей численностью 3,7 миллиона человек, имевшие 56,2 тысячи орудий и минометов, 8,1 тысячи танков и штурмовых орудий, 4,1 тысячи самолетов.

На рубеже 1944—1945 годов протяженность советско-германского фронта сократилась почти вдвое, а это

означало — плотность обороны врага круто возросла. Главное — на глубину 300—500 километров, то есть вплоть до Берлина, немцы создали семь оборонительных полос. Ничего подобного не было за всю войну. В систему обороны были включены сооруженные еще до войны укрепленные районы вдоль старой польской границы — Померанский вал и Мезеритский укрепленный район. Модернизировали старинные крепости Кюстрин, Франкфурт-на-Одере, Глогау и многие другие.

Вислинский рубеж, который предстояло штурмовать в первую очередь, имел развитую систему траншей, бетонные и стальные огневые точки, прикрытые минными полями, противотанковыми рвами, проволочными заграждениями. На глубину в 30—70 километров его занимали вражеские войска. В ставке Гитлера надеялись, что в случае прорыва той или иной линии обороны отходящие части вермахта займут следующий рубеж, и все начнется сначала, нашим войскам придется снова прогрызать вражескую оборону. В результате удастся наконец обескровить Красную Армию, затянуть войну, а тем временем, быть может, найти «политический выход» — вступить в сговор с США и Англией на антисоветской основе.

В Берлине положились на описанные укрепленные линии, прикрывавшие сердце Германии, и даже иной раз считали, что наше командование не решится атаковать их. Немцы были в общем удовлетворены и состоянием ближайших тыловых коммуникаций, проходивших через генерал-губернаторство, то есть Польшу. Армия Крайова по категорическим приказам из Лондона не чинила препятствий продвижению воинских эшелонов с запада на восток, питавших Восточный фронт. Разрешалось «сбрасывать с путей эвакуационные поезда на линиях восток — запад (обратное направление) с целью воспрепятствовать грабежу наших материальных богатств». Проводить диверсии на линиях в этих условиях подлинным патриотам Польши было очень сложно. Тактика АК во многом облегчала вермахту борьбу против Красной Армии.

Опасность для себя гитлеровское руководство усматривало в возможности прорыва Красной Армии через Венгрию и Чехию, куда и бросили громадные силы. В основном по политическим соображениям — защитить гнездо прусского милитаризма — немцы держали

крупную группировку и в Восточной Пруссии. Этот ход мысли, гибельный для врага, был ему навязан нами. Активные действия наших войск на исходе 1944 года в обоих этих районах укрепили Гитлера в убеждении, что первостепенная цель нашего предстоящего наступления — Прага, а не Берлин. Так случилось, что на центральном участке советско-германского фронта немцы в начале января имели всего 560 тысяч войск, около 6 тысяч орудий и минометов, 1220 танков и 630 самолетов. Причем часть из них немцы массировали в районе Варшавы.

Маршал Жуков сумел обеспечить скрытность в сложнейших условиях, каких до тех пор не было на протяжении всей войны. Как подчеркивал он, тогда подготовка проводилась «на нашей территории. Раньше мы получали хорошие разведывательные сведения от наших партизанских отрядов, действовавших в тылу врага. Здесь их у нас не было. Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск. На эту важную сторону дела было обращено особое внимание командования, штабов всех степеней. Наши тыловые железнодорожные и грунтовые пути теперь проходили по территории Польши, где, кроме настоящих друзей и лояльных к нам жителей, имелась и вражеская агентура. Новые условия требовали от нас особой бдительности, скрытности сосредоточений и перегруппировок войск».

Ни немцы, ни наши союзники не могли тягаться с Красной Армией в умении вводить в заблуждение противника относительно своих замыслов. Последствия для противника были неисчислимы, в сущности предрешая его судьбу. То, что фронт приобрел своеобразные и опасные для врага очертания — слабый центр и только далеко на флангах сильные группировки, скованные нашими войсками, в конечном итоге объяснялось высоким искусством нашего Верховного Главнокомандования, в первую очередь Жукова. Как неоднократно случалось и раньше, все звенья немецкого командования — от фронтовых дивизий вплоть до генерального штаба — были введены в заблуждение. Никто по ту сторону фронта даже отдаленно не представлял, какие силы собрались на берлинском направлении. Немецкая разведка считала на 1-м Белорусском фронте 31 дивизию. На деле их было 68. А в целом

1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты имели в начале января 2 203 700 человек, 33 500 орудий и минометов, свыше 7 тысяч танков и самоходных орудий, 5 тысяч самолетов.

Грубейшие ошибки немецкого командования и разведки усугублялись атмосферой, в которой влачили свое существование Гитлер и его приближенные в сумерках войны. В конце 1944 года они затеяли наступление на Западе. 16 декабря немецкие войска внезапно обрушились на слабо защищенный американскими войсками сектор в Арденнах. Немцы при переходе в наступление попытались имитировать тактику советских войск. Памятуя о том, как была разгромлена их оборона в Белоруссии в июле 1944 года, германские генералы пустили вперед пехоту, а танки во избежание потерь ввели в дело позднее, по прорыве американской обороны. Гитлер намеревался выйти к Антверпену, отрезать и прижать к морю английскую группу армий. Программа-максимум гитлеровцев — склонить США и Англию к сепаратному миру, наглядно продемонстрировав Вашингтону и Лондону, что значит война всерьез.

Гитлер считал, что Москва не упустит отплатить США и Англии той же монетой за затяжку второго фронта, за то, что многие годы предоставляли нам сражаться один на один с Германией и ее сателлитами. По его извращенной логике выходило, что Советский Союз позволит Германии сделать нашим союзникам большое кровопускание. Своими химерическими расчетами Гитлер заразил верховное командование вермахта. Даже 9 января 1945 года он заверял высших генералов: «Русские не переходят в наступление по политическим причинам». Гудериан поторопился подтвердить: «Конечно, они имеют в виду англичан».

Произошло прямо противоположное. Советский Союз оказался верен союзническому долгу. Хотя США и Англия на Западном фронте были куда сильнее, чем Германия, наступление в Арденнах посеяло панику в штабе Эйзенхауэра. Американские войска, впервые испытавшие, что такое война с сильным противником, бежали. Эйзенхауэр, командовавший американо-английскими армиями в Европе, в страшной тревоге докладывал в Вашингтон о «немецком неистовстве», о том, что «немцы предпринимают максимальное и решительное усилие для достижения побе-

ды на Западе в кратчайший срок». Черчилль и Рузвельт обратились с просьбами к Советскому правительству о помощи. Они направили английского главного маршала авиации Теддера в Москву, чтобы описать бедственное положение на Западном фронте.

На исходе 1944 года подготовка Красной Армии к решительному штурму нацистской цитадели завершалась. 1-й Белорусский фронт получил директиву Ставки еще 28 ноября 1944 года с «ближайшей задачей разгромить варшавско-радомскую группировку противника» и развивать в дальнейшем наступлении на Познань. Главная задача операции овладение Варшавой. Немцы по очень понятным причинам были очень бдительны непосредственно у разрушенной польской столицы. Жуков всеми доступными ему средствами укрепил противника в его подозрениях о намерениях советского командования. К стратегической дезинформации в масштабах всего фронта он добавил меры, призванные обеспечить оперативную и тактическую внезапность на участке обороны против войск 1-го Белорусского фронта.

Главный удар маскировался имитацией сосредоточения южнее Варшавы двух танковых армий и массы артиллерии. Была изготовлена тысяча макетов танков, сотен орудий и автомашин. В этом районе посадили работать радистов, почерк которых был известен немецкой разведке. На ложных аэродромах разместили макеты самолетов. Железнодорожные войска, работая круглые сутки, построили железную дорогу длиной в тридцать шесть километров, обеспечивавшую переброску макетов танков. Днем в районе Варшавы они разгружались, а ночью вновь водружались на платформы и, сделав круг, к утру эшелоны подходили в те же районы. Происходила новая разгрузка и т. д. Немцы зафиксировали эти перевозки и не сомневались, что район Варшавы и станет ареной наступления фронта.

Ставка установила ориентировочную готовность к 15—20 января. Учитывая кризис на Западе, Сталин приказал передвинуть сроки перехода в наступление.

По плану на разгром Германии отводилось 45 дней — наступлением на глубину 600—700 километров. На участках прорывов 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов на километр приходилось

по 230—250 орудий и минометов, 80—155 танков и самоходных орудий.

Последние приготовления. Операция многократно «проиграна» в штабах армий, корпусов и дивизий. Жуков в последний день объехал плацдармы, проверяя все и вся. Он охотно отвечал на вопросы генералов и офицеров. Кто-то из командиров, пораженный масштабами подготовки, спросил:

— Зачем нужно, товарищ маршал, накапливать так много боеприпасов?

— Чтоб успех наступления, — ответил Жуков, — был обеспечен не на сто, а на двести процентов!

Фраза Жукова, отвечавшая характеру момента, разнеслась по войскам и стала крылатой. Воины преисполнились решимости выполнить боевую задачу на «двести процентов».

В обращении Военного совета 1-го Белорусского фронта к войскам в канун наступления говорилось: «Мы сильнее врага. Наши пушки, самолеты и танки лучше немецких, и их у нас больше, чем у врага. Эту первоклассную технику дал наш народ, который своим героическим трудом обеспечивает наши победы. Мы сильнее врага, так как бьемся за правое дело против рабства и угнетения... Ключи победы в наших руках».

Громадный подъем в войсках. Впереди Берлин!

Перед рассветом 14 января Жуков приехал на командный пункт 5-й ударной армии на Магнушевском плацдарме, что южнее Варшавы. В 8.30 утра серое зимнее небо разорвали десятки тысяч ракет «катюш», все залил багровый свет. Началась артиллерийская подготовка. Через каких-нибудь двадцать пять минут Жуков приказал прекратить ее и двинуть штурмовые батальоны. Немцев, ожидавших многочасового обстрела, захватили врасплох. Без больших потерь наши войска овладели первой траншеей, откуда немцы своевременно ушли. Отлично действовавшие танки-тральщики и отряды разграждения проделали проходы в сплошных минных полях. Удачное начало позволило ввести в действие уже через несколько часов главные силы, опрокинувшие врага, пытавшегося было сопротивляться на промежуточных рубежах. «Мы сэкономили, — радовался Жуков, — многие тысячи снарядов, которые очень пригодились позднее».

Хотя уже 12 января 1-й Украинский фронт пере-

шел в наступление с Сандомирского плацдарма, а 13 января 1-й и 3-й Белорусские фронты обрушились на Восточную Пруссию, только 14 января, когда выступили войска Жукова, в ставке Гитлера осознали смертельную опасность. Выяснилось, что помимо ударов на северном и южном крыле советско-германского фронта, которые в ставке Гитлера не исключали, пришел в движение и центр. И здесь сам Жуков! Гитлеровское руководство отлично понимало, что именно войскам под его руководством ставятся важнейшие задачи. В книге «Последние дни Гитлера» (1972 год) известный английский историк Х. Трейвор-Ропер писал: «Немцы, воевавшие против Жукова, признавали — он самый талантливый во всем русском генералитете». Где Жуков, там поражение вермахта неизбежно!

К вечеру 14 января Гудериан потребовал остановить операции на Западе и «бросить все на Восточный фронт». 15 января Гитлер покинул свою штаб-квартиру на Западном фронте и поездом отправился в Берлин спасать рейх от лавины с Востока.

В этот день в Кремле Сталин принял англо-американскую делегацию во главе с Теддером. В книге американского профессора Б. Смита «Воители в сумерках» (1983 год) о закулисной истории той войны приведены слова, сказанные просителям с Запада: «Между нами нет договора, но мы товарищи. Для нас разумно и в здравых собственных интересах помогать друг другу в тяжкие времена. Я поступил бы глупо, если бы стоял в стороне, позволяя немцам избивать вас, это привело бы только к тому, что они, расправившись с вами, навалились бы на меня. Равным образом в ваших собственных интересах сделать все возможное, чтобы не дать немцам избивать меня».

На третий день операции Жуков ввел в действие 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии, которые с невиданной скоростью пошли на запад, перекатываясь через немецкие войска, нарушая не только коммуникации, но и связь. Немецкий генштаб не мог доложить ставке фюрера о том, что точно происходит на фронте.

17 января в боевом донесении в Ставку командование 1-го Белорусского фронта сообщало: «В результате глубокого обходного маневра варшавской группировки противника подвижными войсками, охвата

общевойсковых армий с севера и с юга и одновременного удара 1-й армии Войска Польского при поддержке массированных ударов авиации, войска 1-го Белорусского фронта 17.1.45 г. овладели столицей Польской республики городом Варшава». Войско Польское получило возможность вступить в город. О том, чтобы освобождение было должным образом отпраздновано, пришлось позаботиться нашим саперам. Работая без сна и отдыха, они очистили от мин и взрывоопасных предметов достаточное пространство для поляков-победителей. Прибрали здесь кучи мусора и щебня. «В течение 19 января проводилось разминирование улиц и площадей города для обеспечения прохождения парада польского войска. Подрывов людей и боевой техники, участвовавших в параде, не было», — докладывал в Ставку штаб фронта 21 января.

Через несколько дней командование фронта доложило в Москву: «Немцы превратили столицу Польши в руины. Крупнейшие промышленные предприятия стерты с лица земли. Жилые дома взорваны или сожжены. Городское хозяйство разрушено. Десятки тысяч жителей уничтожены, остальные были изгнаны. Город мертв».

Тем временем 1-й Белорусский фронт много западнее Варшавы вышел на одну линию с 1-м Украинским фронтом и продолжил стремительный марш с боями на запад. Так как же это происходило, что танкисты 1-го Белорусского фронта на пути от Вислы до Одера достигли высших темпов продвижения за всю Отечественную войну — иной раз до 100 километров в сутки?

Возвращаясь к этому сражению, Г. К. Жуков говорил в конце 1945 года: «Танковые армии вводились в прорыв по плану на третий день операции, при этом учитывалось, что мы должны обеспечить их ввод с наименьшими потерями, т. е. обработать полосу ввода в прорыв наиболее чисто. Для этой цели привлекались артиллерийские средства, более 1000 танков непосредственной поддержки пехоты. Разрыв в действии общевойсковых армий и танковых армий — два дня... Мы готовились к серьезному сопротивлению и мы планировали этот бой из расчета тесной увязки взаимодействия, особенно тактического взаимодействия с тем, чтобы если противник окажет серьезное сопротивление и сумеет подтянуть к месту прорыва допол-

нительные силы, то мы не должны рисковать танковыми армиями, вводить их очертя голову, а должны перемолоть противника под нашим артиллерийским молотом. Для этого мы имели достаточно артиллерийских сил и запасы снарядов и мы предполагали в начальный этап методически развивать операцию. Оказалось, первы противника, его физические и моральные силы не выдержали удара. Он быстрей поддался нашему удару, чем мы предполагали. При этих условиях мы не могли придерживаться плана, яко слепой стены.

Основная ставка после прорыва ставилась на подвижные войска. Мы имели около 4000 танков и САУ — это очень крупная сила. Этот бронетанковый таран, двигающийся вперед после разгрома непосредственно тактической обороны, расчистил путь общевойсковым армиям.

Мы исходили в организации действий не из шаблона, в первую очередь мы не хотели быть обманутыми. Мы сами провели серьезный план мероприятий по обману противника, но все же у нас не было уверенности, что противник сам не противопоставит нам своего плана и не попытается обмануть нас. В расчете скрыть от противника такую крупную группировку, как 4000 танков, более 10 000 стволов артиллерии, кавалерийские корпуса и многочисленные соединения общевойсковых армий, проводились все эти мероприятия обмана противника. У меня не было полной гарантии, что нам удастся оперативно-тактическая внезапность, а поэтому я шел на худшее и расчет строил также на худшее. Противник мог определить не только направление нашего удара, но он мог догадаться и о силе этого удара, а это главное. Не так страшно направление, как важно разгадать силу удара, чтобы своевременно подготовить соответствующие силы для противодействия. Мы не могли рассчитывать на то, что противник окажется настолько лопоухим, что не будет знать ничего о готовящейся операции. Такой гарантии не мог дать ни один командующий, ни один штаб».

* * *

Раннее утро 16 января. Магнушевский плацдарм уже в тылу наших войск, порядочно ушедших на запад. Раздался глухой гул — прогреваются моторы машины 2-й гвардейской танковой армии. Более 850 танков и самоходных орудий! Жуков лично инструктирует командиров передовых отрядов армии — вперед и только вперед! Пусть танки оторвутся от основной массы войск даже на 100 километров, все равно не останавливаться! Не допустить, говорит маршал, чтобы противник успел занять подготовленные рубежи!

Поземка, резкий ветер. Проходят колонны громадных машин, уходящих на запад. Земля дрожит, идет боевая техника 1945 года — тяжелые танки ИС-2 с 122-мм пушкой, 152-мм самоходные орудия. Грохот такой, что приходится кричать на ухо рядом стоящим. Легко сказать — ввести в сражение! Это значит пройти около двадцати километров за ушедшей вперед пехотой через поле боя, усеянное воронками. По расчищенным и разминированным путям, подготовленным беззаветными тружениками войны — саперами.

Стальную лавину приветствуют войска, которые она обгоняет. Танковая армия вводится в сражение через боевые порядки наступающей общевойсковой армии, а это означает, что в полосе шириной немногим более десятка километров находятся свыше 100 тысяч человек, более 2,5 тысячи орудий, многие тысячи машин, повозок. Чуть не расталкивая это скопище техники, танковые колонны идут на запад и наконец догоняют врага.

К исходу 16 января 2-я гвардейская танковая армия с боями прошла до 90 километров. Вечером штаб армии настигает приказ Жукова: ускорить продвижение, выйти на намеченный рубеж не к 18 января, а к 17-му. Значит, до 100 километров в полдня! Жуков подчеркнул: «...при наличии благоприятных условий!» К сожалению, не удалось: немцы успели взорвать мосты через Бзуру. Но задержка не оказалась значительной, переправы навели, и «чем дальше вперед, тем ближе победа», как говорили танкисты.

Еще сто километров за два дня! Люди работают без устали, но машины отказывают, надо горючее, техническое обслуживание. Ночью 20 января приказ: к исходу 22 января пройти еще 150 километров.

«Только там, — гласит предписание Жукова, — можно предоставить время для технического осмотра ма-

шин и пополнения запасов. До этого времени обстановка требует стремительного движения вперед».

Сбивая с позиций и разгоняя немцев, танковая армия выполнила и этот приказ. С трудом подвозятся боеприпасы, горючее и продовольствие из отстающего тыла. Колонны автомашин со снабжением нередко пробивались с боем: они натыкались на разбитые, но недобитые вражеские части. Озлобленные, с мрачной решимостью спешившие к границе рейха, орды бежавших нередко набрасывались на легкую добычу, какой им представлялись транспортные машины. Но тщетно. Одичавших немцев отбивали, а наши колонны шли своим путем.

В ходе стремительного наступления с подвижными частями умело взаимодействовала авиация. В основном действия наземных войск фронта обеспечивала 16-я воздушная армия С. И. Руденко, который подчинил усилия своих летчиков достижению «одной цели, не давать ему возможности отрываться от наших подвижных войск или организовывать сопротивление на промежуточных рубежах». Бомбардировщики накатывались волнами, бомбили железнодорожные станции, пути сообщений, скопления живой силы и техники. Штурмовики буквально висели над отступавшими немцами. В день, когда были введены в прорыв танковые армии, — 16 января — авиаторы Руденко совершили 3431 боевой вылет.

Очень скоро танкисты ушли вперед, расстояние от аэродромов до районов действия увеличилось. Нашим истребителям стало труднее прикрывать войска. Обратная картина была у немцев — дистанция до развитой аэродромной сети в центре Германии сокращалась. Руденко по ходу наступления видел, что войска фронта, не задерживаясь у Познани, выйдут к Одеру. А тогда положение их станет в высшей степени сложным — против них будут брошены все еще многочисленные соединения истребителей ПВО, непосредственно прикрывающие Берлин. Они будут действовать с прекрасно оборудованных аэродромов.

Пока авиаторы в основном обеспечивали себя посадочными площадками и аэродромами собственными усилиями. Но, разумеется, согласовав свои действия с командованием фронта. «В боевые порядки танковых армий, — указывает маршал авиации С. И. Руденко, — мы включили облегченные инженерные батальоны и подразделения БАО, располагающие силами и средствами для захвата аэродромов, их охраны, устройства новых площадок, обеспечения посадки самолетов до подхода пехоты.

По моему докладу командующий фронтом приказал командирам соединений, с которыми взаимодействует авиация, оказать нам срочную помощь в подготовке летных полей. Даже двое-трое суток были для нас слишком большим сроком: наступающие уйдут вперед, авиация отстанет не только от подвижных войск, но и от пехоты».

Этого все же было недостаточно. Руденко составил четкий план — овладеть стационарными аэродромами с бетонными полосами в районе Познани. Он наметил перебросить в этот район 30 БАО, больше половины имевшихся в воздушной армии. Колонны БАО должны были идти не только вместе с танками, но и, если потребует обстановка, обгонять их. С подробными расчетами Руденко явился к Жукову. Тот выслушал авиатора и спросил:

— А *не боязно тебе выбрасывать их так далеко* вперед? Ведь могут быть потери.

Сергей Игнатьевич заверил Жукова, что об этом думал, но, как ни прикидывал, не мог найти другого выхода. И вот по какой причине:

— Иначе отстанем от войск. К прибытию танковых частей наши батальоны должны занять аэродромы и подготовить полосы, чтобы на следующее утро мы могли посадить туда боевые самолеты. Только тогда авиация сможет по-настоящему взаимодействовать с наземными войсками. Ведь фашисты перед отступлением постараются взорвать все полосы. Нужно их упредить. Явиться на аэродромы, пока они не ушли с них. С боем внезапно занять аэродромы, и не дать взорвать их, как то сделано было у городов Конотоп, Минск. Для разминирования аэродромов с батальонами будут направлены специальные группы саперов.

Руденко попросил усилить колонны БАО танками и самоходными орудиями. Неслыханно смелый план! Руденко рассчитал верно — тем не менее выполнимый в обстановке хаоса в ближайшем немецком тылу, поголовного бегства немцев перед победоносными солдатами Жукова. Выслушав Руденко и удовлетворив его просьбы, Георгий Константинович заключил:

— Обстановка оценена верно. Думаю, риск будет

не очень большим. Опасность, конечно, есть но без нее воевать нельзя. Как говорится, без борьбы и доблесть увядает!

Е. Я. Савицкий, командир корпуса, входившего в 16-ю воздушную армию, начал сажать истребительные полки на аэродромы, которые немцы могли обстреливать минометным и артиллерийским огнем:

— Там снаряды же рвутся. Как работать будем? — забеспокоился Руденко.

Савицкий объяснил: самолеты в капониры, личный состав в окопы и землянки. И сослался на высший авторитет — Жукова. Когда наши войска вышли к старой германо-польской границе, он потребовал: «Нам необходимы такие аэродромы, чтобы не только бомбардировщики, но и истребители могли доставать до Берлина».

Сделав вид, что не помнит, что сам привел слова Жукова, Руденко рассмеялся:

— Ну если и командующий фронтом у тебя в союзниках, считай, убедил! Действуй! Сажай свои истребители.

Наступающие войска были надежно прикрыты с воздуха. Каждая оперативная директива Жукова, отдававшаяся в январе 1945 года танковым армиям или корпусам, заканчивалась аналогичным во всех этих документах указанием: «Учитывая необходимость непрерывного преследования с целью не дать возможности противнику организоваться для обороны на новых рубежах, принять решительные меры к подтягиванию артиллерии, тылов и своевременному пополнению запасов».

После войны, оценивая операцию, Г. К. Жуков подчеркнул: «Может быть, у некоторых создалось такое впечатление, что сил у нас было так много — артиллерийских, танковых и прочих, что можно было вообще без пехоты провести прорыв, что было настолько чисто все обработано, что сила вообще не играла роли и не играло даже роли построение первого эшелона, второго, третьего и глубокого эшелонирования боевых порядков вообще. Я должен сказать, что товарищи, так думающие, находятся в заблуждении. Сопротивление было очень серьезное, мы имели большие потери в этой операции, из них 43 проц. пулевых ранений и 0,1 проц. ранений холодным оружием. Разве можно при слабом сопротивлении или маршируя с

шапкой набекрень иметь такие потери. Драка была очень сложная, она велась не только с перевернутым фронтом направо, налево, назад, но мы имеем и немало случаев, когда наши части сами попадали и дрались в окружении. Вы сами понимаете, что в условиях, когда фронт быстро преследовал противника, громя подходящие резервы и отступающие его части, некоторые наши части сами попадали в окружение отходящих частей противника, его подходящих резервов».

Жуков в этой операции до конца реализовал ресурсы фронта, искусно рассекал и дробил немецкий фронт обороны. Одновременно прибегая к дерзким маневрам на окружение, он не дал возможности германскому командованию организовать последовательную оборону на сильно укрепленных рубежах, созданных между Вислой и Одером. На Запад он продвигал сильные ударные группировки, обладавшие громадной пробивной силой. Жуков пристально следил за тем, чтобы не нарушилось массирование сил и средств. В начале Висло-Одерской операции участки прорыва не превышали 13 процентов общей ширины полосы наступления, но на них были сосредоточены 90 процентов танков и САУ, 53 процента артиллерии и 54 процента стрелковых дивизий. Вырвавшись на оперативный простор, войска фронта концентрировали свои усилия на решающих направлениях.

В подробном донесении в Ставку Жуков 21 января докладывал: «Задачей фронта до 30 января 1945 г. ставлю выйти на фронт Вальдау... Рунау, Грец.

Танковыми армиями к этому времени овладеть районами: 2 гв. та (танковая армия. — *Авт.*) Берлинхен, Ландсберг. 1 гв. та Мезерец, Швибус.

На этом рубеже развернуть войска (особенно артиллерию), подтянуть тылы, привести в порядок материальную часть боевых машин, развернуть 3-ю ударную и 1-ю польскую армии, с утра 1—2 февраля 45 г. продолжать наступление всеми силами фронта с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер, а в дальнейшем развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада».

К вечеру 22 января танкисты, продвинувшись за семь дней на 350 километров, дрались в 120 километрах впереди главных сил фронта. В ночь на 23 ян-

варя Жуков ориентирует командование танковой армии: по северному берегу реки Нетце и западному берегу Одера враг имеет сильные укрепленные полосы! «Упреждение противника в занятии этих позиций, — диктует Жуков, — обеспечит успешное и быстрое проведение Берлинской операции. Если резервы противника успеют занять указанные мною позиции, Берлинская операция может затянуться».

У 2-й гвардейской танковой армии не хватало горючего. Собрали все, что было можно, заполнили баки одного корпуса — и вперед! Корпус стремится обогнать врага, не дать ему засесть в укреплениях. Позади уже немало укрепленных рубежей, захваченных при минимальном сопротивлении или вообще без него. Танки проскакивали мимо чудовищных дотов, из амбразур которых могла смотреть смерть. Не выглянула! Немцы не успели занять их.

Вышли к реке Нетце. Где переправиться, какое направление? Из штаба фронта Жуков:

— Где угодно форсировать Нетце и прорваться через укрепленный район.

Разведка донесла: немцы кое-где уже засели в укреплениях. Все же наши командиры-танкисты отыскали слабые места, перегруппировали свои части и утром 26 января сделали бросок через Нетце. Мы в Германии! Разыгралась метель, видимость — несколько десятков метров. Под прикрытием метели танки устремились к Одеру. Для удара собралась вся танковая армия. Померанский вал на этом направлении преодолен! Не удержали порыва стальных громад противотанковые рвы, сплошные минные поля.

29 января 1945 года за подписями Жукова и Телегина пошло донесение Сталину: «Ваш приказ — мощным ударом разгромить противостоящую войскам группировку противника и стремительно выйти к линии польско-германской границы (1939 года. — *Авт.*) — выполнен.

За 17 дней наступательных боев войсками фронта пройдено до 400 км. Вся западная часть Польши в полосе 1-го Белорусского фронта очищена от противника, а польское население, пять с половиной лет угнетавшееся фашистами, — освобождено.

Стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить города и промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги, не дало

им возможности угнать и истребить польское население, вывезти скот и продовольствие. В освобожденных крупных городах Польши Лодзь, Радом, Томашув, Быдгош (Бромберг) и подавляющем большинстве других полностью сохранены все действовавшие к 14 января с. г. промышленные предприятия со всем оборудованием и запасами сырья.

Крупнейший промышленный центр Польши Лодзь со всеми промышленными предприятиями и оборудованием, исключая вывезенное немцами в 1939—1941 гг., совершенно цел. Рабочие и служащие фабрик и заводов на месте и готовы приступить к работе. Имеющиеся на большинстве предприятий запасы сырья позволяют это сделать немедленно. Также совершенно в исправном состоянии электростанции, водопровод и трамвай. Сохранены все культурные и лечебные учреждения.

Полностью сохранен город Радом — крупный промышленный и торговый центр Польши.

В сельском хозяйстве сохранен конский состав, инвентарь, посевной материал и запасы продовольствия.

На железных и шоссейных дорогах повреждения незначительные. Захвачен большой паровозовагонный парк, обеспечивающий обслуживание военных и народнохозяйственных нужд польского государства...

Польский народ, освободившись с помощью Советского Союза от немецкого ига и получив из рук Красной Армии в свое распоряжение все сохранившиеся после изгнания немцев богатства, активно борется за восстановление Польши».

По распоряжению Ставки на фронт возлагалось бремя дать продовольствие там, где его не было. Еще 26 сентября 1944 года для жителей предместья Варшавы Праги за счет Красной Армии полякам безвозмездно передали 10 тысяч тонн муки. С 27 января на перегруженные коммуникации фронта легла новая обязанность «в знак дружбы с польским народом», как выразился ТАСС, советские республики направили населению Варшавы 60 тысяч тонн хлеба (30 тысяч тонн за счет РСФСР, 15 тысяч — Украинская ССР, 10 тысяч — Белорусская ССР, 5 тысяч — Литовская ССР). Так и потянулись хлебные эшелоны из Советского Союза в страну, состояние сельского хозяйства которой было объективно описано в приведенном

донесении маршала Г. К. Жукова в Ставку 29 января 1945 года.

А тем временем наступление продолжалось. В 10 часов утра 31 января танкисты форсировали Одер, положив начало созданию знаменитого Кюстринского плацдарма.

Начальник штаба 2-й гвардейской танковой армии генерал А. И. Радзиевский подытожил итоги свершений армии: «Позади был путь от Вислы до Одера, пройденный нашей армией за 16 дней. Если приложить к карте линейку и измерить расстояние между польским местечком Магнушев на Висле, откуда начали мы этот путь, и немецким населенным пунктом Кинитц на Одере, то получим расстояние, несколько превышающее 500 километров. Но фактически мы прошли гораздо больше: спидометры боевых машин показывали 1200—1400 километров. До Берлина осталось менее 100 километров».

Маршал Жуков не упускал из виду ни на час передовых отрядов, шедших далеко впереди основной массы войск фронта. Особенно запали ему в память подвиги передового отряда 5-й ударной армии: 90 танков, 12 самоходных орудий, 42 орудия и миномета, 12 «катюш» и стрелковый полк на 300 автомашинах. Командир отряда полковник Х. Ф. Есипенко мудро построил свою «маленькую армию на колесах», замыкали колонну тяжелые танки. Он рассудил, что враг не поспеет остановить отряды, но попытается наверстать упущенное — догнать и ударить с тыла.

19 января Есипенко выступил. За пять суток отряд прошел почти четыреста километров. 400 огненных километров! Почти на всем протяжении марша — схватки с немцами — и вот пересечена граница Германии. Сопротивление врага резко усилилось, а в городе Фридеберг отряду устроили ловушку. Стоило танкам втянуться в предательски тихий город, как притаившиеся немцы бросились со всех сторон на мужественных воинов. Они рассчитывали, что Есипенко отойдет назад, навстречу подходившим главным силам. Но случилось то, что немцы и представить себе не могли — Есипенко вырвался на запад и пошел к Одеру!

«Хотя потери были не очень большими, — писал об отряде Есипенко член Военного совета 5-й ударной армии генерал Ф. Е. Боков, — люди устали. Бессонные ночи, постоянное напряжение давали о себе знать, и бойцы засыпали при первой возможности. Однако у них хватило выдержки, чтобы выполнить еще один приказ командира отряда: сберегая силы, миновать Ландсберг, обойти его с севера и, совершив семидесятикилометровый бросок», выйти 31 января к Одеру!

Установив взаимодействие со 2-й гвардейской танковой армией, воины Есипенко в пешем строю по тонкому льду перешли Одер. Вскоре наладили переправу тяжелой техники и захватили небольшой плацдарм. Появление наших танков в городке Кинитц в каких-нибудь 68 километрах от Берлина оказалось для немцев громом среди ясного неба.

Начальник железнодорожной станции, потеряв представление о происходившем, обратился к Есипенко с просьбой отправить поезд на Берлин! На что с подчеркнутой вежливостью полковник ответил: «Сожалею, господин начальник станции, но сделать это невозможно. Придется пассажирское сообщение с Берлином на незначительное время прервать, ну хотя бы до окончания войны». Немая сцена, конец которой положил гомерический хохот бойцов и командиров, столпившихся вокруг. В замасленных комбинезонах, полушубках, измученные, с покрасневшими, ввалившимися глазами, они были безмерно счастливы. А рядом стояли танки и самоходки, на которых они были готовы продолжить марш на Берлин.

В ночь на 2 февраля на Одер вышли части 1-й гвардейской танковой армии. К 15.00 2 февраля передовые танковые бригады армии форсировали Одер. 3 февраля реку в районе Геритц форсировали части 8-й гвардейской армии.

Форсирование нашей армией Одера — последней крупной водной преграды перед Берлином — взбесило гитлеровское руководство. Враг судорожно собирал резервы и бросил их против плацдарма, стремясь сбросить с него наши войска. Завязались исключительно тяжелые бои. Немцы лезли с фанатичным упорством, не думая о потерях. Кого только там не было среди атаковавших — солдаты вермахта и эсэсовские убийцы, юнцы и старики из «гренадерских дивизий», курсанты столичных училищ и полицейские! Сброд. Но их еще было много, как танков и штурмовых орудий,

а в воздухе бесчисленное количество вражеских самолетов.

Так на исходе пятисоткилометрового наступления наши войска с ходу вступили в жуткую схватку. Жуков, как обычно, реалистически оценил обстановку.

Пусть впереди Берлин, а пока в ночь на 4 февраля он приказывает:

«На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача — удержать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину.

Я всех прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем помочь авиацией, так как аэродромы раскисли и взлетать в воздух самолеты не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

1) зарываться глубоко в землю;

2) организовать массовый зенитный огонь;

3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;

4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2—3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить».

8 февраля Жуков докладывает в Ставку: «С выходом войск фронта на р. Одер резко повысилась активность авиации противника. В отдельные дни массированные полеты его авиации для прикрытия города Берлина достигли 2800—3000 самолето-вылетов в сутки». Маршал просит выделить для его фронта две зенитные дивизии за счет 2-го и 3-го Белорусских фронтов, на которых «активность авиации противника незначительна». Ставка отдает нужное распоряжение.

Наши бойцы и командиры на плацдарме, презирая смерть, не только не отдали ни метра земли, но оттеснили врага. Жуков ожидал, что плацдарм будет расширен по фронту «хотя бы» на 20 километров. Бешеные атаки врага имели только один результат — плацдарм был расширен до 44 километров!

Статья «Жуков» заняла основное место в номере от 12 февраля 1945 года тогда самого массового американского иллюстрированного еженедельника «Лайф». Рассказав, разумеется, не всегда точно о длинном пути полководца, начиная с Халхин-Гола, журнал обратился к событиям, приковавшим внимание и потрясшим весь мир — наступлению наших войск от Вислы до Одера. Общий тон статьи — безмерное удивление по поводу мощи Советского Союза на исходе войны:

«Обходя узлы сопротивления и предоставляя их ликвидацию тыловым частям, Жуков промчал свои танковые авангарды и моторизованную пехоту за первые 18 дней кампании по болотистой и лесистой местности более чем за 300 миль — рекордная быстрота наступления, значительно превосходящая темпы наступления немцев в 1941 году... Быстрота его наступления заставляла лондонцев в шутку говорить, что Жуков торопится, чтобы освободить острова, занятые немцами в Ла-Манше... Лорд Бивербрук как-то заметил, что коммунизм дал лучших генералов этой войны. Жуков — коммунист. Он не верит в бога, но он верит в историю, в прогресс, в благопристойность. Ради этого, ради своей семьи, своей жены, детей и России он ведет эту победоносную войну...

Что бы ни произошло в течение ближайших недель, Георгий Константинович Жуков войдет в историю как один из крупнейших полководцев второй мировой войны. Занимая в настоящее время пост командующего отборными войсками Красной Армии в центральном секторе Восточного фронта, он явно предназначен Сталиным для роли завоевателя Берлина...

Его успехи на поле боя не имеют себе равных в нынешней войне. Ни среди союзных армий, ни в германской армии нельзя найти ни одного генерала, равного Жукову».

Таково мнение, во всяком случае, высказанное публично, в США, тогда нашего союзника.

В Берлине Геббельс, оставшийся верным Гитлеру до конца, злобно записывает в своем дневнике примерно в это время: «Ни одна из наших военных операций, как бы она ни была хорошо подготовлена, не привела в последнее время к успеху. Сталин имеет все основания чествовать советских маршалов, которые проявили выдающиеся военные способности».

Красная Армия, вставшая на западном берегу Одера, предвещала скорый конец фашистской ночи.

* * *

Яркие щиты-плакаты встречали наши войска на границе Германии. Наши передовые части устанавливали их, как только нога советского воина переступала границу Германии с Польшей. Плакаты звали: «Бойцы и командиры! Мы вступили на территорию Германии. Вперед — на Берлин!»

Еще 26 января командование 1-го Белорусского фронта вошло в Ставку с предварительным предложением: после форсирования Одера подтянуть отставшие войска, пополнить запасы боеприпасов, горючего и «развивать стремительное наступление на берлинском направлении, сосредоточивая главные усилия в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада». 27 января Ставка утвердила это предложение. Не остался в стороне и 1-й Украинский фронт. И. С. Конев вознамерился быстро разгромить бреславльскую группировку немцев и уже 25—28 февраля выйти на Эльбу. Конев предложил Ставке одним правым крылом фронта (разумеется, во взаимодействии с 1-м Белорусским!) взять Берлин. Ставка 29 января утвердила и это предложение. Тогда Жуков не сомневался в реальности всего этого. Берлин был относительно слабо прикрыт, и едва ли разношерстные соединения, поспешно подброшенные против 1-го Белорусского фронта, удержали бы лобовой удар в направлении города.

Своим оптимизмом командование 1-го Белорусского поторопилось поделиться с военными советами всех армий, командующими родами войск и начальником тыла фронта. В самом конце января в разосланной им ориентировке указывалось: «Задачи войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все отставшее, пополнить запасы до 2 заправок горючего, до 2 боекомплектов боеприпасов и стремительным броском 15—16 февраля взять Берлин».

Эта операция, однако, не была проведена. На военно-научной конференции в конце 1945 года Г. К. Жуков исчерпывающим образом объяснил, почему от нее отказались:

«Я хочу ответить на выступление тов. Енюкова (представитель Генштаба Красной Армии, генерал-майор. — *Авт.*). Видимо, некоторые товарищи недостаточно поняли целесообразность тех или иных мероприятий командования в ходе операции. Он сказал, что со средствами, которые имел фронт, можно было дойти до Берлина. Конечно, Берлин не имел в этот период сильного прикрытия. На западном берегу р. Одер у противника были только отдельные роты, батальоны, отдельные танки, следовательно, настоящей обороны по Одеру еще не было. Это было известно. Можно было пустить танковые армии Богданова и Катукова (2-ю и 1-ю гвардейские танковые армии. — *Авт.*). напрямик в Берлин, они могли бы выйти к Берлину. Вопрос, конечно, смогли бы они его взять, это трудно сказать. Но надо было суметь устоять против соблазна — это дело нелегкое. Командир не должен терять голову, даже при успехе. Вы думаете, тов. Чуйков не хотел бы выскочить на Берлин или Жуков не хотел взять Берлин? Можно было пойти на Берлин, можно было бросить подвижные войска и подойти к Берлину. Но, товарищ Енюков, назад вернуться было бы нельзя, так как противник легко мог закрыть пути отхода. Противник легко, ударом с севера прорвал бы нашу пехоту, вышел на переправы р. Одер и поставил бы войска фронта в тяжелое положение.

Еще раз подчеркиваю, нужно уметь держать себя в руках и не идти на соблазн, ни в коем случае не идти на авантюру. Командир в своих решениях никогда не должен терять здравого смысла».

Именно в эти же дни поступили сведения о серьезной концентрации войск противника севернее, в Померании. Быстро накапливавшая силы группировка угрожающе нависала над обнаженным правым флангом 1-го Белорусского. Еще 23 января немецкие войска в Померании и у Берлина объединили в группу армий «Висла». Командовать ею Гитлер поставил шефа СС, всех карательных органов рейха Гиммлера.

Не расставшийся даже в это время с иллюзиями насчет «мощи» национал-социалистской идеологии Гитлер верил, что назначение командующим архипалача единственный выход, суливший успех. Обращаясь к этим действиям фюрера, вероятно, самый сведущий на Западе на сегодняшний день исследователь

жизни Гитлера Дж. Толанд писал в 1976 году: «Эта чрезвычайная группа армий предназначалась для того, чтобы остановить главный удар, наносившийся маршалом Г. К. Жуковым. Гудериан считал назначение Гиммлера идиотизмом, но Гитлер указал — рейхсфюрер единственный человек, способный быстро организовать армию, одно его имя воодушевит на борьбу до конца». Фюрер восхвалил Гиммлера — он-де остановил панику на верхнем Рейне на западном фронте. Гудериан огрызнулся — «нельзя и сравнивать» фронты на Западе и на Востоке. Там полицейскими мерами Гиммлер навел порядок в толпах солдат, уходивших из Франции, а здесь война. Гитлер настоял на своем, снова упирая на приверженность Гиммлера к нацистскому кредо. Но давно уже иссякло время, когда фашистские лозунги и их живые носители вдохновляли вермахт...

В сгущавшихся сумерках фашистского рейха Гитлер бросал против Жукова свой последний козырь — Гиммлера, который-де поведет войну воистину по-нацистски. Как именно? Гиммлер сразу поставил часовых по левому берегу Одера — стрелять в каждого, пытающегося уйти за реку под натиском Красной Армии. «Но даже эти меры не могли заставить толпы истощенных, потерявших оружие солдат остановить громадные танки Жукова», — сказано в книге Ю. Торвальда «Разгром на Востоке» (1980 год). Тогда Гиммлер со сворой эсэсовских генералов, которых он привез с собой в штаб в Померанию, и задумал честолюбивый план — ударить с севера во фланг 1-го Белорусского.

Высокая идеологическая «чистота» и шкурные интересы отличали как авторов, так и высших исполнителей этой затеи, начавшейся осуществляться смехотворно, с точки зрения профессиональных военных. «Боязнь за свой престиж, — продолжает Торвальд, — побудила Гиммлера попытаться напасть на фланг Жукова с севера. У реки Нетце у него были наскоро собранные пехотные батальоны и другие части. Из-за отвращения Гиммлера к армейским командирам он приказал возглавить наступление генералу СС. Тот никогда не командовал крупным соединением. Теперь ему вопреки собственному желанию приказали вести наступление на фронте в 65 километров. Наступление провалилось. Войска Жукова немедленно контратаковали и быстро обратили наступавших в бегство. Гиммлеру пришлось бросить свой командный пункт поблизости от Вислы. Он со штабом переехал в роскошную резиденцию д-ра Лея в центре Померании».

Маршал Жуков отнюдь не удовлетворился достигнутым. Он смотрел дальше, понимая, что вслед за нелепым натиском последует другая, серьезная операция вермахта. Видя опасное положение 1-го Белорусского, Жуков считал, что парировать угрозу нужно совместными действиями с сопредельным 2-м Белорусским фронтом. 31 января он докладывает в Ставку:

«1. В связи с резким отставанием левого крыла 2-го Белорусского фронта от правого фланга 1-го Белорусского фронта ширина фронта к исходу 31 января достигла 500 км.

Если левый фланг К. К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Я прошу приказать К. К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. Тов. И. С. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер».

В мемуарах Жуков лаконично напишет: «На это донесение мы не получили от Верховного быстрого ответа и конкретной помощи». Пришлось пока обойтись собственными силами. На начало февраля 1-й Белорусский располагал двумя танковыми и восемью общевойсковыми армиями. Жуков последовательно разворачивает обе танковые и четыре общевойсковые армии на север, образовав новый фронт, в Померании. Вот как виделись его действия с той стороны. Еще раз обратимся к Ю. Торвальду: «Сильная русская группировка двинулась вдоль Одера в направлении порта Штеттин. Войска Штейнера (11-я армия СС. — *Авт.*) не могли сдержать напора и отступили к востоку. А далее к востоку русские вовлекли в кровавую битву правое крыло 2-й армии Венка. Но все эти схватки были всего лишь предвестниками грядущего урагана. Жуков наращивал свои силы. Если померанский фронт не получит немедленно подкреплений, он окажется беспомощным перед натиском. Для получе-

ния подкреплений Гиммлер должен был прямо сказать Гитлеру о сложившейся обстановке. А как Гиммлер реагировал на угрозу, можно судить по тому факту, что он покинул новую резиденцию и перевел свой штаб еще на 150 километров западнее за Одер, разместив его в хорошо замаскированном лагере около города Пренцлау, что в 40 километрах западнее Штеттина. Вот и получилось, что защитник Померании, требовавший как от солдат, так и от гражданского населения биться до конца, укрылся за рекой и командовал группой армий, левый фланг которой находился от его штаба так километрах в 350, у залива Фришесс-Хафф».

Гитлер пришел на помощь преимущественно эсэсовскому воинству в Померании. Если на начало февраля там было в составе двух немецких армий 22 дивизии, то к середине месяца их стало более 40. Пришли боевые дивизии вермахта, а предстоящее наступление взял в руки сам Гудериан. Он вырвал у фюрера согласие действовать с молниеносной быстротой, ибо «Жуков не будет сидеть сложа руки, пока немецкие войска готовятся к удару». Замысел Гудериана заключался в том, чтобы обрушиться на наш фронт в Померании крупными силами, через долины рек Варта и Нетце выйти с тыла на Кюстрин. Программа-максимум — отбросить Красную Армию чуть не до Вислы!

Вот эту угрозу и рассмотрел Жуков, вот поэтому он ожидал содействия со стороны 2-го Белорусского фронта. Этот фронт, основные силы которого были задействованы в Восточной Пруссии, начал просимое Жуковым наступление 10 февраля. Однако продвигался медленно, покрыв за десять дней всего 50—70 километров. Немцы дрались насмерть. Что касается 1-го Украинского фронта, его войска сумели сломить вражеское сопротивление и выйти на реку Нейсе, то есть на уровень продвижения 1-го Белорусского фронта, только к концу марта.

Так случилось, что намерение маршала Жукова овладеть Берлином в середине февраля не осуществилось и война затянулась еще на несколько месяцев. Так что, Жуков неверно рассчитал? Нет, с военной точки зрения, как представлялось ему дело на конец января, он был абсолютно прав. В штабе 1-го Белорусского фронта в то время оценивали перспективы

завершения вооруженной борьбы в Европе исходя из военной логики — Германия зажата между двумя фронтами. Как бы вяло ни велись там боевые действия, немцы вынуждены держать определенные силы на Западе. Но вмешалась политика, как действия Гитлера, так и наших западных союзников, внесли крутые изменения в положение на Восточном фронте.

Ставка не так быстро ответила на донесение Жукова от 31 января, ибо как раз в это время Сталин готовился к конференции глав правительств — СССР, США и Англии, — которая проходила в Ялте с 4 по 11 февраля. На ней советская делегация указала, что в результате переброски немецких войск с запада «на нашем фронте может дополнительно появиться 35—40 дивизий». Следовательно, необходимо «ускорить переход союзных войск в наступление на Западном фронте». Желательно сделать это «в первой половине февраля».

Руководители США и Англии заверили, что так и будет. Они высоко оценивают подвиги Красной Армии в начале 1945 года, лестные слова звенели над столом конференции. А на следующий день после ее завершения США и Англия приступили к грандиозной операции по дезинформации доблестного союзника. 12 февраля глава английской военной миссии в СССР полковник Бринкман в доверительном порядке информировал наш Генштаб: немцы собирают две группировки для контрнаступления — одну в Померании для наступления на Торн, другую в районе Вена—Моравска—Острава для удара в направлении Лодзи. Следовательно, Красная Армия должна была, чтобы отбить врага, развернуться лицом к Востоку, в первую очередь 1-й Белорусский Жукова. Это повлекло бы за собой остановку нашего дальнейшего продвижения на Запад, больше всего на Берлин. Кто же без оглядки будет идти вперед, рискуя тем, что через Торн и Лодзь сомкнутся клещи вермахта достаточно далеко в тылу Красной Армии.

Наше командование со времен открытия второго фронта регулярно обменивалось данными о дислокации вермахта. От американцев и англичан приходила в основном достоверная информация. В ряду ее на ответственнейшем этапе войны западные союзники и подставили эту чудовищную дезинформацию. В Вашингтоне и Лондоне подождали неделю, и 20 февраля

включился в игру не кто другой, как начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. В секретном послании начальнику советского Генштаба А. И. Антонову он подтвердил английские данные. С острым любопытством, надо думать, великие умы Вашингтона и Лондона ожидали, как поступит наше командование.

Решили, что самое время похвалить верного союзника. Тем более что и повод подошел, в связи с Днем Красной Армии 23 февраля 1945 года Черчилль публично, на весь мир заявил: «Красная Армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великих побед». В несколько менее цветистых словах довел до сведения человечества аналогичное мнение Рузвельт.

Гитлеровское руководство знало об Ялтинской конференции, которая провозгласила решимость покончить с фашизмом. В Берлине, однако, судили о позиции Запада по делам. Там помнили о прошлом — затягивании второго фронта — и видели настоящее — американо-английские армии пока явно не торопились. Германская разведка перехватила директиву объединенного комитета начальников штабов США и Англии, отданную 24 января 1945 года американским и английским командующим в Европе: «Советский Союз на Востоке достиг успехов, которых не ожидало англо-американское командование. В случае дальнейшего быстрого продвижения на Запад может возникнуть обстановка, в высшей степени нежелательная для правительств США и Англии... Наши военные меры должны быть таковы, чтобы дать возможность немцам укрепить их Восточный фронт, что может быть достигнуто главным образом за счет ослабления их Западного фронта».

В директиве подчеркивалась необходимость ввести «русских» в заблуждение. Бомбардировочная авиация США и Англии получила приказ разбить с воздуха железнодорожные узлы в Центральной и Восточной Германии якобы для оказания содействия советским войскам, а на деле, чтобы затруднить их продвижение

на запад. Обсуждая в конце января перспективы войны, Гитлер и его приближенные согласились во мнении: перед лицом наступления Красной Армии США и Англия вот-вот протянут руку Германии.

На западе немцы сочли возможным, оставив части, эквивалентные всего 26 дивизиям, бросить все на Восточный фронт. На южном крыле они даже затеяли контрнаступление у озера Балатон. В основном силами 6-й танковой армии СС, которая разбила западных союзников в Арденнах в декабре 1944 года. На северном — 15 февраля последовал ожидавшийся Жуковым контрудар в Померании. Бои на советско-германском фронте вспыхнули с новой силой. Германским солдатам внушалось: надо держаться до появления мифического «чудо-оружия»; а офицерскому корпусу еще разъяснялось, что, чем упорнее вермахт держится против СССР, тем скорее США и Англия придут на помощь рейху и начнется совместная борьба против большевизма.

От замыслов этих отдавало безумием, но резко возросшее сопротивление фашистского воинства и контрудары были налицо. Жуков осмотрительно проводил операцию, памятуя, что в любой момент враг может броситься в лоб на Кюстринский плацдарм за Одером. Несмотря на отчаянное сопротивление, сильнейшая группировка в Померании была разгромлена и вся Восточная Померания на исходе марта была очищена от неприятеля. 1-й Белорусский добил немцев наличными силами. Тогдашний начальник тыла фронта генерал Антипенко подсчитал: «На отражение и разгром померанской группировки было израсходовано свыше двадцати тысяч тонн боеприпасов, то есть почти все сэкономленное в ходе артподготовки на Висле. Я должен сказать, что только благодаря этой экономии фронт успешно справился с ликвидацией померанской группировки противника. Ведь других боеприпасов в то время из центра не поступало». 1-й и 2-й Белорусские фронты дрались в Померании почти два месяца — до конца марта! Гитлер сместил Гиммлера с командования группой армий «Висла» и выгнал начальника генерального штаба Гудериана.

В этих сражениях к ранней весне была полностью освобождена Польша. В боях за ее свободу и независимость пало свыше 600 тысяч советских воинов. Героически сражаясь в основном в Померании, Войско

Польское потеряло 26 тысяч убитыми и пропавшими без вести.

Сражение в Померании, приближавшее взятие Берлина, подтолкнуло и Черчилля попробовать руку в стратегической дезинформации. Он пишет Сталину: «Гитлер попытается продолжить войну путем смертельной борьбы в Южной Германии и Австрии с возможным контактом через Альпы со своей армией в Северной Италии». Черчилль прекрасно знал, что уже шли тайные переговоры за спиной СССР о капитуляции немцев в Северной Италии. В послании в Москву он попытался убедить — заключительное сражение с рейхом разразится где-то вплотную к Альпам. Значит, все внимание туда. Доказательство: «Безжалостное и упорное сражение в Будапеште, а сейчас у озера Балатон вместе с другими приготовлениями подкрепляют эту мысль».

Прочитали и это послание в Кремле, надо думать, ознакомили с этой точкой зрения Жукова, он бывал в Москве. Разговоры об «Альпийском редуте» наше командование списало по графе домыслов. Больше того, свидетельствует Жуков, «Ставка к этому времени (последние дни марта. — *Авт.*) уже располагала некоторыми сведениями о трениях и противоречиях, которые происходили между английским и американским политическим руководством по поводу стратегических планов».

Коль скоро подошло время подводить итоги отгремевших сражений на советско-германском фронте, а вероломство западных союзников, затеявших подозрительные переговоры с немцами стало очевидным, начальник Генштаба А. И. Антонов счел нужным довести 30 марта до сведения Дж. Маршалла: «Боевые действия на Восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную им информацию». Антонов в изысканных выражениях высказал предположение, что «некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское, так и советское командование». По посланию нашего Генштаба были в изобилии рассыпаны слова благодарности замечательным союзникам, за их «любезность» в предоставлении информации и выражалась надежда на получение новой. По мере приближения победы политика все больше вторгалась в военные действия.

В середине шестидесятых Маршал Советского Союза В. И. Чуйков затеял дискуссию на страницах печати, вернувшись к решенному и все же стремясь доказать — Берлин-де можно было взять в феврале 1945 года и тем значительно сократить сроки войны. Он стал всерьез утверждать, что войскам, прошедшим в Висло-Одерскую операцию 500 километров, было бы по плечу «с ходу» покрыть 60—80 километров, еще остававшихся до Берлина. Чуйков и другие помимо прочего упустили из виду то, о чем 15 марта Геббельс с глубоким разочарованием записал в своем «Дневнике»: «Наши генштабисты ожидали от Советов точно такой же ошибки, какую мы допустили поздней осенью 1941 года при разработке планов окружения Москвы, а именно: идти прямо на столицу врага, не оглядываясь ни направо, ни налево, и не заботясь о прикрытии флангов. С этим мы здорово просчитались в свое время».

Маршал Жуков не просчитался, вовремя понял намерения вражеского командования и разгадал дезинформацию союзников. Одновременно решил эти две сложнейшие задачи, а на поле сражения проявил свое мастерство, разгромив врага в Померании.

* * *

К середине апреля фронт Рокоссовского наконец вышел на восточный берег Одера до Балтийского моря, обеспечив северный фланг победоносных войск Жукова. На южном крыле немцев выбили из Венгрии, значительной части Чехословакии, в Австрии освободили Вену.

Главной задачей Красной Армии оставалось взятие Берлина. Жуков не прерывал работы над планом овладения столицей Германии с конца ноября 1944 года. В марте 1945 года его дважды вызывали в Ставку для уточнения деталей завершающей операции. Сталин ввел маршала в курс решений Ялтинской конференции, утвердившей границы зон оккупации Германии, Берлин после войны должен был находиться в пределах советской зоны.

Сталин ознакомил Жукова с согласованной линией в Германии, где предстояло встретиться советским и союзным войскам. Во время Ялтинской конференции советские войска находились примерно в 70 километ-

рах от Берлина, англо-американские — в 500 километрах. Западные союзники, несмотря на обещания, не торопились с наступлением. Положение изменилось только в самом конце марта: форсировав Рейн, наши союзники начали довольно быстрое продвижение.

Генерал Эйзенхауэр сообщил в Москву, что намерен идти на северо-восток и юго-восток Германии, а на берлинском направлении остановиться на согласованной линии, проходившей по Эльбе. Когда в Ставке было получено это сообщение, «И. В. Сталин, — по словам Жукова, — отозвался об Эйзенхауэре как о человеке, верном своим обязательствам. Мнение это оказалось преждевременным». Быстро прояснялось: командование западных союзников вело войска и на Берлин, надеясь овладеть столицей Германии, если позволят обстоятельства.

Это имело давнюю историю. Еще при подготовке вторжения в Европу в высших штабах США и Англии был составлен план захвата Берлина силами авиадесантных войск, последовательно именовавшийся то операцией «Рэнкин», то дело «С», то операцией «Талисман» и, наконец, с ноября 1944 года получивший название операция «Эклипс». Выброска трех воздушно-десантных дивизий первоначально намечалась в случае внезапного военного краха Германии. План постепенно корректировался в зависимости от изменения военной обстановки. В 1945 году имелось в виду десантировать эти дивизии, составлявшие «первую союзную воздушно-десантную армию» в момент, когда сухопутные войска США и Англии подойдут на «разумное расстояние» к Берлину.

К этой операции в глубокой тайне готовили 20 тысяч воздушных десантников, которые должны были быть переброшены в Берлин на 1500 транспортных самолетах, и более чем на 1000 планерах. Прикрытие — 3000 истребителей. Когда? Трудно назвать точную дату. Для ориентира можно указать: американская тайная агентура из управления стратегических служб, находившаяся в Берлине, получила предупреждение — войска США и Англии достигнут города где-то в середине апреля. Это не все. В Москве стало известно и о том, что гитлеровцы пытаются вступить в контакт с США и Англией, достигнув договоренности за спиной Советского Союза. С 12 марта по этому поводу шла острая переписка между правительствами

СССР и США. К концу месяца в нее включился Рузвельт, пытавшийся заверить Сталина, что никаких переговоров с гитлеровцами-де не ведется. Но, замечает Жуков, «учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что гитлеровцы прекратят сопротивление на Западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной Армии».

На совещаниях в Ставке в конце марта 1945 года Сталин познакомил Жукова с документами, полученными советскими разведчиками. Из них явствовало, отмечает Жуков, что «не исключалась возможность открытия гитлеровцами путей союзным войскам на Берлин».

Эти документы неизбежно сопоставлялись на совещаниях с тем, что происходило на Западном фронте, — войска западных союзников практически не встречали сопротивления, если не считать отдельных схваток, когда они натыкались на части под командованием фанатичных нацистов. Американец К. Райан, выпустивший в середине шестидесятых годов книгу «Последняя битва», указывает: американо-английские армии, продвигавшиеся в апреле 1945 года по Германии, имели 4600 тысяч личного состава. «А на Западном фронте, — продолжает он, — германская армия едва ли больше существовала... Хотя числилось здесь 60 дивизий, то были дивизии на бумаге, не более пяти тысяч человек в каждой, плохо обеспеченные, не имевшие боеприпасов, горючего, транспорта, артиллерии и танков».

Соотношение — 4600 тысяч человек в войсках союзников и примерно 300 тысяч в немецких войсках, стоявших перед ними! «И вот получается, — написал Сталин Рузвельту 3 апреля 1945 года, — что в данную минуту немцы на Западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США». Он подчеркнул: «Что касается моих военных коллег», то «они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются», что немецкое командование на Западе согласилось «открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска».

Разумеется, отвечая, Рузвельт отрицал это, выразив «крайнее негодование» в связи с таким гнусным,

неправильным описанием моих действий или действий моих подчиненных».

В книге американского исследователя А. Брауна «Последний герой» (1982 год) об «отце ЦРУ», близком Рузвельту генерале Донован, процитированы приведенные слова Сталина и сказано: Сталин «был очень близок к истине». И на основании рассекреченных в восьмидесятые годы документов автор прослеживает шашни Донована с начальником германского генерального штаба Гудерианом и фельдмаршалом Рундштедтом, которые «были готовы открыть Западный фронт армиям Эйзенхауэра». Не успели — в марте Гитлер сместил обоих. Но не покладали рук их единомышленники. Хотя тогда интриги американской разведки не могли быть известны во всем объеме, в целом картина была ясна.

Все это в совокупности властно диктовало: медлить нельзя!

29 марта в Ставке, куда прибыл с фронта Жуков, началось рассмотрение плана 1-го Белорусского по Берлину. Обширный документ даже на завершающем этапе подготовки потребовал месяц напряженной работы штаба фронта. Весь март. Теперь подводился итог проделанному и просчитанному на картах. Работа Ставки и руководства Генштаба проходила спокойно, но участники не мешкали.

Во время обсуждения плана операции Верховный заметил:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки.

Он показал свою карту. Рассуждения Сталина не удивили Георгия Константиновича. Он знал общую обстановку не хуже, а в полосе своего фронта много лучше Верховного. Не почитая, впрочем, это великой доблестью, это входило в служебные обязанности командующего фронтом. Новинкой для Жукова было разве то, что Сталин ознакомил его с сверхсекретными политическими материалами о закулисных контактах представителей немецкого руководства с нашими союзниками. С удручающей мотонностью в донесениях разведки повторялось то, о чем можно было догадаться, — немцы стремились добиться сговора с США и Англией, прекращения войны на Западе.

1 апреля в Ставку был вызван с планом 1-го Украинского фронта И. С. Конев. В тот же день оба командующих фронтами — Жуков и Конев — участвовали в совещании, созванном Сталиным. Он пригласил к себе Антонова, начальника Главного оперативного управления С. М. Штеменко, членов ГКО. Обстановка, хотя и деловая, определенно носила торжественный характер. Сталин предложил Штеменко огласить некую «телеграмму», агентурное донесение разведки о том, что западные союзники уже нацелились взять Берлин раньше русских. Информатор сообщал, что ударная группировка под командованием английского фельдмаршала Монтгомери выступит севернее Рура и пойдет на Берлин. По кратчайшему расстоянию при тогдашней дислокации союзных войск на западном фронте.

Когда Штеменко закончил, Сталин не без театральности спросил:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Если верить мемуарам Конева, «первому на этот вопрос пришлось отвечать мне», и он заверил Верховного, что «Берлин будем брать мы и возьмем его раньше союзников». Сталин якобы после маршальского ответа «слегка усмехнувшись» заметил, «вон вы какой», и поинтересовался, как это будет сделано, главные силы 1-й Украинский имел на своем левом, то есть южном фланге. Конев заверил: «Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка на берлинском направлении будет создана нами своевременно».

В мемуарах Жукова эпизод изложен много спокойнее, по-деловому. Естественно, взятие Берлина возлагалось на 1-й Белорусский, а 1-му Украинскому надлежало ему содействовать. Конечно, Георгий Константинович прошел мимо того, что представлялось Коневу важным, — кто первым ответил Верховному. Жуков куда более рельефно, чем другой маршал, объяснил смысл изменения, внесенного Сталиным в планы фронтов по Берлину, а именно: Верховный сократил протяженность разграничительной линии между ними. По представленным планам линия проводилась от Нейсе до Потсдама, Сталин оборвал ее у Люббена,

городка, что в 60 километрах юго-восточнее Берлина. Смысл был очевиден — в случае необходимости танковые армии Конева должны были повернуть на север, идти на Берлин и помочь 1-му Белорусскому фронту. В Ставке не сомневались, что предстоит жесточайшая битва, которая потребует сосредоточения превосходящих сил.

2 апреля 1945 года Ставка принимает директиву 1-му Белорусскому фронту: «Подготовить и провести наступательную операцию с целью овладеть столицей Германии городом Берлин и не позднее двенадцатого-пятнадцатого дня операции выйти на р. Эльба». Главный удар с кюстринского плацдарма — двумя танковыми и четырьмя общевойсковыми армиями. Во втором эшелоне фронта армия генерала Горбатова. Начало операции — 16 апреля.

Одновременно южнее открывал наступление 1-й Украинский фронт; 2-й Белорусский фронт, еще не закончивший подготовку, должен был выступить 20 апреля. «Конечно, — по мнению Жукова, — было бы лучше подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но, учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку, Ставка не могла откладывать операцию на более позднее время». Западные союзники крались к Берлину. Сопротивление им считанных частей вермахта оставалось символическим.

Примерно в эти же дни принимались последние решения и в ставке Гитлера. Руководство нацистской Германии, беспощадно понукаемое фюрером, готовилось к решающей схватке. Командующим группой армий «Висла» вместо Гиммлера был назначен опытный кадровый генерал Г. Хенрици. Гудериан в последние дни пребывания во главе генштаба успел озадачить Хенрици: «Нам нужен человек на Одере, который имеет настоящий опыт войны с русскими. Нужно сделать все, чтобы не допустить форсирование русскими Одера и взятия ими столицы». Новый командующий объехал участок фронта, прикрывавший непосредственно город, и заключил: опасность исходит прежде всего от кюстринского плацдарма. Он поиграл было с идеей ликвидировать его, но скоро убедился — русские стоят крепко. Любая попытка сбросить их в Одер окончится новым, массовым избиением контратакующих.

6 апреля Хенрици предстал в тесном бункере в ставке Гитлера перед самим фюрером и высшими нацистскими бонзами. Генерал в подступивший час истины режима счел возможным сказать приблизительную правду — фронт не устоит перед русским ударом, и привел данные о соотношении сил. Гитлер злобно прошипел: «Я все слышу цифры, — голос его окреп, — но я не слышу ничего о внутренней силе солдат. Нам нужна всего-навсего фанатическая вера. Наше движение, — теперь он кричал, — наше движение показало, что вера движет горами. Если наши солдаты преисполнятся фанатической верой, они удержат свои позиции, они победят в битве, от которой зависит судьба Германии. Я прекрасно знаю, что и у Сталина силы на исходе, он ведет войну уже мусорными людишками. Но он воодушевил эту шваль фанатической верой. Теперь значит только одно — победит тот, у кого крепче вера. Такими должны быть мы, каждый солдат на Одере должен знать это и должен быть фанатиком».

Оглушенный криком фюрера Хенрици смог только через несколько минут оправиться. Он заявил, что на собственном опыте знает — оценки русских фюрером никак не соответствуют истине. Хенрици хорошо запомнил русских, начиная с зимы 1941 года под Москвой. Именно тогда имя Жукова начало внушать ужас немецким офицерам. Никакой фанатизм не поможет в предстоящей битве с русскими у Одера. Приближенные Гитлера поняли — Хенрици просит подкреплений. Геринг пообещал прислать 100 000 войск из ВВС, Гиммлер — 25 000 эсэсовцев, Денитц — 12 000 моряков. Гитлер обернулся к Хенрици: «Итак, 150 000 человек. Это 12 дивизий. Вот вам и резерв».

Помимо этих полутораста тысяч, на фронт погнали сборные формирования и отряды самых различных организаций фашистского государства — СД (служба безопасности при рейхсфюрере СС), ЗИПО (полиция безопасности), ГФП (тайная полевая полиция), ССФТ (военные группы охранников), молодежные спортивные группы «Сила через радость», ФС (добровольные стражники), НСНКК (нацистские моторизованные группы) и другие. Хенрици 11 апреля получил приказ Гитлера о «выжженной земле», то есть применять на территории Германии те методы, которыми велась война против Советского Союза. Германский ге-

нерал, отдавший на протяжении войны бесчисленное количество приказов о разрушении всего и вся на советской земле, не бросился, однако, разрушать на своей. Он задумался, а приехавший к нему в штаб министр вооружений А. Шпеер разрешил генеральские сомнения — приказ не выполнять! Да, да, согласился Хенрици: «Берлин не превратится в Сталинград. Я этого не допущу». Хенрици, в свою очередь, отдал свирепый устный приказ коменданту Берлина — не взрывать мостов через Шпрее, не разрушать водопровод, канализацию, энергосистему в черте города.

Жалобы Хенрици на то, что у него все же мало войск, Гитлер отвел. Не по наитию, а в результате умелой дезинформации о намерениях нашего командования, жертвой которой пал фюрер. Он заявил Хенрици: «К югу от вашего фронта, в Саксонии, находится более сильная группировка вражеских войск... Основный удар врага будет нанесен не по Берлину, а здесь». Он показал на карте район Праги.

8 апреля Эйзенхауэр посетил передовые штабы американских армий на берлинском направлении. Командир дивизии, выходившей к Эльбе, браво доложил: «Мы идем вперед и войдем в Берлин. Ничто нас не остановит». Эйзенхауэр без колебаний напутствовал: «Давай! Желаю всяческих успехов, и пусть никто не остановит тебя». 12 апреля дивизия вырвалась к Эльбе. После войны командир корпуса, в который она входила, настаивал: «По моему мнению, мы могли бы прийти в Берлин раньше русских, расстояние до него было ничтожным. По темпам нашего марша для этого потребовалось бы, наверное, дня полтора. Сопротивления с немецкой стороны не существовало. Сопротивления просто не было».

Тогда за чем дело стало? Та американская дивизия, рвавшаяся к Берлину, 13 апреля, «как на воскресном пикнике, без выстрела», переправила через Эльбу несколько батальонов. Однако поблизости оказались немецкие юнцы — курсанты военных училищ. Зеленых солдат, естественно, не вводили в курс высшей стратегии гитлеровского руководства сдавать территорию на западе и держаться на востоке. Увидели американцев, значит, враг — и в бой! Расчеты расположенных поблизости тяжелых зенитных орудий услыхали стрельбу и, в свою очередь, открыли огонь по наземным целям. Большой шум! Потеряв четырех

убитыми и двадцать ранеными, американцы 14 апреля отступили на западный берег Эльбы. «Эти молодые люди, — недовольно написал американский историк Уигли, — сбросив плацдарм дивизии в Эльбу, лишили западных союзников возможности добыть славу».

Стычка по масштабам войны ничтожная, но она озадачила верховное командование США и Англии.

15 апреля Эйзенхауэр спросил командующего американской группой армий Брэдли: сколько жертв потребует взятие Берлина? Брэдли отрапортовал: не менее ста тысяч человек. За все время после открытия второго фронта и до окончания войны в Европе американцы потеряли 135 тысяч человек убитыми. А теперь еще 100 тысяч! Брэдли исходил из того, что при выдвижении к Берлину американские войска угодят в непосредственный тыл немецких армий, дравшихся с Красной Армией. В неизбежной сумятице завяжутся схватки. Дальнейшее понятно. Эйзенхауэр со своими штабистами погрузился в тягостные раздумья.

В районе Берлина противник имел свыше миллиона человек войск, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и самоходных орудий, 3300 самолетов. С нашей стороны в войсках трех фронтов — 2,5 миллиона человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и самоходных орудий, 7500 самолетов. Из них на сравнительно узких участках прорыва Жуков сосредоточил 68 стрелковых дивизий. Число орудий и минометов на километр фронта, где наносились решительные удары, превышало 300 стволов.

1-й Белорусский фронт, выступая главными силами с кюстринского плацдарма, должен был штурмовать Берлин, выделив танковые армии для обхода города с севера и северо-востока. С ним взаимодействовал 2-й Белорусский фронт. Как было договорено в Ставке, наступавший южнее 1-й Украинский фронт шел на Эльбу, готовый в случае необходимости повернуть свои танковые армии на Берлин.

В первых числах апреля Жуков принял командующего 3-й армией генерала Горбатова, который доложил ему о степени сосредоточения армии. Горбатов в мемуарах оставил любопытнейшую запись беседы с Жуковым. «Маршал сообщил мне: начало наступления на Берлин назначено задолго до рассвета при ослеплении противника и превращении ночи в день ста сорока пятью прожекторами; с плацдарма два-

дцать четыре километра по фронту будут наступать четыре общевойсковые и две танковые армии: рассказал, какими мерами будут отвлекать противника от берлинского направления и от нашей подготовки на кюстринском плацдарме. Берлин будет захвачен на пятый день, а на Эльбу мы выйдем 26 апреля. Наличие двухсот семидесяти артиллерийских и минометных стволов на километр и более тридцати танков непосредственной поддержки на километр должно обеспечить успех.

Я высказал опасение, что ночное наступление при таких плотностях боевых порядков неизбежно повлечет к перемешиванию соединений и частей. И зачем ночь превращать в день — не лучше ли обождать рассвета? Я подумал еще, хотя и не сказал, что боевые порядки на плацдарме излишне уплотнены и это приведет к лишним потерям; нецелесообразно брать Берлин штурмом, лучше блокировать его и выходить на Эльбу. Сомневался я и в том, что мы сумеем заставить противника думать, будто мы отказались от нанесения основного удара с кюстринского плацдарма.

В разговоре по затронутым вопросам командующий остался при своем мнении. Однако, как известно, наступление он начал не ночью, а в 6 часов 30 минут».

Наверное, были и другие военачальники, готовые внести изменения в план операции. Но по большей части они «промолчали», авторитет Г. К. Жукова был непререкаем.

За всю войну не приходилось брать такого крупного, сильно укрепленного города, как Берлин, занимавшего 900 квадратных километров. В штабе 1-го Белорусского фронта знали: Берлин, в сущности, превращен в крепость, а подходы к нему с востока от Одера — сплошная зона мощных оборонительных сооружений. Было сделано все, чтобы разведать районы предстоявшего сражения. Изготовили точный макет города и его пригородов, на котором неоднократно проигрывались как общий штурм, так и отдельные его фазы.

5 апреля в штаб фронта, размещавшийся в крошечном городке Мендзехуд, были вызваны все командующие армиями, члены военных советов, командиры корпусов. На стенах помещения — закрытые полотнами карты. Негромкие переговоры в зале, где собралось около ста генералов и офицеров. Движение, шум смолкли. Жуков оглядел притихший зал и негромко, будничным тоном сказал:

— Товарищи! Я вас пригласил сюда для того, чтобы объявить о приказе товарища Сталина.

Мертвая тишина. Жуков продолжил, повысив голос:

— Верховный Главнокомандующий, Маршал Советского Союза товарищ Сталин приказал войскам нашего фронта перейти в наступление на берлинском направлении, окружить столицу фашистской Германии — Берлин, разгромить и уничтожить силы врага и водрузить над Берлином Знамя Победы!

Зал взорвался аплодисментами. Все встали. Неистово бил в ладоши стоявший в первом ряду генерал Чуйков, подняв над головой руки, аплодировал генерал Богданов. «Счастливые, неповторимые минуты, — записал очевидец, — минуты, о которых мечтали под Москвой, под Сталинградом, у Тулы и Ленинграда, на Кавказе, на Днепре, Буге и Висле!»

Жуков переждал, не прерывая аплодисментов, продолжавшихся несколько минут. И к делу!

Как обычно, маршал обстоятельно объяснил задачи фронта, частей и соединений. На открытых теперь картах, макетах Берлина провели командно-штабную игру.

Командование фронтом во главе с Жуковым разместилось на сцене зала, а командармы с помощниками за столами, расставленными в зале. Поочередно, по вызову они выходили к карте и докладывали свои решения, начиная от исходного положения и в динамике боя. Возможности каждого были видны всем. Жуков по ходу докладов давал вводные, обычно обострявшие обстановку, задавал порой каверзные вопросы. Он не мог не быть довольным — генералы отвечали четко, с глубоким знанием дела. Командармы досконально знали свои армии до подразделений. Все это было прекрасно, но какой кровью был оплачен этот опыт!

В целом намерения врага не были тайной. Участники командно-штабной игры сошлись во мнениях относительно попыток немцев дезинформировать наше командование. Отправив немало танков на юг к Праге, Хенрици попытался создать ложное представление — у него-де в глубине сосредоточены мощные

оперативные резервы. Их не могло быть, что касается танковых соединений, то наша разведка быстро установила: по железной дороге подвозились муляжи танков. Напрасно немцы размещали их на местности, как им представлялось правдоподобно.

Для отработки взаимодействия участников пригласили к громадному ящику с песком, на котором крупным планом макетировалась обстановка. Ход сражения — от переднего края и в глубину проигрывался детально с участием командиров корпусов и дивизий. Особое внимание уделялось взаимодействию наземных войск с авиацией. Генералам вновь и вновь напоминалось — сражение развернется в зоне ПВО Берлина и нужно быть готовым к любым неожиданностям. В воздухе уже появились первые боевые реактивные самолеты люфтваффе.

По завершении двухдневного командно-штабного учения участники разъехались и провели детальные игры и занятия в армиях, корпусах и дивизиях. Жуков в сопровождении главных артиллериста, танкиста и авиатора побывал во всех десяти армиях фронта — восьми общевойсковых и двух танковых. Он заслушивал решения командармов, вносил уточнения, добиваясь точного уяснения задач наступления.

В войсках на основании указаний ЦК партии и директивы Ставки от 20 апреля развернулась большая политическая работа. Речь шла о дисциплине и порядке в войсках, о поведении на немецкой земле. Накануне наступления Г. К. Жуков, К. Ф. Телегин, С. И. Руденко подписали обращение Военного совета к воинам 1-го Белорусского фронта. Напомнив, что «не впервой русским воинам брать Берлин», обращение звало: «Пришло время подвести итоги страшным злодеяниям, совершенным гитлеровскими людоедами на нашей земле, и покарать преступников... Славой наших побед, потом и кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него, первыми произнести грозные слова сурового приговора нашего народа немецким захватчикам... Вперед на Берлин!»

Сражение должно было разыграться в многомиллионном городе, жертвы среди жителей были неизбежны. Но не за счет мести! Военный совет напоминал воинам, многие из которых в войну потеряли родных и близких, видели пепелище разрушенных фашистами городов и деревень, помнить о своей высокой

миссии. «Воин Красной Армии никогда не уронит достоинства советского гражданина, — подчеркивалось в обращении. — Нас не будет укорять наш народ в мягкосердечности к врагу. Но мы это сделаем так, чтобы еще ярче блистала наша боевая воинская слава, чтобы еще быстрее летела по миру радостная весть о Красной Армии как об армии-освободительнице, как об армии могучего советского народа, спасшей мир от гитлеровского рабства».

Ценности нашей, советской социалистической цивилизации и вдохновляли войска Красной Армии, шедшей на последний штурм в Великой Отечественной. Такая постановка вопроса не риторика, особенно в сравнении с тем, чем пытались укрепить дух вермахта на краю пропасти. Гитлер подготовил воззвание к «солдатам восточного фронта». Он продиктовал его по получении известия о смерти президента США Ф. Рузвельта 12 апреля и приказал огласить тогда, когда Красная Армия перейдет в наступление на Берлин. «Орды жидобольшевиков, наших врагов, собрались на последний штурм. Они хотят уничтожить Германию и наш народ. Вы, солдаты восточного фронта, видели собственными глазами, какая судьба ожидает немецких женщин и детей, стариков и детей убивают, женщин и девушек насилуют и превращают в казарменных шлюх. Остальных угоняют в Сибирь».

Видимо, этот психологический прием действовал на немецкую солдатню, именно так они действовали бы, если бы шли к победам. Пресловутые «европейцы» не могли понять русских, щадивших обитателей разбойничьего вертепа, в который нацисты превратили Германию. Похвастав мощью вермахта, Гитлер продолжал: «Вновь большевизм постигнет старая судьба Азии, он разобьется о столицу германской империи... Если в следующие дни и недели каждый солдат восточного фронта выполнит свой долг, последний натиск Азии рухнет. Берлин остается немецким, Вена снова станет немецкой, а Европа никогда не будет русской! ...Этот момент, когда с лица земли исчез величайший военный преступник всех времен (Ф. Рузвельс. — *Авт.*), решит поворот в судьбах войны». На этом кончалось воззвание и следовала подпись — Адольф Гитлер.

Воззвание не залежалось.

Ночь на 16 апреля. В траншеях, переходя от одной

группы бойцов к другой, командиры читают обращение Военного совета. В блиндажах возникают короткие митинги, горячие речи. По передовым траншеям тихо передают:

— Внимание! Смирно! Несут наше боевое знамя!

Пронесли расчехленные знамена частей. Впереди знаменосцев командиры полков и их заместители по политической части. Последние минуты. Бойцы молча обнимают друг друга, взаимные клятвы никогда не забывать осиротевшие семьи павших.

За три минуты до начала артиллерийской подготовки Жуков поднялся на наблюдательный пункт командующего 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова, расположенный на возвышенности. С него отлично просматривалась местность.

В пять часов утра дрогнула земля — началась артиллерийская подготовка. Ее нельзя ни с чем сравнить: из 1236 тысяч снарядов и мин, израсходованных 1-м Белорусским фронтом в первый день операции, 500 тысяч обрушили на врага за эти тридцать минут. Жуков сознательно спланировал ее неслыханно интенсивной и короткой, дабы ошеломить врага. Немцы сразу понесли немалые потери: два предшествовавших дня они отражали атаки наших полков и батальонов, которые при поддержке танков проводили разведку боем. В ходе разведки наши войска местами вклинились на несколько километров в первую линию обороны противника. Теперь ночью подтянутые к переднему краю германские части попали под сокрушительный огонь.

Еще не смолкли орудия, как вспыхнули 143 зенитных прожектора, стоявшие через 200 метров на участках прорыва. Подсветка облегчила пехоте и танкам продвижение и привела в смятение немцев, решивших, что у русских новое оружие, от которого можно слепнуть. Уже ночью сотни бомбардировщиков ударили по целям в глубине вражеской обороны, а с рассветом над полем боя повисли наши бомбардировщики и штурмовики. За первые сутки операции — 6550 самолето-вылетов!

Первая и вторая линии обороны врага, буквально сметенные с лица земли, были взяты. Жуков продолжал наблюдать за ходом боя с командного пункта 8-й гвардейской армии Чуйкова. Гвардейцы приблизились к Зееловским высотам, что в 12 километрах за передним краем. Жуков подзывает Чуйкова.

— Гвардейцам объявите благодарность, — говорит маршал. — Распорядитесь, чтобы артиллерия поддерживала атаку высот. Без артиллерии атаку не начинайте.

Жуков в бинокль видит, как в клубах дыма и пыли, за стеной разрывов, продвигаются гвардейцы. Ему докладывают: противник упорно держится в населенном пункте Кичель.

— Ваше решение? — прерывает маршал.

— Обработать авиацией...

— Не обработать, а стереть с лица земли этот Кичель. Пусть авиация на глазах наших бойцов уничтожит его. Люди лучше будут идти вперед!

Уже через час после благодарности Жукова в гвардейской дивизии выпущена и доставлена в передовые роты листовка: «Маршал Жуков доволен нашими успехами. Командующий фронтом благодарит каждого бойца, каждого офицера за геройское и мастерское поведение в наступлении. Вперед, товарищи!»

Но уже в 13 часов Жуков понял, что рубежи врага на Зееловских высотах не прорвать. Зловещей стеной встали на пути крутые скаты высот. Немцы назвали их «замком Берлина», и не случайно: Зееловские высоты ощетинились укреплениями самых различных типов. Подавить немецкие огневые точки было очень трудно, они не просматривались с земли.

В Москве напряженно ожидали известий о ходе боя. Жуков знал и понимал это. Чем вызвано такое ожесточенное сопротивление? В два часа дня он посылает донесение Антонову и просит доложить Сталину выдержку из протокола допроса рядового 712-й немецкой пехотной дивизии. Пленный показал: «Мы должны удержать фронт на Одере при всех обстоятельствах, за любую цену, сражаясь до последнего. Мы должны не пускать русских к Берлину, даже когда американские танки будут у нас за спиной».

Темп продвижения отстал от запланированного. На промежуточных рубежах бои приобрели затяжной характер. Жуков отдает беспрецедентную директиву — выдвинуть артиллерию, в том числе большой мощности, чуть ли не к первым эшелонам (не дальше двух-трех километров от линии фронта), естественно, сосредоточивая ее там, где нужно было пробивать

бреши. Командующим армиями предписывалось быть в этих районах на корпусных наблюдательных пунктах. В тыл врага заслать особые отряды с задачей дезорганизовать его и нарушить управление в войсках. «Иметь в виду, — указывалось в жуковской директиве, — что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а поэтому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия и авиация перебьют всех немцев и предоставят удовольствие двигаться по чистому пространству».

Наконец, чтобы не дать возможности отбить наши атаки, Жуков вводит в сражение обе танковые армии фронта. Они нарастили силу удара, но, пробивая глубоко эшелонированную оборону, несли очень чувствительные потери. Потом, после войны, Георгий Константинович признал, что вариант наступления в лоб через Зееловские высоты был не из лучших. Несмотря на все усилия, оборона врага так и не была до конца разведана.

Вечером 17 апреля на командный пункт 8-й армии, где находился Жуков, позвонил Сталин. Он, отнюдь не горячась, сказал:

— Выходит, вы недооценивали врага на берлинском направлении. Я считал, что вы уже на подходе к Берлину, а вы еще на Зееловских высотах. У Конева дела начались успешнее. Не изменить ли границы между фронтами и не повернуть ли главные силы Конева и Рокоссовского на Берлин.

Жуков столь же спокойно растолковал Верховному:

— Это неплохо, что враг бросает все резервы из района Берлина навстречу вверенным мне войскам. Мы их разобьем вдали от Берлина, а это облегчит и ускорит взятие Берлина.

С этой логикой нельзя было не согласиться. Сталин в ответ повторил мысль Жукова:

— Ну что ж, пусть подтягивают резервы, пусть цепляются. Больше перебьем здесь, меньше останется в Берлине.

Жуков продолжил:

— Что касается более успешного начала действий войск 1-го Украинского фронта, то там очень мало войск противника, но, видимо, враг будет вынужден бросить навстречу Коневу более значительные силы и

тогда темп наступления там снизится. Менять сейчас границы фронтов не следует: главную группировку Конева надо двигать быстрее на Эльбу, захватывать Тюрингию и готовить ее к броску на Прагу. Думаю, что не позже 22 апреля войска фронта ворвутся в Берлин. Что касается Рокоссовского — он к 22 апреля сумеет главными силами только форсировать Одер и никак не сумеет своей группировкой выйти в район Берлина, да в этом и нет необходимости.

Через час после этого разговора Жуков снова позвонил Антонову и спросил у него, почему Сталин «забеспокоился» и по поводу Берлинской операции. «Я не в курсе дела, — ответил Антонов, — знаю только то, что ему звонил Конев и докладывал об успешном ходе (своей) операции...» А Верховный в отношении 1-го Белорусского на три дня замолчал, никаких звонков от него в штаб Жукова не было.

Только к утру 18 апреля Зееловские высоты были взяты, и лишь 19 апреля враг начал уползать на внешний обвод укрепленного района самого Берлина. Весь день в столице Германии ревели сирены — танковая тревога! Первые советские танки уже прорывались к Берлину. 20 апреля наша дальнобойная артиллерия открыла огонь по городу, а 21 апреля, на день раньше ожиданий Жукова, войска 1-го Белорусского фронта ворвались на окраины Берлина. Ставка распорядилась повернуть обе танковые армии 1-го Украинского фронта также на Берлин. 25 апреля оба фронта сомкнули кольцо окружения Берлина.

А в каменных кварталах города бушевал бой, трудный и кровопролитный.

Приказ Гитлера об обороне Берлина гласил: «Жилые дома превратить в крепости, железобетонные сооружения — в опорные пункты... Противнику не давать ни минуты спокойствия, он должен быть обескровлен и изойти кровью в борьбе за опорные пункты... Предпосылкой успешной обороны Берлина должна быть оборона до последнего жилого блока, каждого дома, каждого окна... Нет нужды в том, чтобы каждый обороняющий столицу империи знал детально военное дело, гораздо важнее, чтобы каждый был воодушевлен фанатичным желанием и волей к борьбе, знал: весь мир с затаенным дыханием следит за этой борьбой и что борьба за Берлин решит судьбу войны».

Приказ не остался на бумаге, нацистские злодеи

дрались до последнего. Их можно было сломить только высшей организацией боя, подавить огневой мощью Красной Армии, штурмовавшей Берлин. «Частям и подразделениям давались конкретные улицы, площади, объекты. За кажущимся хаосом городских боев стояла стройная, тщательно продуманная система. Под уничтожающий огонь были взяты основные объекты города»! (Жуков). Чтобы деморализовать врага, через определенные промежутки одновременно открывали огонь по городу 11 тысяч орудий. Всего с 21 апреля по 2 мая на Берлин было обрушено 800 тысяч снарядов.

В небе Берлина было тесно от наших самолетов. Действия по избранным объектам в тесной городской застройке снайперских экипажей перемежались яростными воздушными боями, а в отдельные дни проводились массированные бомбардировки. 25 апреля летчики воздушной армии С. И. Руденко провели операцию «Салют». Наши истребители для начала блокировали аэродромы в районе Берлина, чтобы не допустить взлета хоть одного вражеского самолета. С 13 до 14 часов 896 бомбардировщиков выгрузили бомбы над немецкими позициями, в 18.30—19.30 отбомбились еще 590 экипажей. Ночью центральные кварталы города бомбили 600 машин. Под надежным прикрытием авиации и действовали наши наземные войска.

В Берлинской операции под командованием маршала Жукова было 13 армий. К этому, завершающему, сражению Великой Отечественной механизм управления войсками был отлажен до совершенства. Жуков дал простор для действий командармам, разумеется, в рамках утвержденного общего плана. Это принесло свои плоды, в штабах армий, не теряя времени на доклады «наверх», принимали оптимальные решения в быстро менявшейся обстановке. Маршал сосредоточивался на коренных вопросах, работал много, в дни штурма Берлина не спал более 2—3 часов в сутки. По большей части Жуков следил за ходом сражения со своего командного пункта, откуда не отлучался. В войсках постоянно находился его заместитель генерал армии В. Д. Соколовский, постоянно державший связь по телефону с командным пунктом фронта. Все командующие армиями дважды в день докладывали Жукову о действиях своих соединений. В случае нужды он корректировал их действия, что случалось редко.

Жуков определил главную задачу уличных боев — не допустить, чтобы враг собрал свои силы в кулак, дробить немецкие войска и быстро уничтожать их по частям. В Берлине успешно применялась тактика, рожденная в Сталинграде, — стремительное продвижение штурмовых отрядов и групп, составленных из всех родов войск. Герои из героев сражались в них, взвод или рота с несколькими орудиями и танками мужественно пробивались в городском лабиринте. Немцы держали многие улицы под многослойным огнем, первый шаг по ним означал верную смерть. Штурмовые группы нашли выход: саперы закладывали тол в стены домов. Еще не рассеивался дым от очередного взрыва, как в пролом бросались бойцы штурмовых групп и часто в рукопашной схватке одолевали врага. 22 апреля Жуков потребовал от командующих армиями, чтобы сражение не прекращалось ни на час: днем наступали первые эшелоны армий, ночью — вторые.

23 апреля маршал Г. К. Жуков и Военный совет обращаются к «бойцам, сержантам, офицерам и генералам 1-го Белорусского фронта». Они подчеркивают, что начавшееся семь дней назад «наше решительное наступление на Берлин увенчалось новой славой». Уже заняты пригороды и окраины города, но в столице «германского разбойничьего фашистского государства» остатки немецких частей продолжают сопротивление. «Старики» и «15-летние дети» бросаются немецким командованием в бой, чтобы «оттянуть на час свою гибель». Напомнив войскам, что им «не было препятствий» ни у Сталинграда, на Украине и в Белоруссии, их «не сдержали мощные укрепления» на подступах к Берлину, Военный совет 1-го Белорусского звал взять город «как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться».

Надо думать, что бойцы и командиры Красной Армии, бравшей Берлин, знали свою задачу. Они на каждом шагу убеждались по мере приближения к центру города, где в бункере под имперской канцелярией забились Гитлер с Геббельсом, сопротивление возрастало. Наши войска несли большие потери. Так чем же руководствовались немцы, ведшие безнадежную борьбу?

Из бункера гарнизону города внушалось: на помощь спешат целые армии, например, под командованием Венка. Эти «армии» существовали только в го-

рячечном воображении обезумевшего фюрера. Входившие в них части уже были разбиты при окружении Берлина. Но беспочвенные надежды на выручку извне все же играли некоторую роль. Куда более действенным был массовый террор «летучих полевых судов». Эсэсовцы хватали направо и налево солдат, заподозренных в дезертирстве. Их вешали на фонарных столбах с табличками на груди: «Я дезертир», «Я повешен, ибо не верил в фюрера», «Все предатели гибнут, как я».

Выдержки из дневника офицера немецкой танковой дивизии проливают яркий свет на причины бешеного сопротивления берлинского гарнизона:

«24 апреля. Русская артиллерия бьет без перерыва. Русские прожигают себе путь через дома огнеметами. Три часа дня, у нас дюжина танков и около тридцати бронетранспортеров. Это все оставшиеся для защиты правительственного сектора. Отходим.

25 апреля, 5.30 утра. Новые массированные танковые атаки. Снова отходим под страшной бомбардировкой русских с воздуха. На стенах домов надписи: «Самый темный час перед рассветом», «Отступаем, но побеждаем». Дезертиров вешают или расстреливают.

26 апреля. Багровое ночное небо. Ужасающий артиллерийский обстрел. Мы спрашиваем: где Венк? Говорят, что авангард Венка в тридцати пяти километрах юго-западнее Берлина. Коммюнике министерства пропаганды: все войска с фронта на Эльбе идут к Берлину. Около 11 утра из министерства пропаганды приходит сияющий Л. Завершились переговоры с западными державами. Нам придется еще принести некоторые жертвы, но западные державы не позволят русским взять Берлин. Мы воспрянули духом, нужно продержаться 24, максимум 48 часов. Получили номер газеты Геббельса «Ангрифф». Статья в ней подтверждает сказанное Л.: «Тактика большевиков показывает: они понимают, что скоро западные войска будут в Берлине. Эта битва решит нашу судьбу и судьбу Европы. Если мы продержимся, в войне произойдет поворот».

Американские танковые дивизии на пути к Берлину. Говорят, что в имперской канцелярии, как никогда, уверены в конечной победе. Ночью пытаемся связаться с министерством пропаганды и узнать о Венке и американских дивизиях. Центр города под страшным

огнем. Мы больше не можем держаться. В четыре утра уходим через туннель метро, а в соседнем туннеле продвигаются русские, захватывающие наши передние позиции».

Бред! Но в сумраке бункера Гитлер истово верил, что вот-вот Запад придет ему на помощь. 25 апреля он получил ложное известие — будто при встрече на Эльбе произошли столкновения между американскими и советскими войсками. «Вот, — вскричал Гитлер, — новое поразительное доказательство отсутствия единства между нашими врагами. Каждый день, нет, час вспыхнет война между большевиками и англосаксами... Если я нанесу удар большевистскому колоссу, наступит поворотный пункт. Это убедит всех — только я один могу сдержать большевистский колосс» и т. д. Сколько же собирались держаться гитлеровцы? Геббельс, ведавший обороной Берлина, считал: «Мы могли бы выдержать осаду столицы от 10 до 12 недель». Записано в его дневнике, и это не пропагандистский вздор, а внутреннее убеждение. На худой конец нацистские предводители были готовы ко всему. Собрав своих немногих подчиненных в подвале, тускло освещенном свечами, Геббельс быстро говорил, как будто обращаясь к большой аудитории:

«Немецкий народ, немецкий народ! Все планы, все идеи национал-социализма слишком высоки и благородны для таких людей. На востоке они бегут как кролики, а на западе не дают возможности солдатам воевать и приветствуют врага белыми флагами. Но не предавайтесь иллюзиям, господа. Никого из вас не заставляли идти со мной, мы и не принуждали германский народ. Он дал нам мандат. Почему вы работали со мной? А теперь вам перережут горло».

Геббельс кончил, пошел к двери, у нее остановился, обернулся и крикнул:

— Но когда мы падем, содрогнется вся земля!

Под грохот орудий Красная Армия выходила в район правительственных кварталов. 24 апреля был назначен советский комендант Берлина — командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Н. Э. Берзарин. 27—28 апреля оказались переломными днями в битве за Берлин. 29 апреля уже в «центре города развернулись наиболее ожесточенные сражения», отметил Жуков. Комсорг 1-го батальона 1008-го стрелкового полка младший лейтенант Г. К. Громов

в этот день водрузил над ратушей Красное знамя. За этот подвиг он был удостоин звания Героя Советского Союза.

«Я рассчитывал поначалу, — рассказывал Жуков, — что 1 мая мы уже доложим об окончании боев за Берлин и об этом можно будет объявить на Майском параде. Когда 30 апреля я понял, что сделать этого мы не сможем, позвонил Сталину и сказал, что нам придется еще два дня провозиться с Берлином. Я ожидал с его стороны недовольство, а может быть, и упреки. Но он против моих ожиданий сказал очень спокойно:

— Ну что ж, пока не сообщим. В это Первое мая все и так будут в хорошем настроении. Позже сообщим. Не надо спешить там, на фронте. Некуда спешить. Берегите людей. Не надо лишних потерь. Один, два, несколько дней не играют теперь большой роли».

301-я стрелковая дивизия полковника В. С. Антонова приступила к штурму зданий гестапо, министерства авиации и имперской канцелярии. Комплекс сооружений гестапо был окружен высокой каменной стеной. Дивизии придали батарею 331-го дивизиона РГК майора К. И. Бадаева. Артиллеристы выставили 203-миллиметровые гаубицы на прямую наводку. Под ударами их снарядов рухнула стена, здание гестапо украсили зияющие проломы. В страшных по ярости схватках наши войска пробивались в каменных лабиринтах. Тем временем 337-й самоходно-артиллерийский дивизион вышел на видимость белесого здания, объекта 153 на карте города — имперской канцелярии, с большим, хищного вида орлом на фасаде. Команда: «По зданию с гербом — огонь!» Первый же снаряд поразил стального стервятника.

А в это же время 150-я стрелковая Идрицкая дивизия генерала В. М. Шатилова и 171-я стрелковая дивизия полковника А. И. Негоды вели бой за рейхстаг и прилегающий район. Непосредственный штурм исполинского здания занял почти сутки. Бились за каждую комнату, лестницу, этаж. Жуков пристально следил за происходившим, начиная с сосредоточения артиллерии для стрельбы прямой наводкой, а затем контролируя каждый этап штурма. Когда наши воины овладели нижними этажами и водрузили Красное знамя на куполе рейхстага, командующий 3-й ударной

армии В. И. Кузнецов, войска которой вели этот бой, позвонил Жукову и прокричал в телефон:

— На рейхстаге — Красное знамя! Ура, товарищ маршал!

Георгий Константинович встал и сказал в трубку голосом и тоном, как будто перед ним стояли в строю герои-бойцы:

— Дорогой Василий Иванович, сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой! Этот исторический подвиг никогда не будет забыт советским народом!

Только к ночи 1 мая рейхстаг был очищен от фашистской нечисти и лишь к рассвету 2 мая поступило донесение об овладении имперской канцелярией. Проходя по разбитому зданию, полковник В. С. Антонов распорядился снять со стен символы поверженного рейха — орлов с фашистской свастикой в когтях.

Еще не отгремел бой: в центре Берлина, как нацистские бонзы попытались заняться политическими интригами.

В 4 часа утра 1 мая генерал Чуйков доложил Жукову, что на командный пункт 8-й гвардейской армии доставлен начальник германского генерального штаба генерал Кребс, уполномоченный вести переговоры о перемирии только с Советским Союзом. Кребс сообщил, что Гитлер покончил самоубийством. Жуков направил для переговоров с Кребсом своего заместителя генерала В. Д. Соколовского, а сам связался по телефону с Верховным Главнокомандующим. Сталин выслушал Жукова и сказал о самоубийстве Гитлера:

— Доигрался подлец. Жаль, что не удалось взять его живым.

Сталин указал: никаких переговоров, только безоговорочная капитуляция.

И неожиданно закончил разговор:

— Если ничего чрезвычайного не будет, не звоните до утра, хочу немного отдохнуть. Сегодня у нас первомайский парад.

Жуков как-то совсем внезапно почувствовал: вот ведь наступает долгожданный мир. Москва майская! «Я отчетливо представил себе, — вспоминал Георгий Константинович, — как сейчас к Красной площади двигаются войска Московского гарнизона. Утром они займут свои места перед Мавзолеем В. И. Ленина, перед правительством и руководством партии, пройдут

вдоль стен седого Кремля, чеканя шаг, с гордостью представляя победную мощь Советских Вооруженных Сил, освободивших Европу от угрозы фашизма».

А здесь, в Берлине, все громыхало сражение...

Жуков твердо заявил: к 10 утра объявить о безоговорочной капитуляции перед всеми союзниками. Ответа от Геббельса не последовало. Штурм города продолжался.

2 мая в 1.50 радиостанция штаба берлинской обороны объявила о прекращении военных действий. Утром 2 мая сдавшийся в плен командующий обороной Берлина Ведлинг отдал приказ немецким войскам прекратить сопротивление. К 15 часам все было кончено. Подняли руки более 70 тысяч гитлеровских вояк, не считая раненых. «Многие из тех, кто дрался с оружием в руках, видимо, в последние дни разбежались и попрятались», — уточнил эти цифры Жуков.

Пришла наконец Победа! Враг был повержен там, где задумывались планы разбойничьего похода на СССР.

Из окон домов свисают тысячи и тысячи белых простынь и полотенец, немцы демонстрировали свою покорность победителям. Зрелище отвратительное, гадкое.

Окончив дело — Берлин взят, Георгий Константинович счел, что настало время осмотреть город. Маршалу доложили: несмотря на капитуляцию, кое-где все же неспокойно, иногда обстреливают фаустпатронами наши машины, трещат воровские автоматные очереди. Жуков коротко заметил:

— Мы на войне, а на войне все бывает. Кто боится за свою жизнь, пусть останется в штабе.

Кажется, желающих не нашлось.

Днем 3 мая Жуков с усиленной охраной отправился в Карлсхорст, затем осмотрел рейхстаг и центр Берлина, где только что отгремели бои.

По улицам машины пробирались с трудом — развалины, разбитая военная техника. То там, то здесь догорали пожары. Испуганные цивильные немцы, некоторые униженно, кланяются медленно проезжающим машинам. Жуков остановил машину на Унтер-ден-Линден, бегло осмотрел здание бывшего Советского посольства.

С генералами, участниками штурма, он побывал в

развалинах имперской канцелярии. В неправдоподобно огромном кабинете фюрера пол искрился и переливался осколками хрусталя, с крюка на высоком потолке, пробитом снарядом, рухнула громадная люстра. Украшение кабинета — исполинский глобус. Жуков озорно крутанул его, нашел Москву, Ленинград, Сталинград. Уже было известно, что Геббельс с женой покончили с собой. Когда Жуков покидал зловещее место, ему доложили, что в подземелье обнаружены трупы шести детей Геббельса. «Признаюсь, — заметил Жуков, — что у меня не хватило духу спуститься туда и посмотреть на детей, умерщвленных матерью и отцом...»

У рейхстага Жукова встретили ликующие советские воины. Он тепло побеседовал с ними. Стены разбитого здания испещряли подписи тех, кто выжил, кто дошел до Берлина. Расписался рядом с солдатами и маршал Жуков.

За взятие Берлина Жуков был награжден третьей медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

В те победные дни «Красная звезда» писала: «После капитуляции Берлина мы наблюдали маршала Жукова на улицах. Он осматривал развалины, памятники дутого пруссачества, видел толпы уже угодливых и на все готовых немцев. Презрение и брезгливость были в глазах маршала...

В этот же день маршал был на похоронах группы советских солдат, погибших в боях за Берлин. Он произнес на их могиле волнующие слова:

— Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!

Жуков взял горсть земли и бросил ее в могилу. Потом подошел к полковому знамени и поцеловал его край».

История знает: у победы много отцов, только поражение сирота. Взятие Берлина еще одно подтверждение давней истины. После войны то прямо, то намеком лавры взятия Берлина все пытался разделить с Жуковым Конев. Как быть? Процитировать приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 2 мая 1945 года по поводу взятия Берлина: «Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных

боев завершили разгром Берлинской группы немецких войск и сегодня, 1 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии». Ключевое слово при определении соответственного вклада фронтов во взятие Берлина — «при содействии». Что совершенно правильно.

Потери Красной Армии в Берлинской операции обоих фронтов превысили 102 тысячи человек только убитыми...

Героику сражения за Берлин, подвиги и жертвы наших войск, как водится в военном деле, в боевом донесении от 3 мая командование 1-го Белорусского фронта перевело на суховатый язык штабного документа: «Противник на правом крыле фронта продолжал отходить в западном направлении, оказывая слабое сопротивление наступлению наших войск. Окруженный гарнизон города Берлин во главе с комендантом города генералом артиллерии Вейдлингом и его штабом прекратил сопротивление и сдался в плен нашим войскам. Отдельные группы окруженного гарнизона, пытаясь прорваться в западном направлении, уничтожаются нашими войсками в районе Шпандау». К этой деловой констатации еще цифры и иные фактические данные. Красная Армия, оставив в тылу Берлин, продолжала наступление. На Запад, до встречи с союзниками, там, где еще не сошлись с англо-американскими наши войска.

Несколько времени спустя Жуков устроил пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. До этих пор, пишет журналист Я. И. Макаренко, Жуков «всячески избегал встреч с корреспондентами: был он всегда чрезвычайно занят. За время, когда он возглавил под Варшавой 1-й Белорусский фронт и до Берлина, Жуков не принял, насколько мне помнится, ни одного фронтового журналиста».

Теперь пришло время рассказать о прошлом. Прославленный полководец, отметили присутствовавшие, держался «просто и добродушно». Он кратко рассказал о взятии Берлина, закончив, что также отметили присутствовавшие, «в типично профессорском духе», а именно: «Это было поучительное и интересное сражение, особенно в отношении темпов и тактики ночного боя такого масштаба. Главное то, что немцы были разгромлены на Одере, в самом Берлине фактически происходила просто огромная операция по очистке».

Жуков доложил Сталину о пресс-конференции, выделив вопрос, заданный ему: «Сражение за Берлин было завершающим и решающим сражением войны. Могли бы вы сообщить о нем некоторые подробности, до сих пор не опубликованные».

Я кратко охарактеризовал Берлинскую операцию, подчеркнув, что мощное оснащение Красной Армии всеми видами военной техники, развертывание атаки ночью с применением прожекторов и большим сосредоточением наших сил позволило нанести противнику сокрушительный удар, который явился окончательным и решающим ударом войны».

Пришло время подумать и об устройстве на освобожденной от фашизма территории — по межсоюзническим соглашениям Германия подлежала оккупации. «Для расположения войск в новом районе, — гласил приказ, подписанный Г. К. Жуковым 11 мая 1945 года, — использовать казармы, лагеря и разного рода бараки. При недостатке таких помещений расположить войска в лесах бивуаком. При расположении войск и штабов выселения местного населения не производить».

В Европу пришли освободители, а не завоеватели.

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ

7 мая Верховный позвонил Жукову в Берлин.

— Сегодня в городе Реймсе, — сказал Сталин, — немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск.

Я не согласен с тем, — продолжал Сталин, — что акт капитуляции подписан не в Берлине, в центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск.

Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы.

Последнее приказание из Москвы Г. К. Жукову за годы Великой Отечественной! Положив трубку, Георгий Константинович несколько минут посидел молча, крепко охватив голову руками. Стучало в висках, теснило в груди. Желанный миг долгожданной Победы. Сколько позади осталось трудов и подвигов, успехов и крови!

На размышления времени не оставалось, нужно подготовиться за сутки с небольшим к исторической церемонии. Быстро подыскали уцелевшее здание в восточной части Берлина в Карлсхорсте, где до войны размещалось немецкое военно-инженерное училище. В двухэтажной столовой училища порядочный зал. Здесь и решили провести церемонию. Обстановка в бывшем училище выглядела будничной. Провести бы подписание капитуляции в самом логове Гитлера — имперской канцелярии. Но там все разбито.

Начальник политотдела 5-й ударной армии генерал-майор Е. Е. Кощеев нашел выход:

— Но ведь хотя мы и разгромили ставку Гитлера, однако многое в ее комнатах и подземельях оставалось целехоньким. Там и ковры любых размеров, и кресла, и стулья, и столы. Можно все это вмиг доставить сюда. Пусть гитлеровские делегаты идут капитулировать по тому же ковру, по которому когда-то ходили докладывать фюреру о военных планах. В этом есть и политическое звучание.

Георгий Константинович одобрил. В несколько часов наш комендант подобрал и доставил нужную мебель. 15 красноармейцев с трудом подняли, скатали и погрузили 120-метровый темно-коричневый ковер из кабинета Гитлера. Тем временем расчистили улицы от развалин — от Темпельгофского аэродрома до Карлсхорста, по которому должен был проследовать кортеж западных союзников. Воздвигли арку с надписью: «Красной Армии слава!»

Днем 8 мая в Темпельгоф прилетели самолеты с представителями Верховного командования союзных войск. Г. К. Жуков послал своего заместителя В. Д. Соколовского с группой генералов встречать их.

Ближе к полуночи 9 мая союзные представители собрались в кабинете Г. К. Жукова, примыкавшем к

залу, где предстояло подписание капитуляции. Просмотрели подготовленный текст акта о капитуляции, подтвердили, что руководить церемонией будет Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В тот же день, 8 мая, ровно в 24 часа во главе с Г. К. Жуковым они вошли в зал и уселись за стол у стены, к которой были прикреплены государственные флаги СССР, США, Англии, Франции. За большими столами в зале советские генералы, командовавшие войсками, взявшими штурмом Берлин. Вокруг множество советских и иностранных журналистов.

Г. К. Жуков открыл заседание. Он приказал ввести уполномоченных германского главнокомандования. Фельдмаршал Кейтель, вошедший первым, делал какие-то движения своим фельдмаршальским жезлом. Выглядело жалко и неуместно со стороны военного преступника, каким он был. Немцев усадили за небольшой стол у входа в зал. Под пристальными взглядами присутствующих они старались выглядеть бесстрастно. Вдруг Кейтель, взглянув на ковер, помрачнел и что-то прошептал сидевшему рядом немцу. Тот насупился.

Советский комендант Берлина генерал Н. Э. Берзарин вполголоса заметил:

— Узнали, еще бы не узнать. Знакомая меблишка. Еще недавно они считали честью на ней восседать, а сегодня, пожалуй, чувствуют себя как на шипах.

Жуков объявил порядок подписания акта о капитуляции. Присутствовавшие ловили каждое слово маршала. Наконец Жуков спросил, имеют ли они нужные полномочия.

Растерянный Кейтель выдавил из себя: «Яволь».

«Немецкое «яволь» по смыслу означает наше «так точно», — писал член Военного совета 5-й ударной армии генерал Ф. Е. Боков, — этим словом обычно отвечали, вытянувшись в струну и щелкнув каблуками, немецкие солдаты своим командирам, офицеры генералу. «Яволь!» — отрапортовал фашистский генерал-фельдмаршал из прусско-юнкерской помещичьей семьи Вильгельм Кейтель советскому маршалу, крестьянскому сыну Георгию Жукову».

Помедлив, Жуков пригласил немецкую делегацию подписать акт капитуляции. Кейтель неуверенно подошел к столу и расписался на всех пяти экземплярах документа. От волнения его лицо покрылось красными

пятнами, выпавший из глазницы монокль болтался на шнурке.

В 0 часов 43 минуты церемония подписания акта о капитуляции закончилась. Жуков предложил немцам покинуть помещение.

Он встал, взволнованно осмотрел зал и от имени Советского Верховного Главнокомандования поздравил с Победой. Шум, овации.

Вокруг маршала собрались генералы, приведшие в Берлин части и соединения победоносной Красной Армии. Боевые товарищи полководца генералы В. Д. Соколовский, М. С. Малинин, К. Ф. Телегин, Н. А. Антипенко, В. Я. Колпакчи, В. И. Кузнецов, С. И. Богданов, Н. Э. Берзарин, Ф. Е. Боков, П. А. Белов, А. В. Горбатов и другие.

Необычно мягким голосом, обращаясь к ним, Жуков сказал:

— Дорогие друзья! Нам с вами выпала великая честь. В заключительном сражении нам было оказано доверие народа, партии и правительства вести доблестные войска на штурм Берлина. Это доверие советские войска, в том числе и вы, возглавлявшие войска в сражениях за Берлин, с честью оправдали. Жаль, что многих нет среди нас. Как бы они порадовались долгожданной Победе, за которую, не дрогнув, отдали свою жизнь!..

Миг торжества и скорби Жуков запомнил до конца дней своих.

«Эти люди, — писал он, — сами привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слез». И сам Георгий Константинович не составил исключения.

Он поднял руку и быстро произнес:

— Через час прошу по русскому обычаю закусить чем тыл послал!

Через час начался прием, прошедший с успехом. Тосты за Победу, единство союзников. «Затем Жуков стал провозглашать тосты за рода войск и за присутствующих. Первый — за авиацию. Мне кажется, он это сделал потому, что справа и слева от него сидели авиаторы — Теддер и Спаатс, но тост он говорил главным образом за нашу авиацию.

— В Берлинской операции участвовало около восьми тысяч самолетов, авиация бомбила перед сухопутными войсками каждый метр, она как бы ковром покрывала весь путь, но ковер этот был очень жестким для врага, а командовал авиацией на нашем фронте вот этот молодой человек, — и показал рукой на меня. Я поднялся. Он тепло сказал о летчиках и их огромном вкладе в победу», — вспоминал маршал авиации С. И. Руденко.

Подавали продукты и напитки только отечественные. Георгий Константинович приказал, чтобы и не вздумали использовать хоть грамм трофейных запасов.

Возник вопрос, чем кормить немецкую делегацию, мрачно сидевшую в отведенном ей помещении. Жуков помолчал и решительно сказал:

— Когда-то Гитлер с Кейтелем настолько верили в успех запланированного захвата Ленинграда, что заранее отпечатали билет на банкет в «Астории». Не пришлось им праздновать в ленинградском ресторане. Теперь они побиты. Не будем мелочиться: кормите их всем, что приготовлено для банкета. И обязательно подайте на тарелках с вензелями имперской канцелярии. Давайте без ограничения и напитки. Пусть запивают свое поражение. Только, я думаю, что это им впрок не пойдет!

А в зале, где прошло принятие капитуляции Германии, яркий праздник продолжался до семи утра. Пели, плясали, Георгий Константинович не удержался и вошел в круг.

Прошли другие празднества в честь Победы.

Английский историк Д. Ирвинг в книге «Война между генералами» (1981 г.) описывает банкет для самых высших американских командующих, который дал Эйзенхауэр во Франкфурте 10 мая 1945 года. Обедающим, подчеркивает Ирвинг, «подают лучшие коньяки и ликеры, захваченные в запасах вермахта». Какой контраст с указанием Жукова — за день до этого на банкете в Потсдаме — победителям негоже прикасаться к трофейным запасам. Красная Армия вела войну не за трофеи, нельзя осквернять великое торжество взятым у врага.

Потягивая коньяки и ликеры (которые гитлеровцы в свое время награбили в оккупированных странах), американские военачальники размышляли о будущем. Один из них — генерал Дж. Паттон, замечает Ирвинг, «уже мечтает о том, как использовать сохранившиеся немецкие дивизии, оказавшиеся в секторе его армии, для удара против того, кого он считает подлин-

ным вратом Советского Союза». Разумеется, мысли эти Паттон и ему подобные тогда предпочитали держать при себе.

Настроение в войсках западных союзников, встретившихся наконец с Красной Армией, было совершенно иным.

Жуков сообщал в Ставку о встречах наших солдат и офицеров с американскими военнослужащими. 5 мая в городе Стендаль в штабе 102-й американской дивизии с американцами встретилось командование 75-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир американской дивизии Китинг заявил: «Мы должны так закончить войну, чтобы Германия и Япония не могли больше подняться». Его заместитель Факс, как солдат, «считал бы за высокое счастье, чтобы наша армия в войне с Японией сражалась бок о бок с такой доблестной и храброй армией, как Красная Армия. Я надеюсь, сэр генерал, что мы с вами встретимся в Японии».

9 мая 350 американцев приезжали в 129-ю стрелковую дивизию. С нашей стороны во встрече участвовали 300 человек. «Встреча длилась пять часов и прошла хорошо». На следующий день группа наших бойцов и командиров — 256 человек — выезжала с ответным визитом к американцам. Все встречи, постоянно подчеркивается в документах, «носили весьма дружественную форму». Бесхитростные контакты победителей.

5 июня в Берлин прилетели Эйзенхауэр и Монтгомери для подписания декларации о взятии верховной власти по управлению Германией. В штабе Жукова Эйзенхауэр вручил ему высший американский военный орден «Легион Почета» степени Главнокомандующего. Жуков доложил Сталину о награде. Тут же в разговоре по телефону Сталин сообщил, что решено наградить орденами «Победа» Эйзенхауэра и Монтгомери, и поручил сделать это при удобном случае Г. К. Жукову.

Жуков стремился достойным образом встречать представителей союзников. Увы, его усилия тогда и позднее в мемуарах западных деятелей истолковывались нередко превратно. Крупный американский дипломат, эксперт по СССР, Ч. Болен: «7 июня мы прилетели в Берлин, приземлившись с разрешения Сталина в аэропорту Темпельгофе. Город был разрушен и оккупирован еще полностью Красной Армией. Мы как туристы побывали в руинах, понюхали исходивший

везде запах смерти, проинспектировали бункер, в котором совершил самоубийство Гитлер, и встретились за легким завтраком с маршалом Жуковым (легким по закускам, но тяжелым по количеству водки)». Что практически не употреблявший спиртных напитков Георгий Константинович побуждал гостей упиться?

11 июня 1945 года маршала Г. К. Жукова принимали во Франкфурте генерал Д. Эйзенхауэр и фельдмаршал Б. Монтгомери. Жуков описывает встречу в донесении в Москву: «При выходе нас из самолета салютовали орудийной стрельбой из нескольких танков». На аэродроме почетный караул — три американские, одна английская рота. Жуков вручил Эйзенхауэру и Монтгомери ордена «Победа», а затем раздал ордена и медали 20 американским и английским генералам. В честь гостя над городом прошли в парадном строю несколько сотен самолетов.

«Эйзенхауэр держался очень просто, дружественно, подчеркивая свои симпатии к Красной Армии, к Советскому правительству и Советскому Союзу. Монтгомери, наоборот, держался сухо. Эйзенхауэр пространно останавливался на важности сохранения и упрочения дружественных отношений между американским и советским народами. Он специально просил не обращать внимания на враждебные выпады некоторых американских газет против СССР», — докладывал Жуков Сталину.

Конечно, кто обращал внимание в радости Победы на выпады злопыхателей! Но Г. К. Жукову по долгу службы пришлось столкнуться с таким поведением американцев, которое, мягко говоря, ставило в тупик. 13 мая он сообщает Сталину, что на аэродроме Темпельгофе самовольно приземлился американский самолет. Экипаж объяснил — якобы нехватка горючего. Но «при замере в баках оказалась одна треть горючего». Такая же история с двумя истребителями «Мустанг». Жуков ставит вопрос перед Сталиным: «В связи с тем, что за последнее время участились случаи самовольных полетов самолетов союзников над территорией, занятой нашими войсками, и городом, и летчики союзников не выполняют требований идти на посадку, прошу указать, как с ними поступать».

В ответ на протесты советской стороны следовали «объяснения» западных союзников о том, что самолеты сбились с курса и т. д. Теперь, спустя полвека, из

рассекреченных в США документов известно: с весны 1945 года авиация США и Англии проводила операции «Кейс Джонс» и «Граунд Хог», аэрофотосъемку обширных территорий в Европе. Эти операции проводились под руководством главы УСС (Управления стратегических служб) генерала Донована и начальника разведки при Эйзенхауэре генерала Э. Сиберта. Цель операций, по словам Сиберта, — «воспользоваться послевоенным хаосом» для разведки. Сняли с воздуха территорию в два миллиона квадратных миль. Для этого потребовалось в общей сложности 16 эскадрилий тяжелых бомбардировщиков США и Англии. Сиберт самодовольно докладывал о результатах: «Операции оказались успешными и обеспечивают нам ведение будущих кампаний в Европе».

По приказу Донована группы агентов УСС в мае 1945 года пересекли демаркационную линию в Германии и закопали за ней на расстоянии двадцати-тридцати миль друг от друга множество радиопередатчиков. Они должны были быть использованы агентурой западных союзников в случае необходимости.

Уже 27 апреля 1945 года известный в то время американский журналист Дрю Пирсон писал в «Вашингтон пост»: «Русские, вероятно, с самым большим подозрением относятся к таинственной американской шпионской организации — Управлению стратегических служб... Список имен работников УСС в Европе читается как бархатная книга первых 60 семей, правящих в США... Стоит любому послушать хоть полчаса их разговоры о будущей войне, о том, что нужно восстановить Германию как партнера в ней, поймет, почему русские обвиняют нас в том, что мы пошли на сделку, дабы американская армия первой вошла в Берлин».

Среди наших частей в Берлине побывал Дж. Паттон. Он пишет жене: «Берлин расстроил меня. Мы уничтожили хорошую расу и собираемся заменить ее монгольскими дикарями». В числе прочих Жуков принял Паттона, американский генерал после встречи с прославленным советским маршалом отметил — у Жукова-де «доисторическая нижняя челюсть как у обезьяны». Вообще, доверился тогда Паттон дневнику, «я не слишком заинтересован в достижении понимания с русскими, разве убедиться, сколько нужно свинца или железа, чтобы перебить их». Вот так...

Еще не остыли орудия, а снова начали сгущаться тучи военной опасности с Запада.

Значит, нужна величайшая бдительность. 15 мая 1945 года указание Сталина Жукову: «Всех иностранцев союзных нам государств как военных, так и гражданских, самовольно проникающих в район Берлина, задерживать и возвращать обратно».

Мы не искали конфликтов ни с кем, а поэтому, во исполнение указаний Москвы, командующий 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жуков 4 июня 1945 года отдает распоряжение о принятии необходимых мер по усилению бдительности и поддержанию постоянной боевой готовности войск.

Ставилась задача подготовить активную оборону занимаемой территории, а именно:

«К 15 июня 1945 г. отработать планы подъема подразделений, частей, соединений и армий по тревоге... Оборонительные сооружения строить и развивать только в ночное время и в крайнем случае в процессе плановых занятий по обороне небольшими подразделениями. Все построенные и находящиеся в постройке окопы, ходы сообщения, НП, ОП и прочие инженерные сооружения к рассвету должны быть тщательно замаскированы от местного населения и наблюдения союзников. Минирования местности до особого распоряжения не производить».

24 июня 1945 года в ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне на Красной площади в Москве состоялся парад. Парад принимал Жуков. В 10.00 на коне он выехал из Спасских ворот Кремля. Раздались звуки «столь дорогой для каждой русской души мелодии «Славься!» Глинки», — писал Жуков. С невыразимым волнением Г. К. Жуков принял рапорт командующего парадом К. К. Рокоссовского, а потом с трибуны Мавзолея обратился с речью к войскам Красной Армии, ко всем трудящимся Советского Союза:

«На советско-германском фронте, — сказал Жуков, — был растоптан авторитет германского оружия и предрешен победоносный исход войны в Европе. Война показала не только богатырскую силу и беспримерный героизм нашей армии, но и полное превосходство нашей стратегии и тактики над стратегией и тактикой врага... В Отечественной войне, — продолжал он, — Красная Армия с честью оправдала великое доверие

народа. Ее славные воины достойно выполнили свой долг перед Родиной. Красная Армия не только отстояла свободу и независимость нашего Отечества, но и избавила от немецкого ига народы Европы. Отныне и навсегда наша победоносная Красная Армия войдет в мировую историю как армия-освободительница, овеянная ореолом немеркнущей славы».

С трибуны Мавзолея Жуков следил за прохождением войск, сводных полков фронтов, за которыми прошли части Московского гарнизона. В заключение к подножию Мавзолея было брошено 200 знамен разбитой немецко-фашистской армии.

«Пусть помнят, — писал Г. К. Жуков, — этот исторический акт реваншисты, любители военных авантюр!»

Жуков вернулся в Берлин и предложил западным союзникам также провести совместный парад в столице поверженного врага. Власти США, Англии и Франции согласились. Местом торжества определили район рейхстага и Бранденбургских ворот, где 1—2 мая 1945 года отгремели последние залпы Красной Армии при взятии Берлина. Наметили срок — сентябрь и принимающих — главнокомандующих войсками четырех держав-победительниц. Вскоре наши союзники заявили, что их главкомы не смогут принять участия в торжественном церемониале. Приведенные причины отнюдь не выглядели убедительными.

Жуков немедленно связался со Сталиным, который растолковал маршалу:

— Они хотят принизить политическое значение парада войск стран антигитлеровской коалиции. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы. Не обращайте внимание на отказ союзников и принимайте парад сами, тем более что мы имеем на это прав больше, чем они.

Так и поступили. 7 сентября 1945 года в Берлине состоялся исторический парад, который принимал Г. К. Жуков. В короткой речи он воздал должное вкладу союзников в войну. Контингент советских войск состоял из закаленных солдат, участников недавнего штурма Берлина. От союзников — подразделения оккупационных войск из отведенных им секторов в западной части города.

Около двадцати тысяч берлинцев (население города в это время — около 3 миллионов человек) глазели на прохождение войск. «Особо внушительное впечатление, — заметил Жуков, — произвели танки и самоходная артиллерия». Во всяком случае подрагивали тротуары под ногами цивильных зевак.

* * *

Последние страницы истории войны закрывались почти одновременно с тем, как открывались первые страницы послевоенного мира. По межсоюзническим соглашениям были установлены утвержденные на конференции в Ялте границы зон оккупации Германии, а Берлин, находившийся в советской зоне, подлежал оккупации войсками четырех держав в пределах своих секторов. В последние дни боевых действий американские и английские войска, практически не встречавшие сопротивления, продвинулись восточнее согласованных границ и заняли часть советской зоны в Тюрингии и Виттенберге.

Когда западные союзники запросили Жукова о сроке допуска их войск в Берлин, маршал коротко ответил — не раньше, чем они уйдут из советской зоны оккупации. Союзники поняли. Вопрос был разрешен в считанные дни, помимо прочего, по той основательной причине, что США и Англия все еще воевали с Японией и нуждались в советской помощи. Частично по этой причине первое время Контрольный совет, учрежденный Декларацией от 5 июня 1945 года, работал без сбоев (решения в нем принимались единогласно). Жуков очень быстро освоился с новой ролью — политического деятеля и даже дипломата. Он видел, что партнеры за столом, переговорив, хорошо подготовились и тщательно изучают советских контрагентов.

Георгий Константинович, привыкший к систематической работе, едва ли уступал в каком-либо отношении высшим представителям западных союзников. Он поражал их компетенцией, осведомленностью даже в мелочах. Тут подоспело совещание глав правительств СССР, США, Англии, которые решили провести в Германии, естественно, в Берлине. Жуков объяснил Кремлю, как и прибывшим к нему работникам различных наших ведомств, что нечего и думать о встрече Сталина, Трумэна и Черчилля в самом городе, лежавшем в руинах. Маршал обратил внимание на пригород —

Потсдам, в котором среди развалин стоял неповрежденный дворец германского кронпринца.

Дворец, по мнению Жукова, подходил для проведения заседаний, работы экспертов и советников, а в прилегающем районе Бабельсберга, застроенном виллами правительственных чинов и генералитета, можно разместить участников конференции с многочисленными делегациями. Предложение маршала Жукова приняли как в Москве, так и в Вашингтоне и Лондоне.

Жукову выпала честь и на него легло бремя подготовки помещений и прочего. Военные строители, работая круглосуточно, отремонтировали дворец, привели в порядок и жилые помещения. Маршал, видимо, вспомнив свои годы начальника гарнизонов, распорядился о высадке сотен декоративных деревьев, тысяч кустов и многих тысяч цветов на специально устроенных клумбах. Только в одном отношении Москва облегчила его труды и работу подчиненных — из Кремля Сталин по телефону просил не беспокоиться о непосредственной охране, в том числе и вокзала, куда он должен был из СССР прибыть специальным поездом.

Сталин, которого Жуков встретил у вагона, одобрительно заметил: «Чувствуется, наши войска со вкусом поработали над Берлином. Проездом я видел всего лишь десяток уцелевших домов». Он пригласил маршала в свою машину и дорогой расспрашивал о подготовке конференции. Жукоз подробно объяснил, а по прибытии на виллу на вопрос Сталина о бывшем владельце ответил: генерал Людендорф. Надо думать, символический смысл не ускользнул и от Верховного — победители разместились там, где жил генерал, воплощавший в первую мировую войну «Дранг нах Остен». Наверное, последний штрих, подтверждавший справедливость суждения У. Черчилля, именовавшего весь период 1914—1945 годов европейской тридцатилетней войной.

На Потсдамской конференции Жуков не был официально включен в советскую делегацию, как, впрочем, Эйзенхауэр и Монтгомери не были в составе делегаций своих стран. Но он присутствовал при рассмотрении ряда вопросов, неизменно вызывая острый интерес западных политических деятелей. Примерно трехмесячный итог общения с Жуковым по делам Германии к этому времени Эйзенхауэр суммировал таким образом, что личность советского маршала не могла не

интриговать американских деятелей: «Он был независимым, уверенным в себе человеком, который, хотя и разделял коммунистическую доктрину, всегда был готов с энтузиазмом встретиться со мной по конкретным оперативным вопросам и сотрудничать с целью достижения разумного решения. Жуков принимал решения сам, как-то он резко обошелся со своим политическим советником Андреем Вышинским, предложив ему выйти из комнаты с тем, чтобы мы могли конфиденциально переговорить». Эйзенхауэр не мог не знать, что Сталин тогда заявил американским представителям: «Политические деятели в советской системе правления полностью контролируют военных и поэтому Вышинский, находившийся в то время в Берлине, в действительности был рупором Москвы» (запись Ч. Болена). Не мог не знать об этом и Г. К. Жуков.

Черчилль попытался разговорить Жукова и получить от него оценку полководческого мастерства английских командующих при открытии второго фронта, высадки в Нормандии в июне 1944 года. Как профессиональный военный Жуков высоко оценил организацию вторжения, но оговорился, что «должен вас огорчить, мистер Черчилль». Насторожившемуся Черчиллю Жуков в немногих словах объяснил: «После высадки союзных войск в Нормандии был допущен ряд серьезных промахов. И если бы не ошибка в оценке обстановки со стороны главного германского командования, продвижение союзных войск после их высадки могло бы значительно задержаться». Черчилль промолчал и без промедления взял реванш за банкетным столом на приеме. Трумэн провозгласил тост за Сталина, тот за Черчилля, а британский премьер... за Жукова! Жукову пришлось поблагодарить Черчилля, и машинально он назвал его «товарищем».

Дальше, по словам Георгия Константиновича: «Тут же заметил недоуменные взгляды И. В. Сталина и В. М. Молотова и несколько смутился. Однако быстро оправился и, импровизируя, предложил тост за «товарищей по оружию», наших союзников в этой войне — солдат, офицеров и генералов армий антифашистской коалиции, которые так блестяще закончили разгром фашистской Германии. Тут уж я не ошибся. На другой день, когда я был у И. В. Сталина, он и все присутствовавшие смеялись над тем, как быстро я приобрел «товарища» в лице У. Черчилля». К сожалению,

смех не мог не быть разным, что было неизбежно среди верных сталинских сикофантов...

В середине августа 1945 года Жуков сопровождал Эйзенхауэра, приглашенного Сталиным посетить Москву. Пятизвездный американский генерал никак не мог наговориться досыта с советским маршалом. Жукову по существу пришлось прочитать американцу сжатый спецкурс по стратегии Красной Армии в Великую Отечественную. Георгий Константинович в разумных пределах был откровенен, неизменно доброжелателен и искренен. Наблюдая Жукова в Москве, Эйзенхауэр убедился в правильности своего вывода, уже сделанного на опыте общения с ним в Берлине: «Во многих отношениях было очевидно, что Жуков был именно тем, кем он представлялся — в высшей степени значительным лицом в советской системе правления, возможно, вторым после Сталина. Во время моего посещения Москвы в 1945 году эта оценка его положения и влияния подтверждалась на каждом шагу».

Все пять дней пребывания в СССР Эйзенхауэр жестами подчеркивал тесную дружбу с Г. К. Жуковым — на трибуне Мавзолея во время физкультурного парада, на стадионе на футбольном матче. Шутки заезжего американского генерала нередко выслушивал Сталин. Он устроил просмотр фильма о взятии Берлина — в кинозале Сталин сел между Эйзенхауэром и Жуковым, который, естественно, на этот раз был героем экрана. Смотрелся маршал хорошо, в отлично сшитом мундире с орденами. Эйзенхауэр обернулся к переводчику, сидевшему прямо за Сталиным, и сказал: «Переведите маршалу Жукову, что, если он останется без работы в Советском Союзе, он, несомненно, найдет ее в Голливуде». Сталин не нашел ничего смешного в генеральской ремарке и холодным тоном заметил: «У маршала Жукова всегда будет работа в Советском Союзе».

На борту личного самолета Эйзенхауэра «Подсолнечник» царила, естественно, иная атмосфера. Оба военачальника шутили, и это настроение Жуков даже принес с собой на трибуну Мавзолея. Указывая на советских спортсменок, проходивших по Красной площади, Жуков шутливо-серьезно предложил свои услуги — сосватать одну из них за стоявшего рядом сына Эйзенхауэра Джона. Тот в притворном ужасе отшатнулся: «Любая из этих сильных девиц без труда переломит меня надвое!» В заключение визита в Москву

Эйзенхауэр поделился на пресс-конференции сокровенным: «В будущем ничто не помешает России и США стать самыми близкими друзьями».

Он пригласил Жукова в США. Сталин поначалу санкционировал поездку, но очень скоро маршал, по собственным словам, приболел, и спланированный полет за океан на самолете Эйзенхауэра так и не состоялся.

По горячим следам за минувшей войной в американских средствах массовой информации было немало лестных слов в адрес маршала Жукова. Сверхпопулярный в военные и первые послевоенные годы американский эксперт по военным делам Х. Болдуин довольно откровенно писал о мотивах, по которым Жуков привлекал пристальное внимание западного мира. «Офицеры со шрамами на спине от истязаний были выпущены из лагерей, а нужды войны потребовали волнующих и успешных обращений к националистическому прошлому матушки России, но не к коммунистической идеологии и обеспечили по крайней мере временно господство командиров в противоположность комиссарам. Люди, подобные маршалу Георгию К. Жукову, которые всегда выступали против жесткого партийного контроля над военными операциями, вышли из войны новыми героями России». Рассуждения Болдуина отражали внутреннее убеждение американской элиты — Вашингтон может иметь дело с людьми дела типа Г. К. Жукова.

Стремительно набиравший политический вес в правительственных ведомствах Ч. Болен обобщил представления власть предержащих о Жукове в это время. Боленовская оценка ярко окрашена и личными впечатлениями — знаток русского языка, он нередко выступал в роли переводчика на самом высоком уровне. «Я впервые встретился с Жуковым в конце войны, когда Гарри Гопкинс и я посетили Берлин. Он выглядел как подобает солдату — очень сильный, крепкий, как русский дуб, с красноватым лицом и чистыми голубыми глазами. Хотя у Жукова была приятная улыбка, он был очень сдержан, особенно с иностранцами. Конечно, он был большевиком, неизменно следовавшим линии партии, но все же в первую очередь русским патриотом. Он считал, что армия должна быть независима, и одна из причин его конечного падения — попытка стряхнуть систему политических комиссаров.

Его моральная чистота резко контрастировала с лживостью других большевистских лидеров. Он проявлял терпимость, даже уважение к Соединенным Штатам, и я ни на минуту не сомневался, что его уважение к Эйзенхауэру было искренним, а не деланным в зависимости от конъюнктуры».

За этими словами просматриваются, пожалуй, самые примечательные политические качества Георгия Константиновича — широта взглядов и великодушие. Их отмечали союзники и ощутили вчерашние враги — немцы в советской зоне оккупации. Стоило Г. К. Жукову стать во главе ее администрации.

Через какую-нибудь неделю после капитуляции Германии первый бургомистр района Лихтенберг, что в Берлине, Г. Банакке, упиваясь миром, пришедшим на немецкую землю, восторгался: «Я имел возможность непосредственно встретиться с маршалом Жуковым — членом правительства и генерал-полковником Берзариным. Я был удивлен их простоте и сердечности. Все, кто имел дело с Жуковым и Берзариным, высказываются весьма положительно. Меня удивляет, что такие авторитетные люди могут просто и задушевно беседовать с населением и работниками бургомистрата. Из этого я сделал вывод, что русские смогут наладить нормальную жизнь города Берлина, так как они энергично берутся за разрешение всех вопросов».

Маршал Жуков умело расставлял людей в руководстве советской администрации. Сменивший в начале июня Берзарина, погибшего в автокатастрофе, генерал-полковник А. В. Горбатов достойнейшим образом представлял Советский Союз в побежденной стране.

* * *

Еще грохотали орудия в Берлине, как начальник тыла фронта докладывал маршалу о подвозе продовольствия для населения — крупа, мука, жиры, сахар, соль. Жуков поднял глаза на генерала:

— Для детей надо молоко искать.

Генерал, записал присутствовавший журналист, замялся, грустно посмотрел на командующего фронтом и печально заметил:

«— Мне из дома пишут, что голодают...

— Мне тоже пишут, что в Союзе туго... Но это не меняет дела. Директива предельно ясна: выделить столько-то продовольствия для немецкого населения Берлина.

— Будем кормить фашистов?

— Будем кормить немцев-стариков, старух, детей, рабочих...»

Да, он с самого начала проводил это различие на германской земле. Выходя из разбитой рейхсканцелярии, маршал брезгливо бросил:

— Здание плохое, темное, а планы, замышлявшиеся здесь, и того хуже...

Военный совет 1-го Белорусского во исполнение постановления ГОКО с 11 мая 1945 года для населения Берлина установил нормы снабжения продовольствием в среднем на одного человека в день: хлеба 400—450 г, крупы 50 г, мяса 60 г, жиров 15 г, сахара 60 г, кофе 50 г (в месяц), чая 20 г. Овощи, молочные продукты, соль в зависимости от местных ресурсов. По нормам для рабочих тяжелого труда (превышавшим в 1,5—2 раза средние) снабжались деятели науки, техники, медицины, культуры, руководители администрации, остальной интеллигенции по нормам для рабочих.

Жуков стоял у истоков налаживания мирной жизни в советской зоне. Среди многих первоочередных решений, под которыми стояла его подпись (об организации городской полиции, суда и прокуратуры, о разрешении образования и деятельности антифашистских партий и организаций и других), постановление «О снабжении молоком детей Берлина» от 31 мая 1945 года. В нем детально расписывалась доставка 70 тысяч литров молока ежедневно по районам города. Дополнительно предусматривалась подгонка и размещение в Берлине 5 тысяч голов молочных коров, на начальника ветслужбы фронта возлагалась до момента передачи скота властям города проверка стада «на предмет благополучия по эпизоотии». Эти примеры распоряжений Г. К. Жукова можно без труда умножить. Великий полководец на новом посту показал себя политиком и рачительным хозяином.

В советской зоне оккупации Германии практически не было эксцессов со стороны военнослужащих в отношении мирного населения. Спустя четверть века после окончания войны Г. К. Жуков четко указал на причины этого. В интервью 6 мая 1970 года «Комсомольской правде» говорилось:

«Вопрос Жукову. Для многих в мире осталось

загадкой — как удалось сдержать гнев и мщение, когда наши солдаты, изгнав врага, вступили на его территорию?

Ответ Г. К. Жукова. Честно говоря, когда шла война, все мы, и я в том числе, были полны решимости воздать сполна фашистам за их бесчинства на нашей земле. Но мы сдержали свой гнев. Наши идеологические чувства не позволили отдаться слепой мести. Огромную роль тут сыграли воспитательная работа в армии, проведенная коммунистами, и великодушие, свойственное нашему народу». Формулировка отработанная, корреспондент и Г. К. Жуков не мудрствуя лукаво взяли ее из последней главы мемуаров полководца.

Разумеется, население немецких земель, занятых советскими войсками, не ожидало ничего подобного. Трудно сказать, что имело большее значение — комплекс вины или элементарный страх, но немцы рассыпались в любезностях перед нашими воинами, не забывая, разумеется, указать на собственную объективность. Обер-бургомистр района Лихтенберг доверился советским офицерам: «Большевики стали выше всех наших представлений и пониманий. Они оказались гуманными и энергичными людьми. Они не подчеркивают своего превосходства над немецким народом. Русские прежде всего заботятся о налаживании нормальной жизни города и об обеспечении населения продовольствием. Вы знаете, меня тронуло это мероприятие русского командования. Я уже дважды плакал в присутствии своих детей. Как видите, и сейчас у меня текут слезы по щекам — от радости от полноты чувств».

Домохозяйка Штайм призналась, что собиралась по приходе Красной Армии в Берлин открыть вены своим троим детям и самой покончить с собой. Но в подвал, где она спряталась с детьми, зашли «четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. А сейчас мы видим, что все советское командование беспокоится о том, чтобы население не умирало с голоду. Больше того, выдают всякие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер». Ссылками на элементарные желудочно-танцевальные эмоции

освобожденные от фашизма проявляли свою радость.

Некий врач Шефер диагностировал происходившее с медицинской точки зрения. «Все врачи находились в возбужденном состоянии и просто торжествовали». По причинам сытости и тем, что не сбылось страшное: «Геббельс и его друзья доказывали, что вся интеллигенция немецкая будет выслана в Сибирь и на уральские рудники заниматься тяжелым, изнурительным физическим трудом». Очень радовались все, ибо «мы не ожидали такого великодушия к немецкому народу, который заслуживает наказания за тот вред, который он причинил русским».

Так под водительством Г. К. Жукова закладывались основы нашей политики в той части Германии, которая в 1949 году получила название ГДР. Закладывались усилиями прежде всего военной администрации. «Последний раз в Германской Демократической Республике мне довелось побывать в 1957 году, — писал Г. К. Жуков. — Осмотрев многие города, учреждения и предприятия, убедился: все то, что было сделано советским народом, партией и Советским правительством, было сделано правильно и дало благие результаты как для немецких трудящихся, так и для дела дружбы наших народов и обороноспособности стран социализма». Этими словами Маршал Советского Союза Г. К. Жуков закончил основной текст своей книги «Воспоминания и размышления», мемуаров о прожитой жизни. Так представлялось ему дело в конце шестидесятых, когда он ставил последнюю точку.

* * *

Лето 1945 года. Г. К. Жукова народная молва прославляет как человека, спасшего Отечество и весь мир от фашистской чумы. О нем складываются легенды. Государство также воздает ему высшие почести. 12 июня в Кремле он получает третью Золотую Звезду Героя Советского Союза «за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями в районе Берлина». В августе второй полководческий орден «Победы» — за выдающиеся заслуги в управлении войсками, отличную организацию боевых операций и проявленную при этом настойчивость в их проведении. Награды за прошлое и весомое напоминание всем, что Жуков прежде всего

человек военный, в оккупированной победителями Германии Главнокомандующий советской группой войск. Он привел их победителями в логово фашистского зверя, взял Берлин и не собирался почивать на лаврах. Уже начинали краснеть угли «холодной войны». Чтобы быть готовым во всеоружии встретить любые неожиданности, нужно было тщательно изучать опыт минувшей войны. По приказу Г. К. Жукова осенью была подготовлена военно-научная конференция по изучению Варшавско-Познанской операции. Она прошла с большим успехом в самом конце ноября. Значение конференции вышло далеко за пределы командования — вплоть до командиров дивизий в советской зоне оккупации в Германии. В ее работе приняли участие приехавшие из Москвы представители Генерального штаба и военных академий.

Г. К. Жуков дал слово военной науке, хотя некоторые из ее служителей оказались на диво требовательными к тем, кто менее чем год назад привел под знаменами Победы Красную Армию в Европу. Жукову не было времени задуматься над странным поведением иных ревнителей исторической истины, ибо нахлынули события, круто изменившие жизненный путь полководца. О них он сам прекрасно рассказал в дни своего семидесятилетия полковнику Н. С. Светлишину:

«Не успели участники конференции разъехаться к местам службы, как в расположение Группы войск прибыл генерал Абакумов — заместитель Берии. Мне о цели визита не доложил, развернул бурную деятельность.

Когда стало известно, что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как Главнокомандующему и почему без моего ведома как Главноначальствующего и Главнокомандующего арестовывает моих подчиненных?

Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных генералов и офицеров освободить. Самому убыть туда, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем.

Абакумов убыл восвояси».

В конце 1945 года Сталин созвал в Кремле довольно многолюдное совещание военных. Жуков не был приглашен. Сталин взял слово и пустился в воспоминания о том, как готовились Ставкой важнейшие операции Великой Отечественной. А Жуков, объявил Сталин, преуменьшал роль Ставки, приписывал все заслуги себе. Жуков узнал о сказанном на совещании от главкома ВМС адмирала Н. Г. Кузнецова. «Все считали своим долгом, — рассказал он Георгию Константиновичу, — высказать на этом необычайном совещании свое мнение с осуждением Жукова. Одни говорили резко и не совсем справедливо, а большинство осторожно, но в том же духе». На совещании были оглашены извлечения из вырванных под пытками показаний арестованного Главного маршала авиации А. А. Новикова. Жуков-де называл Сталина «штафиркой», то есть глубоко штатским человеком, некомпетентным в военных делах. В годы войны Жуков якобы предпочитал держаться подальше от передовой и т. д.

Он не мог не понять — над ним сгущались тучи. Но внешне оставался невозмутимым, много и плодотворно работал. Прошла зима, началась весна, и вот, по словам Жукова, «в конце марта 1946 года мне передали, чтобы я позвонил Сталину. Он справился о делах, потом сказал, что Эйзенхауэр и Монтгомери из Германии отозваны, пора, мол, и мне возвращаться домой. Через несколько дней Сталин позвонил сам, спросил, какую бы должность я хотел занять. Пояснил, что в связи с реорганизацией управления должность первого заместителя наркома обороны ликвидируется. Заместителем Наркома обороны, то есть его, Сталина, по общим вопросам будет Булганин. Василевский назначен начальником Генерального штаба, Кузнецов — Главнокомандующим Военно-Морскими Силами. А мне было предложено возглавить Сухопутные войска...»

В апреле 1946 года Г. К. Жуков вступил в новую должность. За дело взялся, по его словам, горячо. Но успел сделать мало, ему предстояло прослужить в Москве полтора месяца с небольшим.

«Я был предупрежден (в июне 1946 года), что на завтра назначено заседание Высшего военного совета. Поздно вечером приехал на дачу. Уже собирался лечь отдыхать, услышал звонок и шум. Вошли трое молодцов. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск. Кем, было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие...

А на следующий день состоялось заседание Высшего военного совета, на которое были приглашены Маршалы Советского Союза и некоторые маршалы родов войск. Собрались, расселись по местам. Генерал Штеменко занял стол секретаря Совета. Сталин почему-то опаздывал. Наконец он появился. Хмурый, в довоенном френче. По моим наблюдениям, он надевал его, когда настроение было «грозовое». Недобрая примета подтвердилась.

Неторопливыми шагами Сталин подошел к столу секретаря Совета, остановился и медленным взором обвел всех собравшихся. Как я заметил, его взгляд на какое-то едва уловимое мгновение сосредоточился на мне. Затем он положил на стол папку и глухим голосом сказал: «Товарищ Штеменко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы».

Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А. А. Новикова, находившегося в застенках Берии. Нет нужды пересказывать эти показания, но суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота.

Всего в деле фигурировали 75 человек, из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним из списка был я.

После прочтения показаний генерала Телегина и маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. Наконец первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступать и высказывать мнение по существу выдвинутых обвинений в мой адрес.

Выступили поочередно члены Политбюро ЦК партии Г. М. Маленков и В. М. Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в моей вине. Однако для доказательства не привели каких-либо новых фактов, повторив лишь то, что указывалось в показаниях Телегина и Новикова.

После Маленкова и Молотова выступили Маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. М. Василевский и К. К. Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках моего характера и допущенных ошибках в работе. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что я не могу быть заговорщиком.

Особенно ярко и аргументированно выступил маршал бронетанковых войск П. С. Рыбалко, который закончил свою речь так: «Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны».

Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждение по этому вопросу. Затем он подошел ко мне, спросил: «А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать?» Я посмотрел удивленно и твердым голосом ответил: «Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания от Телегина и Новикова. Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а потому глубоко убежден в том, что кто-то их принудил написать неправду».

Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и затем сказал: «А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву». Я ответил, что готов выполнить свой солдатский долг там, где прикажут партия и правительство...»

В июне 1946 года Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вступил в должность командующего войсками Одесского военного округа. Полгода тогда отделяло его от пятидесятилетия.

О ДОЛГОМ ВЕЧЕРЕ ЖИЗНИ

Несмотря на изобилие впечатляющих эпитетов, чаще звонких, чем осмысленных, о маршале Жукове, информационное затемнение, опустившееся на его жизнь и деятельность в середине 1946 года, так и не рассеялось. Больше того, ограничения, введенные тогда по известным причинам, не были в новинку, а пожалуй, только усилили печать секретности, наложенную на работу Жукова много раньше потребностями

войны. С согласия, а нередко по указанию самого военачальника. Писатель С. С. Смирнов, прославившийся восстановлением правды о Великой Отечественной — в первую очередь истории героической обороны Брестской крепости, в сущности, признал свое бессилие, когда речь зашла о Жукове. Он писал:

«В газетах тех военных лет не найдешь почти никаких материалов о нем — ни очерков писателей, ни журналистских интервью с ним. Сохранилось очень немного фотографий того времени, на которых изображен Жуков. В киноархивах кадры, запечатлевшие его военные будни, измеряются несколькими сотнями, если не десятками метров.

Однажды в разговоре с маршалом я посетовал на этот недостаток исторически важных материалов о нем. Жуков в ответ усмехнулся.

— Я ведь приказал своей охране, чтобы ко мне не допускали ни журналистов, ни кино- или фоторепортеров, — сказал он. — Теперь я понимаю, что сделал ошибку, но тогда казалось, что об истории думать некогда, все мысли и чувства были направлены на одно — как победить врага и скорее закончить войну».

Редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг «выбил» у Жукова статью о боях на Халхин-Голе. Это был единственный успех газетчиков. Когда же они пытались соблазнять — материал будет подготовлен и останется только «подправить и подписать», то получили от Жукова решительный отпор. Ортенберг запомнил, как Жуков посмотрел на него «если не злыми, то гневными глазами» и бросил: «Нет уж, эти штуки бросьте».

Тягу к перу Жуков в годы войны подавил, разумеется, не без внушения Верховного. Причем это случилось в первое военное лето — Жуков обмолвился у Сталина, что собирался выполнить просьбу написать статью. Верховный резко заявил, что это не дело начальника Генштаба. Его задача, погрозил пальцем Сталин, «заниматься фронтами, а не сочинительством».

Георгий Константинович, по всей вероятности, одним из первых среди наших военачальников приступил к обобщению опыта войны, проще говоря, написанию мемуаров. Он считал это чрезвычайно важным и имел четкое представление о том, как именно это нужно делать. В беседе с К. М. Симоновым спустя десятилетия после войны маршал сказал:

«В мемуарах военачальников не место огромным спискам имен и огромному количеству боевых эпизодов с упоминаниями тех или иных случаев героизма. В тех случаях, когда это преподносится как личные наблюдения, — это неправда. Ты, командующий фронтом, сам этого не видел, не присутствовал при этом, не знаешь лично человека, о котором идет речь, не представляешь себе подробностей его подвига. В большинстве случаев эти факты в мемуарах берутся из чужих материалов.

Они не характеризуют деятельности командующего фронтом, а порой мешают созданию целостной картины происходящего, изложенной с точки зрения того, кто пишет мемуары. Мне думается, что злоупотребление этим выглядит как ложный демократизм, ложное заигрывание.

Для того чтобы показать, как воюет народ, не обязательно брать из газет того времени или из политдонесений списки фамилий. Когда ты рассказываешь о том, как воюет целый фронт, как воюют входящие в него армии, как воюет вся эта огромная масса людей, какие потери они несут, чего добиваются и как побеждают, — это и есть рассказ о действиях народа на войне».

Иными словами, мемуары должны носить отпечаток личности того, кто взялся за перо. Георгий Константинович сразу после войны начал писать книгу, по всей вероятности, пока фрагментами. Фиксировал на бумаге события, пока они не изгладились из памяти. «В ходе войны, — сказал он Симонову в той же беседе, — мы совершили немало ошибок, и об этих ошибках нам надо писать в мемуарах. Я, во всяком случае, пишу». Увы, на той, самой ранней стадии создания книги, ныне известной как трехтомник «Воспоминания и Размышления», нашелся непрошеный читатель рукописи — И. В. Сталин.

Люди с горячими сердцами, естественно, не смирились с тем, что маршал выгнал в шею троих с чистыми руками. Они подстерегли момент и вскоре после фиаско на даче толпой ввалились в городскую квартиру Г. К. Жукова. Вооруженные до зубов и точно рассчитав время — дверь открыла семнадцатилетняя Эра, родители еще спали. На этот раз они явились с ордером на обыск и, прикрывшись солдатом с автоматом, которого они поставили на пост у туалета. Фор-

мальный повод — изъять некие «ценности». Принельцы унесли с собой практически все. В бездонных мешках исчезли любимые куклы девятилетней Эллы. К чистым рукам прилипло немало, в том числе, дивилась Эра, ее дешевый фотоаппарат и то, что Александра Диевна шутя-серьезно называла «приданым», несколько отрезов на платья для старшей дочери. Безгранично любимый отец под взглядами жены и дочерей стоял с беспомощно опущенными руками в кителе с тремя Звездами Героя Советского Союза. А что было делать, в квартире хозяйничали матерые чекисты, профессионалы обысков, арестов...

Из квартиры бесстрашные рыцари революции отправились на дачу, тут, рассказывает историк генерал Н. Г. Павленко со слов Жукова, «подручные Берии перерыли все документы и материалы, находившиеся на даче маршала в Сосновке, и наиболее ценные увезли с собой. Сталину было известно и то, какие документы и материалы хранились в сейфе в кабинете Жукова. Однажды он позвонил полководцу и спросил: «Вы что, собираетесь писать историю. Не надо. Пусть этим делом занимаются историки, когда мы умрем». Некоторые важные документы и записи вскоре были изъяты из сейфа, и больше Жуков их не видел».

Когда в середине пятидесятых председатель КГБ И. А. Серов угодливо принес министру обороны Г. К. Жукову опись изъятых вещей («неувязочка вышла») и предложил попытаться разыскать и вернуть их, маршал категорически отказался. «Еще наживу», — буркнул он главному чекисту страны. На единственный вопрос маршала, где бумаги, Серов развел руками. Так что мы никогда не узнаем, каковы были мемуары Г. К. Жукова в первом приближении, как в состоянии по этим и сходным причинам лишь эскизно проследить его послевоенный жизненный путь.

* * *

13 июня 1946 года Жуков приехал в Одессу. Он коротко познакомился с работой штаба округа и выехал в войска, где провел большую часть времени в бытность командующим округом. В полевой поездке он встретил и свое пятидесятилетие. Георгий Константинович чувствовал себя много лучше среди командиров и солдат, чем в кабинете. По крайней мере не ощущал от них липкого внимания.

Конечно, работать было трудно, но «я, приехав в Одессу, — говорил Жуков, — твердо решил ни на йоту не снизить требований к своим подчиненным, к войскам, к их боевой подготовке. Я твердо решил остаться самим собой. Я понимал: от меня ждут, что стану другим, что махну рукой и буду командовать округом через пень-колоду. Но я не позволил себе этого. Конечно, слава есть слава. Но в то же время она палка о двух концах и иногда больно бьет по тебе. После этого удара я сделал все, чтобы остаться таким, каким был. В этом я видел свое внутреннее спасение. В выдержке, в работе, в том, чтобы не потерять силы характера и в этих тяжело сложившихся для меня обстоятельствах».

Положение Жукова было в высшей степени, мягко говоря, сложным. Неумеренное любопытство некоторых, предположения и прямые выдумки. Вскоре после назначения Жукова в Одессу в Москве состоялся Пленум ЦК ВКП(б). Как кандидат в члены ЦК Жуков был обязан присутствовать. Впоследствии он рассказывал:

«Когда я увидел, что Сталин снова одет в довоенный китель, понял: быть грозе. И опять не ошибся.

После рассмотрения общеполитических вопросов и назревших проблем по восстановлению народного хозяйства Пленум приступил к обсуждению персональных дел отдельных членов ЦК.

Семь человек, выведенных из состава ЦК, один за другим покинули зал заседаний. И тут я услышал свою фамилию. Каких-то новых фактов, доказывающих мою вину, не было приведено. Поэтому, когда мне было предложено выступить, я отказался от слова. Оправдываться мне было не в чем. Состоялось голосование, и меня вывели из состава ЦК. Как только руки голосовавших опустились, я поднялся со своего места и строевым шагом вышел из зала...»

По возвращении в Одессу секретарь обкома явился к Жукову с расспросами. Маршал сначала отмалчивался, а потом коротко объяснил — он был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и по этой причине не может знать, что происходило на Пленуме. Разговор как-то зашел о Параде Победы, глаза Георгия Константиновича озорно блеснули, он промолвил загадочно: «Конь подо мной был слишком белый». Ви-

димо, эта шутка ему понравилась, и он несколько раз повторял ее...

А жизнь продолжалась, с серьезными заботами и мелкими уколами (по значимости, но не по возможным последствиям!). Офицер для особых поручений С. П. Марков, рассказывая о Жукове в Одессе, выделил — и там маршал не изменил своим привычкам, сложившимся за десятилетия военной службы: «В войска и на учения Георгий Константинович выезжал в любое время года и в любую погоду. Вспоминается, как в феврале 1947 года он поездом направился на штабные учения в Тирасполь. В пути нас настигла сильная пурга, снегом занесло железнодорожное полотно. Движение было приостановлено.

Можно было отменить или перенести на день-два проведение учений. Но это было не в характере Жукова. Встал вопрос: как дальше следовать в Тирасполь? И тогда, как в боевые времена Великой Отечественной войны, по указанию маршала были вызваны маленькие самолеты Ан-2. С примитивной маленькой площадки в пургу они поднялись и вскоре приземлились близ города.

Штабные учения начались точно в срок, как и было предусмотрено планом.

Жуков исколесил всю территорию округа, чаще всего бывал в Николаеве, Тирасполе, Кишиневе, Бельцах, Бендерах. В течение этого времени интересы Г. К. Жукова не замыкались чисто профессиональным военным делом. Он регулярно посещал театры — оперы и балета, драматический, оперетты, смотрел все новые фильмы».

Командующий округом оказался благодарным зрителем, что использовали жуковские недоброжелатели, следившие за каждым его шагом. В июне 1947 года ЦК ВКП(б) объявил коммунисту Г. К. Жукову партийное взыскание «выговор». Москва напомнила о положении Маршала Советского Союза в мирное время. По словам Жукова, причина взыскания «неправильное награждение артистов», он запамятовал, что право награждения, которое имели в войну командующие фронтами, с наступлением мира Президиум Верховного Совета СССР вернул себе. Сам по себе факт незначительный, но «в 47-м каждый день ждал ареста. Подготовил чемоданчик с бельем», — скажет в 1965 году Г. К. Жуков.

То не была излишняя предосторожность, порожденная мнительностью, — в конце 1947 года Жукова срочно вызвали в Москву. Причины не объявили и никаких дел не поручили. Он проводил время на квартире, время от времени бывал на даче. Ждал. С опаской оглядываясь на дверь, офицеры-доброжелатели докладывали: в тюрьме член Военного совета 1-го Белорусского округа генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. Арестованы многие работавшие с ним: генералы для особых поручений — генерал-лейтенант Минюк, генерал-лейтенант Варенников, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Крюков, генерал-майор Филатов, адъютант полковник Семочкин, верный водитель Бучин и многие другие. Кольцо сжималось. Внешне он оставался спокойным, собранным, внимательным и доброжелательным к редким собеседникам. Сердце маршала знало лучше. В начале января 1948 года Георгия Константиновича внезапно госпитализировали. Диагноз — инфаркт. Первый.

По выходе из больницы ему объявили о новом назначении — командующим Уральским военным округом. 12 февраля 1948 года в старом штабном вагоне военных лет маршал Жуков с Александрой Диевной выехал к месту определенной свыше службы — в Свердловск.

Вот и Урал, на вокзале все знакомые лица, встречавших генералов Жуков знал в годы войны. Сильный мороз, от которого он отвык в Одессе, и привычные обязанности. Уже в 9 утра на следующий день Георгий Константинович на службе, в кабинете командующего округа. Прием дел занял немногие дни, и Жуков выехал в войска. Он приступил к «освоению» обширной территории нового для него округа. Домашние дела почти не отвлекали, дочери учились в Москве. С родителями они проводили только каникулы.

Командующий округом был весь на виду, на людях — на работе окружен сослуживцами и подчиненными, в частях сплошь и рядом сталкивался с теми, кто встречался с маршалом на дорогах войны, а иной раз Жукова в бесконечных поездках узнавали и восторженно приветствовали местные жители. Снова и снова как он сам, так и его спутники убеждались в народной любви к полководцу. Как и было ясно — он был занят делом и только им одним. Интриганы в

конечном счете не могли ничего поделать с этим, о чем Жуков узнал много спустя. В бытность командующим округом в Свердловске, рассказывал он, «Абакумов под руководством Берии подготовил целое дело о военном заговоре. Был арестован целый ряд офицеров, встал вопрос о моем аресте. Берия с Абакумовым дошли до такой нелепости и подлости, что пытались изобразить меня человеком, который во главе этих арестованных офицеров готовил военный заговор против Сталина. Но, как мне потом говорили присутствовавшие при этом разговоре люди, Сталин, выслушав предложение Берии о моем аресте, сказал:

— Нет, Жукова арестовать не дам. Не верю во все это. Я его хорошо знаю. Я его за четыре года войны узнал лучше, чем самого себя.

Так мне передали этот разговор, после которого попытка Берии покончить со мной провалилась».

Надо думать, к концу сороковых Сталин одумался в отношении Жукова. В 1950 году Жуков второй раз после 1946 года был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Честь назвать его выпала на долю Ирбитского мотоциклетного завода. Георгий Константинович с величайшей серьезностью отнесся к избирательной кампании. В служебном вагоне, на машинах, включая вездеходы, и, наконец, на санях он объехал свой избирательный округ. Встречи с избирателями, а едва ли была одна без фронтовиков, выливались в чествование любимого героя. Очень часто Георгию Константиновичу приходилось прилагать усилие, чтобы ввести в подобающие рамки приветствия и аплодисменты. Иногда, что понимали самые близкие, он смахивал слезу. Безмерной радости.

Стоит ли говорить, что маршал Г. К. Жуков достойно занял свое место в Верховном Совете СССР и ревностно выполнял депутатские обязанности. Народный депутат!

Должные выводы из изменения отношения к опальному военачальнику поторопился сделать К. М. Симонов, обожавший вращаться на самом «верху». В 1951 году на заседании, где обсуждалось очередное присуждение Государственных, именовавшихся тогда Сталинскими, премий, Сталин обратился к книге «товарища Казакевича» «Весна на Одере». Он нашел, что в романе член Военного совета Сизокрылов выведен так, будто он командовал фронтом. «Но мы знаем, кто

командовал этим фронтом. Им командовал не какой-то Сизокрылов, а Жуков. У Жукова есть свои недостатки, мы его за них критиковали. Но Жуков командовал под Берлином хорошо, во всяком случае неплохо. Почему же в романе товарища Казакевича выведен какой-то Сизокрылов, а не Жуков? Это не соответствует действительности». Обратившись к присутствовавшим писателям, Сталин поручил им сказать «товарищу Казакевичу», чтобы он, если не поздно, исправил этот «недостаток».

Симонов оказался самым легким на ногу, рассказал Казакевичу о сталинском поручении. «Казакевич только зубами скрипнул», — отметил Симонов. Еще он отметил: «Сталин угадал совершенно точно» — в первоначальном тексте, если верить романисту, значился Жуков, «но в обстановке, которая сложилась в то время вокруг Жукова», Казакевич не смог опубликовать «эту линию романа». Простая мысль поставила предел сетованиям обоих мастеров слова — роман уже выдержал несколько изданий, и «что-нибудь менять в нем было теперь поздно».

Как раз в это время Симонов завершал свой роман «Товарищи по оружию» о Халхин-Голе. Окрыленный историей с Казакевичем, писатель, разумеется, не назвав главного героя — Жукова, разгромившего японцев, описал командующего группой войск, «за фигурой которого проглядывала личность Жукова — прототипа этой фигуры». Если судить по фрагментам воспоминаний Симонова, он почитал это чуть ли не гражданским подвигом. Прозаик определенно гордился принципиальностью в собственном понимании по сравнению с работавшими в редакции, готовившей роман к печати. «Они опасались, как пройдет соответствующее место романа через цензуру, — любовался собой мужественный автор. — Опасения, впрочем, оказались напрасными. Роман благополучно прошел цензуру».

Иначе и быть не могло, маршалу Жукову довольно быстро возвращали утраченное. Летом 1951 года впервые с 1946 года о нем заговорили на международной арене. В июле в составе правительственной делегации Жуков посетил Польскую Народную Республику по случаю национального праздника — годовщины возрождения Польши. В канун памятного дня в оперном театре Варшавы состоялось торжественное собрание с

участием представителей Войска Польского. В числе выступавших на собрании Жуков.

Пребывание в Варшаве приобрело особый смысл для Г. К. Жукова. Министром национальной обороны ПНР тогда был К. К. Рокоссовский. После нескольких лет разлуки встретились старые друзья и соратники. Им было о чем поговорить и что вспомнить. К. К. Рокоссовский принимал парад Войска Польского, Г. К. Жуков профессионально оценил проходившие перед трибуной части, вооруженные советским оружием, обученные по нашим уставам. Полководец Великой Отечественной, Рокоссовский, как и следовало ожидать, оказался отличным воспитателем войск на своей родине.

Год 1952-й — последний пребывания Г. К. Жукова в Свердловске. Если не считать названия, он полюбил этот уральский город. Расправивший крылья как могучий индустриальный центр в годы войны, Свердловск в то время уже олицетворял культуру на востоке нашей страны, на стыке Европы и Азии. Большой театрал, Георгий Константинович не пропускал ни одного нового спектакля в драматическом театре, театре оперы и балета имени Луначарского. Он считал и неоднократно повторял — всесоюзная слава театра музыкальной комедии Свердловска более чем заслужена, и подтверждал свое мнение частыми посещениями. Стоило в городе появиться заезжей знаменитости, например А. Вертинскому, в зале видели командующего округом. Наконец, он очень много читал, пожалуй, как никогда еще в жизни, поглощая книгу за книгой, разумеется, в первую очередь военно-исторические сочинения.

Вся жизнь Г. К. Жукова была связана с партией. В свердловский период жизни он пунктуально участвовал в работе пленумов Свердловского обкома партии, конференциях и активах парторганизации округа. Коммунисты Свердловска послали Г. К. Жукова своим делегатом на XIX съезд КПСС в октябре 1952 года, а там его избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. На ужине, который ЦК дал иностранным делегациям на съезде, вездесущий Симонов подсел к Жукову и на протяжении нескольких часов, стараясь приятно грассировать, познакомил маршала со своими взглядами на минувшую войну и военную стратегию вообще.

В завязавшейся беседе писатель узнал, что Жуков прочитал его роман «Товарищи по оружию». Особенного подъема это открытие у него не вызвало. Маститый прозаик зафиксировал причину: «Признаться, в тот вечер меня по-человечески беспокоило, как отнесется Жуков к отсутствию в романе его имени, не сочтет ли он это в сложившихся вокруг него обстоятельствах признаком моей робости или результатом привходящих соображений. И я был рад, что, не касаясь этой щепетильной темы, он говорил о романе с сочувствием, видимо, правильно поняв меня». Еще бы не понять!

* * *

В конце февраля 1953 года Жукова отзывают в Москву, что для него психологически не было неожиданностью. К этому дело уже шло. Смерть Сталина 5 марта 1953 года вернула маршала точно на то место, которое он занимал семь лет назад — первого заместителя министра обороны СССР. Знакомый объем работы, знакомое здание на Арбатской площади, знакомый кабинет. Только... Все же Георгий Константинович начинал чувствовать возраст.

Годы опалы не прошли зря, в интеллектуальном отношении он приобрел, пожалуй, профессорские навыки. Полководец, обреченный силой непреодолимых обстоятельств заниматься делами в границах округа, легко справлялся с ними, а беспокойный ум военного гения бодрствовал, охватывал события и тенденции планетарных масштабов. Он размышлял о военном искусстве второй половины XX века и неизбежно приходил к выводу — советский офицер должен быть самым подготовленным, образованным. С первых недель пребывания в Министерстве обороны Жуков дал могучий толчок развитию военной науки. Он смотрел широко на сложнейшие проблемы, вставшие на пути теоретических разработок. Иногда Георгий Константинович не исключал метода проб и ошибок. Но в одном он не сомневался — профессиональный военный должен быть прекрасно информирован.

Идеология идеологией, но наш военный должен знать реальную обстановку по «ту сторону». Заботам Г. К. Жукова военный читатель обязан тому, что с середины пятидесятых годов пошел поток переводов на русский язык практически всех по тем временам

значительных книг по военным вопросам. В изданиях, выходивших ограниченными тиражами, их выпускали полностью, без купюр. Например, мемуары противников Жукова в Великую Отечественную — немецких военачальников Гудериана и Манштейна. Сначала для служебных целей, а затем широкому читателю были предложены дневники начальника генерального штаба сухопутных сил Германии Гальдера. Жуков настоял на переводе шеститомного труда У. Черчилля «Вторая мировая война», который в пятидесятые годы на Западе считался самым информативным сочинением о минувшей тогда недавно войне.

В упорядоченную, набиравшую темпы работу летом 1953 года внезапно вклинилась политика. В форме глубоко отвратительной для кадрового военного. Министр обороны Н. А. Булганин вызвал своего заместителя Жукова и загадочно сказал: «Поедем в Кремль. Есть срочное дело». Что ж, дело есть дело, говорил формально Маршал Советского Союза, облеченный доверием, он звал с собой другого. Жуков, конечно, никогда не считал Булганина военным, маршальские погоны носил не полководец, а в прошлом партийный и советский работник.

Приехали. В кабинете у Н. С. Хрущева Г. М. Маленков, известный своими приятельскими отношениями с Берией. Хрущев без вступления озадачил: нужно арестовать Берию. Предложил взять с собой несколько надежных генералов, пару молодых адъютантов и захватить оружие.

— Я всего мог ожидать, любого самого сложного и ответственного задания, уже привык к этому на фронте, да и после войны, но такое... — вспоминал Жуков через 10 лет.

После довольно длительной паузы он согласился. Расчет политиков вовлечь в свои дела военных оправдался, Жуков помнил, что многие годы люди Берии буквально дышали ему в затылок, а сам архиинтриган подсовывал Сталину «компромат» на маршала, домогаясь его ареста. Теперь они менялись ролями, только дело Жукова было справедливым.

На следующий день Жуков с генералами Батицким, Москаленко, Неделиным и двумя адъютантами приехали в Кремль. Они-де приглашены на заседание Президиума ЦК, на котором предстоит обсудить во-

енные вопросы. Как договорились с Хрущевым, разместились в комнате поблизости от зала заседания. Жуков пока ничего не сказал о задании. Около часа они просидели, обмениваясь пустыми фразами, гадая, зачем вызвали. Резкий звонок! Его и ждал Жуков, по звонку, как договорились с Хрущевым и Маленковым, военные должны были войти в зал заседаний и арестовать Берию. Жуков встал и, обращаясь к генералам, впоследствии при Хрущеве все трое получили маршальские погоны, отрывисто сказал, если не скомандовал:

— Мы должны арестовать Берию. Он намерен захватить власть. Согласны все? Понимаете значение порученного?

Те согласились и тесной группой вошли в зал во главе с Жуковым. Берия в центре стола, генералы направляются к стульям у стены за его спиной, будто собираются сесть. Сам Жуков внезапно стремительно подходит к Берии сзади и командует:

— *Встать! Вы арестованы.*

Палач оказался робким. Он медлил, тогда Жуков схватил его, заломил руки, приподнял, встряхнул и тут же провел ладонью по бедрам — нет ли пистолета. Оружия при Берии не оказалось. Своим землякам на встрече в день своего 75-летия Жуков закончил рассказ так:

«Мои сподвижники быстро ощупывают карманы костюма Берии — нет ли оружия. Я увидел на столе перед Берией толстую кожаную папку. Подумав, что в ней может быть оружие, с силой толкнул ее вдоль стола. Пролетев всю длину стола, папка упала около ног Хрущева. Берия побледнел как полотно. Не успел сказать ни слова, как с нашей помощью оказался в соседней комнате. Я приказал адъютанту вытащить у него брючный ремень и срезать пуговицы на брюках (так мы делали в гражданскую, когда сопровождали пленных «языков»).

Злость на Берию у меня была беспредельна, я подошел к нему и, глядя в его испуганные глаза, сказал:

— Сволочь, доигрался! Ты хотел посадить всю страну, теперь ответишь за все!

Генералы — крупные, высокие — плотно окружили его, и так мы его вывели из здания.

Чтобы при выезде из Кремля нас не проверяли, мы решили сесть в одну машину — всех нас охрана

знала в лицо. Берию с кляпом во рту мы положили на пол задней кабины между ног Серова, Батицкого и Москаленко. Наше предположение оправдалось, охрана поприветствовала нас, автомашину не остановила. Из Кремля прямым ходом приехали в гарнизонную гауптвахту, где всю охрану заменили на офицеров, значительно увеличив численность внутренних и внешних постов.

На другой день Берия под усиленной охраной был переведен в бункер во внутреннем дворе штаба Московского военного округа.

Внутренний двор штаба представляет собой замкнутый строениями квадрат, в каждом углу которого разместили по одному танку с офицерскими экипажами. Стволы танковых пушек были направлены в сторону бункера...

Георгий Константинович закончил рассказ, глубоко вздохнул и добавил:

— Да, эта операция была очень серьезной и сложной.

— А что говорил Берия на суде?

Г. К. Жуков нахмурился и резко ответил:

— Мне было приказано арестовать Берию, что я и сделал. А судил его маршал Конев, спрашивайте у него!»

Надо думать, действия Жукова произвели сильное впечатление на Хрущева с товарищами, выросших в номенклатуре и не видевших дальше стен своих кабинетов. Пришли в зал заседаний военные в высоких чинах, а предъявили навыки унтер-офицеров той давней полузабытой первой мировой войны. А Жуков каков! Предупреждали его, что Берия физически сильный, знает приемы джиу-джитсу, а он, разнеслось среди вождей, в ответ усмехнулся: «Ничего, справлюсь, нам тоже силы не занимать». И справился, не обнажив оружия, с невыразимым презрением взял злодея голыми руками. Было над чем призадуматься, командный голос маршала запомнился, долго звенел в ушах свидетелей невиданной в этом зале сцены.

Что до главного героя случившегося, то Жуков, по-видимому, поступил так, как он вел себя в неприятных обстоятельствах. Отвечая в глубокой старости на вопрос, простил ли он Сталина, маршал сказал: «Я это просто вычеркнул из своей памяти». Запомнил

о Сталине он другое. «Думаю, что он хотел назначить меня министром обороны, но не успел, смерть помешала». Так и после ареста Берии он постарался выбросить этот эпизод из головы. Важнее для Георгия Константиновича было то, что при равнодушном к военному делу дилетанте Булганине он с каждым месяцем расширял круг своей деятельности, постепенно стал исполняющим обязанности министра обороны.

Г. К. Жуков двинул перевооружение армии на базе новой техники, появление которой было следствием развития научно-технической революции. Нужно было определить место ядерного оружия в борьбе, вынести правильные решения — на чем сделать акцент в развитии средств доставки: на ракетах или пилотируемой бомбардировочной авиации. За океаном американские генералы и политики безмерно восторгались возможностями стратегических ВВС, молились на новинку Б-52, у нас Г. К. Жуков был среди тех, кто высказался за приоритет ракет, начиная от тактических и вплоть до межконтинентальных баллистических. Благодаря прозорливости Жукова мы в военном строительстве не потянулись за американцами в создании абсурдно-громадного флота тяжелых бомбардировщиков. При возраставшей стоимости сложных систем вооружений цена правильного или ошибочного решения исчислялась десятками, если не сотнями миллиардов рублей. Жуков сделал правильный выбор, обеспечивая обороноспособность страны не за счет подрыва всей инфраструктуры национальной экономики.

В развернувшейся тогда дискуссии о «взаимном сдерживании» авторитетно прозвучал его голос победителя в Великой Отечественной. Разрушительное действие ядерного оружия, на взгляд Жукова, отнюдь не означало, что наши потенциальные противники откажутся от его внезапного применения. Следовательно, нужно учитывать это в советской военной доктрине. Что же касается возможности сохранения мира ссылками на «взаимное сдерживание», то на деле господство такой точки зрения развязывало руки сторонникам «ограниченных войн». В любом случае, считал Жуков, СССР должен сохранять высокий уровень обороноспособности. В интервью группе ведущих американских журналистов в ответ на вопрос о реальности «взаимного сдерживания» Г. К. Жуков 7 февраля

1955 года откровенно указал: «Я считаю, что это неверно».

Суровый реалист, каким всегда был Г. К. Жуков, стоял на том, что в современном мире нужна величайшая бдительность в отношении тех, кто способен развязать войну. Вопреки рассуждениям сторонников мира Жуков смело заглядывал за порог начала вооруженного конфликта, что тогда? Он много и плодотворно размышлял о формах ведения боевых действий с учетом возможностей ракетно-ядерного оружия. Отталкиваясь от опыта минувшей войны, маршал пришел к выводу, что всевозрастающее значение приобретают ночные действия. Готовить войска к ведению ночного боя требовал главком сухопутных сил, в феврале 1955 года ставший, наконец, министром обороны Советского Союза. Георгий Константинович Жуков достиг пика военной карьеры.

Параллельно, скорее вопреки, а не по желанию маршала утяжелялся его вес как политического деятеля. В середине пятидесятых это частично объяснялось тем, что в Соединенных Штатах с января 1953 года президентом был генерал Д. Эйзенхауэр. Хрущев, как, впрочем, и другие наши лидеры, почитал себя знатоком международных дел и стремился войти в историю великим дипломатом. Методы, уместные в аппаратных разбирательствах, где значительную роль играют симпатии и антипатии, он попытался применить во внешней политике. Хрущев, видимо, свято уверовал, что привлечение Жукова к советско-американским переговорам открывает некие, ведомые только ему самому, перспективы. Наверное, он надеялся, что внимательное отношение к маршалу — вернейший путь к сердцу другого военного — генерала Эйзенхауэра.

В июле 1955 года по наущению Хрущева Жуков дебютировал как дипломат. Министр обороны СССР был включен в состав советской делегации на конференции в Женеве в июле 1955 года. Со своей стороны американские руководители проявили к Жукову отнюдь не самый здоровый интерес. Георгий Константинович не мог не видеть, что вокруг него затеваются политические игры. Он был теперь умудрен отрицательным опытом и отнюдь не горел желанием быть игрушкой в чьих-либо руках. Посему прибег к известной военной хитрости — умнейший человек предстал

только исполнителем. Главное — не дать пищи для кривотолков. С большим разочарованием по поводу несбывшихся надежд, а они, несомненно, были, Эйзенхауэр писал в 1963 году: «Перед конференцией в Женеве Жуков был назначен министром обороны СССР. Было ли это результатом изменения обстановки у Советов или его направили в Женеву в ожидании того, что изложение им советской точки зрения на меня окажет влияние, мы не знали. В начале конференции несколько членов моего штата получили туманные, но отнюдь не тонкие предложения в форме предположений, подсказанных простым любопытством — «президент может захотеть повидаться со своим старым другом Жуковым». Я решил последовать этим тяжеловесным намекам, надеясь, что маршал сможет как-то объяснить мне непоследовательный характер русской политики».

Эйзенхауэр пригласил Жукова на ленч в свою виллу. Жуков «немедленно согласился». Они оживленно побеседовали о прошлом, вспомнили войну. «Но как только мы затронули серьезные вопросы, которыми занималась конференция, стало совершенно очевидно — Жуков не тот, каким был в 1945 году... Теперь в Женеве, спустя 10 лет, он был сломан и встревожен. Тихо и монотонно он повторил мне те же аргументы, которые развивал за столом руководитель советской делегации. Но это не была обычная беседа, он говорил, как будто повторял урок, который вбили в него до точки. Он был безжизненным, ни улыбки, ни шутки. Мой старый друг выполнял приказ начальства. Я не извлек ничего из этого личного разговора, кроме горечи». А что хотел извлечь президент США?

Георгий Константинович с достоинством вышел из испытания, каким было для него участие в конференции в Женеве. Конечно, он не был «безжизненным», служившие с маршалом в то время единодушно отмечают — он был полон энергии, неутомим. Другое дело, каким он представал перед западными деятелями, все домогавшимися выяснить, как министр обороны смотрел на те или иные проблемы международной жизни.

Попытки эти нередко носили крайне назойливый характер. Тогдашний американский посол в Москве Ч. Болен попытался разговорить Г. К. Жукова сразу

после событий в Польше осенью 1956 года. «На приеме в турецком посольстве он сказал, что в Восточной Германии, Белоруссии и Польше было более чем достаточно войск, чтобы разрешить вопрос на условиях Кремля. Блеснув своими голубыми глазами, он настаивал — «они бы раздавили их как мух». Когда же я спросил, кто это «они», он не дал прямого ответа, но, очевидно, Жуков имел в виду советские войска, ибо он сказал: «Красная Армия проявила «громадную сдержанность» в Польше. Он сказал, что направил командующего силами Варшавского Договора маршала И. С. Конева в Восточную Германию, чтобы гарантировать — войска оттуда не вступят в Польшу. Так сказать, читая между строк Жукова, я полагаю — он выступал за военное вмешательство в Польше, но ему не дали этого сделать. Высказывания Жукова по поводу Венгрии позднее подтвердили мои подозрения». С такими собеседниками Георгию Константиновичу нужно было быть вдвойне, втройне осмотрительнее.

* * *

На XX съезде КПСС в феврале 1956 года Жукова избирают членом ЦК (он был переведен из кандидатов в члены ЦК в 1953 году в связи с назначением первым заместителем министра обороны). В декабре 1956 года за выдающиеся заслуги перед советским народом и в связи с 60-летием со дня рождения Г. К. Жуков награжден орденом Ленина и четвертой медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. В следующем, 1957 году Г. К. Жукова вводят кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

26 января 1957 года индийский народ праздновал 7-ю годовщину провозглашения Индии республикой. Жители Дели с энтузиазмом приветствовали советскую делегацию во главе с Жуковым. Он побыл на параде, встретился с премьером Джавахарлалом Неру и другими деятелями. Маршал поездил по стране, посетил воинские части, училища, корабли и отметил — офицеры подтянуты. По возвращении в Москву министр издал приказ три дня в неделю начинать рабочий день с занятий физкультурой. Группу маршалов собирали для этого в плавательном бассейне ЦСКА.

Жуков пунктуально являлся на занятия и аккуратно справлялся у них — людей в среднем около 60 лет и старше, не тяжелы ли занятия. Маршалы бодро заверяли: физкультура творит чудеса. По-видимому, Жуков так и не распознал лукавства старых солдат, между собой утверждавших — полезнее всего поднимать и опускать веки. Этим открытием они остереглись поделиться с энтузиастом физических занятий.

Строительство Вооруженных Сил каждый день ставило новые проблемы перед руководством Министерства обороны. Тем более что неутомимый реформатор Хрущев бесцеремонно вмешивался в дела, в которых он не был компетентен. Сокращение Вооруженных Сил было не всегда продумано, и затрагивались судьбы тысяч и тысяч людей, посвятивших всю свою жизнь военной службе. В 1955 году было сокращено 640 тысяч человек, а уже в мае 1956 года было объявлено — в предстоящий год подлежали демобилизации 1 200 тысяч человек. Для некоторых это обернулось личной трагедией, не говоря уже о том, что из-под знамен первыми уходили победители Великой Отечественной войны. Наступавшую ракетно-ядерную эру политики истолковывали в меру своего понимания — испытания ядерных бомб, хотя по количеству и уступали США, пошли сериями — в 1957 году, например, 19 января, 8 марта, 3, 6, 10 и 12 апреля. Хотя выступая публично в Москве 16 марта 1957 года, Г. К. Жуков подчеркивал, что отныне ядерное оружие основное ударное средство, он не разделял набегов Хрущева на деликатную область военной стратегии. Как профессиональному военному, Жукову было чуждо бахвальство военной мощью, чем иногда грешил несдержанный на язык Хрущев.

Внезапно политика властно вторглась в жизнь маршала — перессорились политики. Сторонники прошлых методов руководства — с тюрьмами и прочим — попытались сбросить Хрущева. Маленков, Молотов, Каганович и другие заголосовали его на заседании Президиума. Возникла реальная опасность восстановления сталинских порядков. Жуков, конечно, не мог согласиться с этим и помог созвать Пленум, послав военные самолеты за членами ЦК КПСС. На открывшемся 22 июня 1957 года после четырехдневных препирательств Пленуме председательствовал Суслов. Основной докладчик — Г. К. Жуков. Хрущев ушел

в кусты по причине более чем очевидной — Жукову поручили поставить вопрос о прямой ответственности Маленкова, Молотова, Кагановича за преступные репрессии тридцатых-сороковых годов. Если бы с этим выступил Хрущев, обвиняемые — их обозвали «антипартийной группировкой» — без труда предъявили бы счет за массовые убийства ему, Микояну, Ворошилову. Хрущевцы в этом отношении ничем не отличались от «антипартийной группировки».

Доклад Жукова произвел сильнейшее впечатление — он зачитал резолюции на списках уничтожавшихся людей: «Бить, бить и бить», «Мерзавцам так и надо» (Молотов), «Приветствую расстрел» (Каганович), вплоть до нецензурной брани в адрес казнимых. Впервые были оглашены данные — в 1937—1938 годах арестовали свыше полутора миллионов человек, из них расстреляно 681 622 человека. Когда Жуков четким, командирским голосом бросал в зал суровые обвинения, нервы у одного из лидеров «антипартийной группировки» сдали. Он прервал маршала и визгливо закричал — время было-де такое, когда приходилось подписывать «некоторые документы» независимо от желания и, если порыться в архивах, можно найти и такие, под которыми стоит подпись Жукова.

Маршал обернулся к подавшему голос за его спиной и как обрезал:

— Нет, не найдете. Ройтесь! Моей подписи вы там не найдете.

Руками Жукова хрущевцы нанесли позорное поражение тем, кто десятилетиями ходили в вождях. Кристально честный военачальник уличил на основе подобранных ему материалов душегубов. Жуков доминировал на Пленуме и повел за собой присутствовавших. Они от всего сердца поддерживали маршала, ибо на XIX и особенно на XX съездах КПСС состав ЦК претерпел значительные изменения. Подавляющее большинство из 226 человек участников Пленума уже по возрасту не принимали участия в массовых убийствах и охотно предъявляли друг другу свою незапятнанную и возмущенную совесть.

Постановление о Пленуме, закончившемся 29 июня, было опубликовано только 4 июля, причем в документе для народа было опущено основное, как именно

проиграла «антипартийная группировка» — причастность к массовым репрессиям. Хрущев, несомненно, не хотел рисковать — оповещение об этом неизбежно повлекло бы за собой вопросы к нему, Микояну и оставленным пока на своих постах, чтобы скрыть серьезность схватки президента Ворошилова и премьера Булганина.

В избранный новый Президиум ЦК КПСС в составе 15 человек вошел Г. К. Жуков.

Хрущев расценил итоги Пленума как мандат на единоличное правление. Ему, увы, никто не осмелился противоречить в руководстве страны. Открывался период бездумного хрущевского экспериментирования, волюнтаризма и прочего. Единственным противовесом импульсивному импровизатору мог бы быть Г. К. Жуков. Он не стал им, ибо счел, что Пленум положил конец политиканству и открыл все возможности для вдохновенного, творческого труда в профессиональных областях. Победив на Пленуме, хрущевцы утвердились в кабинетах в Кремле и на Старой площади, продолжив государственно-административную кадриль, а Жуков отправился в войска — в июле—августе он руководил большими общеармейскими учениями в Белоруссии и Прибалтике.

Перед началом их на партийном активе участников учений выступил заместитель начальника Главпура генерал-лейтенант А. М. Пронин. Он в высоких словах воздал должное роли Г. К. Жукова на недавнем Пленуме ЦК КПСС, заклеймил «антипартийную группировку». О том же сказал в своей речи первый заместитель министра обороны Р. Я. Малиновский.

Жуков с воодушевлением провел эти памятные учения, как оказалось, последнюю операцию в своей жизни. Выступление маршала на разборе в Борисове было проникнуто новыми идеями и мудрым призывом не предавать забвению опыт минувшей войны. Георгий Константинович напомнил, что войска действовали в исторических местах — здесь в 1944 году началось освобождение Белоруссии. Он говорил о том, что первоначально операцию тогда планировали до рубежа Бобруйска, однако с успехами войск глубина планирования достигла трехсот километров, темпы наступле-

ния увеличились. Обратившись к возможностям Советской Армии, маршал указал, что при возросшей огневой мощи артиллерийской и ракетной техники, авиации и вертолетов, применении новых танков и боевых машин пехоты войска могут и обязаны быстрее переходить в атаку, добиваясь решительных целей с куда меньшими людскими потерями и материальными издержками. Это собственно и показали учения.

Он вернулся в Москву окрыленным и даже помолодевшим — армия совершенствует свое боевое мастерство, защита Отечества в надежных руках. На октябрь Жуков наметил новые учения, на этот раз в Киевском военном округе. Туда уже поторопился Хрущев. Внезапно Жукову объявили, что его направляют с официальной миссией в Югославию и Албанию. Недоумевающий маршал позвонил в Киев Хрущеву. Получил поразительный ответ на предложение приехать на учение:

— Выполняйте свою государственную миссию, а мы тут дома с учением как-нибудь справимся и без вас.

3 октября 1957 года на крейсере «Куйбышев» в сопровождении эсминцев «Блестящий» и «Бывалый» министр обороны СССР Г. К. Жуков отбыл из Севастополя. При прохождении через проливы на борту крейсера была получена телеграмма: «Великому Маршалу Советского Союза, высочайшему полководцу второй мировой войны. Приветствуем и поздравляем Вас с заходом в турецкие воды. Долгих лет жизни и наилучшие пожелания. Счастливого плавания». Можно не сомневаться, текст телеграммы был немедленно доложен Хрущеву, который в то время, как маршал выполнял государственную миссию, хлопотал о его смещении. «Как я потом узнал, — скупо говорил Жуков, — Хрущев использовал присутствие многих военачальников на учениях в своих интересах: у одних он спрашивал мнение о министре обороны, а другим внушал ту мысль, что, дескать, Жуков опасный человек для государства».

Советские газеты тем временем подробно информировали о пребывании Г. К. Жукова в Югославии и Албании. Последние сообщения на эту тему 25 октября. Через день, 27 октября, в хронике на последней странице «Правды» сообщалось: министром обороны СССР назначен Р. Я. Малиновский. Г. К. Жуков освобожден от обязанностей министра обороны. Еще через день, 29 октября, состоялся Пленум ЦК КПСС — об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. В обнародованном постановлении Пленума сказано: Г. К. Жуков «нарушал ленинские, партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над Армией и Военно-Морским Флотом со стороны партии, ее ЦК и правительства».

Пленум вывел Г. К. Жукова из состава членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС.

Как пережил он эту чудовищную несправедливость, мы частично знаем со слов самого опального маршала. Подготовка к отстранению от должности министра обороны и само снятие было проделано за спиной Г. К. Жукова. Глубокое презрение прозвучало в сказанном им по возвращении из Югославии. Главный маршал авиации А. Е. Голованов рассказывал:

— Когда Жуков прилетел в Москву, не зная, что уже снят Хрущевым, его встретила на аэродроме не свита, а порученец. Доложил, что освободили от должности министра обороны.

— А кого назначили? — спросил Жуков.

— Малиновского, товарищ маршал.

— Ну, это еще ничего, — сказал Жуков. — А то я подумал — Фурцеву.

Соль жуковского замечания — Екатерина Фурцева, вознесенная Хрущевым в члены Политбюро, пресловутая временщица того времени, «ведавшая» культурой всей необъятной страны.

Нет сомнения — самым тяжелым переживанием было присутствовать на пленуме, лес рук членов ЦК, одобрявших хрущевскую расправу над национальным героем. Голосовали именно те, кто всего за четыре месяца перед этим горячо одобрили на другом пленуме речь Г. К. Жукова против «антипартийной группировки». Теперь, а многие даже не прятали глаз, смотрели нагло и вызывающе, демонстрируя «сплочение» вокруг ленинского Политбюро, точнее, кучки хрущевцев, надругавшихся над прославленным полководцем. Говорить что-либо им было бесполезно.

«Узнав о партийном приговоре, — вспоминал Жуков, — я твердо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело.

Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул... Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими перерывами. И я как-то пережил все то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чем бы я думал, с чем внутренне спорил, что переживал бы в бодрствующем состоянии, все это я пережил, видимо, во сне. Спорил и доказывал, и огорчался — все во сне. А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку.

И лишь после этого написал в ЦК, попросил разрешения уехать лечиться на курорт.

Так я пережил этот тяжелый момент».

А тем временем вокруг имени Георгия Константиновича нагнетались страсти, сначала вполголоса, затем все громче стали распространяться разного рода инсинуации, нередко граничившие с прямой клеветой. Тот, кто завоевал доверие и любовь миллионов солдат и офицеров, прошедших за ним и с ним по дорогам Великой Отечественной, стал изображаться человеком, вынашивающим некие коварные замыслы.

3 ноября в печати пошли сообщения о том, что коммунисты на различных активах — армейских, краевых и областных организаций единодушно одобрили постановление Пленума. Маршал И. С. Конев разразился в «Правде» статьей «Сила Советской Армии и Флота — в руководстве партией и неразрывной связи с народом». По словам Конева, Жуков был виноват в недостаточной подготовке к войне, его заслуги преувеличивались и т. д.

Разнузданный стиль статьи, нагромождение обвинений, фантастических и глупых, напомнило о происхождении Конева — из комиссарствовавших во времена гражданской войны и первых лет Советской власти. То, что Конев и К° обращали против «классового врага», он в угоду Хрущеву обрушил на Георгия Константиновича. Статья не могла найти понимания в Вооруженных Силах и серьезно подорвала репутацию не

Жукова, а Конева. В чем же состояла «партийность» в понимании гонителей Жукова?

В его бытность министром обороны военная прокуратура расследовала, увы, типичное дело. В 1938 году был арестован, судим и расстрелян начальник инженерных войск Московского военного округа полковник С. Асланов, член КПСС с 1917 года. Жену — в ссылку, где она сошла с ума и умерла, детей — в детдом. При проверке дела в 1957 году выяснилось, что единственное основание для расправы — донос майора Галицкого Н. П., который и занял место казненного. Когда военная прокуратура занялась делом, Галицкий был процветающим генералом. Он горячо отрицал свою причастность к гнусному преступлению, но был уличен разысканным в архиве собственноручным доносом. Прокуратура проинформировала министра обороны Г. К. Жукова об этом позорном деле. По приказу министра Галицкий был отстранен от должности начальника одной из военных академий. По представлению Министерства обороны его лишили генеральского звания, а парторганизация исключила из рядов КПСС. Суровое, но справедливое возмездие!

Когда Жукова убрали с поста министра обороны, Галицкий бросился в высшие партийные инстанции с жалобами на «расправу». Главному военному прокурору А. Горному и прокурору Б. А. Викторову (руководителю группы по пересмотру дел ГВП) недовольно заявили на партийном Олимпе: «Вы зачем подсунули Жукову этот факт? Вы что, не знаете, какой нрав у Жукова — рубить сплеча?» Галицкий практически отделался легким испугом. «Не стоило удивляться. Уже была принята на вооружение концепция «выгодной» и «невыгодной» правды», — вздохнул Б. А. Викторов.

Историк Н. Г. Павленко, впоследствии обсуждавший с Г. К. Жуковым обстоятельства расправы с маршалом, подвел итог беседам: «В основе его опалы, по мнению полководца, были следующие причины.

Во-первых, чисто клеветнические измышления (его, в частности, обвинили в тайной организации специальной диверсионной команды).

Во-вторых, тенденциозные заявления недругов полководца о том, что якобы Г. К. Жуков не только властолюбив, он — «опасная личность вообще».

В-третьих, предвзятые истолкования некоторых фраз Г. К. Жукова. В период борьбы с антипартийной группой Молотова — Маленкова у него в пылу полемики вырвалась следующая фраза:

— Если вы и дальше будете бороться против линии партии, я буду вынужден обратиться к армии и народу.

Эта фраза была истолкована Н. С. Хрущевым как проявление «бонапартизма». А для того, чтобы этот ярлык звучал более убедительно, в некоторых залах, где проходили собрания и активы с осуждением Г. К. Жукова, выставлялась картина Яковлева, где был изображен Г. К. Жуков на белом коне».

На каждом шагу ему предъявлялись смехотворные претензии. Кто-то с добрым сердцем сумел достучаться до министра обороны — белый конь, на котором он принимал Парад Победы, нес службу в армии до постарения. Судьба его была предрешена: «Выбраковать», пустить под нож. Маршал распорядился — отправить ветерана в Стрелковку доживать немногие годы. И это в строку бывшему министру.

15 марта 1958 года Жукову объявили об увольнении в отставку. Он был снят с партийного учета в Министерстве обороны и до смерти состоял на нем на заводе «Память революции 1905 года» в Краснопресненском РК КПСС.

Хрущев распорядился отобрать дачу в Сосновке под Москвой, на которой в изоляции жил Жуков. Пришлось полководцу предъявить документ, подписанный И. В. Сталиным и утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) — «...закрепить пожизненно за тов. Жуковым». В ознаменование Победы под Москвой в декабре 1941 года.

Отдавать негласные для посторонних глаз указания чиновникам труда не составляло, а как с реноме на Западе, каким дорожил Хрущев? Во время поездки по США в 1959 году Хрущев пытался говорить с Эйзенхауэром как военный и завел разговор о Жукове. «Да, он сильный человек и его не сдвинешь с позиции, которую он считает правильной. Это хорошо,— тут Хрущев ухмыльнулся и закончил, — но только для военного Ваш друг Жуков в порядке. Сидит себе на Украине, ловит рыбу и, наверное, пописывает мемуары, как все генералы».

Имя Г. К. Жукова практически было вычеркнуто из нашей истории, а в редких случаях, когда упоминалось, то с нелестными эпитетами.

Для предания забвению подвига Георгия Константиновича в Великую Отечественную были приложены различные и серьезные усилия. Одной из задач первой официальной истории той войны, несомненно, было именно это. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС создали отдел истории Великой Отечественной войны, в котором были подготовлены шесть объемистых томов «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945». В 1960—1965 годах они увидели свет в Военном издательстве МО СССР.

Редакционную комиссию возглавил известный еще по временам сталинщины идеолог П. Н. Поспелов. Среди 30 членов, помимо группы военных деятелей, сверхнадежные в глазах хрущевцев историки — Е. М. Жуков, И. И. Минул, А. М. Хвостов и др. Они всегда в годы культа личности были в рядах активнейших охранителей «устоев» и прославили себя преданностью принципу «чего изволите?». После потрясения XX съезда КПСС эти люди при подготовке шеститомника почувствовали себя в своей тарелке и сделали все, чтобы возвеличить тогдашнего «хозяина» — Н. С. Хрущева. «Указатель имен» к первым пяти томам (в шестом, вышедшем в 1965 году, его нет) более чем красноречив — Хрущев упоминается 126 раз, а Жуков только 16! Но почему военные — члены редакционной комиссии, редколлегий томов и авторы согласились с тем, что из истории войны «исчез» наш великий полководец? Причины более чем понятные — с одной стороны, они работали в установленных рамках, с другой — среди них были и такие, кто претендовал на большее значение в истории Великой Отечественной. Задним числом.

В 1955 году, например, Маршалом Советского Союза стал И. Х. Баграмян, спустя десять лет после окончания войны. В редакционной комиссии он повел себя по-маршальски, да еще опираясь на нетленную ценность принципов социалистического интернационализма. Отметить вклад представителя небольшого народа у нас святое дело. Вступив в войну полковником, Баграмян окончил ее генералом армии. Казалось, очень неплохо. Но цепкая память наверняка подсказывала — с Жуковым в начале двадцатых были равны, оба командиры

кавполков, а в конце Отечественной Георгий Константинович брал Берлин, Баграмян, даже не командующий фронтом, руководил операциями против земландской группировки противника.

В свой актив Баграмян, однако, записал близкие отношения с Хрущевым, особенно скрепленные катастрофой в наступлении под Харьковом в мае 1942 года, что позволило ему объяснить главе государства при подготовке издания стратегию той войны. Не забывая, конечно, о себе, в шеститомнике Баграмян упоминается 13 раз, почти как Жуков. Правда, в десять раз меньше, чем Хрущев, но он взял реванш в 12-томной «Истории второй мировой войны 1939—1945» (вышла в 1973—1982 гг.) — упомянут 17 раз, а Хрущев только 11. «Указатели имен» коротко и ясно вскрывают анатомию многотомных публикаций...

Надо думать, бесцеремонное искажение истории войны ускорило работу Георгия Константиновича над своими мемуарами. «Книга является, возможно, последним из того, что я считаю обязанным сделать», — твердо сказал он близким.

Работа над рукописью завершилась весной 1966 года, заняв общей сложностью около восьми лет. Книга увидела свет в 1969 году и сразу получила широкую известность. Без нее — «Воспоминаний и размышлений», нет биографии Г. К. Жукова. Однако, когда я вплотную занялся ее написанием, то с немалым удивлением заметил, что в достойных во многих отношениях «Воспоминаниях и размышлениях» героя моего повествования есть сентенции, не отвечающие его характеру, как он был известен многим. Иной раз даже находящиеся не в ладах со здравым смыслом. В апреле 1943 года по приказу Ставки маршал Г. К. Жуков с наркомом Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецовым, командующим ВВС Красной Армии маршалом авиации А. А. Новиковым и одним из ведущих работников Генштаба генералом С. М. Штеменко прибыли на Северо-Кавказский фронт. Среди других дел они обсудили положение наших войск на Малой земле, плацдарме у Новороссийска. «Всех нас тогда беспокоил один вопрос, — написано в мемуарах Г. К. Жукова, — выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю, в неравной борьбе с врагом, который день и ночь наносил воздушные удары и вел артиллерийский обстрел по защитникам этого небольшого плацдарма.

Об этом мы хотели посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л. И. Брежневым, который там неоднократно бывал и хорошо знал обстановку, но на этот раз он находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои».

Звучит как-то странно, стиль не жуковский, да и мало похож на язык профессионального военного, а о подходе и говорить не приходится. Но последуем за мемуаристом — двум маршалам и адмиралу флота не удалось поговорить с Л. И. Брежневым, посему пришлось заменить начальника политотдела командующим армией К. Н. Леселидзе; не полковник, конечно, но на худой конец и генерал-лейтенант сойдет. Что там командование армии, штаб и прочее: «...из того, что нам рассказал командарм К. Н. Леселидзе, было ясно: наши воины полны решимости драться с врагом до полного его разгрома и сбросить себя в море не дадут. Доложив И. В. Сталину наше мнение...» и т. д. Вот как, оказывается, осуществлялось руководство войной на высшем уровне — на основе «рассказов» докладывали в Ставку.

Ясности не прибавили воспоминания о поездке наших военачальников под Новороссийск записки флотоводца Н. Г. Кузнецова. По его мемуарам «Курсом к победе», они с Г. К. Жуковым тогда занимались не столько вопросом, выдержит или не выдержит Малая земля натиск немцев, сколько изучали возможность проверить предложение в Ставке высадить в этом районе «крупный десант». Сошлись, что «высаживать сейчас новый крупный десант на Малую землю нецелесообразно». Еще Н. Г. Кузнецов добавил: «Мне сказали, что сейчас на Мысхако находится начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. На этом клочке земли, насквозь простреливаемом вражеским огнем, он уже не в первый раз. Леонид Ильич лично организует партийно-политическую работу на плацдарме, обходит окопы и землянки, беседует с бойцами и командирами». Отсюда нетрудно вывести заключение, что ему было недосуг побеседовать с приехавшим из Москвы большим начальством.

Коль скоро между мемуарами Жукова и Кузнецова обнаружились противоречия, я обратился за помощью к генералу С., прекрасно знавшему обоих. Тут мое авторское самолюбие потерпело изрядный ущерб: оказалось, что генерал давно заметил описанный раз-

нобой в воспоминаниях маршала и адмирала. Не только заметил, но сразу по выходе мемуаров попросил Г. К. Жукова разъяснить, как это он принял решение в апреле 1943 года по Малой земле без совета с полковником Брежневым. Беседа происходила в палате госпиталя, где лежал больной Жуков. Маршал пришел в ярость, махнул рукой, на пол полетели пузырьки и стаканы со столика у кровати. Он бросил: «Кто такой тогда был Брежнев, я и знать не знал его». Выругался, помолчал и заметил каким-то бесцветным тоном: мало ли чего «вписали» ему в книгу.

Если так, тогда пришлось заняться тем, что у историков называется «критикой источников», — проверкой по возможности фактов и т. д. Работа по тем временам не очень простая — до 6-го издания включительно, то есть по 1984 год, или в течение 15 лет с момента выхода мемуаров, эти нелепые рассуждения, вписанные какой-то чиновничьей рукой во славу Брежнева, оскверняли книгу.

* * *

Откровенно говоря, не поднимается рука вникать в детали последующих лет жизни Георгия Константиновича. Конечно, постепенно пришло прозрение и к тем, кто единодушно шельмовал Г. К. Жукова. Пришло на всех уровнях, даже бывших членов Политбюро ЦК КПСС. В марте 1991 года признался в этом А. Н. Шелепин. Он написал:

«Именно Хрущев организовал и осуществил заговор против выдающегося военачальника, любимца советских людей маршала Г. К. Жукова. В отсутствие Георгия Константиновича, когда тот находился в заграничной командировке, он, по предложению Хрущева, был выведен из Президиума ЦК КПСС и из состава ЦК КПСС, освобожден от обязанностей министра обороны СССР.

Помню, мы, члены ЦК, были удивлены, что Пленум, на котором обсуждается вопрос о политической работе в армии, проводится без участия министра обороны, которого буквально за несколько дней до того направили в Югославию. И уж совсем неожиданным было предложение о его освобождении со всех постов. Оказалось, все было продумано. Вот это был настоящий заговор, для которого, по моему личному мнению, не было должных оснований. Все дело в том, что Хрущев боялся огромного авторитета Жукова в стране и за рубежом. К тому же в то время другой видный военачальник — Эйзенхауэр — был избран президентом США, что, видимо, наталкивало Хрущева на грустные размышления. Полагаю, что было бы правильным отменить решение Пленума ЦК в части вывода Г. К. Жукова из состава ЦК КПСС».

С этой просьбой Г. К. Жуков многократно обращался в ЦК КПСС при Л. И. Брежневе. Безуспешно. Что еще сказать о трагедии маршала? С 1965 года его иногда стали помещать в президиумы по торжественным дням, но руководители Главпура тщательно следили за должной тональностью считавшихся общественными отзывов о маршале. Как бы не перехвалили.

В марте 1971 года проходил XXIV съезд КПСС. Г. К. Жуков был избран делегатом от Московской области. Он подтянулся, даже помолодел, предвкушая участие в высшем форуме коммунистов страны. Сшил новый мундир. Но неожиданный удар — маршалу не стоит появляться на съезде. Сообщил об этом по телефону лично Л. И. Брежнев. Георгий Константинович был буквально убит известием. Он на глазах как-то осел, вдруг стало видно — глубокий старик.

В декабре того же года знаменательная дата в его жизни — 75-летие. Прошло незамеченным.

Неизбежны были и встречи Г. К. Жукова с бывшими коллегами, военачальниками, практически единодушно предавшими анафеме товарища.

С годами он снисходительно простил их человеческую слабость. На семидесятилетии И. С. Конева 28 декабря 1967 года жуковские доброжелатели устроили примирение полководцев. Во всяком случае, Георгий Константинович сидел за праздничным столом и произнес достойный тост. Полководцы обнялись, друзья Г. К. Жукова понимающе переглянулись. Но и тут Главпур в лице начальника этого учреждения А. А. Епишева напомнил о себе. Поспевший присутствовать на торжестве К. Симонов потом писал (в 1968 году и посему с привычной для нашего прозаика осмотрительностью не назвал имени):

«Один из присутствующих, считая, что он исполняет при этом свою, как видно, непосильную для него должность, вдруг произнес длительную речь поучительного характера.

Стараясь подчеркнуть свою причастность к военной профессии, он стал разъяснять, что такое военачальник, в чем состоит его роль на войне и, в частности, что должны и чего не должны делать на войне командующие фронтами. В общей форме его мысль сводилась к тому, что доблесть командующего фронтом состоит в управлении войсками, а не в том, чтобы рисковать жизнью и ползать по передовой на животе, чего он не должен и не имеет права делать.

Оратор повторял эту полюбившуюся ему и в общем-то в основе здравую мысль долго, на разные лады, но всякий раз в категорической форме. С высоты своего служебного положения он поучал сидевших за столом бывших командующих фронтами тому, как они должны были себя вести тогда, на войне... При очередном упоминании о ползании на животе Жуков все-таки не выдержал.

— А я вот, будучи командующим фронтом, — медленно и громко сказал он, — неоднократно ползал на животе, когда этого требовала обстановка и особенно когда перед наступлением своего фронта в интересах дела желал составить личное представление о переднем крае противника на участке будущего прорыва.

Так что вот, признаюсь, было дело — ползал! — повторил он и развел руками, словно иронически извиняясь перед оратором в том, что он, Жуков, увы, действовал тогда вопреки этим застольным инструкциям. Сказал и уткнулся в свою тарелку». Убийственное замечание Георгия Константиновича не остановило поток красноречия профессионального говоруна, его речевой аппарат продолжал артикулировать, правда, на другую тему.

Г. К. Жуков в который раз мог убедиться — пуровцы неисправимы. Что до военных, товарищей по оружию, то незадолго перед смертью Георгий Константинович улыбнулся удивительно по-русски и сказал: «Они себя чувствуют, как мокрые курицы, побитые дождем и градом, но я им сказал: я не злопамятный, и не надо передо мной оправдываться».

На исходе седьмого десятка, в 1966 году он съехался с женщиной, по профессии врачом, ровно на тридцать лет моложе его. От них осталась дочь. Жена, появившаяся перед «заходом солнца», скончалась 46 лет 13 ноября 1973 года. Спустя полгода, 18 июня 1974 года, не стало Георгия Константиновича Жукова. Похоронен на Красной площади, у Кремлевской стены.

Наследие полководца — его победы, о которых он успел рассказать в своих мемуарах «Воспоминания и размышления». Многое из написанного мною взято из этих мемуаров, эпиграфом к которым могли бы быть слова, сказанные Г. К. Жуковым на исходе жизни и обращенные к нашей молодежи:

УЧИТЕСЬ! ЗНАЙТЕ, ЧТО НАШИ ВРАГИ НЕ СИДЯТ СЛОЖА РУКИ.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. К. ЖУКОВА

1896, 2 декабря — в семье крестьян деревни Стрелковка Калужской губернии Константина и Устиньи Жуковых родился сын Георгий.

1903—1906 — учеба в церковноприходской школе.

1907—1915 — учеба у скорняка. Мастер-скорняк.

1915, август — призван в армию.

1916, август — октябрь — участие в боях на Юго-Западном фронте. Тяжелая контузия.

1917, 28 февраля — избран председателем эскадронного солдатского комитета.

1917, декабрь — Жуков демобилизован, в деревне, болезнь.

1918, август — добровольцем вступает в Красную Армию.

1919, 1 марта — принят в члены РКП(б).

1919, май — сентябрь — сражается на разных фронтах, ранен.

1920, январь — июль — учеба на Кавалерийских курсах, служба во 2-й Московской бригаде курсантов.

1921—1922 — командир взвода, эскадрона. Бои.

1922, 31 августа — награжден орденом Красного Знамени.

1923, май — назначен командиром полка в 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

1924—1925 — учеба в Высшей кавалерийской школе в Ленинграде.

1930, май — назначен командиром бригады в 7-й Самарской кавалерийской дивизии.

1933, март — командир 4-й кавалерийской дивизии (Слуцк).

1937—1938 — командир 3-го и 6-го кавалерийских корпусов.

1938, конец — зам. командующего Белорусским военным округом (Смоленск).

1939 июнь — август — руководит операциями у Халхин-Гола.

1939, 31 августа — Герой Советского Союза.

1940, июль — декабрь — командующий Киевским Особым военным округом.

1940, 4 июня — присвоено воинское звание «генерал армии».

1941, январь — назначен начальником Генерального штаба.

1941, 23 — 26 июня — координирует боевые действия Юго-Западного фронта. Введен в состав Ставки Главного командования.

1941, 29 июля — освобожден от обязанностей начальника Генштаба. Назначен командующим Резервным фронтом.

1941, 11 сентября — назначен командующим Ленинградским фронтом.

1941, 10 октября — назначен командующим Западным фронтом.

1941, 6 декабря — войска Западного фронта под командованием Г. К. Жукова переходят в контрнаступление. Начало разгрома немцев под Москвой.

1942, август — становится первым заместителем наркома обороны, Верховного Главнокомандующего.

1942, август — ноябрь — участие в подготовке разгрома врага под Сталинградом.

1943, 18 января — присваивается высшее воинское звание «Маршал Советского Союза».

1943, январь — июль — представитель Ставки на ряде фронтов, участвует в подготовке отражения наступления врага под Курском.

1943, июль — декабрь — как представитель Ставки координирует действия фронтов в Курской битве, освобождении Левобережной Украины, форсировании Днепра, взятии Киева.

1944, январь — февраль — участвует в руководстве ликвидации группировки врага в Корсунь-Шевченковской операции.

1944, март — командующим 1-м Украинским фронтом проводит Проскуровско-Черновицкую операцию.

1944, 22 апреля — награжден орденом «Победа».

1944, июнь — август — как представитель Ставки координирует действия фронтов в операции «Багратион», освобождении Белоруссии.

1944, 29 июля — награжден второй медалью «Золотая Звезда».

1944, 16 ноября — вступает в командование 1-м Белорусским фронтом.

1945, 14 января — войска 1-го Белорусского фронта переходят в наступление, освобождают Польшу, вступают в Германию.

1945, 16 апреля — начало наступления на Берлин.

1945, 9 мая — Жуков председательствует при подписании Акта о безоговорочной капитуляции Германии.

1945, май — июнь — назначается главноначальствующим советской зоны оккупации Германии. Третья медаль «Золотая звезда». Работает в Германии до марта 1946 года.

1946, апрель — май — главнокомандующий Сухопутными войсками, зам. министра обороны.

1946, июнь — назначен командующим Одесским военным округом.

1948, февраль — переведен командующим Уральским военным округом.

1953, март — назначен первым заместителем министра обороны СССР.

1955, февраль — министр обороны СССР.

1956, декабрь — награжден орденом Ленина и четвертой медалью «Золотая Звезда».

1957, январь — июль — кандидат и член Президиума ЦК КПСС.

1957, конец октября — освобожден от обязанностей министра обороны, Пленум ЦК КПСС вывел Г. К. Жукова из состава членов Президиума ЦК КПСС и членов ЦК КПСС.

1974, 18 июня — Г. К. Жуков скончался.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления Десятое издание, дополненное по рукописи автора, т. 1—3, М. 1990.

Маршал Жуков: полководец и человек. Сборник, т. 1—2, М. 1988.

Маршал Жуков. Каким мы его помним, М. 1988.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М. 1974.

Горбатов А. В. Годы и войны. М. 1965.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг, М. 1985.

Руденко С. И. Крылья победы, М. 1985.

Bohlen Ch. Witness to History 1929—1969, N. — Y. 1969.

Caiden M. The Tigers are burning! N. — Y. 1974.

Eisenhower D. Mandate for Change. N. — Y. 1963.

Salisbury H. The Greatest Battles of Marshal Zhukov, N. — Y. 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Воспитание характера 15

Красный командир 32

Накануне 66

Грянула Великая Отечественная 103

Отстоять Москву! 152

В год Сталинграда 196

Курское побоище 247

Через Днепр, на запад 280

Советская земля освобождена 310

Победа! 347

Между войной и миром 403

О долгом вечере жизни 425

Основные даты жизни и деятельности Г. К. Жукова 458

Краткая библиография 461

Яковлев Н. Н.

Я 47 Жуков. — М.: Мол. гвардия, 1992. — 459[5] с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.: Вып. 722).

ISBN 5-235-01703-X

Это первая биография нашего национального героя, маршала Г. К. Жукова, принадлежащая перу крупного советского историка, профессора Н. Н. Яковлева, написанная на уровне современных знаний о Великой Отечественной войне. Книга вводит во внутренний мир героя, великого полководца, спасителя Отечества; в ней использованы новые архивные материалы. Сокращенный вариант книги автор включил в свой трехтомник избранных произведений, увидевших свет в 88—90-х годах. Перед читателем — переработанная и значительно расширенная книга.

Я $\frac{4702010201-003}{078(02)-92}$ 066—92

ББК.63.3(2)
722.78

Автор и редакция приносят благодарность близким Г. К. Жукова, Центральному музею Вооруженных Сил СССР и работникам Министерства обороны СССР за предоставленную возможность ознакомиться с соответствующими документами и добрые советы.